

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

3 2044 022 731 954

Stan 283.2

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Mikhail Ivanovitch Semevski.
М. И. Семеновскій. Очерки и рассказы изъ русской исторіи XVIII в.

II
СЛОВО И ДѢЛО!

1700—1725.

Тайная канцелярія при Петрѣ Великомъ. — Самуилъ
Выморковъ, проповѣдникъ явленія антихриста. — Камеръ-
фрейлина Гамильтонъ. — Петръ I-й какъ юмористъ.

SEMEVSKI

Изданіе третье, вновь пересмотрѣнное.

„SLOVO I DELO“

1967
68

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатеp. ком., № 78.

1885.

Узданіе редакціи журнала „Русская Старина“.

SKV 883.2

v

1883

Publication - Feb

Mikhail I. Semevski,
Sketches and stories from Russian
History of the XVIII. century.

Word and Seed!

1700 — 1725.

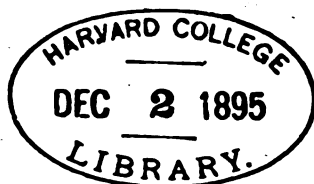
The Secret Cabinet of Peter the
Great. Samuel Vymorkof,
preacher of the arrival of the
Anti-christ. Chauchers Maid of
Honor Hamilton. Peter
I. as Humorish.

3rd, revised edition

St Petersburg 1885

Edition of the periodical "Russkaya
Sharika."

Slav 883;2

Prof. F. J. Child

Историч. зап., т. 78.
1898

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе изд-ред. журнала „Русская Старина“.	V—VII
I. Тайная канцелярія при Петрѣ Великомъ въ 1720—1725 гг.	1—124

„Слово и дѣло!“

I. Введеніе	3
II. Цесарскіе корабли	10
III. Необычайный поклонъ.	12
IV. Новый титулъ.	17
V. Волобитство полицейскаго	20
VI. Нѣжная укоризна	22
VII. Царевъ указъ.	25
VIII. Холодъ царевича Алексѣя	26
IX. Непристойное желаніе.	30
X. Таинственныя литеры	33
XI. Небесное видѣніе.	37
XII. Клинкуши	43
XIII. Прапорщикъ Скобѣевъ.	48
XIV. На дворянской пирушкѣ	51
XV. Портной царевича Алексѣя	53
XVI. Школяры	53 —
XVII. Двойни царьцы Натальи	65
XVIII. Многолѣтіе Екатерины Алексѣевны	77

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН
XIX. Богохульникъ	80
XX. Книжмора	87
XXI. Шведъ-вѣдунъ	90
XXII. Колодникъ	96
XXIII. Боярская толща	99
XXIV. Антихристъ	107
II. Самуилъ Выморковъ, проповѣдникъ явленія въ Россіи антихриста въ 1722—1725 гг.	125
III. Камеръ-фрейлина Марія Даниловна Гамильтонъ, † 14-го марта 1719 г.	185
IV. Сны Петра Великаго, 1714—1719 гг.	271
V. Петръ Великій какъ юмористъ, 1700—1725 гг.	279
Приложенія къ этому очерку:	
I. Свадьба князь-панн Петра Ивановича Бутур- лина въ Москвѣ, въ январѣ 1714 г. Разсказъ Ив. Ив. Голикова	321
II. Удостовереніе въ годности панн въ IX—XII вв.	330
III. Письма архи-игуменни Ржевской, 1708—1717 гг.	332
IV. Просьба дьяка Протопопова о небытіи въ маска- радѣ, 1722 г.	335
V. Петръ Великій въ его толкованіяхъ заповѣдей, а также о ханжествѣ и лицемеріи	336
VI. Покушеніе на жизнь Петра Великаго, 1720 г.	339

Въ настоящей книгѣ собраны историческіе очерки и рассказы изъ эпохи Петра Великаго, составленные нами болѣе двадцати четырехъ лѣтъ тому назадъ, именно въ 1860—1862 гг.

Всѣ эти статьи тогда же были напечатаны въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, каковы: „Отечественныя Записки“ изд. А. А. Краевского, „Время“ изд. М. М. и О. М. Достоевскихъ, „Свѣточъ“ изд. Д. И. Калиновскаго и А. П. Милюкова, „Вѣкъ“ изд. А. В. Дружинина, К. Д. Кавелина и П. И. Вейнберга, „С.-Петербургскія Вѣдомости“ изд. В. О. Корша, „Русская Рѣчь“ изд. Евгенія Туръ и „Иллюстрація“ изд. г. Баумана.

Если настоящіе очерки и рассказы не утратили и по истеченіи двадцати четырехъ лѣтъ своего значенія и интереса, то, главнымъ образомъ, потому, что всѣ они составлены по подлиннымъ, до того времени неизданнымъ документамъ. Матеріалы эти суть бумаги Тайной Розыскныхъ дѣлъ Канцеляріи времени Петра Великаго, болѣе ста лѣтъ хранившіяся въ Петропавловской крѣпости въ С.-Петербургѣ, но при императорѣ Николаѣ Павловичѣ перенесенныя, по его волѣ, въ Государственный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ зданіе главнаго штаба, и разобранныя по картонамъ подъ ближайшимъ наблюденіемъ графа Дмитрія Николаевича Блудова.

Взявъ въ основаніе нашихъ очерковъ архивный матеріалъ, передавая его съ невозможно болѣею точностью, мы старались обставить его всѣми данными, какія нашли въ печатной исторической литературѣ до 1860-хъ гг., русской и иностранной, относительно времени императора Петра Великаго.

Читатели, конечно, замѣтятъ легкое, живое изложеніе, быть можетъ не всегда соотвѣтствующее серьезности предмета, о которомъ мы повѣствуемъ въ томъ или другомъ очеркѣ. Это явленіе объясняется какъ молодостью автора (23 года) въ то время, когда писались настоящіе очерки, такъ и увлеченіемъ—явить къ которому протестъ противъ той сухой и напыщенной фразировки, которою отличались покойные академикъ Николай Герасимовичъ Устряловъ и его предшественники И. И. Голиковъ, даже Н. А. Полевой и проч. лица во всѣхъ тѣхъ статьяхъ и книгахъ, въ которыхъ трактовали они о Петрѣ Великомъ, размазывая этотъ историческій, истинно величавый, образъ такими бѣлилами и румянами, въ которыхъ онъ вовсе не нуждался, да никогда и не будетъ нуждаться.

Превосходный трудъ С. М. Соловьева о Петрѣ I и эпохѣ преобразованія Россіи не существовалъ еще, когда мы углубились въ изученіе преимущественно бытовой исторіи времени царя Петра Алексѣевича.

Съ тѣхъ поръ, когда настоящіе наши очерки были впервые напечатаны,—явилась, кромѣ труда С. М. Соловьева, цѣлая литература, болѣе или менѣе важныхъ по значенію и интересу, книгъ, монографій, очерковъ, цѣлыхъ сборниковъ матеріаловъ, посвященныхъ изученію Петра Великаго и его царствованія.

Много данныхъ, въ этомъ отношеніи, представилъ, въ ряду прочихъ изданій, и нашъ историческій журналъ „Русская Старина“ въ пятнадцать лѣтъ его изданія, съ 1870 по 1884 г. включительно.

Все это дало бы намъ возможность восполнить настоящіе наши очерки и рассказы, но мы воздержались отъ дополненій.

Мы удовольствовались только пересмотромъ и исправленіемъ нѣкоторыхъ, впрочемъ немногихъ, замѣченныхъ нами погрѣшностей. Намъ жалъ было отнимать у нашихъ рассказовъ именно тотъ особый колоритъ, которымъ они отличаются и который, быть можетъ, и незаслуженно привлекъ къ нимъ въ свое время вниманіе многихъ читателей настолько по крайней мѣрѣ, что мы даже въ послѣдніе годы получили много писемъ отъ подписчиковъ „Русской Старины“

ПРЕДИСЛОВІЕ.

съ выраженіями пожеланій видѣтъ наши историческіе очерки и рассказы 1860-хъ годовъ собранными въ новомъ и отдѣльномъ изданіи.

Въ удовлетвореніе этихъ пожеланій мы выпустили въ свѣтъ, въ 1883 году, изданіе книги „Царица Прасковья“, 1664—1723 гг., а затѣмъ представили сборникъ нашихъ-же историческихъ очерковъ и рассказовъ изъ эпохи Петра I-го подъ заглавіемъ: „Слово и дѣло“.

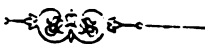
Впослѣдствіи времени надѣемся представить и остальные наши историческіе труды изъ области русской исторіи XVIII вѣка, подготовившіе насъ къ изданію „Русской Старины“, посвященной, почти исключительно, изученію отечественной исторіи послѣднихъ трехъ столѣтій.

С. Мережко. 5-го сентября 1883 г.

Изданная нами въ концѣ 1883 г. настоящая книга нашихъ очерковъ и рассказовъ изъ русской исторіи XVIII-го вѣка „Слово и дѣло“—разошлась сполна, до послѣдняго экземпляра, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. — По требованію многихъ изъ подписчиковъ „Русской Старины“, мы напечатали нынѣ эту книгу третьимъ изданіемъ. Оно выходитъ въ свѣтъ безъ всякихъ, противъ второго изданія, переѣмъ, съ тѣмъ лишь однако, что многіе подлинныя документы, въ ней напечатанные, весьма тщательно вновь свѣрены съ подлинниками; замѣченныя описки и типографскія погрѣшности исправлены; такъ въ особенности провѣрены съ подлинниками письма, замѣтки и разные собственноручныя наброски Петра Великаго, см. стр. 298—320 и друг.

Михаилъ Семевскій.

Спб. 1 го февраля 1886 г.

Изданія „Русской Старины“:

„Русская Старина“ 1870 г. въ трехъ изданіяхъ; послѣднее изд., въ трехъ систематическихъ томахъ, вышло въ 1875 г. Спб. 8 д., томы I и II.

„Русская Старина“ 1871 г. Спб. 8 д., томы III и IV.

„Русская Старина“ 1872 г. Спб. 8 д., томы V и VI.

„Русская Старина“ 1873 г. Спб. 8 д., томы VII и VIII.

Приложенія къ этихъ четырехъ годамъ „Русской Старины“ составляютъ „Записки Андрея Тимофеевича Болотова, 1738—1796 гг.“, 29 частей, въ четырехъ томахъ.

„Русская Старина“ 1874 г. Спб. 8 д., томы IX, X и XI.

„Русская Старина“ 1875 г. Спб. 8 д., томы XII, XIII и XIV.

Приложеніе къ этому году составляютъ „Записки генерала Манштейна о Россіи“, 1727—1744 гг., переводъ съ подлинной рукописи.

Примѣчаніе: „Русская Старина“ 1870 г. (первыя два изданія), 1871—1875 гг., а также Записки Болотова и Манштейна разошлись сносно до послѣдняго экземпляра.

„Русская Старина“, каждый годъ въ трехъ томахъ, 1876 г., изд. первое и второе; 1877 г., 1878 и 1879 гг., томы XV—XXVI.

„Русская Старина“ 1880 г., втор. изд., томы XXVII—XXIX.

„Русская Старина“ 1881 г., въ трехъ томахъ, XXX—XXXII.

Приложеніе къ изд. 1881 г. составляютъ „Записки Семена Андреевича Порошина“, 1764—1766 гг.

„Русская Старина“ изданіе 1882 г., тт. XXXIII—XXXVI.

„Русская Старина“, изданіе 1883 г., тт. XXXVII—XL.

„Русская Старина“, изданія 1884 г. и 1885 г., каждое въ четырехъ томахъ, XLI—XLVIII.

М. И. Семеvскій. Очерки и рассказы изъ русской исторіи XVIII вѣка. Книга I-я: „Царица Прасковья“, 1664—1723 гг. Изданіе второе, исправленное и дополненное, съ портретомъ царицы Прасковьи, отпечатаннымъ красками. С.-Петербургъ, 1883 г., въ 8-ю д., стр. 256. Цѣна два руб. съ пересылкой. (Напечатано 3000 экз., осталось немого экзempl.).

М. И. Семеvскій. Очерки и рассказы изъ русской исторіи XVIII вѣка. Книга II-я: „Слово и дѣло“, 1700—1725 гг. Изданія второе и третье, 8 д., стр. VI+344. Цѣна два руб. съ пересылкой. (Напечатано 2600+2400 экз.).

М. И. Семеvскій. Очерки и рассказы изъ русской исторіи XVIII вѣка. Книга III-я: „Царица Катерина Алексѣевна, Анна и Виллизъ Монсъ“, 1690—1724 гг. Спб. 1884 г., съ портретами и рисунками. Цѣна 2 р. 50 к. (Напечатано 4000 экз.).

ТАЙНАЯ КАНЦЕЛЯРІЯ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ

1720—1725 гг.

„Слово и дѣло!!“

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

11. 257 12. 258

1. *Chlorophyll a* (Chl a) and *Chlorophyll b* (Chl b) are the two main photosynthetic pigments in green plants. They are responsible for capturing light energy and converting it into chemical energy through the process of photosynthesis. Chl a is the primary pigment, while Chl b acts as an accessory pigment, transferring energy to Chl a.

ТАЙНАЯ КАНЦЕЛЯРІЯ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

„Слово и дело!“

I.

Вершения дѣла Розыскныхъ дѣлъ Тайной Канцеляріи (полное развитіе которой, безспорно, принадлежитъ Петру Великому) представляютъ неисчерпаемый драгоцѣннѣйшій матеріалъ для знакомства съ духомъ времени, съ законодательствомъ его эпохи, съ сподвижниками великаго монарха, а главное—съ обществомъ, съ русскими людьми того времени.

Въ самомъ дѣлѣ, за громкими и славными побѣдами Петра, за дивнымъ основаніемъ пышнаго города на тряскихъ болотахъ, въ пыли, поднявшейся при ломкѣхъ всего стараго, за пристройками и постройками новаго зданія, пышными декораціями всевозможныхъ учрежденій, пересаженныхъ съ иноземной почвы, мы рѣшительно не видимъ того народа, ради котораго дѣлалось все это.

Гдѣ же онъ, съ своимъ своеобразнымъ взглядомъ на вещи? Что не слышать его толковъ и разсужденій по поводу преобразованій? Какъ принимаетъ онъ тотъ, либо другой указъ, что толкуетъ онъ объ этомъ нововведеніи, о начатой войнѣ, о заключенномъ мирѣ, о казняхъ стрѣльцовъ, о заточеніи царицы Авдотьи, о казни царевича Алексѣя, о лютыхъ истязаніяхъ сотенъ людей, его явныхъ и тайныхъ сторонниковъ и согласниковъ? Какъ принимаетъ этотъ народъ указы о перемѣнѣ одеждъ, правовъ и обычаевъ, освященныхъ давностью и духовными властями? Какъ принимаетъ этотъ народъ вѣсти о неудачахъ царскихъ, о его немощи; насколько онъ понимаетъ его великія идеи, насколько сочувствуетъ имъ!...

Находимъ ли мы отвѣты на нескончаемый рядъ подобныхъ вопросовъ хоть у кого-нибудь изъ длинной фаланги писателей о Петрѣ и петровской эпохѣ? Заглянемъ въ сочиненія Крекшина, въ дневники и записки Нащокина, Гордона, Гизена, Желябужскаго, Корба, Неплюева, въ сочиненія и записки Бергмана, Галеа, Шотлея, Мовильона, Теофана Прокоповича, Рабенера, Туманскаго, Катифора, Теодози, Коха, Шелля, въ достопамятныя сказанія Штелина, въ толстые томы Голикова, Устрялова, въ рассказы Вольтера, Леклерка, Левека, Полеваго... Ну, да пересмотрите хотя всѣ сочиненія о Петрѣ, какія только собраны (а ихъ нѣсколько шкафовъ) посвященнымъ начальствомъ Императорской Публичной Библіотеки. Что-жъ? Много ли вы найдете въ нихъ отвѣтовъ на наши вопросы? При вашемъ пересмотрѣ, вы найдете болѣе или менѣе искусныя рассказы о дипломатическихъ сношеніяхъ дворовъ, о походахъ, битвахъ, осадахъ, о постройкахъ крѣпостей, городовъ, о путешествіяхъ, празднествахъ, увеселеніяхъ, нерѣдко о всякаго рода казняхъ, наконецъ, зачастую встрѣтите длинныя разсужденія авторовъ о правахъ, объ обществѣ того времени, о важности либо вредѣ того или другого указа. Большинство этихъ творцовъ записокъ, разсужденій, исторій, обзоровъ, новѣствованій, взглядовъ и т. п. произведеній падаетъ во прахъ предъ великимъ преобразователемъ, съ умиленіемъ лобызаетъ его державную руку, дивится его генію, превозноситъ его величіе... меньшинство же пускается въ насмѣшки, доходящія до брани, нерѣдко и на чемъ не основанной.

За всѣмъ тѣмъ, вы почти нигдѣ не видите русскаго человѣка петровскаго времени. Мало того, вы не видите даже главныхъ дѣятелей эпохи иначе, какъ либо поставленныхъ на высокія ходули, такъ что шапка валится съ головы, при одномъ взглядѣ на „сѣмъ знатныя персоны“, либо персоны эти брошены въ грязь, такъ что на нихъ не видать лица человѣческаго...

Но оставьте великихъ людей.—Для нихъ есть историкъ искусный, патентованный... нѣтъ, мы хотимъ ограничиться людьми „подлой породы“; мы хотимъ сойтись сколь возможно ближе съ мелкими людьми того времени. Вѣдь эта мелочь, эта забытая историками толпа—основаніе картины, вѣдь безъ нея она мертва, она не имѣетъ смысла!...

Ряди этого знакомства, мы поспѣвшимъ зайти въ калейку тогдашняго затворника, пройдемъ путемъ-дорогой со странникомъ да

странницей въ дальнюю пустынь, побесѣдуемъ съ отцемъ-монахомъ о грозныхъ небесныхъ знаменіяхъ, о тайныхъ видѣніяхъ, смущающихъ его и на яву, и во снѣ... Пошепчемся „безъ утайки“, тѣмъ не менѣе за затворенною дверью, съ боязливымъ оглядомъ, со старикомъ-раскольникомъ о нѣмецкомъ оборотнѣ, о томъ, что пришелъ антихристъ, что рушить и валить онъ все направо да налево—и близится, близится паденіе матушки-Руси, а съ ней и всего грѣшнаго міра... А вотъ кабакъ,—то „царское кружало“. На многихъ изъ нихъ мы видимъ портретъ великаго монарха; ни же пройдемъ мимо пріюта радости и горя русскаго человѣка. Не кобрегаемъ. Сядемте, да выпьемте кружку хмѣльнаго нивца, либо стаканчикъ винца... Не бойтесь, мы не потеряемъ время; вотъ этотъ мужичекъ сообщитъ намъ, „подъ утайкой“, весьма важную новость: пришли-моль тучи тучей цесарскіе корабли, требуютъ-де они либо великаго князя, либо измѣнниковъ, погубившихъ царевича (см. далѣ II-й разск.); а то вотъ и хохолъ, простодушный малороссъ, чокнемся съ нимъ—онъ поговоритъ о новомъ титулѣ, принятомъ государемъ, объ императорѣ всероссійскомъ, досконально объяснитъ свой взглядъ на этотъ предметъ (IV-й разск.).

Вотъ ссорятся пьяный мужъ съ женой (VI-й разск.); бранится „велими шумный“ подъячій (VII-й разск.); оретъ подгулявшій старецъ, отецъ Антоній (IX-й разск.); кричитъ слово и дѣло! солдатская женка Ирина (V-й разск.); въ тиши ночной, на нарахъ, ведутъ зазорный разговоръ „школяры“, представители тогдашней учащейся молодежи (см. далѣ XVI-й разск.), и проч. и проч. и проч. Остановитесь, послушаемъ. Они пьяны, говорятъ „внѣ ума“; но вѣдь не даромъ же сложилась на Руси пословица: „что у пьянаго на языкѣ, то у трезваго на умѣ“. Не даромъ же ведутъ ихъ за тѣ рѣчи „непотребныя“ въ вертепы Розыскихъ дѣлъ Тайной Канцеляріи... Если бы никто не находилъ въ тѣхъ словахъ смысла и значенія, зачѣмъ же вести болтуновъ на пытку, подъ кнутъ, на эшафотъ...

Кто же доставитъ намъ знакомство со всѣми этими людьми, до сихъ поръ почти всегда забываемыми изслѣдователями петровской эпохи?

— Вершения дѣла Розыскихъ дѣлъ Тайной Канцеляріи.

Доносы, подметныя письма, справки, отношенія, променоріи, частныя письма, допросы, показанія, очныя ставки, застѣночные документы, объявленія, приговоры,—что ни листъ въ нихъ, что ни страница, то, будьте увѣрены, новая черта для обрисовки нашей

картины.—Здѣсь мы найдемъ цѣлыя біографіи лицъ самаго разнообразнаго рода жизни, сословіи, возрастовъ и пола; здѣсь мы отищемъ рассказы объ обычаяхъ и повѣрьяхъ этихъ людей, отсюда узнаемъ ихъ задушевные мысли, ихъ скорби о прошедшемъ, негодованье на настоящее, затаенныя надежды на лучшее будущее...

А это что за люди, по другую сторону? Предъ кѣмъ стоятъ наши новые знакомые, наши рассказчики?

Тѣ люди—важные сановники, то сподвижники Преобразователя. Они передовые люди,—имъ выпала слава и честь вести впередъ дорогую отчизну. Но здѣсь не подходите къ нимъ, не кѣсайте—они заняты дѣлами, не тогдашнему воззрѣнію, первой важности... Въ этихъ мрачныхъ и затхлыхъ застѣнкахъ они допрашиваютъ, они записываютъ показанія, они грозятъ подсудимымъ, они весело болтаютъ межъ собой, они розыскиваютъ о государственныхъ противностяхъ...

Тсъ... Тшше... Слышите эти вопли?—Кого-то пытаютъ... Выидемъ поскорѣй на чистый воздухъ, да и кстати поговоримъ о допросахъ съ пристрастіемъ.

Последнее время¹⁾ въ различныхъ историческихъ розысканіяхъ, съ легкой руки академика Устрялова и съ его тяжеловѣснаго VI-го тона „Исторіи царствованія Петра“, мало по малу начали обнажаться темные углы, мрачныя стороны великаго царствованія. До сихъ поръ ослѣпленные блескомъ всего великаго, геніальнаго, свѣлаго, героическаго въ дѣяніяхъ Петра Великаго, мы (говорю о нѣкоторыхъ) съ отвращеніемъ стали приглядываться къ изнанкѣ этихъ дѣяній, и, не успѣвъ еще хорошенько приглядѣться, испугались и закричали: къ чему это, для чего, что пользы въ томъ, что намъ стали рассказывать, да показывать! Вотъ, напримѣръ, пытки—для чего намъ знать, что онѣ были, для чего рассказами объ этихъ звѣрствахъ—класть пятно на великое имя, на славное время? Развѣ въ другихъ государствахъ было лучше?... развѣ... и т. д.

О пользѣ изслѣдованій, не обходящихъ темные углы исторіи, мы не станемъ трактовать; это увлекло бы насъ слишкомъ далеко, да и мы, по обыкновенію обѣгая голословныя разсужденія, свѣшимъ перейти къ фактамъ,—къ цѣли и содержанію настоящихъ очерковъ; но не можемъ обойти последней замѣтки: мы не понимаемъ почему

¹⁾ Писано въ 1860 г.

именно въ пыткахъ находятъ какой-то упрекъ времени, лицамъ, обществу, а прежде всего — упрекъ Петру? Для чего отворачиваться отъ страшныхъ подробностей и упрекать тѣхъ, кто по мѣрѣ силъ и возможности рѣшается приподнять доселѣ опущенную надъ ними завѣсу? Вѣдь рано или поздно надо же будетъ узнать истину; вѣдь изъ того, что дѣйствительно было — ничего не выкинешь. Для чего же только внукамъ да правнукамъ нашимъ предоставить право знать историческую истину петровской эпохи во всей ея наготѣ, а самими закрыть глаза и наивно повторять высокопарныя, надутыя фразы историковъ? — Неужели же полтора столѣтія протекшихъ лѣтъ мало, чтобы дерзнуть, наконецъ, страхнуть пыль съ прошедшаго?... Пытки... Пытки были неотъемлемою принадлежностью тогдашнихъ судопроизводствъ; были онѣ въ Россіи, и еще утонченнѣе, если хотите, еще ужаснѣе были въ Европѣ. Осуждать за нихъ Петра Великаго — все равно, что осуждать его за то, что онъ не имѣлъ того гуманнаго взгляда на человѣческое достоинство, какое явилъ Александръ I, обнародывая 27 сентября 1801 года знаменитый указъ противъ пытокъ.

Точно также негодовать на сподвижниковъ Петра — все равно, что желать, чтобы князья Ѳеодоръ Юрьевичъ и Иванъ Ѳеодоровичъ Ромодановскіе, Петръ Андреевичъ Толстой, гг. Скорняковъ-Писаревъ, Андрей Ивановичъ Ушаковъ съ товарищи, дѣятели 1700-хъ годовъ, походили бы на Мордвинова, Сперанскаго, Строгановыхъ, Воронцовыхъ (Семена Михайловича и Михаила Семеновича), Кочубя, Н. Румянцева, Новосильцева, Витгенштейна, А. Шишкова и другихъ доблестныхъ сподвижниковъ Александра I-го. Притомъ петровскія пытки были игрушками противъ тѣхъ разнообразнѣйшихъ истязаній, какія выработала цивилизованная Европа... Изъ слѣдующаго документа прошлаго столѣтія совершенно ясно видно, какъ немногосложенъ былъ „обрядъ, како обвиненный пытается“. Обрядъ этотъ былъ у насъ во всей силѣ въ продолженіи всего XVIII вѣка до временъ Александра I-го.

ОБРЯДЪ КАКО ОБВИНЕННЫЙ ПЫТАЕТСЯ¹⁾.

„Для пытки приличившихся взлодѣйствахъ, здѣлано особливое мѣсто, называемое застѣнокъ, огороженъ полнсадинкомъ і покрытъ для того, что при пыткахъ бывають судьи и секретарь, и для за-

¹⁾ Мы приводимъ этотъ документъ буквально изъ дѣлъ Тайной Канцеляріи, 1735—1754 гг., карт. XVII, № 9.

писти пнточныхъ речей подъечей; і, въ силу указу 742-го году, велено, записавъ пнточные речи, крѣпить судьямъ, невыхода изъ-стенка.

Взастенке же для пытки здѣлана дыба, состоящая втрехъ столбахъ, іскоторыхъ два вкопаны вземлю, а третьей сверху, поперегъ.

І когда назначено будетъ для пытки время, то катъ или палачъ явится долженъ взастенокъ с своими инструментами, а оны естъ: хомутъ шерстяной, хкоторому пришта веревка долга; кнутъ, і ремень, которыми пытанному ноги связываютъ.

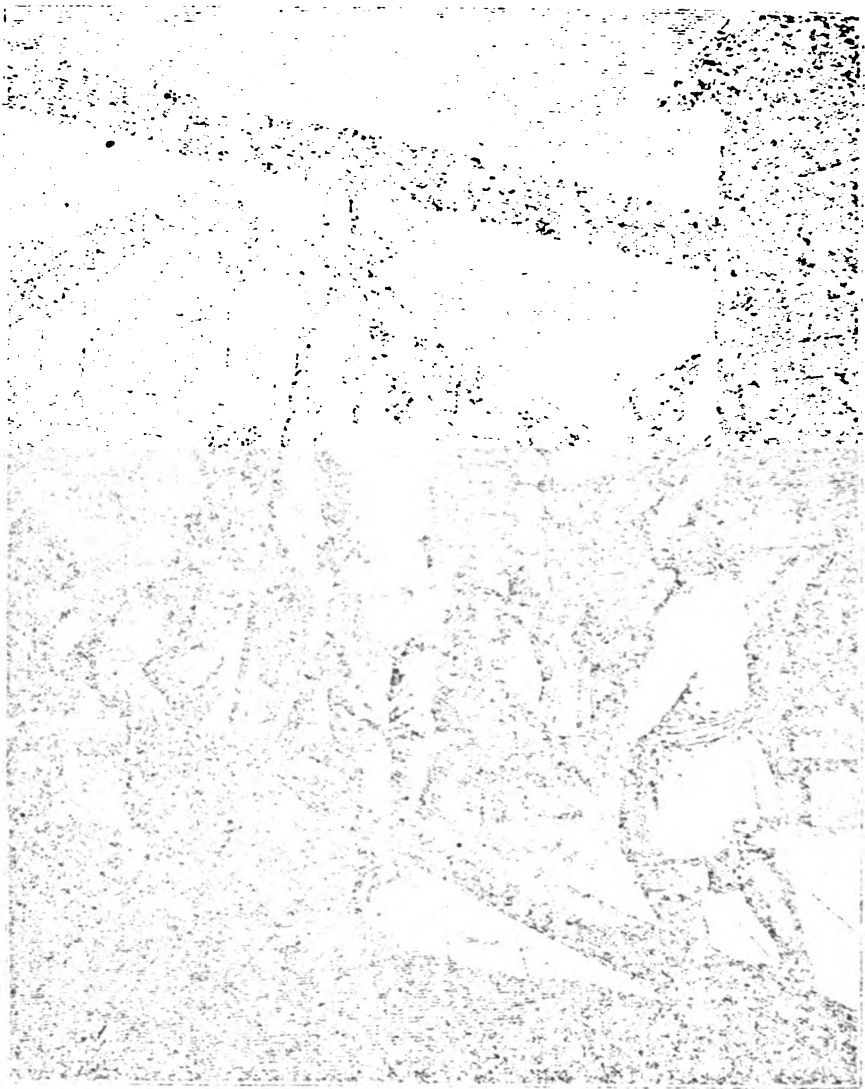
По приходе судей въ застенокъ і по разсужденіи въ чемъ подлежащаго к пыткѣ спрашивать должно, приводитца тотъ, котораго пытать надлежитъ, і от караульнаго отдаецца палачу; которой долгую веревку перекинетъ чрезъ поперечной в дыбѣ столбъ і взявъ подлежащаго к пытке, руки назадъ заворотитъ, і положа ихъ вхомутъ, чрезъ приставленныхъ для того людей встативается, дабы пытаной на земле не стоялъ. У котораго руки і выворотитъ совсемъ назадъ, і онъ на нихъ виситъ; потомъ свяжетъ показаннымъ выше ремнемъ ноги, і привязываетъ к здѣланному нарочно впереди дыбы к столбу; і растянувши снмъ образомъ, бьетъ кнутомъ, гдѣ и спрашивается о злодѣйствахъ і все записывается, что таковой сказывать станеть.

Естьли-жъ іс подлежащихъ к пытке такой случитца, которой ізобличается во многомъ злодѣйствѣ, а онъ запирается, і по дѣлу обстоятельства доказываютъ его к подозрѣнію, то для изысканія істины употребляются нарочно:

1-е тиски, здѣланныя із желѣза в трехъ полосахъ с винтами, в которые кладутся злодѣя персты сверху большія два із рукъ, а внизу ножныя два; и свичиваются от палача до техъ поръ, пока іли повинится, іли не можно будетъ больше жать перстовъ і винтъ не будетъ дѣйствовать.

2-е наложя на голову веревку і просунувъ кляпъ і вертять такъ, что оной ізумленнымъ бываетъ; потомъ простригаютъ на голове волосы до тѣла, і на то мѣсто льютъ холодную воду только что кочти по капле, от чего также въ ізумленіе приходитъ.

3-е при пыткѣ, во время таково-жъ запираательства і для изысканія істины, пытанному, когда виситъ на дыбѣ, кладутъ между ногъ на ремень, которымъ они связаны, бревно і на оное палачъ становится за тѣмъ, чтобъ на виске потянуть его, дабы болѣе істязанія чув-

THE JUNE 1968 - 1970
THE JUNE 1971

THE JUNE 1971 - 1972

лишь литочные речи водорезей; i, въ силу чего 712-го года, вѣсно, записавъ литочныя речи, вѣрнѣе судить, нежели по ка-
стоу.

Взвешенные же на лопатки забланы дубом, состоящая из веревки, стоя-
белки, некоторый из ее концов привязан, а другой сверху, изогнутый.

і кожен развінчений б'удеться для певних цілей, то коли їм не
дають звичайного догляду, як істотною є зброєю в історії, історично, а зброю
єсть: добути матеріально, якусь певну кількість, історично, історично.

[illegible]

Были-же в подзаголовке и слова: "такой случай", который исключается во всяком издании, и это зачеркнуто. В то время обстоятельства доказывают его с подкреплением, то для изменения книги употребляется выражение:

[illegible]

2. На всяком изъ этихъ мѣстъ, въ случаѣ нужды, и вертеть такъ, что одной изъ упомянутыхъ благодѣйствъ простирается на то-гоже мѣста до сѣва, и на то мѣсто львовъ до наступленія воды, такъ что воды не падаетъ отъ него гуще, чѣмъ иудейскіе приказы.

В-е при этом в то время гласно-же заиратеиства і рѣшительна
итины, пишешому, когда влестъ на дубы, кладутъ между ними на
реченья, которыя они слышатъ, браню і на оное начало съобщаютъ
а тѣмъ, чтобъ на рече, потянутъ его, дабы болѣе истощил чув-

ВИСКА ИЛИ ДЫБА ВЪ РОССІИ
ВЪ XVIII ВѢКѢ.

М. Н. СЕМЕНСКІЙ: «Слово и Дѣло», изд. ТРЕТЬЕ.

ПОЛНОЕ ПЕРВОЕ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 4 ФЕВРАЛЯ 1885 Г.

ЭКСПЕДИЦИЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

ствоваѣ. Есть ли же і потому істинн показывать не будетъ, син-
ная пытаннаго з дыбн правать руки, а котонъ олатъ на дыбу
такимъ же образомъ поднимають для того, что і чрезъ то боли бы-
ваетъ больше.

Хотя по законамъ положено только три раза пытать, но когда
случится пытанной на второй или на третьей пытке речи переменить,
то еще трижды пытается.

І есть ли переговаривать будетъ в трехъ пыткахъ, то пытки
употребляютьца до тѣхъ поръ, пока с трехъ пытокъ одина-
ковое скажетъ, ібо сколькобъ разъ пытанъ ни былъ, а есть ли
в чемъ нибудь разнить в показаніяхъ будетъ, то въ утвержденіе
долженъ еще три пытки вытерпѣть; а котонъ і огонь такимъ
образомъ: палачъ, отвязавъ привязанныя ноги от столба, вися-
чего на дыбе растянетъ і зажегши веникъ с огнемъ водить по спине,
на что употребляютца вениковъ три или больше, смотря по обстоя-
тельству пытаннаго.

Когда пытки окончатся і пытаной подлежатъ будетъ по винамъ
ссылки на каторгу, то при посылке от палача вырываются поздри
здѣланными нарочно клещами. Есть ли же которые подлежатъ смерт-
ной казни, то і таковыхъ, в силу указовъ, до будущаго о дѣйстви-
тельной казни опредѣленія, велено ссылать на каторгу жъ, а при
посылке также поздри вырезаются. І сверхъ того особливими при-
сланными степелями на лбу і на щекахъ кладутся знаки (воръ:) в
техъ же степеляхъ набиты желѣзныя острыя спицы словами, і
ими палачъ бьетъ в лобъ і щоки, і натираетъ порохомъ, і от того
слова видны бываютъ“.—

Нечего и говорить, что каждый порадуется тому, что нынѣ
нѣтъ ни этихъ истязаній, ни вырыванія поздрей, ни татарскаго
обычая брить головы, ни кнутовъ, ни нещаднаго сѣченія батогами,
уменьшилось употребленіе клеймъ, плетей и шипцрутенковъ¹⁾...

Но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы, восхваляя настоящее, умачи-
вать о прошедшемъ? Только тогда и хорошо настоящее, только
тогда и цѣннымъ мы его свѣтлыя стороны, когда знаемъ тотъ исто-
рическій процессъ, какими онѣ выработались, когда знаемъ темныя
стороны доброй старины ..

¹⁾ Писано въ 1860 г., то есть до Высочайшаго указа императора Але-
ксандра II-го, 1863 г., освободившаго Россію отъ тѣлесныхъ наказаній.

Слово и дѣло! Обращаясь къ нему. Мы не имѣемъ въ виду разсматривать юридически этотъ обычный обвиненій въ государствен-ныхъ преступленіяхъ; въ настоящихъ очеркахъ мы только хотимъ познакомить нашихъ читателей съ фактами, возникшими изъ слова и дѣла! Изъ множества дѣлъ мы выбрали эпизоды небольшіе по объему, но довольно интересны по содержанію и дѣйствующимъ въ нихъ лицамъ.

II.

Цесарскіе корабли ¹⁾.

Продолжительная борьба съ Швеціей сильно утомила народъ и войско; всѣ съ нетерпѣніемъ ждали мира, и отъ Петербурга до дальнихъ странъ сибирскихъ всѣ толковали, каждый по своему, о тягостяхъ войны, о времени заключенія мира, объ условіяхъ, на которыхъ онъ можетъ быть заключенъ, и проч. Нечего и говорить, что на подобныхъ толкахъ и пересудахъ, совершенно впрочемъ невинныхъ, отпечатывались воззрѣнія простодушныхъ и суевѣрныхъ простолюдиновъ, тѣмъ не менѣе и они, проникая въ „Тайную Канцелярію“, вызывали аресты, допросы и штрафованья говорунцовъ: „не толкуй-моль, не твое дѣло, жди да молчи; что повелѣтъ, то и будетъ; не тебѣ вѣдь разсуждать“!...

Какъ ни велика была острота, а говоруны не унимались; жажда толковъ и новостей быстро распространялась.

Вотъ, напримѣръ, два собесѣдника... О чемъ они толкуютъ съ такимъ жаромъ? Подойдемъ, да послушаемъ.

— ...Куда-жъ ты ѣдешь? спрашиваетъ содержатель шинка Барышниковъ, нагнавъ по дорогѣ въ Помехонскомъ уѣздѣ слугу ингерманландскаго полка офицера—солдата Малышниковъ.

— Послалъ меня баринъ къ поручику нашего же полка, къ Кольчугину, въ село Погорѣлое.

— Зачѣмъ?

— А вотъ ѣду къ Кольчугину, для того, что намъ, по указу, велѣно идти въ Ревель...

¹⁾ Вершенна дѣла Р. Д. Т. К., в. XX, д. № 48.

— Вотъ что! стало быть опять же война, да страшеніе будетъ? (Разговоръ происходилъ лѣтомъ 1720 года).

— Ничего вѣдь не подѣлаешь, отвѣчалъ деньщикъ: пришли къ Кроншлоту цесарскихъ и шведскихъ девяносто кораблей, и просятъ у его царскаго величества бою; а буде-де бою не будетъ, такъ чтобъ отдали великаго князя. А буде его не отдадутъ, чтобъ отдали измѣнниковъ...

Между тѣмъ собесѣдники подѣхали къ селу Погорѣлому, да тѣе ѣхать было не по дорогѣ и разстались. — Барышниковъ, жалючи, что не успѣлъ разспросить, „какихъ измѣнниковъ возжелалъ нѣмецкій цесарь“, — проѣхалъ далѣе, въ село Богоявленское, на рѣку Шекену, гдѣ имѣлъ свой откупной кабакъ.

Для два спустя Барышниковъ отправился въ село Петровское, и по дорогѣ остановился перекусить въ подмонастырской Германовой слободкѣ.

Въ тамошнемъ кабакѣ встрѣтилъ онъ крестьянина Дмитрія Салтанова. Салтановъ былъ посланъ въ Галицкій уѣздъ, отъ Бергъ-коллегіи, розыскать мѣдную руду. Лицо, слѣдовательно, въ нѣкоторомъ родѣ административное. Барышниковъ весьма любезно предложилъ ему „выкушать“ пивца и, не утерпя, сталъ разтабаривать о политикѣ.

— Слышалъ ты, говорилъ Барышниковъ, что цесарскихъ сто кораблей пришли въ Кроншлотъ и просятъ у царскаго величества великаго князя, а потомъ и измѣнниковъ? Поэтому самому, сказываютъ, и миръ состоится!

— „Слово и дѣло!“ закричалъ въ отвѣтъ Салтановъ и, въ качествѣ лица довѣреннаго у нравительства, препроводилъ Барышникова въ Пошехонь, гдѣ и просилъ воеводу взять его подъ караулъ и допросить о противныхъ словахъ. Доноситель замѣтилъ при этомъ, что онъ не имѣлъ съ Барышниковымъ никакой ссоры и до настоящей бесѣды не былъ съ нимъ знакомъ.

Стольникъ и воевода Д. А. Бестужевъ-Рюминъ принялъ челобіе и поспѣшилъ снять допросъ въ присутствіи нѣсколькихъ чиновниковъ. — Болтунъ сознался во всемъ, сослался на деньщика, но отрекся отъ словъ: „поэтому самому и миръ состоится“. Барышникову казалось, что вина его уменьшится, если онъ отречется отъ этихъ словъ; съ этою же цѣлью онъ стоялъ на томъ, что вмѣсто 100 цесарскихъ кораблей нѣ было сказано 90.

Скинутый десятокъ не спасъ его отъ Тайной Канцеляріи: Барышникова заковали въ ножныя и ручныя кандалы и, какъ тяжкаго преступника, препроводили въ столицу, подъ крѣпкимъ карауломъ, съ донесеніемъ воеводы на высочайшее имя. Съ арестантомъ посланъ былъ и доноситель.

Передопросивъ обоихъ, Тайная Канцелярія не нашла нужнымъ отыскивать неизвѣстнаго деньщика, — первоначальнаго передатчика новости о цесарскихъ корабляхъ, но положила:

— „Крестьянину Ивану Барышникову за продерзостныя, непристойныя слова учинить жестокое наказаніе; вмѣсто кнута бить плетью и освободить съ проѣзднымъ листомъ до Пошехони“.

Въ этомъ эпизодѣ батоги замѣнились плетью. Наказаніе было строже, какъ кажется, только потому, что говорунъ-мужичекъ дерзнулъ намекнуть о великомъ князѣ, — вѣроятно, сынѣ злополучнаго царевича Алексѣя Петровича.

Любопытно, что Салтановъ, столь безкорыстно донесшій на Барышникова, обуреваемый страстью къ доносамъ, — сталъ дѣятельно подвизаться на этомъ поприщѣ; но при успѣхахъ неминуемо были и неудачи: въ 1723 году за ложный извѣтъ онъ былъ посланъ на каторгу и предоставленъ въ распоряженіе адмиралтейскаго вѣдомства. Не унялся онъ и здѣсь, крикнулъ слово и дѣло! на матроса Мѣшкова и по изобличеніи въ ложномъ, воровскомъ извѣтѣ, бить кнутомъ, потерялъ ноздри въ клещахъ палача и въ февралѣ 1724 г. сосланъ въ Сибирь, въ дальніе города, въ государеву работу вѣчно ¹⁾).

III.

Необычный поклонъ ²⁾).

27 іюня 1721 года, Петръ праздновалъ годовщину полтавскаго боя. Троицкая площадь, на Петербургской сторонѣ, служила мѣстомъ празднества. Въ обширной палаткѣ, съ алтаремъ внутри, собралось знатнѣйшее духовенство: литургія шла торжественно, вся площадь вибрировала въ гробовомъ молчаніи и стройное пѣнье боль-

¹⁾ Вершения дѣла Р. Д. Т. К., к. XVIII, д. № 20.

²⁾ Вершения дѣла Р. Д. Т. К., к. XXVIII, д. № 51.

шого хора далеко разносилось по улицамъ да пустырямъ Петербургской стороны.

Шагахъ въ пятидесяти отъ церкви стоялъ мужчина громаднаго роста—въ старомъ зеленомъ кафтанѣ, съ небольшими красными отворотами, поверхъ которыхъ была надѣта кожаная португеза; на ногахъ у него были зеленые чулки и старые изношенные башмаки, въ одной рукѣ палка, въ другой старая, поношенная шляпа. Гигантъ этотъ былъ полковникъ гвардіи, Царь Петръ Алексѣевичъ, въ томъ самомъ костюмѣ, въ которомъ разгромилъ Карла XII на поляхъ Полтавы.

Его окружали главные военачальники и офицеры гвардіи; далѣе въ строю, парадомъ, вытянуты были гвардейскіе полки. Государыня Екатерина Алексѣевна, а также вдовствующая царица Прасковья Федоровна, царевны и весь дворъ присутствовали на площади, а тамъ, за рядами гвардейцевъ, толпился народъ...

Этотъ день для Петра былъ вдвойнѣ радостенъ: въ пріятныхъ воспоминаніяхъ о славной побѣдѣ присоединилось удовольствіе встрѣчи съ герцогомъ голштинскимъ (будущимъ мужемъ старшей его дочери); государь давно ждалъ герцога, и тотъ, чтобъ доставить ему удовольствіе, пріѣхалъ какъ разъ въ годовщину полтавскаго боя.

Послѣ молебна, отпѣтаго съ колѣно-преклоненной площадью, при громѣ пушечной и ружейной пальбы,—государь пожелалъ похвалиться гвардіей предъ дорогимъ гостемъ, сталъ въ ея главѣ и съ музыкой, блестящимъ строемъ, повелъ ее по площади...

Заѣзжій гость былъ въ восторгѣ, народъ тѣснился со всѣхъ сторонъ полюбоваться на бравую гвардію великаго преобразователя.

Особенно пріятное впечатлѣніе парадъ произвелъ на мужичка-работника Максима Антонова. Еще предъ литургіей, ради полтавской побѣды, завернулъ онъ съ братомъ въ „австерію“, вынулъ винца денегъ на шесть, а по крѣпости и дешевизнѣ пѣвника выпитаго было достаточно, чтобъ „учиниться шумнымъ“.

„Шумнымъ“ явился мужичокъ и на площадь; солнышко припекло его обнаженную голову, пальба ошеломила, хмѣль сталъ бродить да туманить голову, и Максимъ пришелъ въ восторженное состояніе.

Заиграла музыка, двинулись полки. Мужикъ глядѣлъ на Петра, глядѣлъ на тѣлохранителей и до того умилился, что возжелалъ лично засвидѣтельствовать монарху свое искреннее къ нему расположеніе. Съ этою цѣлью, не слушая никого, ни на что не обращая

вниманія, Максимъ приблизился къ Петру—отвѣсилъ поклонъ „самый необычный“, тѣмъ не менѣе отъ полноты души, затѣмъ другой и третій...

Тѣлохранители скоро замѣтили человѣка, такъ странно выдѣлившагося изъ толпы, а еще скорѣе обратили вниманіе на небольшой ножикъ съ костяною ручкою, висѣвшій у него на пояскѣ. Человѣкъ съ ножикомъ — подходитъ къ государю, кланяется необычно, что это — не умыселъ ли какой? Слово и дѣло!

— „Схвати, возьми мужика подѣ караулъ“, закричалъ одинъ изъ адъютантовъ преображенскому солдату Аракчееву.

Дѣтина здоровый, Аракчеевъ отволокъ Максима; но мужичокъ заспорилъ, закричалъ и отъ „шумства“ — ударилъ преображенца по уху до крови. Тотъ сталъ отнимать ножъ, Максимъ и его отставалъ со всѣмъ пыломъ краснорѣчія кулаковъ; ихъ осилили гвардейцы. Максима связали и отдали подѣ караулъ.

Два дня спустя мы его видимъ предѣ грознымъ судилищемъ Тайной Канцеляріи.

Судилище поспѣшило познакомиться съ прошлымъ и настоящимъ преступника. Максимъ Антоновъ оказался крѣпостнымъ гвардіи прапорщика князя Черкаскаго; пріѣхалъ въ Петербургъ на баркахъ работникомъ, ходилъ по заработкамъ у купеческихъ людей и наконецъ нанялся въ адмиралтейство чистить пеньгу. Онъ разсказалъ, съ кѣмъ и когда пріѣхалъ, гдѣ и у кого работалъ, назвалъ хозяина той избы, гдѣ въ настоящее время съ другими работниками нанимаетъ уголь, и затѣмъ съ такою же опредѣленностью отдалъ отчетъ въ прожитыхъ деньгахъ ради полтавскаго праздника.

— „Необычнымъ же образомъ подходилъ я къ царскому величеству, говорилъ Максимъ, безъ всякаго умысла, только отъ единаго моего шумства. И дурно учинить персонѣ его царскаго величества неня никто не научалъ. Ножъ у меня, каялся чистосердечно Максимъ, давно висѣтъ на пояскѣ для употребленія къ пищѣ во время рабочей поры, а дрался ли съ кѣмъ, какъ брали меня подѣ караулъ, того за пьянствомъ не помню“.

Дѣло, кажется, было просто, но не для суровыхъ членовъ тайнаго трибунала: необычный поклонъ на площади, ножикъ на пояскѣ, хоть бы и такой невинный, какой былъ у Максима, все-таки въ нѣкоторомъ родѣ оружіе опасное... все это были обстоятельства противныя... Не было-ли тутъ умысла на персону? Не раскольниковъ-ли,

не фанатикъ-ли, не государственный-ли это злодѣй? Для разрѣшенія вопроса, дѣйствительно-ли онъ былъ пьянъ, потребовали показанія Аракчеева. Преображенецъ письменно засвидѣтельствовалъ, что пощечина Максима сокрушила его ухо до крови, а былъ-ли тотъ его съ пьяна или трезвый, того онъ не призналъ.

Привели къ допросу трехъ поденщиковъ, жившихъ вѣсть съ арестованнымъ. Козьминъ, Сергѣевъ и Ивановъ, одинъ за другинъ, повѣдали о мѣстахъ своей родины, родѣ занятій, времени переездовъ изъ города въ городъ и прочихъ обстоятельствахъ, только не пустой формальности внесенныхъ судьями въ допросные листы. Что касается до Максима, то сожители его отозвались, что живутъ съ нимъ около шести недѣль и въ это время видѣли его „весьма пьянымъ“ раза три; а въ хлѣбю, свидѣтельствовали мужички, онъ „здорливъ, бранить кого прилучится и насъ бранивалъ; ножикъ при немъ былъ постоянно и служилъ ему при употребленіи пищи, но ни въ какихъ другихъ случаяхъ тотъ ножикъ не бывалъ“.

Показанія работниковъ, разспрашиваемыхъ со всею осторожностью, порознь, не обличили однако ничего, чтобы могло обвинить Максима въ томъ, въ чемъ подозрѣвали его неумитные судьи. Дѣлать нечего — Козьмина, Сергѣева и Иванова на другой же день освободили.

— „А ты, Максимъ, вновь допрашивали судьи, — подъ опасеніемъ истязанія и потери живота, покажи все, что знаешь за собой, безъ утайки: ходишь-ли въ церковь, православія крѣпокъ-ли, какъ крестинься, кто былъ у тебя отецъ духовный, знаешь-ли ты грамоту?“

Эти вопросы были не пустая формальность: затрогивалась религіозность Максима, съ цѣлью извѣдать не фанатикъ-ли и не раскольникъ-ли онъ?

Ожиданія судей не оправдались.

— Я ушелъ отъ своего барина изъ Козельскаго уѣзда, отбѣчалъ Максимъ, тому лѣтъ восемь, вѣсть съ отцомъ, въ Москву. Ходилъ съ нимъ въ бѣгахъ по заработкамъ. Крещусь я трехперстнымъ сложеніемъ; въ церковь хожу, расколу не имѣю; исповѣдывался и причащался въ молодыхъ лѣтахъ, а послѣ того лѣтъ съ десять отца духовнаго не имѣлъ и грамоты не знаю.

Нѣтъ, все не то, не того нужно Петру Андреевичу Толстому съ товарищи. Имъ непремѣнно нужно открыть замыселъ, заговоръ,

иначе для чего-жъ учреждена Тайная розыскныхъ дѣлъ Канцелярія?

Привели помѣщика. Князь Егунъ-Черкасскій призналъ своего бѣглаго крестьянина, но объявилъ, что расколу за нимъ не вѣдасть.

Нечего дѣлать, коли никто не вѣдасть, такъ ровнымъ!

Максимъ въ застѣнкѣ, его раздѣли предъ орудіями пытки.

— А за что у тебя спина бита кнутомъ и жжена огнемъ и тобою розыскивано? спрашивали судьи, рассматривая сине-багровые рубцы и почерѣвлыя язвы на спинѣ Максима.

Въ ожиданіи отвѣтовъ — мужика поднимаютъ на дыбу: руки хрустятъ, вывертываются изъ суставовъ; кнутъ, по пословицѣ: „кнутъ не Архангелъ, души не вынетъ“, подновляетъ зажившія раны.

— „Бить я въ городѣ Почепѣ... показывается между криками и стономъ Максимъ, — въ бытность въ Украинѣ въ бѣгахъ, бить кнутомъ и жженъ съ шестью бурлаками... разбилъ съ ними пона Юскова... пыталъ насъ комендантъ Павловъ... А къ царскому величеству подходилъ конечно съ нѣня, самъ собою... безъ умыслу...“

Дано 17 ударовъ.

Новые поиски и справки. Нужно спросить почепскаго коменданта: правду-ли показалъ о первой пыткѣ Максимъ? Кстати, комендантъ оказался въ Петербургѣ — управляющимъ акцизной каморы.

Онъ объявилъ, что въ бытность свою въ Почепѣ перепыталъ такое множество всякаго рода людей, преступныхъ и оговоренныхъ по разнымъ дѣламъ, что о Максимѣ Антоновѣ положительно ничего не помнить.

Желаніе судей добраться до нити небывалаго заговора было такъ сильно, что необычно поклонившагося поденщика выдержали въ крѣпостномъ казематѣ пять мѣсяцевъ.

Въ теченіи этого времени — государь, по случаю ништадтскаго мира, иманнымъ указомъ изъ Сената въ Тайную Канцелярію (13-го сент. 1721 г.), повелѣлъ составить вѣдомость всѣмъ государственнымъ преступникамъ для того, чтобъ положить рѣшенія бо-
гѣе снисходительныя.

Не ранѣе, какъ черезъ мѣсяцъ Тайной Канцелярію удалось составить требуемую вѣдомость. За множествомъ номеровъ трудъ былъ не легкій. Между прочимъ былъ вписанъ сюда и Максимъ Антоновъ съ экстрактомъ изъ его „важнаго и противнаго дѣла“.

19-го октября 1721 г. государь, будучи въ Сенатѣ, толковалъ о необходимости составить милостивый манифестъ.

— „Понежѣ Всевышній, говорилъ Петръ, во время прошедшей тяжкой и долгой протяжной войны, такъ многократно побѣдами благословлять изволилъ и напоследѣ такой славный, и всему государству полезный миръ даровалъ; чего ради, я по достоинству исполнилъ: какъ-бы Ему въ показаніе своей благодарности, за толикую божію милость, какое милосердіе къ народу своему показать? Того ради, всемилостивѣйше разсудя, указалъ такимъ образомъ учинить: генеральное прощеніе и отпущеніе вѣнъ во всемъ государствѣ явить всѣмъ тѣмъ, которые въ тяжкихъ и другихъ преступленіяхъ, въ наказаніе впади или къ онымъ осуждены суть...“

Генеральное прощеніе распространилось и на работника Максима. Правительствующій Сенатъ, обще съ государемъ, разсматривая вѣдомость, отиѣтилъ въ ней: Максима Антонова въ Сибирь.

На основаніи этой отиѣтки, Тайная Канцелярія составила приговоръ: крестьянина Максима Антонова за то, что „27-го іюня 1721 г. къ высокой особѣ его царскаго величества подходилъ необычно и онъ же въ Малой Россіи, въ городѣ Почепѣ, былъ на разбоѣ и пѣтанѣ, въ ченѣ съ розыску виновна, послать въ Сибирь и быть ему тамъ при работахъ государевыхъ до его смерти неотлучно“.

IV.

Новый титулъ ¹⁾.

22-го октября 1721 года, при торжественномъ празднованіи иппшадтскаго мира, Теофанъ Прокоповичъ сказалъ хвалебную рѣчь. Вычисляя необыкновенно мудрыя распоряженія и благодѣянія его величества въ пользу его подданныхъ, архіепископъ объявилъ: что государь заслужилъ названіе отца отечества и великаго императора. За рѣчью духовнаго витія слѣдовало длинное слово великаго канцлера Гаврилы Ивановича Головкина. Онъ говорилъ во главѣ всего Сената, и отъ лица всѣхъ государственныхъ сословій просилъ при-

¹⁾ Вершенинъ дѣла Р. Д. Т. Е., к. XXXI, д. № 9.

нять, въ знакъ ихъ вѣрноподданнической благодарности, титулъ: Петра Великаго, отца отечества и императора всероссійскаго.

Сначала государь изъ скромности отказывался отъ „подноса“; но на другой день свѣтскіе и духовные сановники повторили свою просьбу съ такими жаромъ, съ такими горячими слезами умиленія и благодарности, представляли такіе доводы, что монархъ рѣшился, наконецъ, оказать имъ новую неизрѣченную милость — и принялъ титулъ: „Великій, отецъ отечества и императоръ всероссійскій“.

Иноземное слово императоръ, смѣнявшее привычное слово царь — возбудило много толковъ въ простомъ народѣ. Много укоровъ, много обвиненій, много текстовъ изъ разныхъ писаній подведено было противъ этого иноземнаго титула въ раскольниковскихъ скитахъ въ лѣсахъ, въ глухихъ деревушкахъ. Эти укормы и обвиненія произносились, разумѣется, шопотомъ, въ ежеминутной опасности — жестоко поплатиться за страшное преступленіе. Но были и такіе простяки, которые выговаривали противъ новаго титула слово противное только потому, что вовсе его не понимали и не соединяли съ нимъ понятія о русскомъ государѣ — царѣ-батюшкѣ.

16-го ноября 1722 года въ мѣстечко Конотопъ, въ Малороссіи, пріѣхалъ съ дровами гетманскій мужикъ, хохолъ Данило Бѣлоконникъ. Продавъ онъ небольшой свой возикъ дровецъ, да на вырученные гроши пошелъ купить для семейки соли.

Повстрѣчался съ нимъ grenadierъ Спицынъ. — „Дядя, дядя, — молвилъ grenadierъ: пойдемъ-ка въ шинокъ, да выпьемъ винца“.

Простодушный хохолъ не устоялъ противъ соблазна, забылъ, что бѣдная семья ждетъ вырученныхъ грошей, что въ хатѣ нѣтъ ни крупинки соли...

Началъ, впрочемъ, угощеніе солдатъ. Купилъ онъ винца на копѣечку (вино было дешево) и налилъ Данилѣ. Между тѣмъ подошли хохлы Игнатъ Михайловъ да Тихонъ Антоновъ, и нашъ мужичекъ раскошелился для пріятелей, да для царскаго солдата. Купилъ онъ вина на два алтына... Пирושка закипѣла... Бѣлоконникъ крѣпко уготился...

— „Вотъ тебѣ еще стаканчикъ, говорилъ grenadierъ подливая, выпьемъ!... Я вотъ выпью про здоровье императора!“

— На... (крѣпкое, непечатное слово) де твоей... съ императоромъ, болтулъ въ отвѣтъ пьяный; такихъ императоровъ много!

Чортъ васъ знаетъ, кто такой вашъ императоръ! — Я знаю праведнаго государя, за кѣмъ я хлѣбъ и соль ѣмъ!

— „Слово и дѣло!“ крикнулъ Спицынъ и посиѣвши съ доносомъ къ своему подпоручику. Тотъ препроводилъ его, Данилу Бѣлоконника, и свидѣтелей происшествія при рапортѣ къ командиру полка, „высокородному господину и высокопочтенному полковнику“.

Высокородный господинъ отослалъ ихъ въ Малороссійскую Коллегію. Малороссійская Коллегія сняла допросы и отправила Бѣлоконника скованнымъ, подъ конвоемъ, въ Сенатъ. Правительствующій Сенатъ при указѣ отослалъ его для изслѣдованія въ Тайную Канцелярію.

Въ этихъ пересылкахъ изъ тюрьмы въ тюрьму прошло два мѣсяца.

Канцелярія положила допросить колодника „съ пристрастіемъ“.

Но допрашивать нечего: отвѣтъ Бѣлоконника былъ совершенно согласенъ съ показаніями солдата и свидѣтелей; между прочимъ простодушный хохолъ, каясь въ непристойныхъ словахъ, объявилъ:

— „Молвилъ я, Данило, такія слова, не вѣдаючи того, что гренадеръ про государево здоровье пьетъ. А мыслилъ я, что онъ пьетъ за какого боярина и называетъ его императоромъ, а не про государя. Не зналъ я, Данило, по простотѣ своей, что его царское величество соизволитъ зваться императоромъ“.

Неумолчные судьи заглянули въ вонискій артикулъ и прочитали въ IV главѣ пунктъ 43-й: „Когда кто пьянъ напьется и во пьянствѣ своемъ что злаго учинитъ, тогда тотъ, не токмо что въ томъ извиненіемъ прощеніе получилъ, но по винѣ вящею жестокостью наказанъ быть имѣетъ. И особливо, ежели такое дѣло приключится, которое показаніемъ однимъ отпущено быть не можетъ: яко смертное убійство и сему подобное. Ибо въ такомъ случаѣ, пьянство никого не извиняетъ, понеже онъ во пьянствѣ уже непристойное дѣло учинилъ“.

Приговоръ состоялся четыре мѣсяца спустя послѣ преступленія:

— „Данило Бѣлоконникъ, писалъ Петръ Андреевичъ Толстой, распросомъ показалъ, что непристойныя слова говорилъ онъ отъ простоты своей, не зная, что его величество—императоръ; знаетъ-де онъ — государя, а мыслилъ, что солдатъ пьетъ за какого-нибудь боярина и называетъ его императоромъ, а что у насъ есть императоръ—того онъ, Данило, не знаетъ. И хотя два свидѣтеля показали сходно простотѣ Данилы, однакожъ безъ наказанія вину

Бѣлоконника отпустить невозможно, для того, что никакой личности такими непотребными словами бранить не надлежитъ. Того ради, бить его Бѣлоконника батоги нещадно, а по битьѣ освободить, и дать ему на проѣздъ пашпортъ...“

Расквитался Данило за незнанье, да непониманіе новаго титула государева, и спѣшить хохолъ на родину, въ милую Украйну. Тамъ въ Нѣжинскомъ полку, въ Конотопской сотнѣ, въ деревушкѣ Гутѣ, четвертый мѣсяцъ ждетъ да поджидаетъ Данилу горемычная семейка. Въ толкъ не возьмутъ ни парни, ни дивчаты, ни батько, ни матка—куда онъ запропастился?... Его взяли по государеву дѣлу! И эта вѣсть—какъ громомъ поражаетъ семью: не вернуться ужъ Данилѣ, такъ думаетъ она; не родное село въ привольной Украйнѣ, а Сибирь да каторга—ждутъ его. Вѣдь не первый, не послѣдній онъ: вѣдь сотни да тысячи чубатыхъ казаковъ должны были сѣвнѣть Малороссію на дальнюю и студеную страну Сибирскую. Но вотъ является Данило—живъ, здоровъ и невредимъ... Постегали его наленько... дали острастку, и вся родня благодаритъ Бога, что такъ дешево поплатился онъ за государево дѣло!

V.

Волокитство полицейскаго ¹⁾).

5-го мая 1720 года въ канцелярію Антонова Мануиловича Девіера, с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера, одинъ изъ подчиненныхъ ему полицейскихъ сотскихъ представилъ солдатскую жену Ирину Иванову.

„Вчерашняго числа вечеромъ, доносилъ сотскій, былъ я на Петербургской сторонѣ, въ Мокрушиной слободѣ, и проходилъ я вмѣстѣ съ десятскимъ—для того, чтобъ приказать жителямъ выставлять на ночь рогатки. Проходя мимо дома солдатки Ирины, услышали мы въ томъ домѣ крикъ немалый. Вошли во дворъ и стали тамъ крикъ прещать, чтобы крику не было. А выбѣжали на ту пору изъ избъ два бурлака и стали насъ бить; того ради взяли мы подъ караулъ ту солдатку Ирину, да съ нею-жъ взяли двухъ

¹⁾ Вершения дѣла Р. Д. Т. К., к. XVIII, д. № 38.

бабъ, что были у нея, и бурлаковъ. А какъ повели ихъ на съѣзжую—солдатка и закричи за собой: слово и дѣло!“

— Неправда, не такъ, все неправда, не такъ было дѣло, голосила въ оправданіе Ирина. Вылъ у меня и крикъ, и шумъ великій, а чего ради? — того ради, что пришли на дворъ сотникъ съ десятникомъ. Вошли они въ избу, а въ избѣ спдѣли сестра моя родная, да жена преображенскаго солдата Устинья. Сталъ ихъ говорить сотскій непристойныя слова къ блуду, а я стала гнать его вонъ со двора; онъ не слушалъ, не шелъ. На то время вошли въ избу два брата моихъ, родной да двоюродный, принесли кружку вина насъ подчивать; а какъ увидали сотскаго съ десятникомъ и ихъ со двора столкали. Тѣ закричали на улицѣ, собрали народу не мало, взяли насъ всѣхъ подъ караулъ и повели на съѣзжую. Ведучи дорогою, сталъ меня сотскій бить смертнымъ боемъ и я, не стерпя того бою, закричала государево „слово и дѣло!“

Разобрать было нетрудно, кто правъ, кто виноватъ: виноваты были всѣ. Но полиціи надо было только поскорѣй узнать допрямъ: дѣйствительно-ли есть за солдаткой какое-нибудь важное дѣло, чтобъ доложить о томъ, куда слѣдуетъ, „безъ умедленія“. Руководствуясь печатною формою вопроса, полиціимейстеръ задалъ Ирину слѣдующіе вопросы:

— Какъ зовутъ и какого чину?

— Сего мая 5-го дня на дворѣ у тебя шумъ и крикъ великій былъ-ли?

На эти вопросы Ирина отвѣчала рассказомъ о волокитствѣ сотскаго, о заступничествѣ за нее братьевъ, наконецъ повинилась: „государева слова и дѣла за мной нѣтъ и ни за кѣмъ не знаю, и въ той моей винѣ воленъ великій государь“.

— Пристанища ворахъ, продолжали допрашивать, бѣглыхъ солдатомъ и матросамъ не держала-ли, и для непотребства, для блуднаго воровства бабъ и дѣвокъ не держала-ли?

Та, разумѣется, отвѣчала отрицательно, причеиъ нелишнимъ сочла замѣтить: „и сама я ни съ кѣмъ блудно не живу“.

— Живучи въ Петербургѣ, какое пропитаніе имѣешь?

— „Получаю деньги отъ мужа солдата, да мою на людей бѣлье“.

— Противъ вопросовъ все-ли правду сказала?

Клятвы и увѣренія, что все сказанное правда, а буде что ложно, указалъ-бы государь зато казнить ее смертію; — послѣднія

слова были обычнымъ припѣвомъ всѣхъ отвѣтовъ при допросахъ того времени.

Какъ ни ничтожно было происшествіе, но такъ какъ здѣсь заиѣнано было слово и дѣло, то оберъ-полиціймейстеръ не рѣшился самъ учинить расправу, а препроводилъ виновную для „подлиннаго розыска“ въ Тайную Канцелярію.

Послѣдней очень часто доводилось имѣть дѣло съ такими, которые, сказавъ слово и дѣло, отступались отъ него, за неимѣніемъ что сказать. Расправа съ такого рода преступниками была коротка.

Въ тотъ-же день, какъ привели солдатку Ирину, побили ее виѣсто кнута батогами нещадно и отпустили съ напаматованіемъ: ничего не зная, не сказывать за собой государева слова.

VI.

Нѣжная укоризна ¹⁾.

— За что, за что ты меня бьешь?! Зачѣмъ бьешь напрасно? голосила Авдотья Тарасьева, тщетно снѣлась защититься отъ побоевъ вѣльми шумнаго супруга своего, Петра Борисовича Раева.

— Я тебя... бывалъ... въ Москвѣ... ты ушла... Я тебя... снѣскалъ здѣсь... а за то тебя я нынѣ бью, приговаривалъ супругъ то опускаая, то подымая кулакъ, что ты сказала противныя слова.... Зачѣмъ... сказывала... ты... мнѣ... противныя слова про его царское... величество... да для чего также молвила... худо о царевичѣ.

— Что ты, что ты, что съ тобой?—вопила въ отвѣтъ Авдотья: статное-ли дѣло мнѣ такіа слова говорить? когда-жъ я тебѣ это говорила?

— Помнишь... сверху, сверху-то ты пришедши говорила?.. а тогда-жъ сказывала, что тѣ слова слышала отъ зятя, отъ Матвѣя Короткаго, и отъ сестры своей Аграфены Тарасьевны?

Новые побои Петра Борисовича, новыя стоны, слезы и крики Авдотьи Тарасьевны...

Эта сцена изъ вседневной супружеской жизни тогдашняго общества происходила 7-го октября 1721 г., послѣ обѣда, въ суб-

¹⁾ Вѣщевна дѣла Р. Д. Т. К., в. XXVIII, л. № 54.

боту, въ Петербургѣ, въ домѣ купца Короткаго, въ людскомъ подклѣтѣ. Къ несчастію для вельми шумнаго Раева, въ избѣ было нѣсколько свидѣтелей его нѣжныхъ укоризнъ.—Здѣсь были двѣ бабы работницы, повивальная бабка и хозяйскій батракъ Карнауховъ.

Послѣдній, парень сметливый, познавъ, что то дѣло государево, разсказалъ о немъ хозяину.

Хозяинъ былъ родня Раеву; они были женаты на родныхъ сестрахъ. Раевъ—сынъ боярскій, человекъ грамотный, былъ служителемъ крутицкаго архіерея и пріѣхалъ въ Петербургъ на побывку, за женой, для взятія ея съ собой въ Москву. Человекъ вѣчно пьяный и буйный, онъ никакъ не могъ съ ней ужиться, и она часто укрывалась отъ ласкъ супруга въ домѣ сестры.

Но это свойство не спасло однако Раева. Тесть далъ зятю проспаться и на другое утро сталъ спрашивать обо всемъ случившемся. Петръ Борисовичъ познналъ дѣло смутно; не только вчерашняя хлѣбъ все еще сильно туманила голову, но и въ это утро онъ успѣлъ уже сходить со двора и былъ „очень шуменъ“; вотъ почему отступиться отъ своихъ словъ при свойственникѣ, а главное при женѣ ему казалось дѣломъ крайне обиднымъ, и на вопросъ Короткаго:

— Для чего ты такіа слова говорилъ?

Раевъ отвѣчалъ: „Какъ для чего?—говорилъ я всю сухую правду!“

Лгалъ онъ и теперь: ни Авдотья, ни сестра ея Аграфена, ни мужъ послѣдней никогда и не думали говорить того, что взбрело на умъ вельми шумнаго архіерейскаго служителя.

Дѣло оставить безъ доноса было нельзя. Того и гляди Карнауховъ, получающій отъ хозяина въ годъ 6 рублей жалованья, захочетъ получить наградныхъ за извѣтъ 10 рублей и явится съ словомъ и дѣломъ въ Тайную.

Хозяинъ предупредилъ батрака и въ тотъ-же день ударилъ слѣдующимъ челобитьемъ:

„Живеть у меня, писалъ онъ въ Тайную Канцелярію, изъ работы Крутицкаго архіерея сынъ боярскій Раевъ. И сего, 7-го октября, пришелъ онъ въ домъ пьянъ, и говорилъ слова непотребныя. Отчего я имѣю опасеніе, чтобъ не причлось впредь мнѣ въ вину. А о вышесказанномъ мнѣ сказывалъ работникъ мой Иванъ Ивановъ, который прибылъ въ Петербургъ за виномъ подрадинить. О семъ доноситъ петербургскій житель, купецкой человекъ Матвей Ивановъ сынъ Короткой“.

Доношеніе принято; по обыкновенію записано въ книгу и тутъ же положено: „показанныхъ людей сыскать и разспросить съ обстоятельствомъ, по указу“.

Отыскали виновнаго, его жену, донощика-работника и вмѣстѣ съ тремя бабами свидѣтельницами, всѣхъ привели къ допросу.

Карнауховъ и бабы передали подробности описанной сцены; причемъ одна изъ бабъ весьма наивно замѣтила: „а какого царевича Раевъ обзывалъ непристойными словами — того онъ не выговаривалъ“. Шумный слуга трусилъ и присмирѣлъ, каялся во всемъ, стараясь оправдываться въ „важныхъ непотребныхъ словахъ“ большимъ шумствомъ, за которымъ ничего не упомянуть, что говорить и дѣлать, и наконецъ объявилъ, что на него покажутъ работникъ и бабы, и онъ имъ въ томъ вѣритъ.

— А ты почему словъ Раева про царевича не показалъ въ первомъ допросѣ? спрашивали судьи Карнаухова.

— Не сказалъ я суще отъ забвенія, отвѣчалъ тотъ.

Не обошлось дѣло и безъ очной ставки. Раевъ стоялъ на томъ, что „непотребныя слова говорилъ-ли — то не помнитъ, понеже весьма былъ шуменъ, и утверждается въ томъ, даже до смерти“. Съ подтвердительными показаніями бабъ и работника не разладился рассказъ жены виновнаго. Госпожа Раева добавила только одно, что супругъ не только былъ весьма шуменъ въ субботу, но напился и на другой день, съ ранняго утра.

— „Словъ непотребныхъ ни отъ жены, ни отъ зятя я никогда не слыхалъ — каялся Петръ Борисовичъ на очной ставкѣ съ Авдотьею Тарасьевной, говорилъ я отъ себя, ничего не помня, отъ шума“.

Слѣдствіе продолжалось нѣсколько дней. По истеченіи ихъ всѣхъ свидѣльницъ и свидѣтеля выпустили на росписку, съ подтвержденіемъ царскаго указа, подъ страхомъ смерти никому и ничего не сказывать, о чемъ ихъ допрашивали. Что же касается до Раева, то его протопили въ колодничьей палатѣ болѣе полтора мѣсяца, и только 1-го декабря 1721 года, по опредѣленію Тайной Канцеляріи, учинено ему „жестокое наказаніе вѣсто кнута, бить батоги нещадно съ напamетованіемъ, чтобъ впредь такихъ непристойныхъ словъ не говорилъ, опасаясь большого истязанія и ссылки на каторгу“.

VI.

Царевъ указъ ¹⁾).

Въ канцеляріи мирнаго городка Карачева, 23-го ноября 1720 года, вспыхнула ссора между фискаломъ Вережкинымъ и поручикомъ Шишкинымъ. Озлобленные противники, по поводу ношенія русскаго платья, осыпали другъ друга самыми отборными, скарединными словами. Дѣло однако пока не дошло еще до государственныхъ противностей.

Но вотъ въ жару перебранки лукавый попуталъ фискала и онъ при свидѣтеляхъ брякнулъ:

— „Ты, Иванъ Шишкинъ — царевъ спибаешь и царевымъ указомъ — играешь!“

Довольно: Вережкинъ государственный преступникъ — слово и дѣло!

Карачевскій судья Коптевъ спѣшитъ доносить: „у насъ де въ канцеляріи, такого-то де числа, фискалъ — такой-то и проч.“. Донось посланъ въ Курскъ, въ надворный судъ; оба противника отправлены туда же. Начинается дѣло; снимаются допросы.

— Я не говорилъ, оправдывается Вережкинъ, что онъ, Шишкинъ, царевъ спибаешь, я просто сказалъ: царевымъ ты указомъ играешь.

Проходитъ годъ. Фискалъ подъ арестомъ. Заключается ништадтскій мпръ, и на основаніи милостиваго указа, объявлявшаго генеральное прощеніе, Вережкинъ проситъ отпустить его продержанныхъ слова.

„Сего ради“, спустя еще годъ, курскій надворный судъ препроводилъ и дѣло, и Вережкина въ государственную Юстицъ-Коллегію.

Здѣсь обвиняемый просилъ допросить еще разъ одного изъ свидѣтелей ссоры, поручика Ергольскаго.

Привезли-ли поручика нарочно для допроса изъ Курска или онъ былъ въ Петербургѣ по своимъ дѣламъ, какъ-бы то ни было, но его допросили — и тотъ на св. Евангеліи присягнулъ, что донось судьи Коптева справедливъ.

¹⁾ Верхенна дѣла Р. Д. Т. К., в. XXXI, д. № 10.

Коллегія, руководствуясь указомъ 18-го января 1722 г., по которому дѣла о фискалахъ вѣдались у оберъ-прокурора, г. Скорнякова-Писарева, препроводила къ нему Веревкина при проеморіи.

Писаревъ далъ пріютъ провинившемуся фискалу въ колодничьей палатѣ Тайной Канцеляріи.

На этотъ разъ приговоръ состоялся скоро: 10-го ноября 1722 года, т. е. ровно два года спустя послѣ ссоры въ г. Карачевѣ—фискалу Веревкину за продерзостныя слова учинено наказанье: „вмѣсто кнута битъ батоги нещадно“, но битъ съ сохраненіемъ чести, какъ сказано въ приговорѣ: „не снимая рубахи“.

VIII.

Холопъ царевича Алексѣя ¹⁾.

Въ 1722 году проживалъ въ Воронежѣ Иванъ Михайловичъ Завѣсинъ. Сынъ площаднаго подъячаго, Иванъ Михайловичъ—имѣлъ многочисленную родню, жившую и служившую въ Воронежѣ, и подъ ея покровомъ записался въ городскую службу—подъячникомъ. Служба его шла плохо. Завѣсинъ рано пристрастился къ лютomu врагу русскаго человѣка—къ вину, шлъ до безпамятства, а въ трезвыя минуты, какъ истинный подъячій, ябедничалъ да сутяжничалъ, — по поводу закрѣпленія крестьянъ. Онъ имѣлъ нѣсколько крѣпостныхъ и, между прочимъ, не безъ выгоды, занимался скупкой и распродажей ихъ въ розничную. Съ этими операціями неизбѣжно сопряжены были маленькія непріятности. Такъ, напримѣръ, въ 1718 году, за одну изъ операцій онъ судился въ Воронежѣ болѣе года и содержался подъ карауломъ; четыре года спустя попался опять въ тюрьму, по дѣлу подобнаго же рода: гулящаго человѣка Худякова, проживавшаго у одного изъ его крестьянъ, Завѣсинъ вздумалъ записать въ крѣпостные и составилъ фальшивый документъ. Гулящій человѣкъ не захотѣлъ промѣнять волю на неволю, началъ дѣло и Иванъ Михайловичъ—угодилъ въ тюрьму. Вино также не разъ доводило его до бѣды; одна изъ нихъ была для него крайне непріятна. Пріѣхалъ Завѣсинъ однажды въ Москву, по дѣламъ помѣстнаго при-

¹⁾ Верхняя дѣла Р. Д. Т. Б., к. XXXI, д. № 2.

каза. Въ какой-то праздникъ зашелъ онъ съ своимъ дядей, — своимъ боярскимъ, — въ шинокъ, прикушали не мало и отправились къ обѣдѣ, къ Воскресенію Христову въ Барашахъ. Обѣдя кончалась. Иванъ Михайловичъ стоялъ смирно; но вотъ хмѣль затуманилъ голову и онъ преспокойно, съ невозмутимой торжественностью, снялъ съ чаши святой воды крышку и покрылъ ею свою голову; затѣмъ вылилъ воду на полъ. Міряне и церковные служители избили шалуна изрядно, связали руки и отвели въ Земскій Приказъ, по распоряженію котораго Завѣсину учинено наказаніе — битъ кнутомъ нещадно...

Августъ и сентябрь 1722 года онъ провелъ подъ арестомъ при Воронежской губернской канцеляріи, по дѣлу фальшивыхъ крѣпостей. 5-го числа онъ отпросился съ карауломъ къ дядѣ; дядюшку не засталъ дома и Иванъ Михайловичъ зашелъ съ конвойнымъ въ кабакъ. Двухъ-алтынная выпивка совершенно его ошеломила и онъ нашелъ нужнымъ зайти въ Надворный Судъ.

Было три часа пополудни; въ Судѣ оставались дневальный подканцеляристъ Есауловъ, два его товарища, да драгунъ на часахъ.

— Кто-де вашъ государь! заоралъ пьяный, относясь непосредственно къ дневальному.

— Нашъ государь, отвѣчалъ дневальный, Петръ Великій, императоръ и самодержецъ всероссійскій.

— Вашъ... государь... Петръ... Великій... а... я... я... холопъ государя своего Алексѣя Петровича... и за... него голову... свою положу... хотя... меня... разпытай...

Слово и дѣло!

Подканцеляристъ настрочилъ доносъ, — воевода рѣшился снять допросъ и самъ испугался своей дерзости. На разспросы по государеву дѣлу о противностяхъ — предоставлено было въ то время исключительное право Тайной и Преображенской Канцеляріямъ. Нарушители ея подвергались большой отвѣтственности, вотъ почему Измайловъ, воронежскій воевода, поспѣшилъ оправдаться.

„Я допрашивалъ Завѣсина, писалъ воевода въ Тайное судилище, не въ обстоятельствѣ показаннаго на него дѣла, а токмо для того, что не имѣются-ли въ упомянутомъ же дѣлѣ другихъ ему единомышленниковъ, которыхъ не медля надо-бы было арестовать. На вопросы Завѣсинъ отвѣчалъ, что за великимъ шумствомъ, — говорилъ-ли какія слова того не упомянуть, единомышленниковъ-же никакихъ у него нѣтъ. А свидѣтели всѣ порознь подтвердили из-

вѣтъ. Того ради, я спѣшу исполнить указъ: „гдѣ въ городахъ, селахъ и деревняхъ злодѣи съ злыми словами явятся и ихъ въ самой скорости провожать въ городъ къ правителямъ; а тѣмъ правителямъ заковывать ихъ въ ручниа и ножниа желѣза; не распрашивая затѣмъ, вѣстѣ съ извѣтчиками присылать либо въ Тайную Канцелярію, либо въ Преображенскій приказъ“ (ук. 27 апр. 1722 г.).

Строго выполняя повелѣніе, воевода заковалъ политическаго преступника и препроводилъ его за крѣпкимъ карауломъ въ Москву, гдѣ была въ то время Тайная Канцелярія, туда же отправленъ и доносчикъ Есауловъ.

— „Ничего не помню,—говорилъ Завѣснѣ, стоя раскованнымъ предъ г. Скорняковымъ-Писаревымъ. — Ничего не помню, говорилъ-ли что-нибудь или нѣтъ, для того, что былъ весьма пьянъ. А въ трезвомъ умѣ—никогда и ни съ кѣмъ государственныхъ, противныхъ словъ не говаривалъ и отъ другихъ не слыхалъ. У присяги-жъ царевичу Петру Петровичу въ 1718 году—на наслѣдство престола—не былъ (объ этомъ сдѣланъ былъ ему вопросъ) для того, что держали меня въ то время подъ карауломъ въ Воронежѣ, по дѣлу о закрѣпленіи крестьянъ. Со мною, продолжалъ Завѣснѣ, случается, что болѣзнь находитъ: бываю я вѣтъ уна, и что въ то время дѣлаю, да говорю, того ничего не помню. Болѣзнь та со мной—лѣтъ шесть“.

Въ подтвержденіе справедливости словъ, Завѣснѣ рассказалъ о надѣваніи на себя крышки съ церковной чаши и о неприятныхъ послѣдствіяхъ этого головного убора.

Григорій Григорьевичъ Скорняковъ-Писаревъ приказалъ сдѣлать справку, и отвѣтъ Земскаго Приказа подтвердилъ рассказъ Завѣсна.

— Ну, ты можешь ѣхать назадъ въ Воронежъ, сказалъ судья, отпуская доносчика, а съ колодникомъ мы раздѣлаемся; его надо допросить съ пристрастіемъ, надо имъ розыскать. Хотя онъ и говоритъ, что будто тѣ слова не помнить говорилъ-ли, нѣтъ-ли, за великимъ пьянствомъ, но его распроса за истину причестъ невозможно; можетъ быть онъ, отбывая вину свою, не покажетъ самой истини безъ розыску.

— А при розыскѣ, положила Канцелярія, спрашивать: съ чего онъ такіа слова говорилъ и не имѣеть-ли онъ въ нихъ какихъ-нибудь согласниковъ?

Ноги въ ремень, руки вывернуты въ хомутъ, тѣло вздернуто,—кнуту работа...

Стоны, крикъ—показанія тѣ же: ничего не помню за безумствомъ и опьяненіемъ. У трезваго же и мысли никакой противной царской персонѣ не было и согласниковъ не имѣю...

Дано 10 ударовъ.

Иванъ Михайловичъ провелъ въ тюрьмахъ, по этому важному дѣлу, болѣе полугода; во все это время онъ получалъ кореновыхъ 4 деньги на день,—то было обычное содержаніе „тайныхъ“ колодниковъ. Участь его разрѣшилась приговоромъ 11 марта 1723 года. Приговору предшествовало слѣдующее разсужденіе:

„..... Извѣтчикъ и свидѣтели показали, что Завѣсинъ говорилъ непристойныя слова пьяной; обвиняемый въ распросахъ и съ пытки показалъ, что словъ тѣхъ не помнить отъ пьянства; да къ тому-жъ съ нимъ случается болѣзнь; бываетъ онъ ней безъ ума; Замскій Приказъ согласно съ этимъ извѣстилъ, что онъ, Завѣсинъ, отъ безумія пролилъ въ 1718 году въ церкви воду святую и надѣлъ на себя крышку; но такъ какъ въ Уложеніи (гл. IV, ст. XIV) напечатано: „которое всякихъ чиновъ люди учнутъ за собою сказывать государево дѣло или слово, а послѣ того они же учнутъ говорить, что за ними государева дѣла или слова нѣтъ, а сказывали они его за собою, избывая отъ кого побой или пьянымъ обычаемъ, и ихъ за то битъ кнутомъ... того ради, воронежцу Ивану Завѣсину учинить наказаніе: битъ кнутомъ нещадно“.

Какимъ образомъ вязалась выписка изъ Уложенія съ настоящимъ дѣломъ, когда и гдѣ Завѣсинъ говорилъ за собою слово и дѣло—обо всемъ этомъ некому было спросить Петра Андреевича Толстаго;—можетъ быть главный судья, въ свой чередъ, „пьянымъ обычаемъ“ подмахнулъ этотъ приговоръ.

Впрочемъ выписки изъ законовъ приводились рѣдко. „Инквизиторы“,—такъ именовали членовъ Тайной Канцеляріи,—обыкновенно почти никѣмъ и ничѣмъ не связанные въ своемъ произволѣ, зачастую судили да рядили по своему „разсужденію“. Вотъ почему, предъ многими ихъ приговорами оставившаеся въ тупикъ: почему этому наказаніе было строже—а тому легче? *А*—наказанъ батоги нещадно, а *Б*—вырваны ноздри и битъ кнутомъ, *С*—битъ кнутомъ и о свободѣнъ, а *Д*—битъ плетью и сосланъ въ каторгу, въ государеву работу вѣчно и т. п. И нельзя сказать между тѣмъ, чтобы внимательный разборъ всѣхъ обстоятельствъ далъ отвѣтъ на нашъ вопросъ. Будь извѣстны обстоятельства, при которыхъ судили и ря-

длин инквизиторы, о, тогда другое дѣло! мы бы знали сильныя пружины, руководившія судьями въ произнесеніи ихъ приговоровъ...

Но мы заговорились, а Завѣсникъ — ждетъ экзекуціи; проведение его на Красную площадь. Здѣсь Ивана Михайловича привязали къ столбамъ, прочли ему приговоръ и отсчитали нещадныхъ 25 ударовъ кнутомъ.

Придя съ площади, взволнованный Иванъ Михайловичъ дрожащею рукою далъ росписку: „если я впредь какія непристойныя слова буду говорить, то по учиненіи жестокаго наказанія сосланъ буду на каторгу, въ вѣчную работу, или учинена мнѣ будетъ смертная казнь“.

Росписавшись и запомнивъ смыслъ поученія, „холодъ царевича Алексѣя“ отправились во-своихъ.

IX.

Непристойное желаніе ¹⁾.

Если бы въ концѣ 1720 года мы отправились въ мирную Ху-тынскую обитель, то пріѣхали-бы туда какъ-разъ кстате; вечеркомъ, 23 ноября, у уставщика отца іеромонаха Никона Харкова была маленькая пирушка. Настоятель, достопочтенный архимандритъ Веніаминъ, далъ ему съ клирошанами пива, и отецъ Никонъ созвалъ въ келейку нѣсколько друзей. Мы-бы увидѣли вокругъ ведра головщика лѣваго клироса монаха Антонія, іеромонаха Кипріяна Лучанина, и гости изъ Спасской Старорусской обители, іеромонаха Есимія. Отцы чокались другъ съ другомъ не мало, пили еще болѣе и стали шумны; пиво, развязавъ языки, оживило бесѣду.

— А вотъ что, заговорилъ вдругъ тихо Никонъ: сказывалъ настоятель, что архимандритъ Александроневской лавры Θεодосій умеръ! Да вотъ молитѣ Бога за государя: нынѣ-де слышать, что онъ немоществуетъ. Сказывали мнѣ то преѣзжіе молебщики изъ С.-Петербурга.

— Да пускай себѣ немоществуетъ, возразилъ отецъ Антоній, какъ кажется болѣе другихъ отвѣдавшій пива. — Пускай его... умирать... Государь вѣдь человекъ не безсмертенъ, воля божія придетъ — умирать; а ужъ тогда... царицу-то я за себя возьму!...

Почти три года прошло со времени этой бесѣды. Три года

¹⁾ Вершения дѣла Р. Д. Т. В., к. XV, д. № 25.

„противное“ слово отца Антонія не проникало въ Тайную Канцелярію; три года участники бесѣды вели жизнь спокойно, но-прежнему, въ мирной Хутынской обители: пивцомъ да бражкой встрѣчали празднички, стройнымъ хоромъ распѣвали псалмы и можетъ быть не разъ еще послѣ этого либо отцемъ Антоніемъ, либо кѣмъ-нибудь другимъ изъ его сотоварищей сказано было не одно противное слово противъ ненавистнаго имъ Преобразователя и его семейки. Все, что было послѣ говорено, осталось въ неизвѣстности; но „непристойное желаніе“ отца Антонія дошло, наконецъ, до чуткихъ ушей свѣтскихъ инвизиторовъ—такъ, какъ мы уже замѣтили выше, называются во многихъ петровскихъ бумагахъ члены Тайной Канцеляріи.

18 сентября 1723 явился къ нимъ іеромонахъ Еоній. Его прислали изъ Синода, куда по прошествіи трехъ почти лѣтъ, онъ обратился съ доносомъ...

Что было причиною столь долгаго молчанія?

„Въ тогдашнее время, объяснялъ Еоній въ Тайной, нигдѣ я не доносилъ простотою своею, отъ убожества, и никому, и нигдѣ тѣхъ словъ ни говоривалъ“.

Невольно сомнѣваешься въ простотѣ отца Еонія. Почему-же теперь простота эта пчезла, и именно тогда, когда и самыя слова „непристойныя“, какъ кажется, должны были совершенно забыться?—Нѣтъ, они не забыты. Но только не позадивши со старцами, или вѣрнѣе—пожелавъ выслужиться и очистить для себя вакансію въ настоятели какой-нибудь обители побогаче, онъ наконецъ рѣшился на доносъ. Последнее предположеніе кажется тѣмъ вѣроятнѣе, что донощикъ замѣшалъ въ дѣло архимандрита Веніамина, объявивъ, что съ нимъ говорилъ Антоній о немощи государя.

Впрочемъ трехлѣтняя давность въ глазахъ ревностныхъ судей не имѣла значенія: отъ доноса вѣяло свѣжестію дѣла „важнаго, противнаго, государственнаго“.

Всѣ четыре старца, мирно попившіе настоятельское пиво, теперь вновь сошлись,—но уже въ Тайной Канцеляріи. Изъ допросовъ узнали весь немногосложный составъ преступленія. Антоній покался въ непристойныхъ словахъ: „молилъ ихъ я, каюся головщикъ лѣваго клироса, отъ безумія, съ простоты, а паче отъ большаго шумства, — не для чего иного“. При этомъ сознаніи, виновный тутъ-же поспѣшилъ выгородить изъ дѣла архимандрита Веніамина, отъ котораго, по его словамъ, никакихъ онъ, Антоній, словъ

о его императорскомъ величествѣ и оя императорскомъ величествѣ не слыхалъ; да и самъ никогда, кромѣ настоящаго случая, ничего противнаго не говорилъ. Никонъ съ Кипріяномъ также поддержали своего настоятеля.

Тайная Канцелярія, довольствуясь тремя старцами, оставила настоятеля въ покоѣ и поспѣшила истребовать отъ Святѣйшаго Синода достойнаго человѣка для разстриженія монаха Антонія.

А по разстриженіи, опредѣлено: битъ его кнутомъ и сослать въ Сибирь на три года въ каторжную работу.

Надежды Еонія на награду должны были разсѣяться. По закону, онъ имѣлъ на нее полное право: доносъ, повѣренный слѣдствіемъ, оказался совершенно справедливымъ. Но судьи положили, что „за долговременное необъявленіе о тѣхъ важныхъ словахъ іеромонахъ Еоній—награды не достоинъ“.

Никонъ съ Кипріяномъ за вѣдѣніе и молчаніе о преступленіи должны были быть также наказаны; но Тайная Канцелярія смущалась въ дѣлѣ расправы ихъ іеромонашествомъ, почему предоставила самому Синоду взыскать съ обоихъ старцевъ, а потомъ довести ей, въ чемъ состояло взысканіе.

Какъ всегда, дѣло облеклось въ покровъ гробовой тайны и всѣ лица, наказанныя и ненаказанныя, обязались подпискою никому не сказывать о томъ, что происходило съ ними въ гостяхъ у Толстаго, Ушакова и Писарева.

23-го октября 1723 года Антоній былъ „обнаженъ отъ монашества“. Достойный для сего обряда человѣкъ сыскался въ лицѣ тронцкаго протопопа Семенова. Немедля за обнаженіемъ — спина отшельника покрылась кровавыми полосами... Ему дано было опредѣленное число ударовъ кнутомъ.

Отцы Никонъ и Кипріянь подверглись взысканію болѣе умѣренному, но не менѣе ощутительному: они биты плетью въ Тиунской Канцеляріи, о чемъ члены Тайной были извѣщены своевременно.

За Антоніемъ, какъ мы сказали, — вѣроятно было нѣсколько подобныхъ преступленій; по крайней мѣрѣ уже въ бытность его на каторгѣ, въ концѣ 1724 года, Преображенская Канцелярія (вѣдомства князя Ромодановскаго) въ одномъ изъ своихъ дѣлъ нашла его замѣшаннымъ и просила Тайную Канцелярію дать ей знать: въ чемъ состояло дѣло шумнаго отца Антонія?

Х.

Тайнственные литеры ¹⁾.

Въ началѣ 1719 года въ Перновскомъ уѣздѣ, въ мѣстечкѣ Фемингѣ, на посадѣ, мирно проживалъ съ женой Андрисъ Ланге, лифляндецъ, уроженецъ города Дерпта. Вдругъ страслась надъ нимъ бѣда и странная, и страшная. Странная потому, что вышла не болѣе, не менѣе какъ изъ пивного чана, страшная—потому что привела его въ Тайную Канцелярію и къ преждевременной смерти.

Однажды осенью, по перевозникѣ, былъ онъ въ гостяхъ въ вотчинѣ генерала Шлиппенбаха, у генеральскаго прикащика, своего свояка Крея. Сытно и весело провелъ здѣсь Андрисъ четыре дня. Дома его встрѣтила жена, озабоченная и встревоженная.

— Что случилось?

— А вотъ что, стала рассказывать супруга:— въ небытность твою здѣсь, заглянула я въ нашъ пивной чанъ, что стоитъ въ сѣняхъ, и увидѣла внутри его, на стѣнкѣ, у края, черною краскою или чернилами, Богъ вѣсть, написаны вотъ такія литеры:

6 П I 3 20

Я списала ихъ углемъ на окончину, а въ чану стерла мокрою рукою. Въ какую силу литеры и кто ихъ написалъ— не знаю. Вѣдомо-жъ тебѣ, что чанъ нашъ пивной лѣтъ шесть какъ стоитъ въ сѣняхъ, на-ночь сѣни запираются, войти значитъ некому, а днемъ онѣ отперты; кто туда входилъ— не знаю. Разсмотри хорошенько, что это за литеры, вотъ я ихъ списала на бумагу.

Простодушный поселянинъ долго разсматривалъ тайнственные буквы, наконецъ откровенно замѣтилъ:

— Не знаю! худны-ли это литеры или хорошія, про то Богъ знаетъ; а я разсудить не могу.

Нужно было обратиться къ человѣку разсуждающему, а мужъ,

¹⁾ Вершения дѣла Р. Д. Т. К., картонъ XX, д. № 48.

по совѣту жены, перевелъ литеры на другую бумагу и отправилъ ихъ къ своей свояченицѣ, бывшей замужемъ за шпинненбаховскимъ прикащикомъ. У Края нанятъ былъ для обученія дѣтей Гилтерманъ, мужъ ума ученаго. Что за литеры, въ какой онѣ слѣгъ писаны?—вотъ попросъ, которымъ задалъ педагогу Андрисъ Ланге.

Отвѣта не было. Андрисъ пошелъ самъ къ свояку.

— „Не могъ, никакъ не могъ я разсудить твоихъ литеръ“, отвѣчалъ на разспросы Ланге Гилтерманъ.

Любопытный много говорилъ съ учителемъ и хозяиномъ, пили пиво, разсуждали всячески—но ни одинъ изъ нѣмцовъ, послѣ продолжительныхъ бесѣдъ и обсужденій, ничего не рѣшилъ.

Дѣло въ томъ, что въ Лифляндіи, въ странѣ только что успокоившейся послѣ продолжительныхъ и упорныхъ битвъ, набѣговъ, осадъ, и опустошеній; въ странѣ, постоянно переходившей изъ рукъ въ руки шведовъ, поляковъ, саксонцевъ, наконецъ, подпавшей во власть Россіи — броженіе умовъ было сильное. Лица безпокойныя (а были и они между флегматическими лифляндцами) алкали перемиръ, смуть, безпорядковъ и не переставали волновать умы простодушныхъ. То вдругъ облетала молва о какомъ-нибудь наступающемъ грозномъ событіи, то начинались чудеса, появлялись таинственные необъяснимыя литеры.... и простолюдины безпокойлись, сходились, толковали, кричали, разсуждали, каждый по своему; затѣмъ расходились, чтобы снова сойтись и потолковать о томъ же.

Такъ, напримѣръ, съ весны того же года въ рижской сторонѣ, по Перновскому уѣзду, шла молва, что странныя литеры являлись въ разныхъ мѣстахъ, на стѣнахъ домовъ; писаны то чернилами, то красными красками, на стѣнахъ хоромъ и на воротахъ; всѣ обыватели вѣдали ту молву, нѣкоторые увѣряли, что даже видѣли такіа литеры, но никто не могъ растолковать ихъ значеніе. Такъ, напримѣръ, увѣряла Анна Ланге, на мнѣ Гольстъ-Бреръ, на стѣнѣ дома Гавика Михоля явилось надъ дверью, написанное съ улицы, красною краскою, неизвѣстное слово. Михель говорилъ о томъ прикащику. А у прикащика мнѣ въ то время быть случилось, и я это слышала. „По донесенію мужика смотрѣлъ тѣ литеры прикащикъ, но къ добру или къ худу онѣ, того онъ разсудить не могъ“.

Болтали люди, что вотъ и на мельницѣ, при мнѣ капитанши Гове, въ полѣ-милѣ отъ мѣстечка Феминга, — надъ дверьми жилища мельника также явились какія-то буквы; ихъ видѣли, о нихъ толковали....

Толки народины не могли не дойти до подозрительнаго иѣстнаго начальства, зорке слѣдившаго за страной, столь недавно приобрѣтенной. Вѣсть-ли о находкѣ Анны Ланге, заниска-ли ея съ литерами, чтобы то ни было, но слово и дѣло сказалось, и примѣнь слѣдствіемъ было то, что во дворъ Андриса прилетѣлъ царскій курьеръ, арестовалъ его, жену и мальчика Юрья Андреева, жившаго у нихъ. Всѣхъ трехъ, по высочайшему повелѣнію, помчали на изслѣдованіе въ Питеръ.

— Не доѣзжая Нарвы, такъ рассказывалъ впослѣдствіи Андрисъ Ланге, на одной изъ станцій, во время переѣзды лошадей, подошелъ ко мнѣ высокаго роста комиссаръ, иностранецъ.

— Чего ради везутъ васъ? спрашивалъ незнакомецъ.

— Явились у насъ въ домѣ, отвѣчалъ Андрисъ, литеры въ пивномъ чану; а въ какой силѣ, того мы и сами не знаемъ.

— А вотъ и здѣсь также сказываютъ, замѣтилъ комиссаръ, что въ киркѣ Гевилбѣ были написаны неизвѣстныя литеры...

Лошади были готовы, арестантовъ повезли далѣе. На одной изъ слѣдующихъ станцій, по словамъ мужа и жены, хозяинъ корчмы, узнавъ причину ихъ ареста, не утерпѣлъ, чтобы не рассказать землякамъ (по-нѣмцки) о собственной находкѣ.

— „У меня въ каморѣ, говорилъ онъ, внутри, на дверяхъ, красною краскою явились ночью буквы. И диковинное дѣло,—камора была заперта, войти въ нее было невозможно, да и постороннихъ людей у меня въ то время не было. Изъ тѣхъ литеръ я нѣкоторыя уже стеръ, а вотъ, посмотрите, одно слово осталось“.

Ланге съ женой, какъ увѣрили, видѣли таинственное слово.

Обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ они должны были рассказать въ Тайной Канцеляріи. Сюда ихъ и препроводилъ, по волѣ Петра, Александръ Ивановичъ Румянцевъ при письмѣ отъ 7-го марта:

„Превосходительнѣйшій господинъ тайный дѣйствительный совѣтникъ! писалъ Румянцевъ къ Петру Андреевичу Толстому. Царское величество указалъ въ Канцелярію розыскныхъ Дѣлъ, вѣдѣнія вашего превосходительства, отослать иностранца Андриса Ланге съ женою. О дѣлѣ его, уповаю, что ваше превосходительство извѣстны, однакожъ силѣ моею покорно доношу: у Ланге въ домѣ, въ небытность его тамъ, явились вымышленныя литеры, написаны въ пивномъ чану. Дома кромѣ жены его, да сожителя ихъ Юрья, никого не было; и по всему видно, что такія литеры вымыслила написать жена Ланге“.

Румянцовъ приложилъ къ письму записку съ литерами; о нихъ тутъ-же было подано Анной на нѣмецкомъ языкѣ слѣдующее показаніе: „въ субботу, по-полудни, нашлись въ пивномъ моемъ чану, какъ то пиво сливала, вверху, на краю, сіи слова или литеры. Анна Елизавета Ланге“.

Ни Анна, ни ея мужъ не говорили и не понимали по русски: вопросы и отвѣты переводилъ переводчикъ изъ камеръ-коллегии.

При первыхъ допросахъ (14-го марта 1720 г.) и мужъ, и жена передали свои разнообразные толки о таинственныхъ явленіяхъ въ разныхъ мѣстахъ литеръ; что-же до своей находки, то Анна показала, что первый примѣтилъ ее мальчикъ Юрій...

Петръ Андреевичъ Толстой и его сотрудники по застѣнку были отчаянные скептики; ни во что сверхъестественное не вѣрили, и подозрѣвая Анну въ изобрѣтеніи тайныхъ шифровъ, пригласили нѣмку на дыбу.

Руки въ хомутъ... Анна виситъ на веревкахъ, спина оголена — кнутъ бороздитъ ее кровавыми рубцами...

Новый переводчикъ переводитъ показаніе:

— „Осмотрѣла литеры въ чану я сама, а не хлопецъ мой, я ему только показала ихъ. Кто ихъ написалъ, въ какую силу — подлинно не знаю. Сама ихъ не писала, а къ учителю ихъ послала, чтобы быть о нихъ свѣдомой. Если же въ первомъ показаніи записано, что литеры усмотрѣны хлопцомъ, то это вѣрно оттого, что тотъ переводчикъ переводитъ мои слова несправно“.

Дано 5 ударовъ.

Любопытно, что пытка была 14-го іюня 1720 года, т. е. три мѣсяца спустя послѣ перваго допроса. Что было причиной такой медленности въ производствѣ слѣдствія? Многотрудныя и разнообразныя-ли занятія „инквизиторовъ“, или справки, за которыми они быть можетъ посылали въ Лифляндію о другихъ подобныхъ случаяхъ? Впрочемъ, при дѣлѣ справокъ этихъ нѣтъ.

Дѣло вообще тянулось какъ-то вяло, но кончилось трагически.

22-го сентября 1720 г., послѣ шестимѣсячнаго, страшно томительнаго пребыванія въ тюрьмѣ, Анна Елизавета Ланге умерла подъ карауломъ въ казематѣ.

Спустя три недѣли отдалъ Богу душу и простодушный супругъ ея Андрисъ...

Подобные случаи смерти подъ стражей были дѣломъ въ то время

весьма обыкновенный. Причины смертности помани: мучительное ожиданіе пыточныхъ истязаній, холодъ, голодъ, недостатокъ въ одеждѣ, крайняя скудость въ пищѣ, сырость и мерзость помѣщенія, наконецъ, что всего хуже, продолжительность ареста и неувѣстность времени освобожденія, — все это могло сокрушить самую крѣпкую, чуть не желѣзную натуру.

У мальчика-иноземца спросили только его имя по русски (вѣроятно онъ выучился русскому языку въ казенкахъ Тайной Канцеляріи), и затѣмъ въ концѣ ноября 1720 года сдали его на росписку въ домъ генерала Шлиппенбаха для пересылки на мѣсто жительства.

Въ 1860-хъ годахъ, при рытіи земли близъ одной изъ церквей на Петербургской сторонѣ, въ Колтовской улицѣ, нашли нѣсколько скелетовъ въ оковахъ. Тутъ хоронили колодниковъ изъ Тайной Канцеляріи — не было ли между ними скелетовъ Алимъ и Андриса Ланге?

XI.

Небесное видѣніе ¹⁾.

Тайныя видѣнія, смущавшія лифляндцевъ, не менѣе смущали и простодушныхъ малороссіянъ. Здѣсь только рассказы о нихъ передавались еще съ большею скоростью; необыкновенно быстро и писменно переходили они отъ хутора къ хутору, отъ монастыря въ монастырь. Изобрѣтатели небывалыхъ видѣній зачастую принадлежали къ сословію лицъ духовныхъ: чернцы, священники, странники, затворники и затворницы не переставали волновать умы всевозможными баснями. Онѣ любопытны для насъ, какъ порожденія народнаго суевѣрія и невѣжества, на нихъ лежитъ отпечатокъ времени. Всѣ видѣнія имѣли смыслъ предсказательный, всегда угрожающій на цѣлый рядъ бѣдъ: войну, моръ, неурожаи, нашествіе иноплемениковъ и проч., всегда они облекались въ религіозную, мистическую форму. Что они выдумывались большею частью лицами духовными — дѣло понятное: духовенство, въ особенности низшее, ни чуть не было выше уровня народнаго развитія, а имѣя на него большее или меньшее вліяніе, пользуясь досугомъ, изъ желанія прирѣзка, не за-

¹⁾ Верхняя дѣла Р. Д. Т. К., к. XXVII, д. № 13, также Кабинетскія дѣла, II-я половинка, т. XLVII, лл. 101—108.

думывалось надъ изобрѣтеніями слуховъ и толковъ о всевозможныхъ чудесахъ. Достаточно было одной вѣсти, что въ такой-де обители видѣли особое знаменіе на небесахъ—и народъ толпами валитъ къ старцамъ съ разспросами, проситъ показать рисунокъ небеснаго видѣнія, растолковать его значеніе, и послѣдній грошикъ клалъ хуторянинъ, чтобы послушать ловко сложенную басню.

Строгія мѣры правительства, ссылки, пытки и казни не останавливали живыхъ пророковъ; источники разсказамъ о тайныхъ видѣніяхъ и чудесахъ не прекращались, и нѣтъ ничего удивительнаго, что даже въ концѣ царствованія монарха, строгаго карателя всякой неправды, мы находимъ лжецовъ-фанатиковъ въ дальнихъ монастыряхъ.

27-го января 1720 года, въ Спаскомъ Новгородъ-Сѣверскомъ монастырѣ, послѣ заутрени, на разсвѣтѣ, іеромонахъ Порфирій вошелъ въ келью. Здѣсь былъ монастырскій экономъ монахъ Іезекииль, служба Грицко и нѣсколько другихъ послушниковъ.

— Братія! вскричалъ Порфирій, только что сподобилъ меня Господь видѣть на небѣ видѣніе! Пойдемте, я вамъ его покажу.

Іезекииль съ братіей поспѣшили на дворъ. Утро было морозное, начиналъ брезжить свѣтъ, изъ-за облаковъ выглядывалъ мѣсяцъ, но никакого видѣнія не было видно.

— Должно быть заволокло его облаками, замѣтилъ старецъ, видишь ты сколько ихъ нагнало.

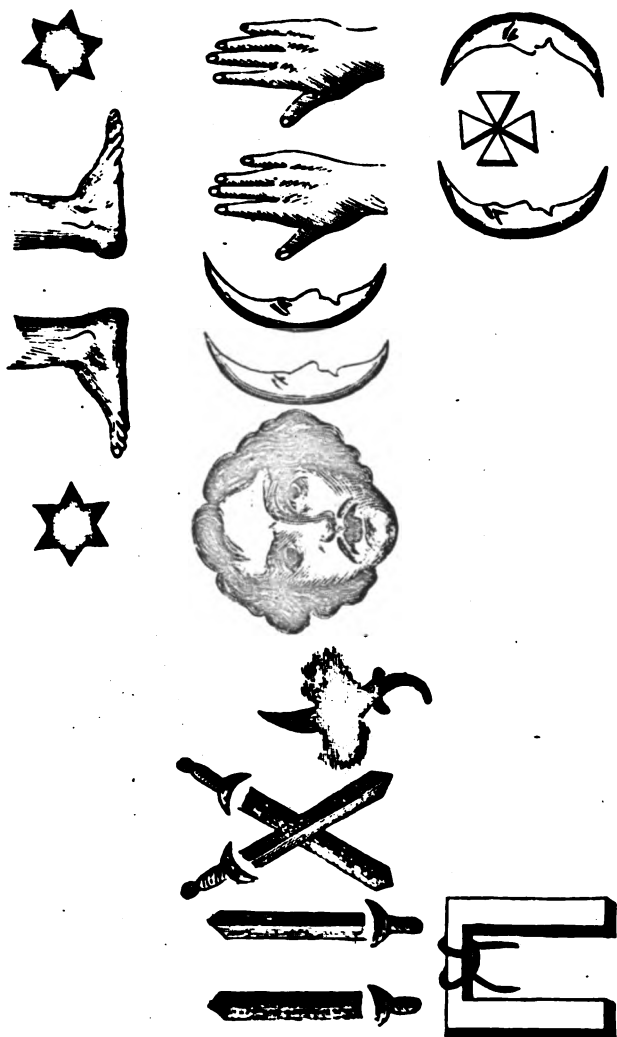
— Какъ ты высмотрѣлъ то знаменіе, какимъ подобіемъ его видѣлъ? стали спрашивать чернецы, проводивъ разсказчика въ его келью. Монастырь успокоился,—въ кельи стали собираться любопытные отцы-монахи.

— А вотъ какъ я его приѣтилъ, говорилъ между тѣмъ Порфирій: пришедъ отъ заутрени и отправя келейное правило, вышелъ я изъ кельи, чтобы не спать, и вдругъ узрѣлъ на западной сторонѣ комету. Глядѣлъ я на нее съ четверть четверти часа (минуты четыре). Видѣлась мнѣ именно голова; по одну сторону той головы сабля и два палаша брыжомъ (брестомъ), а третій стоймя; по другую сторону головы было двѣ ноги и двѣ руки, а надъ руками два мѣсяца; надъ мѣсяцами виднѣлись мнѣ двѣ звѣзды; противъ же головы, пониже ея немного, литера покой (П); послѣ литеры, съ обѣихъ сторонъ, по мѣсяцу; далѣе крестъ, особо, безъ мѣсяцевъ. А было то видѣніе на синемъ небѣ — одними желтыми колерами порознъ, а настоящаго мѣсяца въ то время не выдалъ.

— Сдѣлай ты милость, нарисуй намъ все, въ какомъ ты по-
добѣи видѣлъ.

— Пожалуй, я вамъ то нарисую.

Всѣ чернецы были рады послѣдному предложенію; убѣдительно
просили намалевать имъ все безъ утайки, какъ сподобилъ его Гос-
подь видѣть. Порфирій, иконописецъ по профессіи, съ удоволь-
ствіемъ выполнилъ всеобщее желаніе и тутъ же въ кельѣ, на стѣнѣ,
весьма тщательно отдѣлалъ мѣломъ помѣщаемый здѣсь рисунокъ:

Между тѣмъ, въ келью Порфирія, вслѣдъ за монахами, явился послѣ литургіи и трапезы намістникъ монастыря, от. Макарій. Намістникъ видимо заинтересовался разсказомъ и тутъ-же приказалъ нѣсколькимъ монахамъ перевести рисунокъ чернилами на бумагу. Приказаніе было выполнено: кромѣ того другіе монахи сѣвши для себя снятъ копіи — и въ то же утро рисунокъ явился въ нѣсколькихъ десяткахъ экземпляровъ, разумѣется не безъ варьянтовъ, впрочемъ незначительныхъ, которые придрывали, каждый по своему вкусу, монастырскіе живописцы. Такъ, увеличилось число палашей; на буквѣ покой явилась веревка, — мѣсяцы стали въ одну линію съ руками. Противъ лишняго палаша и веревки, которые и мы помѣстили въ нашей копіи, протестовалъ впослѣдствіи отецъ Порфирій. — Неизвѣстно, насколько справедливъ былъ этотъ протестъ.

Художники пораспродавали жителямъ свои произведенія. Они имѣли большой успѣхъ, какъ по загадочному содержанію, представляющему большую пищу для отгадокъ и разсужденій, такъ и по слѣдующимъ надписямъ, явившимся на тѣхъ рисункахъ:

„Сія комета, повѣдаютъ, видѣна была надъ Новградскимъ монастыремъ, року сего 1720 года, іаннуарія 27-го дня, въ ночи, години или часа 6-го, и, повѣдаютъ-же, самъ новгородскій архимандритъ съ братією ее видѣли“.

Вслѣдствіе всего этого, говоръ о небесномъ видѣніи такъ усилился, что архимандритъ того монастыря Геннадій, — лежа на смертномъ одрѣ, — при послѣднемъ издыханіи, поспѣшилъ однако препроводить и рисунокъ, и его изобрѣтателя къ гетману, послѣ чего архимандритъ умеръ.

Гетманъ не сталъ держать у себя монаха, и какъ преступника сомнительнаго, въ государственной противности, вмѣстѣ съ свидѣтелями Іезекілемъ и Грицко, представилъ въ Нѣжинъ, къ бывшему въ то время тамъ Меншикову.

Свѣтлѣйшій князь 3-го и 4-го апрѣля 1720 г. самъ занимался допросами Порфирія, Іезекіля и Грицко. Первый изложилъ предъ нимъ всѣ обстоятельства, сопровождавшія видѣніе, а послѣдніе положительнo объявили, что ничего на небѣ не видали.

Меншиковъ, не удовольствовавшись 4-мя доставленными ему копіями, заставилъ самого Порфирія сдѣлать рисунокъ, и тотъ дрожащею рукою, подъ страхомъ пытки, — набросалъ кой-какъ рисунокъ и скрѣпилъ его подписью.

Этотъ экземпляръ, противъ приведеннаго нами, имѣлъ нѣсколько вариантовъ: вмѣсто одной кривой сабли — Порфирій сдѣлалъ двѣ, вмѣсто четырехъ палашей — три; мѣсяцы — надъ руками, крестъ безъ мѣсяцовъ и буква покой безъ веревокъ, которыя дѣлають изъ мирной литеры изображеніе висѣлицы....

Нѣсколько дней спустя, безграмотный Меншиковъ приказалъ написать къ кабинетъ-секретарю Алексѣю Васильевичу Макарову слѣдующее письмо, прекрасно характеризующее петровскаго любимица:

— „Благородный господинъ секретарь! диктовалъ Меншиковъ: не могъ я оставить, еже-бы не объявить чинившейся здѣсь плевелы, которую, по прибытіи въ Малую Россію, по свиданіи съ господиномъ гетманомъ, свѣдалъ. Понеже Новгородскаго монастыря монахъ, самый плутъ, Порфирій издалъ изображеніе: будто онъ видѣлъ на небѣ.... А какимъ образомъ оное его плута вымышленное, будто видѣніе было, и котораго числа, тому при семъ прилагаю учиненный имъ плутомъ въ подобіи рисунокъ. А рисунокъ этихъ здѣсь, въ Малороссіи, зѣло размножилось у всякаго чина людей. И не безъ великаго есть здѣшнимъ народамъ отъ того нѣнія. Чего для, я помянутаго плута взялъ за арестъ; а о томъ: отъ кого онъ то будто видѣлъ видѣніе на небѣ былъ наученъ изобразить, разпрашиванъ. Онъ же, аки бы въ самой правдѣ, стоитъ твердо и показалъ тому жъ свидѣтелей; а они въ допросѣ сказали, что того на небѣ не видали, а видѣли то у плута нарисованное въ калѣ. Съ допросовъ ихъ, для лучшаго его царскому величеству доношеніе, при семъ сообщаю копію. А имъ плутомъ Порфиріемъ за сей вымышленный фальшъ намѣренъ былъ розыскивать (пытать) и о снятіи съ него сана къ черниговскому архіерею, Антонію, за его царскаго величества указомъ, предлагалъ. Но понеже онъ того не учинилъ, вызволяя себя тѣмъ, что будто того, чтобъ видимаго плута безъ семи соборовъ сана лишить невозможно. Чего ради, да изволите ваша милость о всемъ, о семъ въ благовременный часъ донести его царскому величеству, и что изволитъ повелѣть, прошу насъ увѣдомить.

„При семъ-же особливо вашу милость прошу не оставить насъ въ своей корреспонденціи, чрезъ которую о всѣхъ тамошнихъ обращеніяхъ увѣдомленіемъ сообщать: въ чемъ я на вашу милость благонадеженъ есмь и остаюсь вашей милости доброжелательный Александръ Меншиковъ. Изъ Батурна. — 22-го апрѣля 1720 года“.

По царскому указу, Порфирій былъ вытребованъ въ Петербургъ,

въ Тайную Канцелярію. „Онаго чернца, писалъ по этому случаю Макаровъ Толстому, его царское величество послалъ вашему превосходительству о его ложномъ видѣніи розыскать: для чего онъ то заставлялъ?“

Арестантъ былъ принятъ въ вѣдомство Петра Андреевича Толстаго—21-го октября, и въ тотъ же день снятъ первый допросъ, послѣ котораго Порфирій немедленно лишенъ монашескаго чина. Митрополитъ Стефанъ Яворскій вовсе не находилъ удобнымъ противорѣчить, подобно черниговскому архіерею, сильнымъ мира сего,—и, по первому слову Толстаго, командировалъ іеромонаха для разстриженія. Отецъ Порфирій преобразовался въ Потапа Матвѣева, и теперь, совершенно незазорно, могъ быть преданъ истязаніямъ.

Дѣло однако обошлось и безъ нихъ. Съ растриги сняли второй, затѣмъ третій допросы. Онъ упорно стоялъ на томъ, что дѣйствительно все видѣлъ такъ, какъ изобразилъ на рисункѣ, на бѣлойной стѣнѣ и предъ свѣтлѣйшимъ Меншиковымъ на бумагѣ.

„Больше того рисунковъ я не дѣлалъ, говорилъ Порфирій; о видѣніи ни съ кѣмъ въ разсужденіи не говаривалъ, и своимъ мнѣніемъ ни въ какую силу не разсуждалъ, въ чемъ утверждаюсь подъ смертною казнію“.

Дней пять спустя, бывшаго іеромонаха привели въ застѣнокъ и на дыбѣ поставили въ ремень, руки положили въ хомутъ. Разстрига стоялъ на прежнихъ показаніяхъ: „комету я всеконечно видѣлъ на западной сторонѣ облаками, желтыми колеры порознь; а не въ одномъ мѣстѣ, для того, что въ то время въ иныхъ мѣстахъ было ясно“.

Петръ Андреевичъ Толстой былъ, вѣроятно, въ добромъ расположеніи духа — и достопочтеннаго отца не вздернули на виску, не обезпекли кнотовымъ изслѣдованіемъ.

Вообще судьба спасла его отъ тѣлеснаго штрафованія.

Четырнадцать мѣсяцевъ ждалъ онъ въ разныхъ тюрьмахъ: въ Нѣжинѣ, въ Стародубѣ, въ Батуринѣ, въ Петербургѣ, рѣшенія своей участи—и она опредѣлилась 14-го марта 1721 года слѣдующимъ постановленіемъ Толстаго, Ушакова и Писарева:

— „Іеромонаха Порфирія, что нынѣ разстрига Потапъ, за то, что онъ показалъ ложно, будто видѣлъ на небѣ видѣніе, чему и рисунокъ учинилъ, съ котораго въ Малой Россіи немало таковыхъ отъ его плутовства размножилось, а его ложному плутовству вѣрить

не мало не надлежитъ, и за то — сослать его въ Соловецкій монастырь и держать тамъ до его смерти, отнюдь никуда не выпуская¹⁾.

Арестанта сдали подъ росписку комиссару Савинову для доставленія на мѣсто ссылки; но еще долго шла перениска — изъ какихъ суммъ выдать ему прогонны? Она кончилась опредѣленіемъ Тайной Канцеляріи — выдать изъ ея суммъ проводнику прогонныхъ денегъ на одну ямскую подводку на 1,040 верстъ до города Архангельска... сколько бы вы думали!... 3 рубля, 23 алтына!

Поступокъ черниговскаго архіерея, дерзнувшаго сослаться на церковныя правила и не послушавшагося могущественнаго Меншикова, не остался безнаказаннымъ. Владыку вытребовали, по высочайшему повелѣнію, въ Сенатъ, который и обратился съ распросомъ о немъ въ Розыскныхъ дѣлъ Тайную Канцелярію. Въ чемъ состоялъ приговоръ грознаго судилища относительно епископа Антонія — изъ дѣлъ не видно.

ХІІ.

Кликуша ¹⁾

Кто бывалъ въ нашихъ дальнихъ монастыряхъ да пустыняхъ, кто часто заходилъ въ приходскія церкви людныхъ селъ въ праздничный день, когда въ храмѣ тѣснятся толпы народа, тому случалось, можетъ быть, замѣтить иногда у дверей съжавшуюся женщину, нерѣдко съ передернутымъ, сильно скосившимся лицемъ, съ бессмысленно мигающими глазами... Она охаетъ, кряхтитъ, судорожно осѣняетъ грудь крестнымъ знаменіемъ и бьетъ земные поклоны. Ее не тѣснитъ, не душитъ толпа народа, напротивъ, на нее и ея проводницу обыкновенно смотрятъ съ какимъ-то уваженіемъ и стоняются съ страннымъ подобострастьемъ.

— Что это за женщина? спрашиваете вы.

— Кликуша, батюшка, кликуша, — отвѣчаетъ сосѣдняя старуха: — кликаетъ негѣннымъ гласомъ, вотъ какъ несутъ дары и ее станеть бить...

Дѣйствительно, запоютъ ли „достойную“, либо „херувинскую“

¹⁾ Вершенинъ дѣла Р. Д. Т. Б., к. XVII, д. № 45.

либо вынесутъ дары — и вдругъ церковь оглашается какимъ-то дикимъ воплемъ: слышится то собачій лай, то лягушечье кваканье, то какой-то вой; что-то визжитъ, нытитъ и стонетъ.

Народъ, привычный къ этимъ явленіямъ, большею частію даже не оглядывается и, продолжая молиться, только сторонится, чтобъ дать мѣсто кликушѣ.

Подойдемъ, посмотримъ на нее. Зрѣлище дѣйствительно странное. Бабу колотитъ, дергаетъ какая-то нечистая сила, поводитъ судорога; она кричитъ самыми нелѣпными голосами; платокъ свалился, платье въ беспорядкѣ, волосы разсыпались безобразными космами — и баба мечется на полу. Надъ ней заботливо суетится проводница, неизмѣнная спутница кликуши; она покрываетъ ее голову платкомъ, придерживаетъ на одномъ мѣстѣ, чтобъ не металась, поправляетъ платье, либо иной разъ проситъ накрыть ее какимъ-нибудь церковнымъ платомъ....

Минутъ двадцать спустя, много черезъ полчаса, — кликуша стихаетъ, и только тяжкое, громкое дыханіе показываетъ, что съ ней былъ припадокъ...

Кончилась обѣдня. Народъ валитъ изъ церкви, и многіе мужики да бабы, проходя мимо кликуши, долгомъ считаютъ подать ей грошикъ на ея „убожество болѣзное“.

Что за причина подобныхъ припадковъ? Дѣйствительная ли болѣзнь, желаніе ли прибытка, корысть, особый ли родъ выпрашивать милостыни?

И то, и другое. Иногда это кликанье — дѣйствительная болѣзнь особаго рода (не одинъ ли изъ видовъ падучей, или какъ называетъ ее народъ — родимчикъ?). Объ этой болѣзни кликушъ любопытные могутъ найти учено-медицинскую монографію, изданную на русскомъ языкѣ въ 1860-хъ гг. Тѣмъ не менѣе однако не можетъ быть сомнѣнія, что между кликушами попадаются такіе, которые изъ кликанія сдѣлали особаго рода выгодный для нихъ промыселъ. Ѣдучи на нижегородскую ярмарку (въ 1860 г.), мнѣ случилось видѣть на пароходѣ кликушу. Это была женщина лѣтъ сорока пяти, съ сморщенной, желтою фізіономіею и бойкимъ, осмысленнымъ взглядомъ. Она была одѣта, какъ одѣваются жены богатыхъ фабричныхъ, и я невольно удивился, слышавъ, какимъ приторно-гнусливымъ голосомъ стала она рассказывать о своемъ кликаніи по церквамъ, о тѣхъ видѣніяхъ, какія бываютъ съ нею,

и стала просить денегъ, будто бы собираемыхъ ею для богоугоднаго путешествія въ Соловки! Но на пароходѣ большею частію были купцы да мѣщане, народъ болѣе или менѣе отрѣшившійся отъ нѣкоторыхъ вѣрованій простолюдина, и потому на гнусеніе кликуши отвѣтили ругательствами, и та стихла...

Въ настоящее время правительство благоразумно представляетъ самому народу вести себя какъ онъ хочетъ относительно кликушъ, юродивыхъ, всякаго рода дураковъ... Каждый знаетъ, что преслѣдованіе въ этомъ случаѣ неумѣстно. Дѣлая изъ этихъ жалкихъ больныхъ и не больныхъ уродовъ какихъ-то мучениковъ, преслѣдованія еще болѣе усиливаютъ суевѣріе черни...

Но полтора ста лѣтъ тому назадъ не было, да и не могло быть такого взгляда на вещи. Достаточно было обвиненія двухъ, трехъ кликушъ въ притворствѣ, чтобъ вызвать Петра на энергическое, постоянное и упорное преслѣдованіе кликушъ, заурядъ со всѣми чудодѣями, странниками, странницами, предсказателями, затворниками, учителями раскола и прочими людьми, волновавшими народъ и словомъ, и дѣломъ.

Кликушъ хватили вездѣ и, по высочайшему повелѣнію, держали въ тюрьмахъ; пятали, сѣкли, наконецъ, разсылали въ работу по припадильнымъ дворамъ и фабрикамъ...

Вотъ партія кликушъ—три бабы. Ихъ прислали изъ Москвы—17 августа 1720 г.—вице-губернаторъ Воейковъ: дочь харчевника, Авдотья Яковлева, Тихвинской Сущевской богадѣльни слѣпая дѣвка Ариня Иванова, да мѣщанской слободы купеческая жена—Авдотья Акимова. Всѣ три кликали по разнымъ московскимъ церквамъ и монастырямъ, и въ томъ кликаніи взяты подъ караулъ.

— Въ семь году, показывала Акимова на допросѣ при губернской канцеляріи въ Москвѣ, — была я точно въ больномъ Успенскомъ соборѣ и во время божественнаго пѣнія кричала негѣннымъ голосомъ: лаяла собакою. Случилась со мной эта скорбь лѣтъ ужъ съ сорокъ, еще младенцемъ. Находить она на меня въ мѣсяцъ по однажды, по дважды, по трижды и болѣе,—прилучается въ церквахъ и дома. Вѣдаютъ о той скорби многіе посторонніе люди, а также духовникъ мой, священникъ церкви Успенія Пресвятой Богородицы, за Москвой рѣкой. А буде я, Авдотья, сказала что ложно, и за то указалъ бы великій государь казнить меня смертію...

Невольно улыбаешься, слыша изъ устъ бабы-старухи эту обыч-

ную, заключительную фразу. Здѣсь она какъ-то особенно неумѣстна и смѣшна...

Справились у духовника кликуши: вѣдаетъ ли онъ за ней ту скорбь?

— Не вѣдаю, кликала ли она въ церкви, — отвѣчалъ священникъ, — но живучи у меня въ доу, почасту лаяла собакою, кричала лягушкою, пѣсни пѣла, смѣялась, да приговаривала: охъ, тошно мнѣ, охъ тошно!

— Кричала и я нелѣпный голосомъ, — показывала Авдотья Яковлева, — въ разныхъ церквахъ и дома почасту: въ храмѣ Положенія ризы Богородицы, идѣже лежатъ мощи Іоанна блаженнаго на рву, да Козмы и Демьяна въ нижнихъ Садовникахъ, кричала во время божественнаго пѣнія, а покаковски — того не упомяну. А та скорбь приключилась не давно и съ чего — не знаю.

— А мнѣ довелось часто кричать нелѣпный гласомъ, — калялась слѣзная Иванова, — во время слушанія чтенія св. Евангелія въ Никитскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, да въ Тихвинской церкви въ Сущевѣ; что кричала — того не вѣдаю, и была та скорбь со мной въ богадѣльнѣ по днямъ и ночамъ; приключилась она отъ рожденія матери моей, что-де слыветъ въ народѣ: тихая и родимецъ; мать и другіе свойственники отъ той скорби меня не уберегли...

Какъ бы то ни было — скорбь ли, не скорбь, но кликушъ подозрѣвали въ сообществѣ съ расколомъ; всѣ онѣ являлись ослушниками царскаго указа: „ни по церквамъ, ни по домамъ не кликать и народъ тѣмъ не смущать“, и потому онѣ — государственныя преступницы.

Слово и дѣло!

Что преступленіе ихъ съ точки зрѣнія тогдашняго правительства было важно, можно уже видѣть изъ того, что царское величество, получивъ кликушъ изъ Москвы, немедленно отослалъ всю партію для розыску къ его превосходительству Петру Андреевичу Толстому съ товарищами.

Трибуналъ не иѣскалъ: прочелъ копінъ съ московскихъ допросовъ и на другой же день пригласилъ кликушъ въ застѣнокъ, къ днѣ.

Первую вздернули кверху Авдотью Акимову.

— Съ чего у тебя сдѣлалась та скорбь, не притворяешься ли, кто научалъ тебя кричать?

— Кричала лягушкою и лаяла собакою безъ притвору въ болѣзни своей, а та болѣзнь у меня лѣтъ сорокъ и какъ схватить— и въ то время ничего не помню; кликать же меня не научали...

Дано 7 ударовъ.

Подняли на виску Авдотью Яковлеву.

— Говори безъ утайки: по чьему наученію и съ чего ты кликала?

— Кричала въ безпамятствѣ, безъ всякаго притвору, ничего не помня; съ чего учинилась скорбь—не знаю, а научать, никто меня не научалъ.

Было ей 11 ударовъ.

Подвели слѣпую Арину Иванову: руки въ хомутъ, ноги въ ремень—веревку дернули и она виситъ на дыбѣ.

— Говори правду: съ чего кликаешь?

— Болѣзнь у меня падучая: какъ схватить—все забываю, кричу безъ притвору и безъ сторонняго наученія.

Отсчитали 5 ударовъ.

Четыре дня спустя, вся партія кликушъ приведена въ тотъ же застѣнокъ. Одну за другой ставили ихъ по другому разу въ ремень, вздергивали на дыбу, и съ подъему, безъ кнута, снимали новыя показанія.

Онѣ ничѣмъ не рознились отъ прежнихъ.

— Вотъ и вчерашняго числа, — говорила одна изъ кликушъ, Авдотья Яковлева, болтаясь на веревкахъ: схватида меня скорбь та, кликаніе, въ тюрьмѣ, при караульномъ солдатѣ: вскричала и упала о-земь въ безпамятствѣ.

— Правда то или нѣтъ?—спрашивали судьи у часового, солдата лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка.

— Заподлинно правда, отвѣчалъ часовой:—вчерашняго числа, во время св. литургіи, молилась эта баба въ караулнѣ, что въ равелнѣ, и вдругъ вскочила, упала, затряслась и стало ее гнуть. Лежала она отъ того на землѣ замертво часа полтора—и я пришелъ въ страхъ немалый.

Тюремное кликанье спасло Яковлеву отъ дальнѣйшаго штрафованія. Судьи положили: такъ какъ та болѣзнь была съ нею въ крѣпости, въ бытность ее за карауломъ, того ради ее освободить, но не иначе какъ съ порукою и роспискою ея мужа, что она „впредь во святыхъ храмахъ кричать, кликать и смятенія чинить не будетъ, подъ страхомъ жестокаго штрафованія кнутомъ и ссылки на прядильный дворъ въ работу вѣчно“.

Послѣднее опредѣленіе показываетъ, что инквизиторы остались при своемъ убѣжденіи, что кляканье ея притворство; иначе бы они не стали требовать невозможнаго: не клякать тогда, когда скорбь отъ Яковлевой вовсе не зависѣла.

Что до остальныхъ двухъ кликушъ, то ихъ препроводили къ оберъ-полиціеимейстеру для опредѣленія на С.-Петербургскій придѣльный дворъ. Девіеръ возвратилъ ихъ при несѣмъ: „придѣльный-де дворъ состоитъ въ вѣдомствѣ Бергъ-Коллегіи, по мануфактурнымъ дѣламъ“.

Тайная Канцелярія, принявъ обратно кликушъ, пристроила ихъ наконецъ на одномъ изъ полотняныхъ заводовъ, въ вѣдомствѣ кабинеть-секретаря Алексѣя Васильевича Макарова.

XIII.

Прапорщикъ Скобѣевъ ¹⁾).

Кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ.
(Поговорка).

Весело и шумно проводить русскій человѣкъ Рождество, Святую-недѣлю и прочіе годовые праздники: любитъ онъ—и винца испить, и поговорить, да покричать, а зачастую—и подраться въ тѣ минуты, когда имѣлъ сильно затуманить его голову... И на всемъ громадномъ пространствѣ матушки-Руси: въ свѣтлыхъ хоромѣхъ помѣщика, въ тѣсной келейкѣ затворника, на улицѣ, да на площади, наконецъ въ лачугѣ крестьянина, русскій человѣкъ одинаково любитъ въ эти минуты, подъ шумокъ винца да пива, поболтать на распашку; за словомъ въ карманъ не полѣзетъ, и путаетъ, и кричитъ, берется толковать обо всемъ, ни надъ чѣмъ не задумываясь, ни на чемъ не останавливаясь.

Но было время, когда и въ минуты „пьянственнаго веселья“ надо было держать себя на-сторожѣ, надо было говорить съ оглядкой, страшась извѣтчиковъ. То было время царствованія преобразователя Россіи, Петра Алексѣевича. Каждое неосторожное слово, сказанное о лицахъ высокихъ, о событіяхъ важныхъ; каждая мысль,

¹⁾ Вершения дѣла Рос. Д. Т. Канцел.

выданная злодѣемъ языкомъ, слишкомъ развязаннымъ роднымъ и чужимъ — все вкле въ Канцелярію Тайныхъ Розсыльныхъ Дѣлъ, нерѣдко въ застѣнокъ, руки въ хомутъ, на дыбу, и во всякомъ случаѣ пошла работа заплечному мастеру...

Послушаемъ-же эти вольныя рѣчи, посмотримъ на двухъ, на трехъ изъ этихъ страшныхъ „политическихъ преступниковъ“, прочитаемъ приговоры надъ ихъ преступленіями. Тогда мы увидимъ, дѣйствительно-ли были такъ опасны — вольныя рѣчи, много-ли зависѣла отъ нихъ цѣлость русскаго государства, колебали-ли онѣ тронъ великаго монарха, наконецъ среди какихъ людей, въ какихъ мѣстахъ находили онѣ недовольныхъ.

Вотъ одинъ изъ нихъ: Тимофѣй Савельевичъ Скобѣевъ, прапорщикъ разкосованнаго ландмилицкаго полка, отпущенный генералъ-аудиторомъ Иваномъ Кикинымъ въ отпускъ, проживалъ въ 1721 году въ Боровскомъ уѣздѣ, въ селѣ Фроловскомъ. Въ этомъ селѣ жило нѣсколько мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ; между домами ихъ было два двора Скобѣева. Человѣкъ онъ былъ весьма небогатый; но двухъ дворовъ крестьянъ, да земли было достаточно настолько, чтобы частенько покупать вино, да пить зачастую чашу горькую, не разбирая ни скоромныхъ дней, ни постныхъ, ни среды, ни пятницы. Спокойно-бы текла жизнь Тимофѣя Савельевича, еслибы Провидѣніе не даровало ему, въ лицѣ его благовѣрной Матрены Прокофьевны, женщину своеобразную, крутую, которая съ негодованіемъ смотрѣла на поведеніе супруга. Она непрестанно удерживала Тимошу, не давала вина, не давала денегъ, бранилась, ссорилась, не брезгала и рукопашной схваткой — все было тщетно. У Скобѣева было досугу много: разъ въ годъ являлся онъ на смотръ въ Москву, въ столовую палату; на службу, за болѣзнь-ли, или за старостью — его не записывали, и онъ совершенно свободно отдавался своей страсти.

Наступали праздники Рождества, 1721 года. Тимофѣй Савельичъ съ радости не могъ ихъ выждать и уже за недѣлю пилъ непотѣрно. Въ одинъ изъ такихъ дней, рано утромъ, послѣ шумно проведенной ночи, Тимофѣй Савельичъ попросилъ у жены вина опохмѣлиться. Но тщетно представлялъ онъ ей на видъ тѣ обстоятельства, что онъ былъ весьма пьянъ, что голова его тяжела, во рту, Богъ знаетъ, что такое, — Матрена Прокофьевна не хотѣла ничего слушать и вина не дала.

Огорченный супругъ осыпалъ жену сильными упреками, затѣмъ

бранью, а отъ рѣзкихъ словъ дѣло дошло до ручной схватки. По праву сильнаго, Тимоша сталъ бить нещадно, — Матрена Прокофьевна заголосила. Свидѣтельницею супружескаго объясненія была служанка Авдотья Васильева. Не зная, какъ разнять господъ, она побѣжала за Акимомъ Ивановичемъ, дворовымъ человекомъ Скобѣевыхъ.

Когда Ивановъ вошелъ въ горницу, бой стихъ; утомились-ли бойцы, или совѣстно стало помѣщику и помѣщицѣ, какъ-бы то ни было, но они разошлись. Мужъ всталъ на печь, жена усѣлась на лавкѣ.

Но слабая женщина въ нѣмлю горячки никогда не можетъ остановиться на первомъ объясненіи; не взявши силою, она прибѣгаетъ къ слову. Матрена Прокофьевна и на этотъ разъ, не успѣвъ еще оправиться отъ схватки, растрепанная, помятая, осыпала мужа самыми отборными выраженіями.

— Для чего ты пьешь, для чего буйнишь? говорила она между прочимъ: пьешь, да безобразничаешь, а отъ того пьянства меня бьешь, въ среду да въ пятницу блудишь. Побойся Бога, у насъ и челядинцы того не дѣлають.

Больно обидно показалась Скобѣеву выходка жены. Схватка отрезвила его совершенно, и, не утерпя „тѣхъ ея словъ“, онъ сталъ жену бранить, наконецъ весьма положительно замѣтить:

— Что ты мнѣ указываешь? Вѣдь такъ самъ государь, Петръ Алексѣевичъ, дѣлаетъ!

— Ну, что ты про государя говоришь, отвѣчала Матрена: вѣдь государь Петръ Алексѣевичъ не наша персона. Вѣдь онъ — какъ изволить!

— Врешь жена, я знаю, что говорю...

— Нѣтъ, не знаешь, заключила супруга: заврался ты съ пьяна-то.

Бесѣда стихнула. Акимъ Ивановъ вышелъ изъ горницы, его взяло раздумье. Мужикъ, какъ видно, былъ онъ толковный, читать не читалъ за безграмотностью, но слышалъ и зналъ про царскіе указы, въ которыхъ такъ щедро сулили награды извѣтчикамъ по дѣламъ, до персоны царской, либо до интересовъ его касающимся; зналъ и угрозы тѣмъ, кто, свѣдавъ о чемъ нибудь изъ такихъ дѣлъ — не доносилъ. Съ одной стороны соблазняла награда, даже надежда на освобожденіе на волю, съ другой пугала мысль: что если Васильева, по бабьей натурѣ, болтнетъ кому-нибудь на селѣ, и вольныя рѣчи помѣщика дойдутъ до начальства?

„слово и дѣло“.

Долго однако не рѣшался Акинъ выдать барина; наконецъ 17 апрѣля—явился онъ на пикетъ къ караульному офицеру и сказалъ за собой: слово и дѣло! Обличителя препроводили въ Преображенское. Его царское величество соизволило допустить къ себѣ Акина на объясненіе въ кабинетъ. Передалъ служитель дѣло важное; записали его рассказъ, и 21 апрѣля 1721 г. виѣсть съ запискою препроводилъ его кабинетъ-секретарь Алексѣй Васильевичъ Макаровъ въ Тайную, къ Андрею Ивановичу Ушакову.

„И хотя то дѣло, приписывалъ секретарь въ Р. С., его императорское величество изволилъ ставить за неважное, однако по доношенію—помѣщика того надобно сыскать и допросить въ томъ: къ какому случаю онъ такіа слова говорилъ?“

Андрей Ивановичъ отобралъ подробныя показанія отъ служителя, затѣмъ внимательно выслушалъ барина. Его схватили на мѣстѣ жительства и привезли подъ стражу. Скобѣевъ сознался; рассказалъ все происшествіе, затѣмъ клялся, что „никогда никакихъ важныхъ продерзостныхъ и непристойныхъ словъ ни прежде, ни послѣ того не было; про его величество съ женой никогда не говаривалъ, а что было имъ сказано, то просто, а ни въ какую силу“.

Сознаніе спасло отъ пытки, смягчило и наказаніе:

1 мая 1722 г. Тайная Канцелярія, по указу его императорскаго величества, рѣшила:

— „Прапорщика Тимофія Скобѣева за глупыя и непристойныя слова, бить батоги нещадно, затѣмъ освободить. А доносителю Акину Иванову, за его извѣтъ, дать паспортъ, въ которомъ написать, что ему Акину съ женой и съ дѣтьми отъ Скобѣева быть свободну и жить гдѣ похочеть“.

XIV.

На дворянской пирушкѣ.

Послушавъ утреннюю бесѣду Тимофія Савельевича Скобѣева съ Матреной Прокофьевной, отправившись на вечерокъ къ помѣщику Новгородскаго уѣзда, къ Петру Ивановичу Баранову, въ Николо-Динской погостъ.

На второй день праздника, 26 декабря 1721 года, въ усадьбѣ

Петра Ивановича, Гора-Чиролы, собралась большая компанія. Здѣсь былъ гвардіи капитанъ Петръ Наумовичъ Мельгуновъ, онъ пріѣхалъ для описи всѣхъ лицъ мужского пола; гренадерскаго пѣхотнаго полка поручикъ И. Г. Телѣгинъ, комиссаръ Н. П. Арцыбашевъ, дворянинъ, призванный для подписки объ опрошенныхъ душахъ, Василій Семеновичъ Харламовъ, подьячій Чекаревъ и Збургской.

Всѣгда была шумная, угощеніе славное, вино да пиво хмѣльное развязало языки. За ужиномъ гости просидѣли до четырехъ часовъ утра. Болѣе всѣхъ охмѣлѣлъ помѣщикъ Харламовъ. По мѣрѣ того, какъ болѣе и болѣе хмѣлѣлъ Василій Семеновичъ, рѣчи его дѣлались шумнѣй да шумнѣй; слова непотребныя, скверныя да бранныя чаще и чаще слетали съ его устъ. Толковалъ онъ о многомъ, добрался въ рѣчахъ его смыслу дѣло было нелегкое, болѣе всего ругалъ онъ присутствующихъ.

— Дуракъ ты, дуракъ, кротно замѣтилъ поручикъ Телѣгинъ, будетъ тебѣ врать-то!

— А что за бѣда, болтнулъ въ отвѣтъ пьяный, въ Санктпетербургѣ и государь Петръ Алексѣевичъ вретъ.

— Взять его подъ караулъ!—закричалъ Мельгуновъ.

Болтунъ проснулся подъ арестомъ, но слово не воробей: вылетѣло—пропало, воротить его было нельзя.

Мельгуновъ отобралъ у всѣхъ свидѣтелей подписку о видѣнномъ и слышанномъ и приложилъ ее къ рапорту на имя командира своего, генералъ-маіора и гвардіи маіора М. Я. Волкова.

— „Онаго же Харламова, писалъ между прочимъ капитанъ, посылаю при семъ съ гвардейскимъ солдатомъ Расторгуевымъ, понеже опасенъ, ежели онаго не объявить, чтобъ впредь какого худа не произошло“.

16 января 1722 г. мы находимъ уже Харламова въ Тайной Канцеляріи. Стоитъ и трепещетъ предъ неумытными судьями новгородскій помѣщикъ и ведетъ рѣчь повинную.

Онъ кается въ томъ, что пировалъ 26 декабря у Баранова, видѣлъ тамъ Мельгунова, но были-ль тамъ кто другіе—того онъ не упомянуть, да и изъ словъ-то про его величество не помнить, понеже былъ онъ, Василій, въ то число весьма пьянъ.

Дѣло-ли было слишкомъ ясно, разбѣраться-ли его не стоило труда, какъ бы то ни было—только въ тотъ же день Тайная Канцелярія, по указу его величества, опредѣлила:

— „Новгородцу Харланову за непристойныя слова учинить наказаніе: бить батоги нещадно. Потому именно, писали Толстой, Ушаковъ да Писаревъ, что хотя онъ, Харлановъ, былъ весьма пьянъ и словъ своихъ не помнитъ, но Мельгуновъ и другіе свидѣтели показали, что онъ въ пьянствѣ бранился и означенныя непристойныя слова говорилъ. Того ради и учинить ему наказаніе, дабы онъ впредъ, хотя и въ пьянствѣ, никакихъ непристойныхъ словъ не говорилъ; а по наказаніи свободить“.

XV.

Портной царевича Алексѣя.

Не такъ легко отдѣлался другой государственный преступникъ, не потому, чтобы его преступленіе было важнѣе, — нѣтъ, а потому, что къ его дѣлу примѣшивалось воспоминаніе о царевичѣ Алексѣѣ; а всѣ дѣла, при совершеніи которыхъ невольно подымалась предъ судьями окровавленная тѣнь наследника престола, рѣшались не въ примѣръ суровѣе и грознѣе.

15 апрѣля 1722 г., вечеромъ въ 5-мъ часу, по Тверской улицѣ, въ Москвѣ, ѣхалъ нашъ старинный знакомый, прапорщикъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, Иванъ Михайловичъ Орловъ, герой трагическаго романа и любовникъ фрейлины Марьи Даниловны Гамильтонъ (см. о ней въ этой книгѣ, далѣе). Орловъ ѣхалъ въ каретѣ съ капитанъ-лейтенантомъ Танѣевымъ. Противъ двора вдовы княгини Анны Долгоруковой наскочилъ на нихъ какой-то пьяница и сталъ на лошадей „шататься“.

— Что это за шалунъ? закричали офицеры, хватая лошадь незнакомца.

— А я... я... не шалунъ, говорилъ пьяный, размахивая тростью: я не шалунъ... я служилъ при государѣ царевичѣ вѣрно... да, вѣрно... А судить того Богъ... кто... насъ обидѣлъ...

Уже одно упоминаніе о царевичѣ (разумѣется—Алексѣѣ Петровичѣ) въ устахъ незнакомца, на улицѣ, было преступленіе, и офицеры сочли долгомъ, во первыхъ, прензрядно поколотить пьяницу— не шатайся молъ на лошадей, а затѣмъ за непристойныя слова сдѣть его подъ караулъ близъ Воскресенскихъ воротъ.

Въ тотъ же вечеръ Орловъ, въ качествѣ царскаго деньщика, нашелъ удобную минуту и всенподданнѣйше донесъ о преступленіи и преступникѣ.

Государь Петръ Алексѣевичъ повелѣлъ дѣло изслѣдовать, и на другой день Орловъ доставилъ арестанта въ Тайную Канцелярію.

Арестантъ, вполне уже трезвый, въ отвѣтъ на распросы судей, познакомилъ ихъ съ своей біографіей:

— „Родомъ я шведъ, говорилъ обвиняемый, родился въ Финляндіи, въ городѣ Сердоболѣ. Отецъ мой, Еремѣи Силинъ, былъ шапочникомъ, мое же нѣмецкое имя было Габріель. Въ 1702 году графъ Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ напалъ съ казаками на нашъ городъ; я былъ взятъ въ плѣнъ и привезенъ въ Олоонецъ, гдѣ и выпущенъ за малолѣтствомъ на волю. Попалъ я въ Петербургъ; явился въ домъ кронъ-принцессы и у портного Пинера прожилъ въ ученіи три года; въ это время узналъ меня камердинеръ царевича Алексѣя Петровича, Иванъ Афанасьевъ, взялъ къ себѣ и поручилъ убирать платье царевича. Тутъ я и жилъ до 1716 года; въ этомъ году, 8-го ноября, царевичъ мнѣ отказалъ за умноженіемъ числа служителей. Я переѣхалъ въ Москву, занимался портняжествомъ, сначала въ домѣ князя С. Голицына, потомъ у князя Ивана Юрьевича Трубецкаго, наконецъ поступилъ въ услуженіе къ княгинѣ Аннѣ Долгорукой. 15 апрѣля сего года былъ я въ гостяхъ у синодскаго секретаря Семенова; поѣхалъ я отъ него пьяный. На Тверской, противъ дома своей госпожи, наѣхалъ я на карету неизвѣстныхъ мнѣ людей“.

Послѣ этихъ предварительныхъ объясненій, Силинъ разсказалъ свою встрѣчу, но объявилъ, что только тогда, когда офицеры стали его бить, онъ, не стерпя побоевъ, сказалъ Орлову: „суди тебя Богъ, что насъ обидишь!“

Такихъ-же словъ, увѣрялъ Силинъ, „суди того Богъ, кто насъ обидѣлъ“, я вовсе не говорилъ.

Все дѣло, лучше сказать, вся важность преступленія состояла въ томъ, какое именно мѣстоимѣніе употребилъ пьяный портной: тебя или того, и въ какомъ времени поставилъ глаголъ обидѣть, въ настоящемъ или будущемъ. Если въ его рѣчи было тебя и обидишь, то эти слова относятся къ деньщику-прапорщику; если же того и обидѣлъ... тогда... тогда преступленіе слишкомъ важно, оно имѣетъ громадное значеніе!

Для рѣшенія столь серьезнаго грамматическаго вопроса Петръ Андреевичъ Толстой, да Андрей Ивановичъ Ушаковъ 25 апрѣля 1722 г. отправились въ застѣнокъ: Силина спрашивали съ пристрастіемъ, вложили руки въ хомутъ и вздернули на дыбу.

Портной висѣлъ на дыбѣ, въ ожиданіи кнута, „довольно“ и во все это время продолжалъ стоять на мѣстѣ, вѣсто того и спрягалъ глаголь обижать не въ прошедшемъ, а въ будущемъ времени: вѣсто обидѣлъ — обидишь!

Такая однако стойкость Силина спасла его спину отъ кнута; тѣмъ не менѣе приговоръ состоялся строгій: Тайная Канцелярія, по указу царскому, повелѣла Сибирской канцеляріи отправить Силина въ ссылку въ Сибирь.

4-го сентября 1722 г. Тайная Канцелярія почему-то нашла нужнымъ справиться, дѣйствительно-ли высланъ Силинъ, — и ей отвѣтили, что бывшій портной и служитель царевича еще 21 іюня отправленъ въ Тобольскъ, подъ конвоемъ поручика Микулина.

XVI ¹⁾.

Школяры.

27 сентября 1722 года, въ среду, поздно вечеромъ, у Гавриилъ Павлова, прозваніемъ Лысаго, старшаго дьячка церкви св. Ильи, что въ городѣ Глуховѣ, собралась веселая компанія. Нѣкоторые изъ собесѣдниковъ только что приняли изъ шинка, гдѣ отвѣдали вина, и разговоръ сдѣлался живѣе и одушевленнѣе.

Хмѣль одолѣлъ: собесѣдники разбрелись по угламъ, разлеглись по лавкамъ. Было два часа ночи. Свѣча, догорая, мерцающимъ свѣтомъ освѣщала спящихъ и засыпающихъ. Разговоръ сталъ стихать, и скоро храпъ да кряхтѣніе переворачивающихся съ боку на бокъ нарушали тишину.

Пользуясь этимъ временемъ, познакомились съ хлопцами, нашедшими пріютъ въ школѣ Лысаго: вотъ на верхней лавкѣ, у печки,

¹⁾ Предлагаемый разсказъ, показывая до чего и до кого доходили въ Петровское время обвиненія въ государственномъ преступленіи, даетъ, въ то же время, понятіе о жизни школьниковъ въ южной Россіи. См. вершенна дѣла Р. Д. Т. К., карт. XXXI, д. № 4.

улегся Лукьянъ Васильевъ Нечитайло, сынъ истаго казака, хлопецъ дюжій, болтливый, родомъ онъ изъ города Галича; на десятомъ году отъ роду потерявъ отца, приобрѣлъ въ Глуховѣ и жилъ по разнымъ школамъ „для обученія“; Лукьянъ изучилъ премудрость часослова, умѣлъ подписать свое имя, затѣмъ обученіе шло плохо: шинки, да дивчаты отбивали отъ него грамоту и онъ за-частую сознавался, что пора ученія прошла для него невозвратно. На другой день Успенья 1722 года, онъ перебрался въ ильинскую школу къ дьячку Лысому, съ тѣмъ разумѣлся, чтобъ мало „помышкавъ“, перейти въ другую.

Подъ забудыгой Нечитайло, на нижней лавкѣ, спалъ уроженецъ села Сенча, города Лоховца — Игнатій Емельяновъ Кривецкій. Года три тому назадъ, отецъ его, „черкашенинъ“, умеръ — и двадцатилѣтній парень сталъ бродить изъ одной школы въ другую „для работы“; грамоту не уразумѣвъ, добрался до Глухова и почти въ одно время съ пріятелемъ своимъ Нечитайло поступилъ къ Лысому.

Противъ печки, на лавкѣ, спалъ хлопецъ Степанъ, а за столомъ въ переднемъ углу, на парадномъ мѣстѣ, улегся гость, лѣтъ пятидесяти, въ рясѣ чернеца. Монахъ, какъ самъ увѣрялъ школьниковъ и гостепріимнаго Лысаго, пробирался изъ дальнихъ мѣстъ въ Кіевъ на богомолье, по обѣщанію.

Въ смежной горенкѣ вѣстѣ съ дьячкомъ, директоромъ школы, разлеглись по лавкамъ три школяра: Митрофановъ, Салочниковъ и Григорьевъ. Первый изъ нихъ, Григорій Митрофановъ, изъ города Сурджи, остался послѣ отца трехъ лѣтъ, и когда подросъ, ходилъ по малороссійскимъ хуторамъ, да городамъ, останавливаясь вездѣ, гдѣ только находилъ школу.

Въ школахъ за пристанище, да за пищу, Митрофановъ отправлялъ церковную службу. Лѣтъ пять тому назадъ, онъ явился въ Глуховъ, долго отчитывалъ псалтыри, да часословы въ разныхъ школахъ, толкался по монастыряхъ, наконецъ пріютился у Лысаго.

Митрофановъ былъ не столько школяромъ, сколько профессоромъ: его лѣта, а главное — познанія въ церковной грамотѣ, давали ему мѣсто въ ряду наставниковъ въ народныхъ школахъ; такимъ же педагогомъ былъ Никита Григорьевъ, въ настоящій вечеръ сильно захмѣлѣвшій отъ пріятельской попойки и крѣпко спавшій въ горенкѣ Лысаго. Родиною Никиты было село Красное, близъ города Батурна. Онъ долго жилъ при отцѣ-казакѣ и только годъ тому назадъ пришелъ въ Глуховъ съ тѣмъ, чтобы учить, въ школахъ „на-

ныхъ хлопцевъ“. У Лисаго онъ началъ лекціи съ августа мѣсяца 1722 года. Около того же времени появился у Лисаго — также одинъ изъ членовъ настоящей компаніи—Кипріянь Максимовъ Салочниковъ, „черкашенинъ изъ-подъ Чернигова“, лѣтъ тринадцать тому назадъ потерявшій отца и теперь посвящавшій свои досуги на странствія изъ школы въ школу, изъ монастыря въ монастырь, какъ то дѣлала большая часть его беззаботныхъ товарищей.

Всѣ названные хлопцы-школяры, за исключеніемъ Кривецкаго, настолько ужъ владѣли грамотою, что могли подписывать свои имена, и всѣ читали болѣе или менѣе бойко, разумеется, книги церковной печати. Познакомившись съ этой молодежью, подойдите, пока свѣтъ еще не погасла, къ Нечитайло: подъ вліяніемъ крѣпкого вина, онъ никакъ не могъ уговориться, ворчалъ, болталъ, кричалъ и, находя верхнюю лавку у печки ложемъ не совсѣмъ покойнымъ, не переставалъ ворочаться съ боку на бокъ. При одномъ изъ такихъ поворотовъ, Нечитайло потерялъ равновѣсіе и кувырнулся внизъ на ноги Кривецкаго.

Толчокъ разбудилъ безграмотнаго школяра.

— „Чего ты не спишь? заговорилъ онъ съ сердцемъ:—кажись время бы ужъ спать!“

— Какое не спишь, бормоталъ полуспянный Лукьянъ, карабкаясь на прежнее мѣсто: я усталъ... Э, э, эхъ, продолжалъ онъ „зажартъ“¹⁾, укладываясь на полатахъ: полно мнѣ валяться по школамъ! Или оженюсь, или въ чернецы постригусь! Ей-Богу.

— „Куда-де въ чернецы постригаться, отвѣчалъ Кривецкій: нинѣ есть указъ государевъ. А по тому указу, кто хочетъ постригаться, тотъ послужи на монастырѣ годовъ съ десятокъ, а тогда-де, пожалуй, и постригутъ; да опричь того, сперва-на-перво явиться надо предъ его императорское величество и объявить о себѣ для опросу: не бѣглый ли ты и какого чина; а буде кто не явится, того, по тому указу, разыщутъ“²⁾.

¹⁾ Въ азартѣ.

²⁾ Незадолго до этой бесѣды, 21 мая 1722 года, св. синодъ, по волѣ государя, воспретилъ монахамъ и монахинямъ переходить изъ монастыря въ монастырь; власти не имѣли права безъ указа разрѣшать этотъ переходъ и не должны были принимать къ себѣ приходящихъ, подъ страхомъ жестокаго штрафованія. Въ скоромъ времени повелѣно было переписать всѣхъ монаховъ и монахинь съ тѣмъ, чтобы „отнынѣ впредь никого не постригати, на убыльи-жъ мѣста принимать отставныхъ солдатъ и на строеныя монастырское денегъ не давати“.

На упрекъ сотоварища, пьяный Лукьянъ не нашелъ что сказать и скаредной бранью, какъ сказано въ дѣлѣ, „избранный его величество“.

Скаредная брань вырвалась у Нечитайло громко, свободно, внятно, такъ что, за исключеніемъ школяровъ Никиты и Кириіана, да дьячка Лысаго, вся остальная компанія услышала крупную рѣчь.

Первый отозвался на нее богомольный старецъ Іона. Вечерняя нирушка не вполне смогла его вѣжды...

— Какой тамъ бездѣльникъ, закричалъ чернецъ:—такія неистовыя слова говорить?

Школьники стихли. Всѣ молчали. Лукьянъ уже спалъ.

— Такой ты, да этакой, бранился Іона:— какъ ты смѣешь, вралъ ты этакой, и для чего такія безумныя слова говорить про его императорское величество? Вѣдь за это и голова долой слетитъ, положительно заключилъ старецъ.

Монахъ, дѣйствительно, человекъ бывалый, опытный, на своемъ вѣку видѣлъ не одно штрафованіе и собственными поздравіи купилъ эту опытность. Онъ оставилъ поздри въ рукахъ палача—и это не-приятное событіе совершилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Отецъ его былъ священникомъ близъ Казани, въ Сарайскомъ уѣздѣ, въ селѣ Черемшинѣ, и умеръ въ 1682 году, оставивъ восьми-лѣтняго сына Ивана.

Иванъ прожилъ нѣсколько лѣтъ съ матерью; а, схоронивъ ее, ушелъ въ пригородъ Манскъ къ пріятелю своего отца, старшему подьячему Василю Воронову. Иванъ началъ здѣсь службу въ качествѣ молодого подьячаго; служилъ не безъ ловкости и сноровки, такъ что въ скоромъ времени обзавелся собственнымъ дворомъ и полнымъ хозяйствомъ. Счастіе скоро, однако, отвернулось отъ него. Въ іюнѣ 1712 года, поѣхалъ онъ для сбора „конскихъ денегъ“, то есть пошлинъ, въ село Кандалы. Здѣсь, если вѣрять его же разсказу, онъ погрѣшилъ немного: у крестьянина Ивана Самары купилъ платье, вѣдая, что то платье украдено имъ отъ разбойниковъ.

Воръ былъ уличенъ, черезъ него перехватили разбойниковъ, а, наконецъ, добрались и до покупателя подьячаго. Арестанты отправлены въ Казань; долго содержались они при канцеляріи; ихъ допрашивали, пытали и, наконецъ, осудили на разные наказанія. По тому осужденію, подьячій Иванъ, вынесшій пытку, былъ битъ кнутомъ на площади, лишился поздравей и назначенъ къ ссылку на каторгу.

Штрафованный лилѣз милостивцевъ и заступниковъ: не спасши поздравей отъ вѣщей и спины отъ кнута, онъ спасъ себя, однако, отъ каторги: побилъ онъ челомъ Тихону, митрополиту казанскому, моля его о спасеніи.

Тихонъ принялъ участіе и просилъ губернатора П. М. Апраксина. Иванъ былъ освобожденъ и поспѣшилъ съ благодарностью въ архіерейскій домъ, гдѣ и просилъ не недѣлю постричь его въ монахи. Владыка отправилъ его въ Богородицкую пустынь, отстоящую въ двадцати верстахъ отъ Казани съ „памятью“ (запиской) къ „построителю“ той пустыни, отцу Макарію; въ памяти сдѣлано было распоряженіе о приѣмѣ и постриженіи бывшаго подьячаго.

Иванъ, вмѣстѣ съ расой, получилъ ния Іовн, но жилъ въ обители не менѣе двухъ лѣтъ, послѣ чего пустился странствовать по Руси; переходилъ изъ города въ городъ, изъ монастыря въ монастырь, кормясь отъ сборовъ на свою обитель, отъ милостивыхъ добродѣтельныхъ дателей, и вездѣ находя радушный приѣмъ. Въ маѣ 1722 г., по дорогѣ въ Кіевъ, онъ зашелъ въ Глинскій монастырь, Сѣвскаго уѣзда, отъ Глухова въ двадцати верстахъ. Монахъ и „инквизиторъ“ Сѣвско-Спасскаго монастыря Милетій бесѣдовалъ съ странникомъ и вручилъ ему доносъ на строителя Глинскаго монастыря „въ непослушаніи“, прося передать его кіевскому архіерею. Іона съ удовольствіемъ принялъ порученіе, тѣмъ болѣе, что получилъ за это отъ Милетія подорожную или видъ, который спасалъ отъ могущихъ встрѣтиться задержекъ. Въ силу неоднократныхъ повелѣній государя, бродягъ-монаховъ въ это время хватили чаще и чаще, и тѣмъ труднѣе было чернецамъ скитаться. Придя въ Глуховъ, Іона встрѣтилъ толпу нѣмъ знакомыхъ хлопцевъ; зазвалъ ихъ въ шинокъ; шумно и весело, за чарками, провелъ съ ними вечеръ, а тѣ, въ благодарность, отвели ему ночлегъ въ школѣ дьячка Лысаго.

Такъ судьба привела Іону быть участникомъ разсказанной нами сценки. Какъ человѣкъ, прошедшій огонь и воду, не мудрено, что онъ прервалъ брань Нечитайло и еще разъ напомнилъ: „за это-де и голова долой слетитъ!“

Слова Іоны подняли съ лавки Григорія Митрофанова.

— И впрямь, заговорилъ онъ, выходя изъ сосѣдней горенки: для чего ты, злодѣй Лукьянъ, такіа сваредина слова про его императорское величество говоришь?

Вмѣстательство товарища не понравилось Степану. Онъ нашелъ нужнымъ пугнуть Гришку.

— Тебѣ-то что нужно? заговорилъ онъ, приподнявшись съ лавки и замахиваясь:—ужъ ты сейчасъ тутъ донощикъ. Дадимъ мы тебѣ себя знать, какъ доносить.

Гришка притихъ, стихла и вся компанія.

На утро, только одинъ Митрофановъ ясно помнилъ вчерашнюю бесѣду и уже обдумывалъ доносъ. Остальные, вмѣстѣ съ старцемъ, больше думали какъ бы опохмѣлиться, чѣмъ „о скаредныхъ словахъ“ Нечитайло.

— Эхъ, братцы! хочу я браги испить, заговорилъ старецъ.

— Такъ чего-жъ, отвѣчали Лукьянъ и Григорій Митрофановъ; пойдѣмъ въ шинокъ, тамъ и напьемся.

Сходили, испили браги и вернулись въ школу.

— А что, братцы, спрашивалъ Іона: кто у васъ „ночь“ про его императорское величество безчестныя слова говорилъ?

— Вотъ онъ, что съ тобой ходилъ опохмѣлиться, тотъ и говорилъ;—указывалъ на Лукьяна Григорій.

— Нѣтъ, и знать ничего не знаю, никакихъ словъ я не говорилъ.

— Для чего-жъ ты забираешься, уличалъ Григорій. — Вотъ, какъ я пойду, да на тебя о тѣхъ словахъ донесу, такъ всѣмъ бѣда будетъ! Ты, отче Іона, какъ стануть-те спрашивать, и ты въ тѣхъ словахъ не заприся!

— Ступай, донеси, одобрялъ отче:—а я ужъ въ тѣхъ словахъ не запрусь.

— Что-жъ ты жить съ нами не будешь, что-ль? вмѣшался Степанъ. Если ты жить съ нами хочешь, такъ чего-жъ доносить идешь?—Съ этими словами хлопецъ хватилъ раза три донощика по шеѣ, сбилъ съ ногъ и „выбилъ“ его въ дверь. — „Ступай теперь, доноси!“

— Постои, постои! не унимался Григорій, вновь входя въ школу: я тебя, Степанъ, лихо доведу!

Протестъ Степана поддержали Випріянъ съ Никитой; хотя они и не слышали вчерашней бесѣды, но, узнавъ о намѣреніи Григорія отправиться съ доносомъ, осыпали его самыми отборными выраженіями.

— Ежели ты доносить идешь,—заклучили школяры:—то похватаемъ ты у насъ кія, сирѣчь налки.

Молодежь горячилась, кричала, и тѣмъ свободнѣе, что директоръ школы, дьячекъ Лысый, ушелъ куда-то по дѣламъ. Брань готова была перейти въ кулаки, но выѣхался отче Іона, и для успокоенія страстей, предложилъ сходить въ другой шинокъ и испить винца.

Предложеніе было принято, за исключеніемъ Лукьяна, ушедшаго разгуляться на рынокъ; отправились въ шинокъ; протестующіе Степанъ съ Никитой не переставали осыпать Митрофанова бранью, насмѣшками, а Кипріянь приобщилъ нѣсколько тумачковъ.

— Вотъ тебѣ двѣ чарки, сказалъ Іона, угощая Кривецкаго: испей, да ступай въ школу принасовать обѣдать, а мы тутъ посидимъ.

Брань да насмѣшки школяровъ не испугали Григорія; онъ еще болѣе на нихъ озлобился.

— Ты-то, донощикъ! говорили ему товарищи:—погоди, уже мы тебя, донощика, въ школѣ розгами побьемъ и изъ школы вонъ выгонимъ.

Энергичнѣе всѣхъ говорилъ противъ доноса и донощика Степанъ; находя слова не вполне убѣдительными, онъ подтверждалъ ихъ частыми кулаками и нѣсколько разъ „выбивалъ“ Гришку изъ шинка.

— Будетъ, будетъ вамъ не одному! грозился тотъ каждый разъ, возвращаясь.

Ему отвѣчали пранными выраженіями: „для чего ты насъ, Гришка, такими словами угрожаешь—мы ничего вашего дѣла не знаемъ!“

Въ это время мимо шинка проходилъ капралъ. Григорій зазывалъ его и, чувствуя виною, говорилъ: „хочу я тебѣ сказать слово, и то слово скажу послѣ. Теперь ужъ вамъ нельзя уйти—продолжалъ онъ, обращаясь къ школьникамъ:—вотъ я пойду солдатамъ объявлю, чтобъ караулили васъ по дорогамъ; буде вы замyslите уйти, такъ за вами погоня будетъ“.

— Что ты грозись? Мы не боимся, да и не для чего намъ уходить отъ погони.

Зазвонили къ обѣднѣ, и школяры Кипріянь съ Никитой пошли въ церковь. На паперти встрѣтили они Лукьяна и передали ему перебранку съ Гришкой.

Между тѣмъ, Гришка уже спѣшилъ съ доносомъ къ бригадирскому двору; встрѣтивши какого-то маіора, онъ объявилъ ему: слово

и дѣло! Майоръ отрядилъ съ нимъ солдата и послалъ на гауптвахту приказъ капитану послать людей для поники школяровъ. Команда изъ шести человекъ, вслѣдъ за извѣтчикомъ, направилась въ школу...

Тамъ стрипаль въ это время Кривецкій и только что пришелъ изъ шинка отче Іона.

— Нельзя ли, братъ, чего поѣсть? говорилъ старецъ.

— Ничего еще не успѣло, отче.

При этихъ словахъ пришли солдаты и арестовали собесѣдниковъ. Никиту взяли на мосту, онъ попался имъ навстрѣчу. За Кипріяномъ пошли въ церковь св. Иліи. Школьникъ пѣлъ на клиросѣ, его свели оттуда, и повели всѣхъ виѣсть въ малороссійскую коллегію.

Лукьянъ въ это время, по просьбѣ дьякона Протопопко, ходилъ въ загородную церковь Рождества Богородицы (Верегино) за чернецомъ и пононаремъ. Приведа ихъ къ священнику, Лукьянъ завернулъ въ школу. Здѣсь онъ нашелъ только малыхъ хлопцевъ, они учились гранотѣ.

— Гдѣ Кривецкій? спросилъ у нихъ Лукьянъ.

— Приходили сюда солдаты съ Григорьемъ, Кривецкаго и чернеца Іону взяли подъ караулъ и тебя солдаты спрашивали. Сказывали, что Степанъ побранился, да подрался съ Гришкой, такъ и Степана солдаты хотѣли взять, да онъ отъ нихъ ушелъ.

Отвѣтъ мальчиковъ сильно смутилъ Нечитайло. Онъ успѣвшимъ провѣдать: за что именно взять Кривецкій. Не доходя до коллегіи, Лукьянъ нагналъ команду съ арестантами. По указаніямъ Григорія и Іоны, его тотчасъ арестовали.

Донощика, школяровъ и чернеца Іону — всѣхъ шестерыхъ немедленно забили въ колодки въ гетманской караулнѣ и разсажали по казенкамъ.

Григорья спрашивали въ коллегіи и тотъ отвѣчалъ: „что имѣеть за собой и за взятыми людьми его императорскаго величества слово и дѣло о его величества высокой монаршеской чести“.

Преступленіе было важное, секретное, политическое; ни коллегія, ни ея первенствующій членъ, бригадиръ Вельяминновъ — не смѣли задерживать преступниковъ, и дней черезъ пять, всѣхъ шестерыхъ, въ колодкахъ, подъ конвоемъ, отправили въ Москву. Правительствующій Сенатъ, на основаніи указа, повелѣвавшего рѣшать дѣла, до

чести его величества касающіяся, въ Тайной канцеляріи, 18-го октября 1722 года, препроводилъ туда и колодниковъ, за крѣпкіи караулы, и бригадирское доношеніе.

На другой же день, члены тайнаго судилища, или, какъ ихъ называли въ то время во многихъ бумагахъ: „инквизиторы“, сняли съ каждого „преступника“ порознь самые подробные допросы.

Изъ показаній допрашиваемыхъ, дополнявшихся одно другимъ, мы узнали тѣ подробности, которыя привели выше. Каждый изъ подсудимыхъ рассказывалъ сперва о собственной жизни, затѣмъ объяснялъ, при какихъ обстоятельствахъ легли они спать за три дня до Покрова (27-го сентября) въ школы Лысаго; какъ шла у нихъ вечерняя бесѣда, потомъ утренняя перебранка и, наконецъ, кто и гдѣ былъ арестованъ.

Главный преступникъ Нечитайло покался во всемъ съ перваго же вопроса, не выжидая пытки, которая грозила ему неминуемо, если бы онъ вздумалъ заперяться.

— Что показали на меня разспросами Григорій Митрофановъ, Кривецкій и старецъ Іона, винился Лукьянъ:—и въ томъ я передъ его императорскимъ величествомъ приношу вину свою, что его императорское величество я бранилъ скверною бранью такимъ случаемъ, какъ они показываютъ... А отвѣчалъ ли я что на слова Іоанн и Григорія, того не помню, для того, что я былъ пьянъ. И слова тѣ про его императорское величество говорилъ я суще въ пьянствѣ и безпамятствѣ. Мысли же у меня о его императорскомъ величествѣ напередъ сего никогда не бывало, и другихъ таковыхъ, согласныхъ себѣ въ тѣхъ словахъ, никого не знаю“.

Что касается до слушателей Лукьяновыхъ словъ, то Никита съ Кипріаномъ также сослались на то, что были весьма пьяны и ничего не слышали; затѣмъ утреннюю перебранку свою и драку съ Григоріемъ всячески старались представить въ болѣе смягченномъ видѣ. Такимъ образомъ, и тотъ и другой заперались въ угрозахъ „бить Григорія розгами и кіемъ, и выгнать его изъ школы“; также Кипріанъ, вопреки доносу послѣдняго, утверждалъ, что не билъ его по щекѣ, а двинулъ въ грудь, да по шеѣ, и то не ради того, чтобъ тотъ не доносилъ на Лукьяна, но по слѣдующему обстоятельству:

„Когда шли они съ старцемъ Іоною въ шинокъ, то я, Кипріанъ, отсталъ отъ нихъ не много. Остановился съ человѣкомъ изъ г. Королевца; искалъ тотъ человѣкъ утерянныя листовъ въ лубкѣ. На

меня прикрикнулъ Григорій: — Чего ты отстаешь? — А тебѣ что за дѣло? колвилъ я въ отвѣтъ и толкнулъ его въ грудь, а въ щеку не бивалъ⁴⁾.

Столь важныя противорѣчія требовали разъясненія. Извѣтчику Григорію и старцу Іонѣ со школярами Никитой и Кипріяномъ въ спорныхъ рѣчахъ дали очную ставку. Обвиненія были тѣ же; но школяры повинились, что изъ сожалѣнія о Лукьянѣ грозилъ извѣтчика бить и кіемъ, и розгами, и изъ школы „выбить“. Затѣмъ, Кипріянъ все-таки остановился на томъ, что двинулъ донощика не въ щеку, а въ грудь. Ему казалось, что это обстоятельство смягчитъ вину и степень наказанія.

Обстоятельство осталось, однако, нерѣшеннымъ, и все изслѣдованіе окончено въ три дня. 22-го октября 1722 года, тайная канцелярія, въ лицѣ Григорія Скорнякова-Писарева и секретаря Казаринова¹⁾, приговорила:

1) Донощику Григорію Митрофанову за его правый извѣтъ дать жалованья десять рублей, также кормовыя и прогонныя деньги до Петербурга (?), по указу.

2) Школьника Игнатія Кривецкаго отпустить, попрежнему, въ Глуховъ съ паспортомъ, что онъ бранъ былъ только для обвиненія по сему дѣлу.

3) Школьниковъ Никиту Григорьева и Кипріяна Максимова отослать при указѣ въ малороссійскую коллегію и учинить на мѣстѣ публичное наказаніе за то, что они заступились за плута Лукьяна, и хотѣли бить Григорія розгами; а Кипріянъ и въ щеку его ударилъ.

4) Школьника Степана, который билъ и бранилъ Григорія за то, что тотъ хотѣлъ донести на Лукьяна, сыскать въ Глуховъ, или гдѣ надлежитъ; а какъ сыщутъ, и его, Степана, публично наказать, также какъ наказанъ будутъ Никита и Кипріянъ. А по штрафованіи, всѣхъ трехъ выгнать вонъ изъ школы и вѣдѣнія отписать въ тайную канцелярію.

5) Старца Іону для слѣдованія, за какія именно вины учинено было ему наказаніе и сосланъ на каторгу, бѣглый ли онъ съ каторги или прощенный — о всемъ этомъ слѣдовать въ св. синодъ, а что по слѣдованіи явится, о томъ прислать извѣстіе.

¹⁾ Государь былъ въ это время въ Астрахани, а члены тайной канцеляріи въ разъѣздахъ, по разнымъ дѣламъ.

Наконецъ, 6) школьнику Лукьяну Васильеву Нечитайло, за его непристойныя слова, учинить наказаніе: битъ кнутомъ нещадно и, вырѣзавъ ноздри, сослать въ вѣчную каторжную работу.

1-го ноября 1722 года, рано утромъ, Нечитайло вывели на Красную площадь.

Его окружили конвойные солдаты; сбѣжалась толпа любопытныхъ зрителей.

„Школьникъ Лукьянъ Васильевъ!—громко прочелъ секретарь:— въ нынѣшнемъ 1722 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ г. Глуховѣ, въ троицкой школѣ, въ третьемъ часу ночи, говорилъ ты школьнику Игнатію Кривецкому про его императорское величество нѣкоторыя непристойныя слова, о которыхъ ты въ Тайной Канцеляріи винылся, что тѣ слова говорилъ ты будто въ пьянствѣ.“

„И сего октября 22-го дня, его императорское величество указалъ: за тѣ твои непристойныя слова учинить наказаніе: битъ тебя кнутомъ нещадно, вырѣзать ноздри и сослать на каторгу, въ вѣчную работу“.

Преступника привязали близь лобнаго мѣста къ столбамъ, разъ навсегда утвержденнымъ для подобныхъ случаевъ, и казнь началась...

Нечитайло отсчитали тридцать нещадныхъ ударовъ кнутомъ и вынули клещами ноздри.

Такимъ образомъ, не довелось ему выполнить ни одного изъ своихъ душевныхъ желаній: ни ожениться на красавицѣ-дивчатѣ, ни постричься въ чернецы. Одно неосторожное слово вывело Нечитайло изъ школы: и какая страшная казнь постигла его, какъ оскорбителя чести великаго Преобразователя Россіи!

XVII.

Двойни царицы Натальи ¹⁾).

10-го февраля 1725 года—два мѣсяца спустя послѣ отправки въ Пустозеро двухъ старухъ, Федоры Ивановой и Авдотьи Журавкиной, которыя мужественно вынесли восемь пытокъ со вспаркой горячими вѣвняками за нескромно-высказанное желаніе: „поубавили-бѣде у насъ боярской толщѣ“ (т. е. поуничтожили-бѣ бояръ) ²⁾),—

¹⁾ Верш. Дѣл. Рос. Дѣл. Тайн. Канц., карт. XXV, № 1, лл. 1—62.

²⁾ См. далѣе рассказъ XXIII.

но той же дорогѣ, на Пустоозеро, провезли новую болтунью... Событіе, доведшее престарѣлую Мариньяну до грустнаго путешествія въ Архангелогородскую губернію, не лишено интереса; въ немъ, какъ и во всѣхъ почти эпизодахъ „слово и дѣло“, мы находимъ любопытныя подробности для исторіи розньскихъ дѣлъ Тайной Канцеляріи петровскаго времени, новыя черты для обрисовки тогдашнихъ нравовъ, а главное — знакомимся съ толками народа о Преобразователѣ Россіи...

Въ послѣднихъ числахъ декабря 1722 года, въ Бронштадтѣ, у писаря Козьмы Вунина, домашняго секретаря вице-адмирала Сиверса, жена его Варвара Екимовна родила дочь. Еще дня за два, ради этого „натуральнаго“ случая, призвана была въ качествѣ акушерки вдова бывшаго квартирмейстера матросовъ, Мариньяна Андреевна Полозова. Это была словоохотливая старушка, давнишняя знакомая и пріятельница хозяевъ, и Вунинъ почасту проводилъ съ ней время въ болтовнѣ о разныхъ разностяхъ — у одра родильницы... Однажды ночью хозяинъ особенно разговорился; ему сгрустилось, при мысли о своей небогатой жизни и о томъ, что нужда-де родетъ по мѣрѣ увеличенія сѣмейства.

— Что мнѣ теперече чинить? говорилъ Вунинъ; — Богъ далъ мнѣ дочь, а чѣмъ сего младенца будетъ крестить? денегъ нѣтъ! Мало хлѣба нинѣ имѣю, нежели (не только) денегъ, а его величества денежнаго жалованья не дано еще морскимъ служителямъ за восемь мѣсяцевъ...

Рѣчь перешла на самую персону его царскаго величества:

— Говорятъ, продолжалъ Вунинъ, какъ царица Наталья Кирилловна родила царевну, и въ то время ссылали изъ слободы (Нѣмецкой) младенца мужскаго пола и объявили царю Алексѣю Михайловичу, что двойни-де родились; а тотъ подиѣнненный младенецъ — не русскій, но изъ слободы Нѣмецкой. Вы люди старые, болѣе знаете, — правда ли все это?

— Ну, вы живете при начальныхъ людяхъ, отвѣтила уклончиво старушка, вамъ болѣе извѣстно... А что государь лучше жалуетъ иноземцевъ и добрѣе до нихъ, нежели до русскихъ — и то вѣрно; а довелось мнѣ объ этомъ слышать у города Архангельскаго отъ нѣмчина Матиса, что государь-де его императорское величество Петръ Алексѣевичъ — природы не русской. Слышала я все это такими образонъ: мужъ мой покойный былъ на службѣ въ Архан-

гельскѣ, и жила я съ нимъ въ томъ городѣ, лѣтъ тому тринадцать назадъ (т. е. въ 1710 году); хаживала я для работъ къ англичанину Матису. Прихаживали къ Матису иноземцы и разговаривали то по-нѣмецки, то по-русски. „Дуракъ-де русакъ! говоривалъ англичанинъ, не вашъ-де государь, а нашъ! вамъ (русскимъ) нѣтъ до него дѣла!..“

Болтовня какого-то Матиса изъ Архангельска, повторенная тринадцать лѣтъ спустя его работницей, даже и въ петровское время, не представляла ничего еще такого, чтобъ подвергнуть ее розыску и прочимъ непріятностямъ допроса съ пристрастіемъ, но зато эта-то именно болтовня старушки и внушила Бунину мысль попытаться счастья добыть денегеюнокъ; заработать ихъ теперь дѣло, казалось, легкое, стоило только написать поискуснѣ извѣтъ въ словѣ и дѣлѣ!

И вотъ, по зрѣломъ размышленіи въ продолженіе цѣлой недѣли, Бунинъ написалъ доносъ бойкій и разнашистый. Онъ былъ составленъ съ замѣчательнымъ искусствомъ: былъ съ необыццей сведены и перепутаны въ немъ какъ нельзя лучше, все сочиненіе, (а извѣтъ Бунина, что можно замѣтить по внимательномъ разсмотрѣніи дѣла, не что иное, какъ сочиненіе), написано языкомъ бойкимъ съ ловкимъ вступленіемъ и краснорѣчивыми замѣчаніями.

Съ этимъ фискальскимъ произведеніемъ, послѣ предварительнаго соглашенія въ показаніяхъ съ женой, Бунинъ явился къ начальнику. Вице-адмиралъ препроводилъ въ государственную Адмиралтейскъ-коллегію какъ Бунина, такъ и оговоренную имъ Мариньяну, — обонхъ „по важному дѣлу, касающемуся ко многому поношенію высочайшей персонѣ его величества“. Адмиралтейскъ-коллегія была въ этомъ случаѣ не болѣе, какъ посредница между Сиверсомъ и Тайной Канцеляріей; въ нее и отправлены въ тотъ же день колодники „по согласному опредѣленію всей коллегіи—для подлиннаго о дѣлѣ изслѣдованія и надлежащаго о томъ указу“.

Но прежде, нежели и обвинителя, и обвиняемую привезли въ Тайную и посадили въ отдѣльныя казенки „за особыми порознь часовыми, чтобы они ни съ кѣмъ разговоръ не имѣли“, Мариньяна нашла случай шепнуть нѣсколько словъ донощику. Это было въ то время, когда ихъ обонхъ за карауломъ везли съ Котлина острова.

— По какому дѣлу меня взяли? робко спрашивала Мариньяна, сидя въ свѣтлицѣ, на перспективѣ, что на устьѣ Невы рѣки, по какому дѣлу меня взяли, развѣ по попову?

— Не свѣдомъ я о томъ, отдѣливался Бунинъ отъ пытливыхъ разспросовъ.

Дѣйствительно, Маримьяна чувствовала за собой грѣхъ по попову дѣлу. Дѣло состояло въ томъ, что не задолго до болтовни съ Буниннымъ она какъ-то промолвилась одному изъ знакомыхъ ей котлинскихъ поповъ: „какъ вамъ исповѣдываться? вѣдь вы насъ (бабъ) браните в...“, — да тутъ же къ слову, какъ тогда же жаловался понъ отцу протопопу, Маримьяна назвала всѣхъ „поповъ смердовичами“...

Но старуха напрасно опасалась. Бунинъ еще ничего не писалъ о ея поповомъ дѣлѣ; въ его краснорѣчивомъ извѣтѣ разсказъ шелъ по преимуществу о двойняхъ царицы Натальи.

Вслѣдъ за Андреемъ Ивановичемъ Ушаковымъ пробѣжнѣ и ны сочиненіе вице-адмиральскаго писаря:

— „Хотя-бъ въ регламентѣ морскомъ, писалъ Бунинъ, и въ указѣхъ его императорскаго величества о предохраненіи чести и здравія его величества положено не было, то мнѣ, что не стерпитъ человѣческая совѣсть, ежели кто сущій христіанинъ и не нарушитель присяги, въ себѣ заключить, слыша нижеписанныя поношенія противъ персоны его величества, яко же азъ слыша, всенижайше, безъ всякихъ притворовъ, но самою сущюю правдою при семъ доношу, оставя всѣ простоглаголивые страхи во всеилостивѣйшую волю его императорскаго величества“.

Вслѣдъ за этимъ красноглаголивымъ вступленіемъ донощикъ повѣствуетъ о родныхъ женѣ, о ночной бесѣдѣ съ Маримьяной, причѣмъ начинается бесѣда съ своей жалобѣ на бѣдность. На эту жалобу Маримьяна, по увѣренію Бунина, отвѣчала такъ:

— „Когда война была, то вамъ (морскимъ служивымъ) деньги всегда давались безъ задержанія; а нынѣ войны нѣтъ, такъ и денегъ нѣтъ! Да, царя дасть намъ Богъ война: все-бъ ему воевать! Ужъ и то вся чернь отъ войны раззорилась; можно-бъ ужъ нынѣ дать людямъ и покой“.

„На слова эти, пишетъ Бунинъ, я отвѣтствовалъ тако: „что ты, баба, бредишь? сіе не отъ государя, но Богу тако быти соизволившу“. Но она вѣще умножила рефлексіи на персону его императорскаго величества, говоря тако: „сей-де царь не царской крови и не нашего русскаго роду, но нѣмецкаго“. Что я, продолжасть Бунинъ, зѣло устрашило и удивило, и понудило немедленно отъ

оной требовать яснаго объ томъ доказательства, видя такую велию причину: что како сему быти мощно? Она же мнѣ рекла: „такъ-де сіе учинилосъ: когда-де блаженныя памяти царь Алексѣй Михайловичъ изволилъ сказать царицѣ Натальѣ Кириловнѣ: уже-де ты родила осмь дочерей! а ежели-де нынѣ паки родишь дщерь, то-де велию тебя постричь; а въ то-де время оная царица была чревата ¹⁾“. И когда-де случилось ей родить, то-де родила еще дщерь, и убоясь-де того гнѣва, велѣла немедленно сыскать младенца мужеска полу, который въ тѣ часы родился. И въ то-де время посланные не могли нигдѣ такого младенца русскаго сыскать, но сыскали-де у иноземца мальчика, нынѣшняго государя, и объявили-де, будто родились двойни: одинъ мужеска и другой женска полу младенцы. Такъ-то-де его и подиѣнили!“ Что я, повѣстствуетъ далѣе извѣтчикъ, еще болѣе въ страхъ и удивленіе привело, и спросилъ ее паки:— „какіе случаи она вѣдаетъ о семъ?“ Она же мнѣ рекла тако: „не-только-де я вѣдаю, вѣдаютъ-де и многіе господа и другіе, но не смѣютъ о семъ говорить. Еще-жъ-де, когда я была у города Архангельскаго, сказывалъ-де мнѣ иноземецъ съ клятвою, что сей-де царь подлинно нашъ (т. е. иноземецъ) природный, и посмотри-де какая отъ него къ намъ будетъ милость; къ тому-же-де (и мнѣ сказала); и ты посмотри, кого онъ такъ жалуетъ, что иноземцевъ!“ На что я ей отвѣтствовалъ: „что его величество жалуетъ всѣхъ за вѣрность и за заслуги, не смотря на нерсонны, кто-бъ какого званія ни былъ“.— Она же мнѣ сказала: „нѣтъ-де, до русскихъ не таковъ, какъ до иностранцевъ“. На что я ей паки сказалъ: „какъ вышеписанному случиться можно, ибо былъ у его величества блаженный и вѣчнодостохвальныя памяти братъ, государь царь Іоаннъ Алексѣевичъ, то како-бъ онъ о семъ не могъ увѣдать? тако-жъ и министры уполчатъ! а болѣе, что которыхъ за преступленія, по указу его величества, всенародно казнятъ, како бы и они не могли о семъ изглаголатъ?“ Она же, богомерзкая, еще сказала: „братъ-де (т. е. Иванъ Алексѣевичъ) былъ скорбенъ, и сего-де не для чего было ему

¹⁾ Народныя толки, какъ и всегда, не могли быть точны; не говоря уже о мнимой угрозѣ царя Алексѣя царицѣ Натальѣ, даже цифра дѣтей государя не вѣрна.—Алексѣй былъ два раза женатъ: отъ царицы Марьи онъ имѣлъ чотыре сына и восемь дочерей, но это отъ первой жены; вторая же Наталья родила ему двухъ дочерей, Наталью и Федосью; и одного только сына, этотъ сынъ былъ—Петръ I.

произносить, ибо-де (онъ) не хотѣлъ владѣть престоломъ, и при животѣ-де ему (т. е. Петру) власть свою всю сдать; а бояре-де за тѣмъ не смѣютъ говорить, что лишь-де кто на него (Петра) какое зло подумаетъ, то онъ-де тотчасъ и узнаетъ; а коли-бъ не то, то они (т. е. бояре) давно-бъ его уходили". Объ чемъ я оной еще спросилъ: „почему его величество можетъ (узнать мысль) у чело-вѣка, не видя явнаго дѣла". — „Онъ-де сему научился!"

„И тако, заключасть донощикъ, отъ оной сіи непотребные разговоры, яко отъ ехидны зло изліянный ядъ, слыша больше не могъ за страхомъ и непотребностію спрашивать, и сказалъ ей тако (чтобъ она больше сего не говорила нѣ): „вѣдаешь-ли ты, баба, что тебѣ за сіе мало, что голову отсѣкутъ?" Она же нѣ сказала: „здѣсь-де лишнихъ никого нѣтъ и проносить-де некому"; понеже въ то время только было насъ въ свѣтлицѣ трое: я нижайшій съ женою, да она, Мариньяна. — И сего ради, видя, что отъ оной сіи вреду могутъ распространяться болѣе, дабы прекратить, я нижайшій... (поспѣшилъ)... донестъ. — Государственной Тайной Канцеляріи, ловко росписывался извѣтчикъ, всенужайшій слуга, обрѣтающій при господинѣ вице-адмиралѣ Сиверсѣ за секретаря, писарь Козьма Бунинъ. С.-Петербургъ, 8 января 1723 г."

Безъ всякаго сомнѣнія, въ доносѣ была доля правды, но эта часть едва ли значительна; все остальное принадлежитъ фантазіи и бойкому перу вице-адмиральскаго писаря. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать, видя необыкновенную гладкость, послѣдовательность разсказа, наконецъ, прислушиваясь къ тѣмъ эпитетамъ, рѣзкимъ словамъ насчетъ Мариньяны, которыя какъ будто невольно срывались съ устъ Бунина; все это, сильное и ловкое на бумагѣ — не могло бы быть на дѣлѣ. Обзови онъ старушку „богомерзкою" и другими „скаредными" словами — „богомерзкая" естественно остановилась бы, и такимъ образомъ прекратила бы бесѣду прежде, нежели домашній секретарь вице-адмирала закричалъ: „вѣдаешь ли ты, баба, что тебѣ за сіе мало что голову отсѣкутъ!" Баба, какъ видно изъ дѣла, не такъ была глупа, чтобъ самой расточать „непотребныя" слова предъ челоуѣкомъ, съ перваго же слова ставшимъ предъ ней въ положеніе изобличителя. Съ другой стороны, что изобличеніе во многомъ было ложно, можно догадываться и изъ того, что Бунинъ обошелъ устную, обычную форму тогдашнихъ доносовъ; нѣтъ, онъ не ждетъ, пока рѣчь его будетъ внесена въ протоколъ Тайной Кан-

целярин, онъ самъ представляеть ее обточенную, обчищенную, кудреватую, съ патетическими обращеніями насчетъ „богомерзской“ старухи. Солгать бойкому писарю-секретарю на бумагѣ было гораздо сподручнѣе... И такъ, мы сомнѣваемся, чтобъ всѣ непристойныя разсказанія, отнесенныя Бунинимъ къ Маримьянѣ, дѣйствительно принадлежали бы ей: но въ такомъ случаѣ какой же имѣютъ онѣ интересъ: выдуманныя Бунинимъ, бродили ли эти нелѣпныя толки въ черни, принадлежали ли они тогдашнему сѣрому народу? Принадлежали — и въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; объ этомъ свидѣлствуютъ другія дѣла Тайной Канцелярин, дѣла, именно возникшія по поводу сомнѣнія народа: не выродокъ ли Петръ изъ Нѣмецкой слободы? Бунину стоило только прислушаться къ подобнымъ толкамъ, а они, такъ сказать, носились въ воздухѣ, и свести весь этотъ бредъ, имѣвшій впрочемъ основаніе въ непонятности народу дѣяній Петра, свести эти толки въ одно сочиненіе; вице-адмиральскій писарь, въ чяныя награды, и выполнилъ эту задачу съ немалымъ искусствомъ.

Но наградинъ за извѣтъ деньги добывались не однимъ только ловкимъ доносомъ; отъ донощика требовалось, какъ извѣстно, не меньшей ловкости: закрѣпить доносъ на допросахъ съ пристрастіемъ. Подвергся ли этому пристрастію Бунинъ? Посмотримъ въ дѣлѣ.

Выслушавъ прочитанный ей громогласно доносъ, Маримьяна разсказала объ архангельскомъ говорунѣ агличанинѣ Матисѣ; отчество и прозваніе его она забыла, но слово объ иноземческомъ происхожденіи государя сохранила въ своей памяти въ теченіе тринадцати лѣтъ; что-де Бунинъ, показывала Маримьяна, — то не я, а онъ самъ сталъ выпрашивать о двойныхъ царицы Натальи Кириловны; не отъ меня, а отъ него тѣ слова сперва начались...— „А что государь лучше жалуетъ иноземцевъ, нежели русскихъ, говорила-ль, не помню; прочихъ же всѣхъ словъ, что въ Козьминѣ доношеніи написаны — не говаривала; въ чемъ подтверждаю себя лишеніемъ живота“.

Очная ставка, данная немедленно, не обнаружила, кто правъ, кто виноватъ: и тотъ, и та остались каждый при своемъ.

Теперь, по обычному вершенію подобныхъ дѣлъ, донощика слѣдовало бы подѣ кнуть; не напрасно и говорилось всегда въ народѣ — „на донощика первый кнутъ“; но хитрый и находчивый, Бунинъ устраняеть отъ себя подобную непріятность. На другой же день послѣ подачи доноса — онъ просить пона для исповѣди. Вовсе не видно, чтобъ Бунинъ страдалъ какими-либо другимъ недугомъ, кромя кнута-

болѣзни; не смотря на эту, не совсѣмъ важную въ глазахъ инквизиторовъ, болѣзнь,—отказу въ священникѣ не было, да и въ другихъ случаяхъ не бывало никогда, такъ какъ исповѣдь служила для судей однимъ изъ средствъ развѣдать истину.

Понятно, что Бунинъ очень хорошо зналъ о томъ, что все сказанное имъ на духу будетъ передано судьямъ; вотъ почему, съ божбой и клятвами, завѣрялъ онъ отца протопопа: „все-де написанное мною вчера на бабу Мариньяну самая истина; учинилъ же я доношеніе на нее безъ всякой страсти и злобы, прямою христіанскою совѣстью, въ чемъ состою непремѣнно, даже до смерти“.

Трудно однако допустить, чтобъ Ушаковъ только ради исповѣди Бунина не повлекъ его въ застѣнокъ; нѣтъ, тутъ безъ сомнѣнія было и желаніе со стороны инквизитора угодить вице-адмиралу, по возможности щадя его секретаря. Вмѣсто него повлекли въ застѣнокъ Мариньяну. Старуха повторила то же, что говорила и прежде; „рѣчь о царицинныхъ двойныхъ началъ самъ Бунинъ, а я-де только говорила про слова нѣмчина Матиса, что сказывалъ онъ въ Архангельскѣ“.

— И въ этихъ словахъ, стонетъ старуха съ днѣмъ, утверждаюсь... что показалъ на меня Бунинъ... конечно того не говорила... словъ, что слыхала отъ англичанина, ни отъ кого другого еще не слыхала... тѣхъ Матисовыхъ словъ никому другому, кромѣ Бунина, не сказывала... а гдѣ нынѣ Матисъ, не знаю... отца же духовнаго нѣкогда котлинскаго попа Петра... на исповѣди была у него... тому три года...

Питка нервная... 11 ударовъ.

Бунинъ долженъ былъ присутствовать при розскѣ старухой, и чувство самосохраненія не позволило ему признаться въ лживости доношенія.

Посылаютъ въ Синодъ требованіе выслать къ допросу попа Петра съ Котлинскаго острова. Святѣйшій Синодъ спѣшить, по обыкновенію, выполнить требованія Тайной Канцеляріи, и попа привозятъ въ Петербургъ, въ инквизиціонное судилище.

— Оная женка, говорилъ попъ, глядя на старуху,—дочь моя духовная; исповѣдывалъ я ее нынѣ тому третій годъ, а по исповѣди приобщена она была святыхъ таинъ, а послѣ того оная женка на исповѣди у меня не бывала, для того, что я былъ въ отлученіи въ Вѣль-городѣ, въ домѣ своемъ.

Подтвержденіе попомъ словъ Мариньяны не спасло послѣднюю отъ истязанія въ другой рядъ.

— Кузьма затѣялъ на меня все напрасно... говорить она, надорнутая на вису и повторяя прежнія показанія.

... 20 ударовъ.

Твердость Мариньяны можетъ дать худой оборотъ дѣлу для Буннина; и вотъ вице-адмиральскій секретарь спѣшитъ подать дополнительное показаніе:

„Сказывалъ я Мариньянѣ: въ прошлыхъ годахъ, а въ которыхъ именно не помню, на Котлинѣ острову какъ его императорское величество изволилъ итти въ флотъ, въ то время гулялъ государь на яхтѣ, и при томъ были съ величествомъ государыни императрица Екатерина Алексѣевна и блаженныя памяти царевичъ Алексѣй Петровичъ, да царица Прасковья Федоровна. И его императорское величество прощался съ нею, царицу, цѣловалъ и жестоко плакали, знатно-де зѣло Прасковью Федоровну любить и жалуетъ“. — „А для того государь ее любить и жалуетъ, отвѣчала Мариньяна, по увѣренію Буннина, что онъ, государь, не русской природы и не царской крови. Какъ же ему до невѣстухи быть недобру, коли онъ иноземческаго поколѣнія?..“

Старуха и въ этихъ дополнительныхъ словахъ съ розыску заперлась. Но для насъ все равно, писарю или бабѣ принадлежали толки объ отношеніяхъ царя Петра къ царицѣ Прасковьѣ; важно здѣсь то, что никакое обстоятельство, до высшихъ персонъ относившееся, не ускользало отъ вниманія народа; народъ подмѣтилъ любовь и уваженіе государя къ невѣсткѣ и поспѣшилъ объяснить по своему причину этой любви: „иноземецъ-де по своему происхожденію, Петръ и любилъ Прасковью за то, что та не отвращалась ни отъ чего иноземнаго“¹⁾.

Между тѣмъ двукратно пытанная старуха, вельми разболѣвшись, испросила отца духовнаго: „все, что я при розыскѣ показала, говорить она между прочимъ на исповѣди, и то самая суцная правда; стою въ томъ непремѣнно, даже до смерти“.

Недѣлю спустя Мариньяна, еле живая, вторично проситъ исповѣдника; допросчикъ въ рясахъ не развѣдалъ, впрочемъ, и на второй исповѣди ничего новаго.

¹⁾ О царицѣ Прасковьѣ, 1664—1723 гг., см. особую нашу книгу. М. С.

Новое берется сообщить Бунинъ: „сверхъ сказаннаго мною, пишеть онъ въ дополненіе, доношу о поповомъ дѣлѣ Мариньянъ“, и затѣмъ передастъ извѣстныя уже намъ выходы старухи противъ котлинскаго пона „въ поношеніи священническаго чина“, о чемъ писарь и просилъ розыскать: „изъ чего можетъ быть, увѣрялъ онъ, что и явится обстоятельство для лучшаго слѣдованія Мариньяновыхъ неправыхъ и непотребныхъ въ христіанской должности поступковъ... А что я прежде сего о семъ не доносилъ, то для того положилъ, просто мня, что сіе дѣло до моего не касается“.

Справки по попову дѣлу, тянувшіяся въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, не обнаружили ничего особеннаго, и къ допросу призвали наконецъ единственную свидѣтельницу бесѣды Бунина съ Мариньяной, жену Бунина, Варвару. Долгій непризывъ ея къ допросу опять таки наводитъ на мысль, что Сиверсъ всячески хлопоталъ за своего секретаря; видимо ободренная заступничествомъ одного изъ „сильныхъ“—Варвара подтвердила извѣтъ мужа, впрочемъ съ нѣкоторыми варьянтами противъ его доношенія, но на эту рознь не обратили вниманія будто-бы потому, что Варвара послѣ родинъ была больна. На этомъ основаніи ее безъ дальнѣйшихъ распросовъ тотчасъ освободили на росписку отца ея съ обычнымъ заклѣтіемъ: „о чемъ она спрашивана, о томъ ни съ кѣмъ ей разговоръ не имѣть подъ страхомъ смертной казни“.

Что до искалѣченной уже пытками Мариньяны, то приведенная въ третій разъ въ застѣнокъ, на очную ставку съ писаремъ, она сознавалась въ рѣзкомъ отзывѣ о попахъ, но относительно Бунинскаго доношенія осталась при прежнемъ показаніи; не измѣнялъ, разумѣется, своему доносу и самъ Бунинъ. Старуху готовы были потащить на дыбу въ „третій“, но отложили пытку; злополучная женщина чуть была жива...

Бунинъ такъ, наконецъ, и отдѣлался отъ розыска: высиdvвъ шесть мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, онъ дождался освобожденія, съ запретомъ впрочемъ отлучаться изъ Петербурга; полгода спустя, вопросъ о томъ отпустить или не отпустить его въ Кронштадтъ, на мѣсто служенія, предоставленъ былъ на разсужденіе Адмиралтейскъ-коллегіи.

Между тѣмъ объ оговоренной имъ состоялось рѣшеніе: „въ непристойныхъ словахъ розыскивать и пытать ее еще накрѣпко, чтобы показала самую истину, только сіе чинить въ то время, какъ она отъ болѣзни выздоровѣетъ, и о состояніи ея (здоровья) караульному сержанту рапортовать повседневно“.

8-го декабря 1724 года, по именному указу его величества, отправлены на неисходное пребываніе въ Пустозеро двѣ старухи Федора да Авдотья, „за важныя непристойныя слова;“ пропитаніе имъ предоставлялось имѣть отъ своихъ трудовъ. Та же участь предоставлена была и Мариньянѣ. Тюремное заключеніе не способствовало восстановленію ея силъ; караульные сержанты постоянно рапортовали инквизиторамъ, заботящимся о ея здоровьи, что-де старуха-колонница больна и ходить на костыляхъ. Какъ Петръ Андреевичъ Толстой, такъ и Андрей Ивановичъ Ушаковъ ждали ея выздоровленія довольно терпѣливо: Мариньяна содержалась въ тюрьмѣ два года, съ 26-го января 1723 по 23-е декабря 1724 года. Въ этотъ день Тайная Канцелярія, въ лицѣ своихъ главнѣйшихъ дѣателей, опредѣлила: „вдову квартирмейстера Полозову, Мариньяну Андрееву, сослать въ ссылку въ Пустозеро и велѣть ей тамъ быть вѣчно; а вина ея такова: говорила она писарю Бунину весьма важныя непристойныя слова про его императорское величество, о чемъ на нее тотъ писарь доносилъ; а она въ разспросѣ и съ двухъ розысковъ созналась, что изъ означенныхъ словъ говорила Бунину нѣкоторыя слова, токмо не всѣ“... Затѣмъ приведена ссылка Мариньяны на слова англичанина Матиса, да улика ее котлинскій попонтъ въ поношеніи священническаго чина, послѣ чего въ опредѣленіи сказано: „А что 27-го ноября 1723 г. велѣно Мариньяною еще розыскивать и пытать накрѣпко, но токмо ею (послѣ того)... не розыскивано за ея болѣзнію; и нынѣ ею не розыскивать-же, понеже она весьма отъ старости въ здоровьи слаба... А такъ какъ, по именному его величества указу, отъ 11-го ноября 1724 года, бабы Федора да Авдотья за важныя непристойныя слова, по четырехъ розыскахъ, посланы въ ссылку на Пустозеро, то и ее, Мариньяну, по силѣ того-же именнаго указа, послать туда-же въ Пустозеро, въ ссылку; а пропитаніе ей (т. е. искалѣченной старухѣ) имѣть отъ своихъ трудовъ, какъ возможетъ; и отправить за карауломъ отъ гвардіи съ солдатами“.

На эту командировку, конвойному солдату и государственной преступницѣ выданы были прогоны на одну ямскую подводку до Москвы; кромѣ того на кормъ старухѣ отпущено было—полтина. Изъ Москвы же она должна была быть отправлена съ новымъ солдатомъ, изъ отставныхъ гвардейцевъ; на пропитаніе отпущено—рубль, всего-же съ прогонами 5 р. 84 коп. съ полушкой; этихъ

денегъ полагалось совершенно достаточно на прокормъ въ теченіе пути отъ Москвы до Пустоозера.

Пустоозерскъ или Пустоозерскій острогъ, куда зачастую ссылали въ то время столь тяжкихъ преступницъ, находится въ Архангельской губерніи, въ Мезенскомъ уѣздѣ, въ 100 верстахъ отъ Ледовитаго моря на Пустомъ озерѣ, соединяющемся истокомъ съ рѣкой Печорой, и заложенъ въ XVI столѣтіи для сбора ясака съ самоѣдовъ. Пустоозерскій острогъ заброшенъ въ страшнѣйшую глушь: отъ него до Мезени 500 верстъ, до Архангельска—1,980, до Москвы—3,253 версты. „Пустоозерскъ, гласитъ старинное описаніе, хотя ни величиною своею, ниже особливимъ какимъ обывателей руководѣніемъ, или искусствомъ отъ прочихъ не отличается, но есть знаменитѣе другихъ селеній Мезенскаго уѣзда, потому что около онаго находящаяся страна въ древнія времена называлась Югорією“... Разумѣется, не ради этого историческаго воспоминанія, а для лучшаго сбора ясака съ дикихъ инородцевъ, здѣсь было довольно долго воеводское правленіе, замѣненное въ началѣ XVIII вѣка комисарствомъ... „Пустоозерскіе жители, по тому-же описанію, по неимѣнію пахатной земли, всегда упражняются въ звѣринныхъ, корскихъ и тундряныхъ промыслахъ и въ рыбной ловлѣ. Здѣшнихъ же жителей хлѣбомъ снабждаютъ купцы изъ Соликамска, привозя его по Печорѣ, на каковой путь употребляются отъ 2 до 3 мѣсяцевъ“¹⁾.

Въ этой небогатой столицѣ великой Югорской страны мы и оставимъ нашу старуху.

Что до Бунина, то всѣ его литературно-фискальскія способности и усиленные труды въ дѣлѣ доноса не привели къ вождѣленному результату: денегъ онъ не получилъ, вѣроятно, потому что старуха созналась въ нѣкоторыхъ, а не во всѣхъ, на нее взведенныхъ словахъ; и все, что было сдѣлано для него, такъ это—два года спустя послѣ начала дѣла, отъ 5-го января 1725 года, Толстой съ Ушаковымъ отписали въ Адмиралтейскъ-Коллегію для вѣдома: „дѣло, о которомъ извѣщали Козьма Бунинъ на вдову Мариньяну Полозову въ важномъ государевомъ дѣлѣ—нынѣ рѣшено, а по тому рѣшенію Бунинъ явился свободенъ“.

¹⁾ Щекатовъ „Географич. словарь“, т. IV, стр. 1842—1843.

XVIII.

Многолѣтіе царицѣ Екатерины Алексѣевны.

Праздникомъ мы начали, подъ шумокъ праздничнаго веселья и окончимъ настоящій очеркъ. Мы въ городѣ Переяславѣ. Предъ нами Даниловская обитель. Зайдемте въ келейку отца Іоакима...

На дворѣ прекрасная декабрьская ночь, съ 30 на 31 число 1721 г. Въ кельѣ нѣсколько человѣкъ; всѣ они, какъ русскіе люди, весело провожаютъ праздники—и нѣтъ ничего удивительнаго, что отецъ Іакинъ еще до вечерни послалъ псаломщика Никиту за виномъ на три алтына.

Въ келью собрались отцы Даниилъ, Іраклій, Ефремъ, Іосафъ, Евстафій и Марколъ. Послѣдніе два, рано утомившись излишнимъ угощеніемъ, крѣпко спали, первый—тутъ-же на лавкѣ, второй ушелъ куда-то въ чуланъ, на дворѣ. Шумно и весело говорило собраніе; наконецъ утомились и разлеглись спать. Задудилъ свѣчу. Не спалось отцу Іакиму. Трехъ-алтынная покупка произвела свое дѣйствіе, и вдругъ ему, ни съ того, ни съ сего, пришла мысль спѣть многолѣтіе.

— Благочестивѣйшему; тишайшему, самодержавнѣйшему великому государю нашему, Петру Алексѣевичу—многая лѣта! такъ загремѣлъ отецъ Іакинъ; многолѣтіе подхватилъ Іраклій.

— И святѣйшему, правительствующему Синоду, продолжалъ Іакинъ—многая лѣта!

— Многая лѣта! подтянулъ Іраклій.

— А ну его... заговорилъ первый.

— Нѣтъ, ты постой, началъ Іраклій: для чего-жъ мы о царицѣ Екатерины Алексѣевны многолѣтіе не помянули?

— Да она какая-жъ намъ царица?—отвѣчалъ Іакинъ... Намъ царица старая, что была... первая супруга царя...

Услыхавъ такое мнѣніе, Іраклій благоразумно замѣтилъ: „что ты врешь!“ оставилъ товарища и „отбѣжалъ въ другое мѣсто“.

— Полно тебѣ тамъ орать, прикрикнулъ на Іакина Даниилъ:—перестань пѣть, да кричать, ложись спать.

Легли спать крикунъ, но не легъ отецъ Іосафъ, одинъ изъ свидѣтелей событія. Онъ тихо выбрался изъ темной кельи и поспѣшилъ къ архимандриту Варламу; въ его келью, наединѣ, тайно донесъ Іосафъ о всемъ случившемся. А три дня спустя Варламъ уже передонесъ

въ Синодѣ; 4-го января 1722 г. всѣ виновные и свидѣтели были на лицѣ въ Синодѣ; съ cadaго изъ нихъ порознь сняли допросы ¹⁾.

Отецъ Іакинъ при первомъ показаніи сознался только въ томъ, что онъ весьма шумно провожалъ празники, что этому не мало способствовала трехъ-алтынная покупка, но многолѣтія никакого и ни съ кѣмъ не пѣвалъ, замѣчанія отъ Іракліма: для чего не поешь многолѣтія Екатерины Алексѣевны, не слышалъ, и ему въ отвѣтъ про государыню ничего не говорилъ. „Въ подтвержденіе словъ моихъ не шлюсь я на Іосафа, говорилъ Іакинъ, для того, что онъ на меня доноситъ, на Іракліма не шлюсь—онъ былъ въ ту ночь весьма шуменъ; я шлюсь на Даніила, Ефрема, Евстафія и Маркіана“.

Между тѣмъ пока Іакинъ заперался, его хористъ Іраклімъ сознался во всемъ, указалъ на состояніе, въ какомъ они были оба въ ночь на 31 декабря 1721 г., сообщилъ порядокъ пѣнья многолѣтія, разговоръ по поводу Екатерины Алексѣевны и проч. Затѣмъ тотъ-же Іраклімъ, какъ видно крѣпко струсившій, опровергъ ссылку Іакина на Евстафія и Маркіана: ни тотъ, ни другой ничего не могли слышать, ибо спали крѣпчайшимъ сномъ, первый въ кельѣ, а послѣдній—на дворѣ въ чуланѣ.

Разсказъ откровеннаго Іракліма вполне подтвердился показаніями Іосафа, Ефрема и Даніила; послѣдніе добавили о рѣзкой выходѣ Іакина на счетъ Синода, послѣ чего его сотоварищъ отошелъ въ сторону.

Послѣ отбора показаній дана очная ставка Іакину, съ его обвинителями. Улики были такъ ясны и сильны, что обвиняемый поспѣшилъ принести во всемъ вину—и повторилъ все то, что уже было извѣстно изъ показаній его сотоварищей. „А все это, каялся Іакинъ, говорилъ я въ пьянствѣ, понеже въ тотъ-же вечеръ, купя пилъ

¹⁾ Невѣжество нашего низшаго духовенства полторасти лѣтъ тому назадъ извѣстно изъ многихъ сочиненій, между прочимъ изъ замѣчательной книги профессора А. Ф. Прокоп. Шапова: „Русскій расколъ старообрядства“. Казань. Изд. 2-е, 1860 г. Указывая на новыя факты, обличающіе печальное состояніе сего сословія въ старое время, взглядъ нашъ отдыхаетъ на мужахъ, составляющихъ украшеніе русской исторіи и исторіи нашего духовнаго образованія. Въ петровское время имъ видны Дмитрій Ростовскаго, Іова Новгородскаго, Иларіона Суздальскаго, Стефана Яворскаго, Гавріила Бужинскаго, наконецъ Феофана Прокоповича—человѣка громаднхъ недостатковъ, но въ то же время высокаго ума и обширнаго образованія! Имъ обязаны тѣмъ, что въ настоящее время въ низшемъ духовенствѣ мы найдемъ немного недостойныхъ настырей, которые-бы напоминали 1700-ые года.

11 декабря 1860 г.

М. С.

вино; а въ трезвости ни противныхъ словъ, ни мысленія подобнаго никогда не бывало“.

За обнаруженіемъ преступленія послѣдовало обнаженіе виновнаго отъ монашескаго чину; вмѣсто Іакина онъ наименованъ именемъ, которое имѣлъ въ бѣльцахъ—Яковъ Венедиктовъ.

Въ одинъ день покончено было духовное изслѣдованіе, совершено и духовный судъ; и уже 5 января 1722 г. архіепископъ Θεодосій отправилъ арестанта и при немъ весьма любезное письмо къ Петру Андреевичу Толстому.

Письмо это начиналось словами: „Изящный и превосходительный господинъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ Петръ Андреевичъ!“ Затѣмъ Θεодосій вкратцѣ излагалъ результатъ дѣла, также послалъ подлинныя разспросы до „его изыщества“, „для надлежащаго слѣдованія и учиненія указа (т. е. экзекуціи), понеже оное дѣло надлежитъ до Тайной Канцеляріи; а прочіе іеродіаконы и монахи, чрезъ которыхъ доношеніе и свидѣтельство оный обличился—отданы до указу архимандриту Варламу съ роспискою. О чемъ объявивъ, пребываю вашего изыщества всегдашній доброжелатель молитвенникъ, святѣйшаго Синода послушникъ Θεодосій, архіепископъ Новгородскій и архимандритъ Александро-Невскій“.

8 января разстрига Яковъ приведенъ въ застѣнокъ. Онъ во всемъ покаялся, не входя еще въ Тайную Канцелярію. Казалось-бы не о чемъ бы его и спрашивать.

Не такъ думали однако неизгнѣнные три дѣателя кнута да застѣнка—Петръ Толстой, Ушаковъ да Писаревъ. Имъ нужно было знать: почему именно, изъ какихъ видовъ, на какомъ основаніи сказалъ разстрига непристойное слово.

И вотъ плететь допрашиваемый, стоя предъ орудіями пытки:

— „Сказалъ я сущее для того, что въ Евангеліи отъ Маттея написано: еще пуститъ мужъ жену и поиметъ иную, прелюби творить. И эти слова про нея, великую государыню императрицу, я говорилъ; а въ мысли пришли мнѣ эти слова въ то время, какъ сталъ со мной говорить Іраклій о многолѣтствіи ея императорскому величеству. А прежь этого ни съ кѣмъ я такихъ словъ не говорилъ и ни отъ кого не слыхалъ; а говорилъ-ли еще что—того не помню, ибо былъ велики пьянъ“.

Всего сказаннаго было мало — Якова Венедиктова вздернули на дыбу.

Говорилъ онъ тѣ-же рѣчи,—дано 15 ударовъ кнутомъ.

Послѣ двухъ-дневной отдышки новая пытка.

Яковъ говорилъ то-же — дали 25 ударовъ, но фантазіи его этимъ не оживили.

20 января пытали, какъ и слѣдовало по закону, въ третій разъ; истязуемый ни слова не показалъ новаго, его спустили, и не нашли нужнымъ записать число ударовъ.

Приговоръ состоялся 5 февраля 1722 г.: „Якова Венедиктова за непристойныя слова, говоренныя въ пьянствѣ, сослать въ монастырь, по назначенію Синода“. Подписали: Толстой, Ушаковъ и Скорняковъ-Писаревъ.

Проводить въ ссылку новаго либерала петровскаго времени, оставшіяся пока и переведемъ духъ. Предъ нами громадный, нескончаемый рядъ подобныхъ дѣлъ, и мы-бы никогда не кончили, еслибы вздумали на основаніи ихъ поднимать всѣ политическія преступленія первой четверти XVIII вѣка. А между тѣмъ, кто не согласится съ нами, кто не пожелаетъ, чтобы эти дѣла всѣ, одно за другимъ, явились на свѣтъ божій? Они во многомъ отношеніи проливаютъ свѣтъ на русское общество той переходной эпохи... Толки и разсужденія пьянаго и трезваго русскаго люда знакомятъ насъ со взглядомъ различныхъ сословій на личность Преобразователя, на его супругу, его приближенныхъ, наконецъ на самыя преобразованія...

XIX.

Богохульники¹⁾.

Лютыя пытки въ то суровое время какъ-бы порождали людей, способныхъ переносить самыя ужасныя истязанія, натурн желѣзныя, которыя сами, очертя голову, какъ-бы папрашивались на рядъ всевозможныхъ мученій. Безъ всякаго повода, нерѣдко безъ особой причины и умысла, эти люди извергали хулу на все святое, бранили земнаго владыку и тѣмъ самымъ дѣлались преступниками первой важности, для которыхъ, по тогдашнимъ законамъ, не могло существовать пощады.

Нельзя сказать, чтобы эти люди всегда были раскольниками,

¹⁾ Вершения дѣла Р. Д. Т. К., к. XXIII, д. № 15.

постоянныя преслѣдованія которыхъ невольно вызвали ожесточеніе. Нѣтъ. Предъ нами, напримѣръ, посадскій человѣкъ лицаго (уральскаго) городка Гурьева, Иванъ Орѣшниковъ. Онъ вовсе не-раскольникъ, но ожесточенъ неловко сложившеюся жизнью, неудачами, да можетъ быть и горькимъ пѣнникомъ — утѣшителемъ русскаго человѣка.

Въ 1721 году донесъ онъ въ Астрахани на посадскаго человѣка Яковлева, торговца изъ кружевнаго ряда. „Отпускаетъ онъ, говоритъ Орѣшниковъ, — въ Хиву, между прочими товарами, свинецъ да порохъ“. Яковлева допросили въ таможи — извѣтъ оказался ложнымъ. Орѣшникова били кнутомъ и сослали на три года въ Гурьевъ.

Здѣсь среди ссыльныхъ поселенцевъ, естественно нерасположенныхъ къ правительству, новый ссыльный нѣсколько разъ выражался насчетъ высокихъ лицъ и предметовъ въ самыхъ крупныхъ, непристойныхъ выраженіяхъ: поносилъ вѣру, богохульствовалъ и избранивалъ „скаредною бранью“ его царское величество.

Такое поведеніе при крутомъ, неуживчивомъ характерѣ поселенца не могло остаться безнаказаннымъ, и на него посланъ въ Астрахань доносъ „въ богохуленіи и въ невѣжныхъ словахъ противъ высокой чести его царскаго величества“.

Слово и дѣло!

Виновнаго привезли въ маѣ того-же года въ Астрахань, бросили въ тюрьму и, по приказу губернатора Артемія Петровича Волынскаго, пытали въ застѣнѣ. Орѣшниковъ сознался во всемъ, а Артемій Петровичъ посѣдѣшилъ препроводить въ Тайную Канцелярію экстрактъ изъ дѣла, съ просьбой учинить резолюцію.

Тѣмъ временемъ арестантъ сидитъ въ особой казенкѣ, получаетъ кормовыхъ по двѣ деньги въ сутки, и, не видя исходу изъ своего положенія, какъ-бы обезумѣвъ отъ пытки и заточенія, рѣшается на новое преступленіе.

При одной изъ караульныхъ смѣнъ, при сдачѣ, капралъ приказалъ ему встать; Орѣшниковъ отвѣчалъ ругательствомъ, схватилъ капрала за галстухъ, сталъ душить, укусилъ руку, и тутъ-же, при всемъ караулѣ, вслѣдски поносилъ вѣру и царское величество.

Новое преступленіе повлекло за собой новое объясненіе въ застѣнѣ съ свѣжей ниткой.

Допрашиваемый созналъ себя виновнымъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Волынскій получилъ изъ Тайной Канцеляріи указъ: — „освидѣтельствовать Орѣшникова посторонними

людьми: не безуменъ-ли онъ? если окажется, что онъ въ здоровомъ умѣ, то его пытать трижды, вывѣдывая, по чьему наущенію онъ говорилъ? оговоренныхъ лицъ пытать на крѣпко-жѣ. А если то онъ учинилъ самъ отъ себя, и зато, въ силу первой статьи I главы Уложенія, казнить его въ Астрахани: „сжечь живаго“.

Артемій Петровичъ не рѣшился однако учинить расправу, и на основаніи высочайшаго указа: всѣхъ, сказывающихъ за собой и за другими слово и дѣло, отсылать въ Преображенскій приказъ либо въ Тайную Канцелярію,—послалъ его въ Петербургъ, подъ строгимъ карауломъ, скованнымъ по рукамъ и по ногамъ. Провожавшему его капитану дано кормовыхъ и прогоновъ отъ Астрахани до Петербурга 5 руб. 13 алтынь.

Вѣстѣ съ государемъ и дворомъ, отправившимся въ Москву праздновать Ништадтскій миръ со Швеціей, перевезли сюда важнѣйшихъ колодниковъ Тайной Канцеляріи. Между ними былъ Орѣшниковъ. Судьи при первомъ съ нимъ свиданіи положили: распросить его въ застѣвкѣ подъ пыткой, такъ какъ онъ нѣсколько разъ и въ разное время говорилъ злые слова о Пресвятой Богородицѣ и про его царское величество.

Человѣкомъ опытнымъ шелъ Орѣшниковъ на дыбу; ему хорошо были знакомы и ремень, туго охватывавшій ноги, и ручной хомутъ, вывертывавшій руки, и бревно, просовывавшееся между ногъ, и кнутъ, столь часто кровавымъ слѣдомъ бородавившій его спину.

— Для чего ты говорилъ тѣ злые слова? не было-ли у тебя въ тѣхъ словахъ согласниковъ, кого ты знаешь? Скажи безъ утайки.

Надо думать, что пытка была страшная, со всѣми тонкостями: со встряской на дыбѣ, съ ошпариваніемъ спины горячимъ вѣвникомъ, съ растравленіемъ язвъ солью, съ завивчиваніемъ пальцевъ и тому подобное. Орѣшниковъ, изнемогая отъ боли, выкрикивалъ Богъ знаетъ что—все это записывали; но лишь только давали ему отдыхъ,—онъ отпирался отъ своихъ словъ.

— Бранилъ я... Бога... Пресвятую Богородицу... бранилъ его царское величество... а съ того сталъ бранить... мысль мнѣ та пришла... въ Гурьевѣ городкѣ... Зимомъ, предъ сырной недѣлею... въ станишной избѣ... довелось говорить—съ работными людьми... съ Мѣшковымъ, съ Кулою, да съ толкачемъ... имя его забылъ... Всѣ три живутъ домами въ томъ городкѣ... Былъ разговоръ... работные люди... скверно бранили царское величество... послалъ—

де онъ въ Хиву Черкаскаго ¹⁾ и хотъ... бы... де и самъ онъ (царь) пошелъ... было-бы... де и ему тамъ... мѣсто... Всѣ три работные человека... также и другіе жители города... всѣ богоотступники... и въ церковь не ходятъ... и я, того ради... зная слова свои говорилъ...

Дали Орѣшникову перевести духъ—и онъ спѣшилъ сознаться, что тѣхъ людей оговорилъ напрасно: они де ничего подобнаго не говорили.

Снова заговорилъ кнутъ—и истязуемый плететь: „я... еретикъ... богоотступникъ... чернокижия письма у меня въ Астрахани... дома, въ коробѣ“.

Дано 25 ударовъ.

— Нѣтъ, я не еретикъ, не богоотступникъ, заговорилъ несчастный, спущенный съ дыбы,—я ничего того не знаю, а говорилъ все это, не стерпя розыску. Никакихъ ни дѣлъ, ни умыслу противъ здравія его императорскаго величества ни за собой, ни за кѣмъ не знаю.

Прошло недѣли три. Раны стали подживать... Орѣшникова вновь повлекли въ застѣнокъ.

— Хулилъ я Пресвятую Богородицу, бранилъ его императорское величество, а съ какого умысла—самъ не вѣдаю... да и умыслу не было, ни съ кѣмъ я о томъ не говорилъ... Не еретикъ я... не богоотступникъ...

Было ему—23 удара.

Дальнѣйшія истязанія были-бы дѣломъ совершенно излишнихъ. Судьба колодника была уже рѣшена; но судьи находились въ недоумѣніи по поводу одного обстоятельства, за разрѣшеніемъ котораго обратились въ Синодъ:

— Богохульника Ивана Орѣшникова допускать-ли предъ смертной казнью къ исповѣди и причастію?

— „Ежели онъ кается, отвѣчалъ Синодъ послѣ цѣлаго мѣсяца толковъ и разсужденій по этому поводу, — если кается, то исповѣдовать его искуснымъ священникомъ, по обыкновенію. А буде на исповѣди принесетъ чистое покаяніе, то и причастить“.

Искусный исповѣдникъ, наряженный отъ Синода, былъ Рижскаго

¹⁾ Князь Александръ Бекевичъ Черкасскій отправился въ июлѣ 1717 года съ экспедиціею въ Хиву—и тамъ погибъ, вслѣдствіе своей неосторожности. См. „Опис. Каспійскаго моря“ Соймонова изд. 1763, стр. 16—27.

корпуса оберъ-іеромонахъ Радимшевскій. Отецъ Маркелъ всячески увѣщевалъ заблудшую овцу, употребилъ все искусство для наставленія его на путь истины и добродѣтели. Орѣшниковъ винилъ душе-спасительному слову, каялся въ богохульствѣ и въ невѣжныхъ словахъ противъ высокой чести его императорскаго величества, говоренныхъ внѣ ума, но ничего новаго не прибавилъ къ прежнимъ отвѣтамъ.

— „Приношу во всемъ, говорилъ онъ на духу, — чистое покаяніе, и нынѣ по чистой совѣсти вѣру содержу, какъ христіанинъ, и во св. церковь вѣрую и его величество несомнѣнно почитаю и исповѣди съ причащеніемъ несомнѣнно желаю“.

Всѣ желанія переданы были духовникомъ и внесены въ дѣла Тайной Канцеляріи. Они не остались втунѣ.

На другой-же день командированъ былъ новый священникъ. Попробовалъ онъ было еще попытать духовнымъ допросомъ, но не узнавъ ничего новаго, поспѣшилъ напутствовать раба грѣшнаго въ жизнь лучшую, загробную.

Законы, приличныя дѣлу, были уже подведены; сдѣланы выписки: изъ Уложенія гл. I ст. 1, на основаніи которой богохульники обрекаются сожженію; гл. II ст. 1: оскорбителей чести царскаго величества казнить смертію; изъ Воинскаго Артикула, гл. I арт. 3: богохульнику прожигать языкъ раскаленнымъ желѣзомъ и потомъ отсѣкать голову; арт. 4: поносителей Пречистой Матери Божіей и св. угодниковъ наказывать тѣлесно; либо, по винѣ смотря, отсѣкать имъ суставы, либо вовсе казнить смертію; гл. III арт. 20: у хулителей царскаго величества отсѣкать голову.

Измученный рядомъ всевозможныхъ пытокъ, Орѣшниковъ готовился совсѣмъ уже отдать Богу душу: изъ горла и нижняго прохода, такъ доносили караульные, била у него кровь почасту; однажды течъ была такъ сильна и несчастный до того ослабѣлъ, что просилъ священника для новой исповѣди. Внимательные члены тайнаго судилища спѣшили выполнить его просьбу: вновь командировали священника, съ подтвержденіемъ отобрать, буде можно, какія-нибудь свѣжія показанія. Но ничего важнаго, по-крайней-мѣрѣ пригоднаго къ дѣлу, духовный пастырь не провѣдалъ и не могъ выполнить желанія судей. Къ прежнему 'показанію Орѣшниковъ присоединилъ рассказъ о бывшемъ съ нимъ припадкѣ во время содержанія подъ карауломъ.

— „На этихъ дняхъ, говорилъ арестантъ, — нашло на меня обычное безумство: дралъ я на себѣ рубаху, кусалъ руки, метался и бился, и говорилъ-ли, нѣтъ-ли какія-нибудь непотребныя слова — того не помню, понеже у меня животная, тяжелая болѣзнь. А какъ та болѣзнь меня схватитъ, тогда бываю внѣ ума и что говорю, того не помню. Дѣла же за собой его императорскаго величества никакого не знаю“.

Объ этомъ припадкѣ, дѣйствительно, въ свое время доносили караульные, причѣмъ согласно свидѣтельствовали, что арестантъ метался, рвался, кусалъ руки и кричалъ: слово и дѣло!

Мѣсяца два спустя припадокъ повторился... Удивительно, чего иѣшкали экзекуціей достопочтенные судьи!...

— „Братцы, а братцы! кричалъ колодникъ караульнымъ солдатамъ. — За мной государево слово и дѣло! Вѣдаю я его за астраханскимъ вице-губернаторомъ Иваномъ Кикинымъ. Онъ хочетъ убить его императорское величество! Я это подлинно знаю. Онъ злодѣй! Ведите меня. Я скажу, кому слѣдъ, что для этого носилъ Кикинъ въ Хиву порохъ да свинецъ! Донесите, донесите о всемъ этомъ его величеству!“

Караульные трусили — и въ доношеніи обо всемъ случившемся прямо говорили Тайной Канцеляріи: „просимъ мы то наше доношеніе принять, опасаясь, чтобъ намъ отъ такихъ словъ Орѣшникова не пострадать“.

На этотъ разъ судьи не оставили безъ вниманія безпокойнаго Орѣшникова и сняли допросъ, что за причина была его крику и новаго сказыванія за собой государева слова?

— А я ничего не знаю, отвѣчалъ арестантъ: — за Кикинымъ злаго дѣла не вѣдаю; кричалъ-ли, нѣтъ-ли — того не помню.

Были-ли эти припадки слѣдствіями дѣйствительнаго сумасшествія; кричалъ-ли несчастный нѣтъ притвору, въ слабой надеждѣ смягчить тѣмъ наказаніе — неизвѣстно. Извѣстно только то, что смягченія не было, да и не могло быть.

Инвизиторы столько пропустили мимо себя самыхъ разнородныхъ людей, отправляя ихъ на такія канлутѣйшія истязанія и казни, что не могли снисходить ни къ кому. Сердца ихъ были чужды жалости, не вѣдали состраданія; слово отиѣна, либо только смягченіе наказанія — были имъ незнакомы. Да имъ было некогда и разбирать дѣло подробно: при какихъ обстоятельствахъ сказано

то-то, пьянъ-ли былъ человекъ, не безуменъ-ли онъ — все едино. Слово сказано, слѣдовательно, преступленіе сдѣлано, — а преступнику можетъ-ли быть пощада?

Не для пощады, а для страшной и постоянной кары надъ провинившимися сдѣланы они членами могущественнаго тайнаго судилища!

5 іюня 1722 г. застало богохульника городка Гурьева въ Москвѣ на Красной-площади у позорныхъ столбовъ, на помостѣ, среди собравшагося народа. Въ этотъ день рѣшалась его судьба послѣ четырнадцатимѣсячныхъ пересылокъ изъ тюрьмы въ тюрьму, передергиваній съ виски на виску, съ дыбы астраханской на петербургскую, съ петербургской на преображенскую...

— „Иванъ Орѣшниковъ! возгласилъ секретарь, развертывая приговоръ. Въ бытность свою въ Астрахани за карауломъ, на полковомъ казенномъ дворѣ говорилъ ты нѣкоторыя весьма злыя слова противъ Бога, Пресвятой Богородицы и его императорскаго величества. О семъ преступленіи какъ свидѣтели, такъ и самъ ты въ разспросахъ и съ розскавъ показалъ именно. И за тѣ слова надлежало тебя сечь, но оной казни его императорское величество тебѣ чинить не указалъ для того, что ты временно не въ твердомъ умѣ бываешь и многожды показывалъ за собою его императорскаго величества слово и дѣло, а какъ придешь въ память, то тѣхъ словъ ничего не показывалъ, объявляя, что все говорилъ въ памяти. А вмѣсто жженія тебя живаго, государь всеилостивѣйше повелѣтъ соизволилъ учинить тебѣ, Орѣшникову, смертную казнь — отсѣчь голову“.

Палачъ приблизился къ жертвѣ... Разорвана рубашка, шея оголена, голова пригнута къ пласъ; сверкнулъ топоръ — и обезглавленный трупъ тихо скатился на помостъ...

Тѣло лежало на площади два дня; послѣ чего Тайная Канцелярія позаботилась отправить его для погребенія въ убогій домъ за Петровскими воротами, къ Воздвиженской церкви. При этой посылкѣ Тайная Канцелярія въ особой отписи успокоивала мѣстнаго іерея, чтобъ онъ хоронилъ безбоязно по чину, для того, что казненный и исповѣдывался, и причащался святыхъ таинъ.

Бросьте горсть земли на гробъ преступника, искупившаго свою вину или заключившему душевный недугъ страшнымъ тюремнымъ заточеніемъ и рядомъ пяти или шести пытокъ, на которыхъ онъ долженъ былъ вынести около полутора ста нещадныхъ кнутовыхъ

„слово и дѣло“.

ударовъ. — Проводитъ его грѣшное тѣло въ могилу вздохомъ сожалѣнія и — переводите, переведите духъ.

Арести... допросы... тюрьмы... дыба... кнутъ... вѣщи... жженіе живыхъ... плаха... стоны... вопли... мольбы о пощадѣ... и всюду кровь, кровь и кровь!...

2 февраля 1861 г.

Спб.

XX.

Викимора¹⁾.

Вечеромъ, 8-го декабря 1722 г., не безъ страха и смущенія сталъ солдатъ Даниловъ на караулъ къ соборной церкви, во имя животворящей Троицы, что на Петербургской сторонѣ. Страхъ и смущеніе часового были понятны: въ городѣ ходили толки о томъ, что недѣли три тому назадъ въ церковной трапезѣ стучалъ и бѣгалъ невидимый духъ... То не были сказки, такъ толковали въ городѣ, нѣсколько часовыхъ солдатъ сами слышали этотъ стукъ: то кто-то бѣгалъ по трапезѣ, то что-то стремглавъ падало. Соборный псаломщикъ Максимовъ положительно увѣрялъ, что стукъ нѣсколько разъ повторялся; рассказчикъ ссылался на солдата Зиновьева и солдатъ поддерживалъ псаломщика.

— „Состоялъ я въ караулѣ при соборной Троицкой церкви, говорилъ Зиновьевъ, съ самыхъ Петровокъ 1722 г., по зимнато Николу 1723 г., и недѣли етакъ за три до Николлина дня, ночью, подлинно довелось мнѣ слышать превеликой стукъ въ трапезѣ; побѣжалъ и въ камору, разбудилъ псаломщика и солдатъ караульных, и въ то время въ трапезѣ застучало опять такъ, яко бы кто упалъ“.

Всѣ эти рассказы не могли не пугать простодушныхъ, и можно себя представить, съ какою боязнью прислушивался новый караульный собора къ каждому звуку.

Однако, ночь на 9-е декабря 1722 г. проходила спокойно; предъ часовымъ лежала пустая площадь; въ австеріяхъ и вольныхъ

¹⁾ „Верх. дѣла Росмск. дѣлъ Тайн. Канцел.“, картонъ VII, дѣло № 16-я, лл. 1—18.

донахъ (тогдашнихъ трактирахъ и кабакахъ) потушли огни, умолкли брань и пѣсни бражниковъ, и на соборной колокольнѣ „ордinarные часы“ глухо прогудѣли полночь¹⁾.

Еще послѣдній ударъ часового колокола не успѣлъ замереть въ морозномъ воздухѣ, какъ Даниловъ съ ужасомъ слышалъ странныя звуки. По деревянной лѣстницѣ, въ колокольнѣ, кто-то бѣгалъ; ступени дрожали подъ тяжелыми шагами, привидѣніе перебрасывало съ мѣста на мѣсто разныя вещи... „Великій стукъ съ жестокииъ страхомъ, подобіемъ бѣганія“ то умолкалъ, то снова начинался... Такъ продолжалось съ часъ... Испуганный часовой не оставилъ своего поста, онъ дождался заутрени, но за то лишь только явился Дмитрій Матвѣевъ благовѣстить, солдатъ поспѣвшихъ ему передать о слышанномъ.

Дмитрій сталъ оглядывать колокольню и скоро усмотрѣлъ, что стремянка-лѣстница, по которой карабкались обыкновенно для осмотра къ самымъ верхнимъ колоколамъ, оторвана и брошена на-земь; „порозжіи“ канатъ перенесенъ съ одного мѣста на другое, наконецъ, веревка, спущенная для благовѣсту въ церковь съ нижняго конца на трапезѣ, на привладѣ обернута вчетверо.

Псаломщикъ передалъ о видѣнномъ и слышанномъ всему соборному причту; утрени и обѣдня проведены были въ толкахъ о странномъ привидѣніи.

— Никто другой, какъ кикимора, говорилъ попъ Герасимъ Титовъ, относясь къ дьякону Феофану.

Тотъ расходился въ мысляхъ по этому предмету: „не кикимора, говорилъ онъ, — а возится въ той трапезѣ... чортъ“...

Между тѣмъ, служба идетъ своимъ чередомъ; знакомый уже намъ псаломщикъ толкается въ народѣ съ кошелькомъ въ рукахъ и звонкомъ напоминаетъ православнымъ о послѣднихъ даяніяхъ на церковь Божию. Отзвонивши, онъ входитъ въ алтарь и застаётъ іереевъ и дьякона, бесѣдующихъ о той же кикиморѣ.

— Что-жъ, съ чего возиться-то чорту въ трапезѣ?

— Да вотъ съ чего возиться въ ней чорту... Санкт-Петербурху нутѣтъ будетъ.

Дѣло получаетъ огласку.

¹⁾ На Троицкую колокольню перевезены были часы изъ Москвы съ Сухаревой башни въ 1720 г. Пужкаревъ, „Описаніе Петерб.“, I, стр. 166.

— Что у васъ за черти возятся? спрашиваетъ протопопъ Симоновъ пона Титова.

— „Не знаю, отвѣчаетъ тотъ, не знаю, самъ не слыхалъ, а вотъ сказывается псаломщикъ“... и слѣдуютъ затѣмъ подробности о таинственномъ явленіи.

— Пожалуй, что и впрямь кикимора, замѣчаетъ протопопъ.

— „Питербурху, Питербурху пустьъ будетъ“, вышивается отецъ дьяконъ.

— Полно тебѣ врать! {кричитъ на неосторожнаго толкователя отецъ протопопъ.

И вотъ молва о томъ, что объявилась-де на Троицкой колокольнѣ кикимора, не къ добру-де она, {Питербурхъ запустѣтъ, электрическою искрою пробѣжала по площадямъ и задворкамъ столицы. Болтовня іереевъ вызвала въ черни „непристойные разговоры“ и попечительное правительство (государь былъ въ то время въ Москвѣ) спѣшило зажать рты говорунамъ.

Синодъ свѣдалъ о кикиморѣ отъ своего ассессора, троицкаго протопопа; его преподобіе къ извѣстію о кикиморѣ долгомъ почелъ присоединить и замѣчанія, которыя были высказаны по этому поводу попомъ и дьякономъ. Замѣчаніе послѣдняго особенно было преступно—слово и дѣло! и преступниковъ приглашаютъ къ объясненію; оно началось съ разсказа псаломщика. Обстоятельно передавъ св. Синоду о видѣнномъ и слышанномъ, Матѣевъ заключилъ обычнымъ призывомъ на свою голову царскаго гнѣва, буде сказалъ что ложно, а о чемъ допрашивали, о томъ обѣщался никому не сказывать, подъ лишеніемъ живота. За нимъ дьяконъ съ полной искренностью сознавался въ нескромномъ толкованіи событія.

— Съ чего-жъ ты это толковалъ?

— „А толковалъ съ простоты своея, въ такой смѣхъ: понеже-де императорскаго величества при С.-Питербурхѣ не обрѣтается, и прочіе выѣзжаютъ, такъ Питербурхъ и пустѣтъ“.

— Не имѣлъ ли ты съ кѣмъ вымыслу о пустотѣ Питербурха?

— „О пустотѣ С.-Питербурха вымыслу я, дьяконъ, ни отъ кого не слыхалъ, и о себѣ того не знаю“.

Главное, что особенно интересовало членовъ синодальнаго судилища: не было ли-де вымыслу на запустѣніе тѣмъ либо инымъ способомъ любимаго созданія монарха.

Вымыселъ, впрочемъ, за отцемъ дьякономъ не объявился; но

крайней мѣрѣ его не оказалось изъ отвѣтовъ пона Титова. Соборный псаломщикъ, наконецъ, караульный солдатъ—все были допрошены порознь, съ обычными приемами, все толковали о кикиморѣ и ничего о выислѣ на запусѣніе Петра-бурха.

Разсказчика-псаломщика заарестовали, но отца дьякона отпустили, до окончательнаго вершенія дѣла, на „знатную росписку“ нѣсколькихъ церковниковъ и типографскихъ справщиковъ; такого рода снисхожденіе дѣлалось ради того, что при Троицкомъ соборѣ обрѣтался одинъ дьяконъ, а дни наступали „знатныхъ господскихъ праздниковъ Рождества Христова“. Не трудно представить, съ какими чувствами долженъ былъ праздновать Рождество неосторожный дьяконъ: застѣжки Петропавловской брѣвности были отъ него такъ близки, и онъ хорошо зналъ, что какъ туда, такъ и оттуда на эшафотъ, подъ кнутъ, да вѣщи, всего чаще вело единое „неприличное“ слово...

XXI.

Шведъ-вѣдунъ ¹⁾).

Въ то время, когда кикимора шалить по ночамъ на Троицкой колокольнѣ, а отецъ дьяконъ возсыластъ теплыя мольбы: да пройдетъ грозная туча, нѣмъ самимъ на себя накликаемая, въ это время, въ вольномъ домѣ ²⁾ на Выборгской сторонѣ, въ приходѣ Самсона страннопріимца, пляшутъ, поютъ, играютъ и болтаютъ веселые гости у радушнаго Питера Вилькина...

Но прежде нежели подслушаемъ ихъ болтовню, познакомимся съ хозяиномъ заведенія.

Питеръ Юрьевичъ Вилькинъ, природы шведской, вѣры лютерской, родился въ Ригѣ и занимался торговлею; въ 1708 году, въ качествѣ маркитанта, послѣдовалъ онъ за отрядомъ генерала Левенгаупта и въ баталіи подъ Лѣснимъ попался въ плѣнъ. Поло-

¹⁾ Верх. дѣла Розыск. дѣлъ Тайн. Канцел. Карг. VII, д. № 15-й, лл. 1—24.

²⁾ Во времена Петра вольные дома замѣняли прежнія водочныя кружала; вивѣски вольныхъ домовъ гласили такъ: „Казенный питейный домъ“. Цѣловальники сначала кибриались изъ иногороднаго купечества, потомъ изъ старообрядцевъ и только послѣ этихъ опытовъ найдено было, что вовсе не зазорно допускать въ содержатели вольныхъ домовъ столичныхъ купцовъ. Рубанъ. Описаніе Петерб., 1779 г., стр. 152.

женіе шведскихъ плѣнныхъ въ московскомъ государствѣ было неза-
видно. Петръ считалъ вполне справедливымъ вымѣщать на нихъ
тяжесть содержанія русскихъ плѣнныхъ въ Столгольмѣ; шведовъ
держали въ тюрьмахъ, нерѣдко въ оковахъ, наконецъ, толпами
сылали въ Сибирь, въ тяжелыя работы. Не многіе спасались тѣмъ,
что находили среди вельможъ милостивцевъ; тѣ брали ихъ на свой
страхъ и въ свое, разумѣется, услуженіе. Вилькинъ взятъ былъ въ
казначей графомъ Андреемъ Апраксинимъ. Поддержавъ казначея до-
вольное время, графъ передалъ его купецкому человѣку, агличанину
Горцуну, въ качествѣ прикащика. Только по прошествіи шести
лѣтъ Вилькинъ освободился отъ обязательной службы и занялся
браковкой юфти и содержаніемъ вольныхъ домовъ.

Въ одномъ изъ нихъ, на Выборгской сторонѣ, мы застаемъ осо-
бенно веселую „вечерину“, 15-го января 1723 года. Множество
гостей, откармливаемыхъ хозяиномъ, услаждались пѣніемъ и игрой
на гусяхъ и скрипичѣ Рубана, Чайки и Лещинскаго, императри-
цыныхъ пѣвчихъ. Поздно ночью разбрелись гости, но пѣвчіе, опоев-
ные до положенія ризъ, заночевали.

На другой день, за утреннимъ чаемъ, музыканты вновь стали
тѣшить хозяина игрой да пѣніемъ; Вилькинъ, подъ вліяніемъ ли
музыкальной мелодіи, или со вчерашняго похмѣлья, пустился въ за-
душевную болтовню.

— „Болятъ у меня ноги, жаловался Чайка, — есть на нихъ раны,
хотя я, какъ пошелъ нынѣ на стужу, обернулъ ноги тряпичками“.

— Недолго-жъ, недолго тебѣ жить, говорилъ хозяинъ, стоя за
стуломъ и глядя на пѣвчаго, — признаваю я, что проживешь ты всего
только годъ, много три, понеже лицо у тебя пухлое, къ тому-жъ на
ногахъ есть раны; а буде три года проживешь, то станешь долго жить.

Музыканты перестали играть.

— Врешь ты, замѣтилъ одинъ изъ нихъ, — врешь; почему ты
знаешь, сколько кому прожить?

— „Вѣдаю я съ того, отвѣчалъ Вилькинъ, — какъ былъ боленъ
на почтовомъ дворѣ иностранецъ, купецкой человѣкъ Дистерваль. Къ
оному больному сошелъ я, да лекарь Раткинъ. Я лекаря спраши-
валъ: будетъ-ли живъ тотъ иностранецъ? и лекарь молвилъ: а Богъ-
де знаетъ! А на тѣ слова молвилъ я: смотри-жъ, какъ у больного
животъ поднимается, знатно у него уже сердце повредилося, а по-
тому болѣе трехъ часовъ жить не будетъ. И такъ, болящій не

трехъ часѣхъ умеръ... А сколько лѣтъ императорскому величеству? внезапно спросилъ Вилькинъ.

— Пятьдесятъ четыре.

— „Много; много ему лѣтъ, молвилъ въ отвѣтъ шведъ,—а видишь непрестанно онъ въ трудахъ пребываетъ; надобно ему нѣтъ покоя нѣтъ; а ежели и впродѣ, продолжалъ Вилькинъ, въ такихъ уже трудѣхъ станеть обращаться, и паки такою же болѣзнью занеможеть, какъ четыре года тому назадъ въ С.-Петербургѣ былъ боленъ, то болѣе трехъ лѣтъ не будетъ его жизни“.

Заслышавъ „непотребныя“ слова, испуганные музыканты поспѣшно встали, завернули инструменты и послали за извозникомъ. Присмотря ихъ страхъ и суетливостъ, Вилькинъ началъ съ Чайкою „отъ книгъ разговоръ нѣтъ“.

— Врешь ты все, дуракъ! изругали хозяина испуганные музыканты.

Вилькинъ же спѣшилъ увѣрить ихъ, что его предсказанія не отъ дурости: „который человекъ родился на Рождество Христово, увѣрялъ шведъ, или на Пасху въ полночи, и тотъ, какъ вырастеть, можетъ видѣть діавола и станеть признавать, сколько кому лѣтъ жить; самъ я, наприимѣръ, проживу лѣтъ съ десять“... и пошелъ говорить отъ библіи.

— „Я библіи не читывалъ“, отдѣливался Чайка.

— Полно тебѣ съ нимъ и говорить-то, останавливалъ Чайку его товарищъ Рубанъ.

Рубанъ рѣшительно струсилъ. Казалось, Тайная Канцелярія выросла предъ его умственнымъ взоромъ со всѣми своими принадлежностями, а прежде всего съ любезнымъ генераломъ заплочныхъ мастеровъ—Андреемъ Ивановичемъ Ушаковымъ. Двѣнадцать бутылокъ ренскаго, выданныя Вилькинымъ въ подарокъ пѣвчимъ, ни мало не залили страха и смущенія Рубана.

Для два спустя послѣ гульливой вечеринки, онъ уже стоитъ предъ Мошковымъ¹⁾, своимъ непосредственнымъ начальникомъ, и заявляетъ за собою грозное слово и дѣло! Не корысть, а чувство сохраненія собственной спины отъ розыска вызывало извѣтъ пѣвчаго.

¹⁾ Вѣдалъ весь придворный штатъ высочайшаго двора, былъ нѣчто въ родѣ нынѣшняго министра императорскаго двора. Мошковъ переулочекъ—отъ Конюшеннаго моста до набережной—напоминаетъ объ этомъ домоправителѣ Петра Великаго.

То же чувство заставляет Момкова того жъ часа, какъ явился предъ нимъ извѣтчикъ, препроводить его въ Тайную, безъ всякихъ распросовъ.

И только Тайная начинаетъ дѣйствовать обычнымъ въ то время порядкомъ: отрядъ солдатъ съ извѣтчикомъ или языкомъ командированъ арестовать нѣмчина-болтуна подъ крѣпкій караулъ.

— „И во всѣхъ тѣхъ непотребныхъ словахъ Вилькина про его императорское величество шлюсь я, заканчивалъ показанье языкъ, — шлюсь на своихъ товарищей, что и они все то слышали. Въ правомъ же своемъ показаніи на Питера подписуюсь подъ лишеніемъ живота безъ пощады, ежели я какой ради страсти да ложно доношу“.

Животомъ своимъ (т. е. жизнью) Рубанъ, однако, не рисковалъ, такъ какъ товарищи почти слово отъ слова повторили его показанія. За то была маленькая рознь съ ними въ отвѣтъ вѣдуну-шведа.

— Сказывалъ я все то пѣвчимъ, объяснял Вилькинъ, — въ такую силу, что могу я отчасти признавать болящихъ. Лѣтъ тому съ двадцать, въ Ригѣ учился я такой наукѣ признавать чрезъ человѣческіе признаки, сколько кому жить и много-ль будетъ у кого дѣтей и о прочемъ къ гадательству. А говорилъ я, по тѣмъ человѣческимъ признакамъ, что государю болѣе жизни его не будетъ, какъ лѣтъ десять“.

Такимъ образомъ, шведъ-вѣдунъ, въ надеждѣ, если не вполнѣ избыть, то, по крайней мѣрѣ, значительно облегчить свое наказаніе, накинулъ жизни императору Петру Алексѣевичу лишку семь лѣтъ.

Слѣдователи не могли удовольствоваться ни этою прибавкою, ни ссылкой подсудимаго на какіе-то „человѣческіе признаки“; они рѣшительно требовали, чтобы тотъ объяснилъ: на какомъ знаніи пророчить онъ столь мало жизни государю?

— „Съ того знанія, отвѣчалъ вѣдунъ, что когда его величество, года тому съ четыре, былъ боленъ и о то время всѣ докторы и лекари отъ него не отлучались, и между собою имѣли коллегіумъ, на которомъ и училили приговоръ: которыя нинѣ его величеству лекарства отъ болѣзни пользу учинили, а впредь буде государю прилучится пакъ такая болѣзнь, то уже тѣ лекарства его пользоваться не будутъ для его великихъ трудовъ и безпокойствъ, и оттого можетъ чрезъ десять лѣтъ жизнь его скончаться. Объ этомъ консилиумѣ сказывали нинѣ лекаря государыни, Ратениъ да Лейниъ.

А чтобъ только три года жить его императорскому величеству, такихъ словъ я, Питеръ, не говаривалъ”.

Очная ставка только и могла разрѣшить столь важное противорѣчіе: сколько лѣтъ предсказатель давалъ на прожитіе его императорскому величеству: десять или только три года?

— „Молвилъ я, или нѣтъ, колеблется на очной ставкѣ шведъ-вѣдунъ,—что государю только три года жить, конечно, не говаривалъ”.

Преступность его въ глазахъ инквизиторовъ растетъ; цѣлая коммисія, по указу его императорскаго величества и по приказу канцеляріи Тайныхъ дѣлъ, отправляется на Выборгскую сторону, перерываетъ все добро шведа, запечатываетъ шкафы, ящики, амбары, даже погреба и кладовны съ сельдяны и красными напитками; все это отдается подъ караулъ, стаскиваютъ въ одну кучу весь бумажный хламъ, разбираютъ его, силятся найти въ немъ что-нибудь злокозненное и преступное „въ государственномъ важномъ дѣлѣ”. Наконецъ, такъ какъ большая часть переписки хозяина велась на нѣмецкомъ языкѣ, то Тайная Канцелярія выписываетъ для ея разборки особаго переводчика изъ Синода.

Какъ мы ни стараемся стать на ту почву, на которой стояли дѣатели петровскихъ застѣнковъ, какъ мы ни стараемся возсоздать въ своемъ воображеніи тѣ обстоятельства, среди которыхъ они дѣйствовали, рѣшительно не можемъ разрѣшить вопроса: съ какихъ побужденій, для какихъ цѣлей инквизиторы вдавались въ самыя мелочныя, зачастую совершенно ребяческія разслѣдованія. Разслѣдованія эти касались такого дѣла, которое людямъ мало-мальски толковымъ, а Петръ Андреевичъ Толстой и Андрей Ивановичъ Ушаковъ были далеко не глупы, съ перваго же раза должны были представиться въ настоящемъ своемъ ничтожествѣ. А между тѣмъ, эти отъ природы умные люди влекутъ всѣхъ и каждого къ вопросамъ и передопросамъ, пишутъ инструкціи, требуютъ справокъ и объясненій отъ разныхъ учреждений, плодятъ переписку, словомъ, бьются и хлопочутъ, повидимому, Богъ-знаетъ изъ чего. Да, но это только повидимому: всѣ эти распоряженія, старательно выполняемыя, клонились къ одному: являть предъ недовѣрчивымъ и подозрительнымъ императоромъ Петромъ какъ можно больше усердія и преданности его особѣ. Отличія, земли, крестьянскія души были щедрыми вознагражденіями за скромныя и посильныя труды вѣрныхъ холопей.

Обратился однако къ нашему вѣдуну. Дѣло его ясно: шведъ Вилькинъ — болтунъ, но совсѣмъ удачно разболтавшійся; сознание въ проступкѣ почти полное; казалось-бы, что за справкой, къ чему онъ?

Но нѣтъ: идетъ переписка о томъ, гдѣ обрѣтаются доктора Ратенинъ и Лейнъ? Оказывается, что первый отпущенъ, за старостью лѣтъ, за границу, втораго-же не существуетъ, но есть вмѣсто него Гейнъ.

— Не Гейнъ-ли? спрашиваютъ судьи.

— „Дѣйствительно такъ: докторъ, про котораго я говорилъ, не Лейнъ, а Гейнъ“.

Идутъ справки, запросы и отписки—гдѣ обрѣтается Гейнъ? Онъ лежитъ при смерти въ Москвѣ и отвѣтитъ на какой либо запросъ не въ состояніи. Тайный трибуналъ, скорбя объ этомъ, посылаетъ государю обычный всеподданнѣйшій экстрактъ изъ дѣла.

Нѣсколько мѣсяцевъ томятся въ казематахъ шведъ-вѣдунъ и соборный псаломщикъ; къ нимъ присоединяютъ и Троицкаго діакона, толковавшаго о кикиморѣ.

По мннованіи большихъ праздниковъ, отца-діакона отлучили отъ священнослуженія и препроводили въ Петропавловскую крѣпость.

Только на четвертомъ мѣсяцѣ—12-го апрѣля 1723 года—дѣла и шведа-вѣдуна, и діакона, чающаго запусѣнія Питербурха, вершены государемъ и, по его обычаю, вершены крутенъю:

— „Иноземца Питера Вилькина за то, что при другихъ словахъ говорилъ про его императорское величество: ему-де болѣе трехъ лѣтъ не пережить и за тѣ слова непотребныя учинить наказанье: битъ батоги нещадно и отпустить съ запискою: битъ нещадно и свободенъ по всемплохивѣйшему указу.“

— „А діакона Троицкаго собора Ѳеодосѣева, за непристойныя слова: „пустѣть-де С.-Питербурху“—послать на три года въ каторжную работу, чтобъ на то смотря, впредь другихъ такихъ непотребныхъ словъ говорить было неповадно“.

Продолжала-ли возиться на колокольнѣ кикимора—изъ подлиннаго дѣла не видно, но великій императоръ и впрямь скончался на третьемъ послѣ того году—почти такъ, какъ о томъ предсказалъ шведъ-вѣдунъ.

XXII.

Колодникъ ¹⁾.

Шалости кикиморы на Троицкой колокольнѣ, послуживши пищей многихъ „непристойныхъ разговоровъ“ въ петербургской чернѣ, — послужили поводомъ къ гибели не одного только дьякона Ѳеодосѣева.

Кикимора доконала одного изъ колодниковъ Петропавловской крѣпости.

Камкинъ давно уже шелъ къ погибели. Дворовый одного изъ аристократовъ, молодой парень, онъ взятъ былъ въ солдаты. Четырнадцать лѣтъ теръ онъ лямку, вынося всѣ трудности и лишенія походовъ и битвъ въ низовныхъ городахъ Россіи. Это былъ солдатъ старательный, смысленный и способный; онъ выучился, между прочимъ, токарному мастерству, но этимъ не избавился отъ безвыходнаго положенія вѣчнаго работника. Его, какъ способнаго мастерового, препроводили въ столицу, въ адмиралтейство, къ блочному дѣлу, и здѣсь началась для него еще большая страда.

Камкинъ не устоялъ и палъ... Ничтожный проступокъ, затѣмъ первое взысканіе толкали и толкали его къ дальнѣйшимъ преступленіямъ...

Подгулявъ однажды, Камкинъ потерялъ или пропалъ нѣдкий точильный инструментъ овалъ; изъ боязни штрафовки бѣжалъ, но скорѣ пойманный, опредѣленъ въ комендантскій полкъ. Едва-ли новое положеніе было лучше прежняго. По крайней мѣрѣ Камкинъ и его не вынесъ, бѣжалъ и пріютился у государева повара Степана Грача.

Камкинъ уже сдѣлался полнѣйшимъ пьянницей и негодяемъ. Съ годъ жилъ онъ завѣдомо, что бѣглый, у государева повара. Поваръ, усмотря на рукѣ гостя рекрутское клеймо, посовѣтывалъ ему назваться бодрскимъ отпущенникомъ, или дворцовымъ крестьяниномъ, и вообще берегъ его, съ странною для того времени снѣлостью. Камкинъ отплатилъ ему черною неблагодарностью: онъ укралъ пять рублей, жемчужный перлъ, разворовалъ довольно припасовъ, прогулялъ все это и явился самъ въ гваризонную канцелярію.

¹⁾ Верш. дѣла Розмск. дѣлъ Тайн. Канцелар. Картонъ XXI, д. № 25.

Пытанный въ побѣгѣ и въ воровствѣ, преступникъ препровожденъ для дальнѣйшаго рѣшенія въ надворный судъ.

Толкаясь между колодниками, Камкинъ надоумился попытать счастья отдѣлаться отъ кнута и каторги.

Легчайшимъ, весьма обыденнымъ, но въ то же время и опаснѣйшимъ для этого средствомъ было крикнуть—слово и дѣло! О чемъ же крикнуть? Камкинъ сталъ подыскивать „государево слово и дѣло“.

Колодниковъ выводили на сворахъ и цѣпяхъ по городу просить милостыню¹⁾. Каждый разъ арестанты возвращались въ свои подвалы съ даяніями усердствователей и съ разными новостями. Такимъ путемъ проникли въ арестантскія палаты толки о тронцкой бичморѣ и о предсказаніи нѣкоего иноземца о близкой смерти императора Петра. Эти-то толки и дали содержаніе „слову и дѣлу“, которое не замедлило закричать Камкинъ... Въ этомъ крикѣ онъ чаялъ спасенія отъ наказанія за прежнія и за новое свое преступленія: онъ укралъ у одного изъ колодниковъ четыре рубля и, жестоко избитый за то налками, ждалъ розыска.

Но вотъ сказалось „слово и дѣло“ и его влекутъ къ допросу въ Тайную Канцелярію, подъ крѣпкимъ карауломъ.

— „Въ то время, какъ былъ я, показывалъ Камкинъ,—держанъ въ надворномъ судѣ, подъ карауломъ, отпускали меня въ то время съ колодникомъ, новгородцемъ Трохою Власевымъ, на связкѣ, для милостыни. Пришли мы въ одинъ день за Литейный дворъ, ко двору, а чей не знаемъ, и прокричали (т. е. устали кричать). А у того двора какой-то офицеръ (а подлинно знаетъ его Троха), да стряпчій того дона, говорили межъ себя: „императорскому величеству нынѣшняго года не пережить! А какъ онъ умретъ, станетъ царствовать свѣтлѣйшій князь (А. Д. Меншиковъ); развѣ тогда только намъ будетъ хорошо, а нынѣ все служба“. Заслушавъ тѣ слова, продолжалъ показывать Камкинъ, отошли мы прочь. А придя въ колодничью, я въ тотъ же день сталъ о тѣхъ

¹⁾ Положеніе арестантовъ въ царствованіе Петра Великаго было самое ужасное. Въ этомъ отношеніи дѣло оставалось въ томъ же видѣ, какъ было въ XVII вѣкѣ: арестантовъ кормили и одѣвали ихъ родственники; у которыхъ же таковыхъ не оказывалось—изъ тѣхъ менѣе важныхъ выпускали каждый день по два человѣка скованными просить милостыню; окруженные солдатами, арестанты вопли по улицамъ, зывая къ состраданію проходящихъ. Всѣ тюрьмы на Руси въ то кипучее время,—время ломки всего строя Россіи—чуть не ломались отъ множества заключенныхъ.

словахъ сказывать караульному капралу. „Полно-де врать, не твое дѣло“, закричалъ на меня капраль и ударилъ по головѣ палкою. А болѣе того, заключилъ колодникъ, я не за собою, ни за другими, ни за кѣмъ государева дѣла и слова не знаю“.

Но и сказанное было дѣломъ фантазіи колодника, да притомъ дѣломъ, мало обдуманнѣмъ; караульный капраль первый обличилъ ложь. Изъ его словъ оказалось, что Камкина давнымъ давно не выпускали „на связкѣ“, т. е. просить милостыню; о подслушанномъ разговорѣ онъ никому и никогда не доносилъ, палкой его никто не бивалъ. Тщетно слался колодникъ на очной ставкѣ съ капраломъ на „всю бѣдность“ (т. е. на арестантовъ)—ему ужъ не вѣрили. Къ довершенію злополучія донощика, товарищъ его, колодникъ Троха (Трофимъ), сообразивъ, видно, что доносъ придется подтвердить пыткой, измѣнилъ другу и сознался, что никакихъ непотребныхъ словъ ни за Литейнымъ дворомъ и нигдѣ ему не довелось слышать.

Сознаніе друга и очная съ нимъ ставка доконали Камкина.

— „Все, что я говорилъ въ разспросѣ, повинился колодникъ,—на офицера и на сержанта въ важныхъ словахъ, я говорилъ напрасно. Былъ меня палкою офицеръ въ колодничьей палатѣ за воровство, и я, видя свою вину, сказалъ за собой его императорскаго величества—слово и дѣло, отбывая розньку“.

За то теперь онъ самъ на себя навлекъ новый, добавочный розньскъ. Питанный прежде два раза въ гваризонной канцеляріи въ поправахъ и побѣгѣ, онъ теперь долженъ былъ подтвердить свое сговариваніе—тремя очистительными пытками.

18-го марта 1723 г. была первая:

— Важныя слова про его императорское величество... просто-налъ на вискѣ Камкинъ,—говорилъ я напрасно... затѣялъ изъ себя... сговариваю то сущю правдою... не по засылкѣ... не по скупу...

10 ударовъ.

Нѣсколько дней спустя, второй розньскъ и тѣ же рѣчи.

Недѣлю спустя приговоръ: пытать въ третью и устѣчь огнемъ.

Колодникъ, однако, не дождался третьей очистки: 4-го мая 1726 года, онъ испустилъ послѣдній вздохъ въ сырномъ подвалѣ Тайной Канцеляріи.

Не онъ первый, не онъ послѣдній!...

Повидяному, страданія, имъ вынесенныя, были (по тогдашнему времени) вполнѣ заслуженными. Покойникъ былъ воръ, бѣглець и

„слово и дѣло“.

пьяница. И такихъ было много... Но ихъ-ли мы только осудить?... Не было-ли чего въ окружающей средѣ, въ тогдашней администраціи такого, что какъ-бы толкало многихъ и многихъ изъ такъ называвшейся тогда „подлой“ породы на путь порока и гибели?...

Крѣпостное рабство, нѣмецкій педантизмъ, выправка и дисциплина, доведенная до звѣрства въ военной службѣ, презрѣніе тогдашнихъ высшихъ къ личности низшаго и проч. обстоятельства, — данъ вѣку и тогдашнимъ нравамъ, — не могутъ-ли они служить объясненіемъ, почему подлая порода не единицами, не сотнями, а тысячами гибла въ преобразовательную эпоху Петра Великаго?

XXIII.

Боярская толща ¹⁾.

Въ концѣ декабря 1724 года, по тракту въ Архангело-городскую провинцію изъ Петербурга гнали партію арестантовъ. Въ толпѣ оборванныхъ, грязныхъ, окоченѣлыхъ отъ морозовъ и мятелъ бабъ и мужиковъ особенное вниманіе обращали на себя двѣ женщины. По одеждѣ ясно было видно, что онѣ принадлежали къ „подлой“ породѣ, но лица ихъ, запечатлѣнные особенными страданіями, рѣзко выдѣлялись изъ другихъ... Изнеможенные, блѣдные, изрытые морщинами — плодъ физическихъ и нравственныхъ мукъ, они краснорѣчиво говорили о томъ, что довелось вынести этимъ женщинамъ прежде, нежели указъ обрекъ ихъ на ссылку въ Пусто-озеро, гдѣ и повелѣно было имъ „быти тамо несходно съ прочими таковыми же, до ихъ смерти“.

Перелистуемъ же слѣдственное о нихъ дѣло, поищемъ въ немъ причины гибели злополучныхъ женщинъ и выѣсть съ тѣмъ поставимся отыскать новыя черты для характеристики петровской эпохи.

Въ іюнь мѣсяцѣ 1723 года, на Петербургской сторонѣ, на Оружейной улицѣ, на отписномъ дворѣ, къ Авдотѣ Журавкиной, проживавшей въ работницахъ у посадскаго человѣка Бобровникова, зашла въ гости солдатка преображенскаго полка Ѳедора Важенова. Ѳедора вылечила отъ какой-то порчи Авдотью, за что послѣдняя была

¹⁾ Верш. дѣл. розыск. дѣлъ Тайн. Канцел., картонъ XVI, д. № 37-я, лл. 1—36.

очень признательна Ѳеодорѣ. Между двумя пріятельницами шла болтовня о разныхъ разностяхъ: хозяйка жаловалась на немоту; говорила, что о ту пору, какъ у столба каменнаго человѣка жгли (одного изъ раскольниковъ), она отъ болѣзни своей была вовсе безъ ума.

— Надоть думать, говорила Авдотья, — что та болѣзнь случилась со мной, потому-де я испорчена...

Воспоминаніе о женіи человѣка — раскольника — дало бесѣдѣ политическое направленіе; сосѣдки съ глазу на глазъ стали судачить „непристойно и непотребно“ уже потому, что дѣло, какъ имъ увидѣть, шло о царской особѣ и о боярахъ. Авдотья, между прочимъ, пророчила, что тамъ, гдѣ повѣшенъ Гагаринъ¹⁾, на томъ мѣстѣ явится столбъ огненный и произойдетъ судъ и проч. Переговаривая о всемъ этомъ, ни та, ни другая собесѣдницы не предчувствовали, какія страшныя муки навлекали онѣ на себя.

Проносу, однако, быть не могло: слушателей никого не было, проболтаться только могъ кто-нибудь изъ нихъ. Такъ и случилось.

Въ началѣ декабря 1723 года, на особомъ дворѣ, близъ Преображенскихъ казармъ, между нѣсколькими солдатами, содержавшимися по полковымъ винамъ, находимъ мы Баженова; онъ содержится здѣсь за пьянство и буйство; тутъ же и жена его, добровольная заточеница, Ѳеодора Ивановна; Баженова приноситъ мужу вино и угощается вмѣстѣ съ нимъ.

Въ колодничьихъ каноркахъ она какъ у себя дома. Преображенцевъ, впрочемъ, не любитъ; она ихъ называетъ, вслѣдъ за посадскими и крестьянами: самохвалами, да желѣзными носами, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ей быть женой преображенца и сблизиться въ колодничьей палатѣ съ Комаровымъ, деньщикомъ преображенскаго капитана; деньщикъ сидитъ за какой-то не совсѣмъ правый извѣтъ на господина.

Въ Николинъ день, поздно вечеромъ, пріятели и пріятельницы сильно кутнули; Баженовъ мычалъ и велимъ шумный чуть бродилъ съ мѣста на мѣсто, безъ всякой опредѣленной цѣли; что до Ѳеодоры,

¹⁾ Гагаринъ, князь Матвій Петровичъ, губернаторъ сибирскій, за злоупотребленія властью и взятки преданъ былъ суду, нѣсколько разъ пытанъ и 18-го іюля 1721 года повѣшенъ предъ окнами юстицъ-коллегии (на Васильевскомъ острову, въ ряду прочихъ коллегій, нынѣ аданіе университета); впрочемъ, тѣло его раза три перевѣшивалось на новые шести въ разныхъ частяхъ города, прежде нежели, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, было предано погребенію.

то она, полулыная, въ отдѣльной каморкѣ, въ углу, вела бесѣду съ деньщикомъ.

— Господи ты Боже мой, печаловалась между прочимъ Ѳедора, — какую я только мужу своему тайну не скажу, онъ, какъ напьется, то безпримѣнно и скажетъ всѣмъ вслухъ. А вѣдомо мнѣ великое дѣло, да ему вишь сказать-то нельзя — выговорится.

Комаровъ былъ парень смысленный, ловкій; одинъ уже извѣтъ его на господина обнаруживалъ, что это былъ пройдоха, не отступавшій ни предъ какими средствами, чтобъ только выйти изъ своего холопскаго положенія. Царскіе указы, чуть не каждый мѣсяцъ возвыщавшіе о наградахъ и отличіяхъ донощикамъ, открывали людямъ проницливымъ дорогу — всякаго рода извѣтами добиваться выхода изъ какого-либо стѣсненнаго положенія. Сознаніе всей гнусности шпіонства гасло съ каждымъ указомъ, относившимся до слова и дѣла; подобныя вещи чрезвычайно развращали русскаго человека. И такъ, можно себя представить, съ какими наслажденіемъ сталъ прислушиваться деньщикъ къ болтовнѣ полулыной солдатки.

— Скажи же ты мнѣ, Ѳедора Ивановна, сталъ „прилежно“ выпрашивать Комаровъ, скажи, пожалуй, что ты знаешь? а будь же свѣдома — проносу о твоихъ словахъ отъ меня не будетъ.

Какъ ни пьяна была Ѳедора, но она еще сознавала грозящую опасность и долго и упорно отрицалась; деньщикъ не унывалъ и вытянулъ, наконецъ, слѣдующій разговоръ:

— „Государя у насъ изведутъ, а послѣ и царицу всеконечно изведутъ же. Великій же князь малъ, стоять некому. И будетъ-де у насъ великое смятеніе, пророчески замѣтила солдатка. Развѣ же что государь, продолжала она въ видѣ совѣта, развѣ государь толщину убавить, сирѣчь бояръ, то, пожалуй, не лучше ли будетъ. А то много при немъ толщины. И кто изведетъ его? — своимъ посмотри, скоро сіе сбудется“...

Впился слушатель въ болтунью.

— „Отъ кого ты знаешь это, отъ кого слышала?“ пытливо и прилежно допытывался онъ у солдатки.

— Да тотъ отъ кого: пріѣхала къ подьячему изъ Москвы теща, она и сказывала всѣ тѣ слова и про царское величество, и про толщину... Да она къ тому-жъ еще мнѣ говорила, что было на Москвѣ, въ Успенской соборной церкви, явленіе. И то явленіе...

Дверь распахнулась и на порогъ каморки, при тускломъ свѣтѣ

лучины, появился весьма шумный Баженовъ. Это явленіе оборвало бесѣду. Впрочемъ, для Комарова и сказаннаго было довольно; онъ и не выспрашивалъ болѣе; въ головѣ его округлялся доносъ и всѣ выгоды для него послѣдствія.

— Хочу я сказать за собой государево слово, шепнулъ онъ въ тотъ же вечеръ сотоварищу-колоднику.

— Слово сказать за собой — то дѣло будетъ великое. Коли знаешь, такъ сказывай. А отъ кого ты то слышалъ? спрашивалъ колодникъ: — отъ нашихъ ли (то есть отъ арестантовъ-преображенцевъ)?

— Нѣтъ, не отъ нашихъ.

— Скажи же мнѣ, какое то дѣло? любопытствовалъ колодникъ.

— Нѣтъ, не скажу, не смѣю сказать, отиѣчалъ Комаровъ, старательно оберегая любезный для себя секретъ.

— Ну, коли не смѣешь, такъ и не сказывай.

Понятна и эта боязливость, и это ревнивое сохраненіе секрета, могущаго быть пригоднымъ извѣтчику. Ему были извѣстны упомянутые нами указы; еще не прошло двухъ лѣтъ, какъ одинъ изъ нихъ былъ опубликованъ, съ особенною торжественностію, во всеобщее вѣдѣніе и руководство. То былъ указъ 22-го апрѣля 1722 года, вызванный дѣломъ Левина ¹⁾. Этотъ раскольникъ, въ фанатическомъ увлеченіи, кричалъ всенародно въ Пензѣ „многія злыя слова, касающіяся до превысокой чести его величества и весьма вредительныя государству“. Фанатикъ погибъ на эшафотѣ послѣ долгихъ предварительныхъ истязаній; что до донощика, посадскаго чело-вѣка Федора Котельникова, то ему, въ видахъ поощренія всѣхъ таковыхъ вѣрнопопдающихъ, пожаловано 300 рублей, сумма по тому времени огромная; ему же дозволено вести торговлю по смерти безпошлинно и всѣмъ командирамъ, какого званія ни есть, ставилось на видъ онаго донощика отъ всякихъ обидъ охранять. Указъ вновь повторялъ всѣмъ и каждому: тщиться немедля доносить истиннымъ ближайшимъ начальникамъ о всякихъ непотребныхъ и непристойныхъ словахъ, явно или тайно произносимыхъ; въ то же время напоминать донощикамъ, что за всякій правый извѣтъ дано будетъ милостивое награжденіе. Знавшимъ же, да не донесшимъ, грозила „смертная казнь безъ всякой пощады“.

Все это вспомнилъ, взвѣсилъ и сообразилъ Комаровъ и лишь

¹⁾ Полное Собрание Законовъ, томъ VI, № 3,984.

только наступило утро — крикнуть обычное и грозное: слово и дѣло!

Начальство снѣшить препроводить Комарова въ Тайную.

„Благородный и высокопочтенный“ Андрей Ивановичъ Ушаковъ принимаетъ его, отводитъ квартиру въ казенатѣ, т. е. сажаетъ дощичка „подъ честный арестъ“ и предписываетъ утре рано приступить къ допросу и аресту имъ оговоренныхъ.

Извѣтчикъ передаетъ слышанное съ полною откровенностью, „не затѣвая и не отбывая ни для чего напрасно“, и только для приданія важности дѣлу увѣрять, что какъ онъ, такъ въ особенности солдата, были совершенно трезвы.

Страхъ отшибъ память у злополучной женщины. Схваченная внезапно и поставленная предъ грознымъ судилищемъ, одно имя котораго заставляло трепетать всѣхъ и каждого, она совершенно одурѣла:

— Дня, когда былъ разговоръ, лепетала Федора, — не помню; о чемъ былъ разговоръ — и этого не помню... А нѣтъ, погодите, кажися, говорила я про прежніе случаи, какъ бывали бунты и смятенія, да говорила-жъ про Александра Бикина ¹⁾.

Угрозы и строгій запросъ „высокопочтеннаго“ Андрея Ивановича заставляютъ Баженову точнѣе вспоминать, но отвѣтъ ея все-таки не тотъ, какой потребенъ для судьи.

— Молвила я о Николинъ день, говорить Федора: — государь-де неможетъ, помилуй его Богъ, да дай Богъ ему здоровья и долги вѣки! А каковъ будетъ часъ, что его не станеть и государиню императрицу посадятъ на царство, чтобы не было какова смятенія, вѣдь великій-то князь еще малъ... Кто изъ колодниковъ что сказалъ, и гдѣ я все это говорила, не упомяну; была я гораздо въ тотъ день шумна, а сказывала въ ту силу, что мужики преображенскихъ солдатъ не любятъ, называютъ самохвалани, да жалѣемыми носани...

Затѣмъ, всю сущность извѣта Федора отрицала. А она-то и интересовала Ушакова; кромѣ того, что дѣло шло о изведеніи ихъ царскихъ величествъ, о великомъ смятеніи и проч. — въ болтовнѣ солдатки была подозрительная двусмысленность: высказывалось желаніе поубавить толстыхъ; правда, тутъ же добавлялось: спрѣчь

¹⁾ Сторонникъ царевича Алексѣя, казненъ 15-го марта 1717-г., въ Москвѣ, на Красной площади.

бояръ, но кто знаетъ, быть можетъ это нанесъ на Петра Андреевича Толстаго, первенствующаго члена инквизиціоннаго судилища. И вотъ благородный другъ и его сотрудникъ увѣщаваетъ солдатку быть откровеннѣе.

Кто только имѣлъ случай изучать характеръ Ушакова, тотъ, безъ сомнѣнія, воздастъ полную похвалу необыкновенной ловкости, изворотливости, дару убѣжденія и чутью сего преславнаго сыщика. Справедливо находятъ въ Петрѣ I необыкновенную способность угадывать и назначать на соответствующія мѣста сановниковъ; выборъ Ушакова въ инквизиторы былъ какъ нельзя болѣе удаченъ; способности его для розыску былъ только одинъ Петръ Андреевичъ Толстой. Удача при постановкѣ лица на такое мѣсто тѣмъ болѣе замѣчательна, что система шпионства, розыскиванія и преслѣдованія не только за дѣло, нѣтъ, за слово, полу-слово, за мысль „непотребную“, мелькнувшую въ головѣ дерзкаго, въ то время только что возникала въ нашемъ отечествѣ. До-петровская Русь, „грубая и невѣжественная“, не взростила у себя шпионовъ, не созрѣла до необходимости „благодѣтельнаго“ учрежденія фискаловъ, предъ которыми столь наивно умиляется одинъ изъ историческихъ монографистовъ позднѣйшаго времени,—не выработала, да и не могла выработать столь неподражаемыхъ развѣдчиковъ, какими явились при Петрѣ—Андрей Ивановичъ Ушаковъ и Петръ Андреевичъ Толстой.

Однако, обратися къ „многому увѣщанію“ Ушакова. Оно подѣйствовало, да и не могло не подѣйствовать: въ немъ были и лѣстивыя обѣщанія свободы и прощенія—при откровенности, и угрозы пытокъ и истязаній—при упорствѣ; солдатка не устояла: трепещущая, волнуемая то страхомъ, то надеждой, она признала извѣтъ Комарова почти во всемъ справедливымъ, объявивъ при томъ, что противныя слова слышала отъ Авдоты Журавкиной.

Женка бодмана-мата Журавкина схвачена. Она заявляетъ, что дѣйствительно Федора посѣщала ее, Авдотью, лѣтомъ 1723 года, но въ томъ, что межъ нихъ говорено было нѣчто „непотребное о высокой чести его величества“, въ томъ положительно запиралась.

Допросы женщинъ всегда были и будутъ затруднительны. Прекрасный полъ, говоря вообще, по слабости, ему свойственной, болтливъ; допрашиваемая обыкновенно то показываетъ, то оговариваетъ показаніе, путается въ многословіи, впадаетъ въ противорѣчія, забываетъ важнѣйшее, вспоминаетъ невѣрное и проч. Въ петровское

же время, въ виду кнута и пылающаго вѣника — имъ же вспаривалась спина вздернутой на дыбу — показанія женщины обыкновенно были особенно спутанны, но въ настоящемъ эпизодѣ обѣ подсудимныя являютъ рѣдкую твердость и постоянство.

На восьми очныхъ ставкахъ, бывшихъ въ теченіи производства дѣла, каждая осталась при прежнихъ показаніяхъ.

— Стоишь ли ты на томъ, спросили Комарова, — что Оекла сказывала непристойныя слова прѣзжая изъ Москвы подьяческая теща?

— Молвила-ль то слово Оекла про подьяческую тещу или про кого другого, отвѣчалъ Комаровъ, — памятно сказать не могу.

Послѣднее обстоятельство, могущее спасти отъ розниску Авдотью Журавкину — устранено; Комаровъ сомнѣвается — подьяческую ли жену выдавала Оекла за источникъ своихъ разсказней, слѣдовательно, источникомъ могла быть и не подьяческая жена, а Журавкина.

Бабъ — въ застѣнокъ!

10-го декабря 1723 г. Оедра на дыбѣ; виска...

9 ударовъ кнута.

Авдотья на дыбѣ; виска... 6 ударовъ кнута.

Пытка первая... показанія прежнія.

10-го января 1724 г. Оедра на дыбѣ; виска...

8 ударовъ кнута.

Авдотья на дыбѣ; виска... 15 ударовъ кнута...

Пытка въ другорядѣ; показанія прежнія.

6-го февраля 1724 г. Оедра на дыбѣ; виска...

15 ударовъ кнута.

Авдотья на дыбѣ; виска... 15 ударовъ кнута.

Пытка въ-третьи; показанія прежнія.

Каждая новая пытка, какъ видно изъ чиселъ, обозначенныхъ въ дѣлѣ, производилась въ разстояніи другъ отъ друга мѣсяца. Не нужно слишкомъ быть чувствительнымъ, чтобъ представить себѣ, какія физическія и моральныя страданія выносили заточенницы, поправляясь отъ первыхъ язвъ и каждое утро просыпаясь съ мыслью: вотъ-де сегодня доведется идти на новыя раны.

Что же могло поддерживать ихъ упорство и стойкость на первыхъ показаніяхъ? — вотъ вопросъ, передъ которымъ невольно остановится каждый, кому не довелось копаться въ старинныхъ дѣлахъ русско-уголовнаго судопроизводства. А вотъ что: истязуемыя вѣдали, что троекратная пытка, сопровождаемая одними и тѣми же по-

казаніи, освобождаетъ отъ дальнѣйшихъ истязаній, а зачастую очищаетъ и отъ обвиненія, и отъ наказанія.

Слабыя женщины, онѣ, однако, дотерпѣли до конца; каждая изъ нихъ троекратно закрѣпила показанія собственною кровью; теперь судьямъ остается исполнить законъ, т. е. освободить и ту, и другую.

Дѣйствительно, подсудимыя хотя не освобождены, но истязанія прекращаются. Въ это время Кокаровъ, за доносъ о „злыхъ, важныхъ, непристойныхъ словахъ про его императорское величество и его семейство“, получилъ отъ его императорскаго величества жалованья десять рублей.

Что же дѣлать съ бабами? Чѣмъ разрѣшить случай, рѣдкій въ тогдашней судебной практикѣ? А для того стоитъ только обойти законъ съ помощью указа его императорскаго величества; на основаніи его, Тайная Канцелярія, на седьмомъ мѣсяцѣ послѣ третьей пытки, приговорила:

— „Федорою вновь розыскивать на-крѣпко, чтобъ показала истину: конечно-ль тѣ слова слышала отъ Авдотьи или отъ другихъ кого, и въ чемъ будетъ утверждаться и говорить на кого, то тѣхъ людей по тому-жъ спрашивать и пытать и доискиваться истины“.

Бабъ привели въ застѣнокъ, имъ объявили, что буде не покажутъ истины, ихъ будутъ жечь огнемъ. Отъ первой требовали показанія: дѣйствительно-ли отъ Авдотьи, а не отъ кого нибудь другого слышала она важныя слова? а вторая должна была признаться, что она именно оскорбляла превысокую честь царскаго семейства.

Угроза не подѣйствовала: показанія остались прежнія.

19-го сентября 1724 г. Федора на дыбѣ; виска... изборожденная ударами спина вспарена пылающимъ сухимъ вѣвникомъ.

Авдотья на дыбѣ; виска... пылающій сухой вѣвникъ вспариваетъ спину, изборожденную ударами.

Пытка въ четверти... показанія прежнія.

Призываютъ пона.

Еще стыду того времени, на нѣкоторыхъ служителей алтаря зачастую выпадала странная и до эпохи Преобразователя необычная доля—быть пособниками полицейскихъ сыщиковъ и залечныхъ мастеровъ. Подъ страхомъ лишенія живота, волею-неволею, отцы духовные должны были вымогать признанія у особенно упорныхъ... не пыткой, „по страхомъ будущаго суда божьяго“, и добытыя та-

кими средствами показанія немедленно представлялись, въ письменномъ доносѣ, сыщикамъ и судьямъ.

На этотъ разъ объ женщинѣ и на духу говорили то же, что говорили на огнѣ.

Врача духовнаго сѣнилъ врачъ тѣла. Данила Вольнерсъ, по указу Тайной Канцеляріи, приглашенъ лечить истязанныхъ, лечить казенными лекарствами. Лечение тѣмъ болѣе было необходимо, что нѣсколько дней спустя состоялся повторительный приговоръ: „продолжать розыскъ“. Естественно, что онъ долженъ былъ кончиться смертью подсудимыхъ; одна изъ нихъ и приготовилась къ ней новою исповѣдью у священника, но всемогуществѣннѣйшій указъ императора отвратилъ дальнѣйшія истязанія.

По указу приговорено: „хотя Авдотья Журавкина запирается въ важныхъ и непристойныхъ словахъ, токмо тому не вѣрить, а послать и ее, и Ѳедору Важанову, за карауломъ, въ ссылку Архангелогородскую провинцію, въ Пусто-озеро и велѣть имъ тако быть нескончно съ прочими таковыми, до ихъ смерти“.

19-го декабря 1724 года, партію арестантовъ, и между ними обѣихъ пріятельницъ, Ѳедору да Авдотью, погнали по пустырямъ, по лѣсамъ, по горамъ и оврагамъ, въ морозъ и метели, въ дальнее, бѣдное и глухое Пусто-озеро.

XXIV.

Антихристъ.

Населеніе Пусто-озера болѣе и болѣе увеличивалось новыми ссыльными. Въ маѣ 1725 года туда проѣхало четыре ямскихъ подводъ; на нихъ одинъ гвардейскій и двое гарнизонныхъ солдатъ провели трехъ бабъ, трехъ новыхъ преступницъ „въ важномъ государственномъ дѣлѣ“, распространявшихъ „зловредѣ“ въ народѣ своими неосторожными и суевѣрными толками.... Толки, доведшіе ихъ до ссылки, издавна уже бродили въ громадной массѣ народа, росли годъ отъ году больше и больше и, наконецъ, выросли до цѣлаго, систематическаго ученія объ „антихристѣ“, объявившемся, по понятію народа, въ лицѣ его царскаго величества Петра Алексѣевича. Ученіе это имѣло самыхъ дѣятельныхъ, самыхъ восторженныхъ проповѣдниковъ.

Во всѣхъ концахъ Россіи—въ Вологдѣ, въ Астрахани, въ Москвѣ, въ Пензѣ, въ казацкихъ станицахъ, по всему теченію Дона, вездѣ мы находимъ этихъ проповѣдниковъ: книгописецъ Григорій Талецкій, иконникъ Савинъ, протодьяконъ Матвѣй Непенинъ, монахъ Самуилъ Выморковъ, капитанъ Андрей Левинъ, раскольники Артемій Ивановъ, Денисъ Лукьяновъ, Матвѣй Николаевъ, служебница ихъ Домна ¹⁾, и многія другія лица разнаго сословія, разнаго возраста и обоего пола, дѣятельно распространяли ученіе объ объявившемся съ 1698 года антихристѣ.... Проповѣдь народная находила массу послѣдователей; они были не только среди простаго народа, но и ихъ находимъ даже между высшими лицами того времени, по преимуществу изъ духовнаго сословія.... Проповѣдники передавали свое ученіе, по большей части среди величайшей таинственности, отдѣльными лицамъ, и только болѣе восторженные шли открыто на тяжкія изтязанія, неминуемыя послѣдствія ихъ народной проповѣди.... Такъ, извѣстный пензенскій проповѣдникъ ученія объ антихристѣ, Левинъ, съ клироса деревенской церкви, въ 1721 году, вѣ себя кричалъ народу, собравшемуся къ божественной службѣ:

— „Послушайте, православные хрістіане! Слушайте: нынѣ у насъ преставленіе свѣта скоро будетъ.... Государь нынѣ загналъ весь народъ въ Москву и весь его погубить.... Вотъ здѣсь, въ этомъ мѣстѣ, говорилъ онъ народу, указывая на свою руку между указательнымъ и большимъ пальцемъ—въ этомъ мѣстѣ царь ихъ будетъ патнать, и стануть они въ него вѣрвать....“

„....Нынче, послѣднее время, говорилъ тотъ же Левинъ, явившись погостить въ Жадовскую пустынь,—антихристово пришествіе.... Привезены въ С.-Петербургъ печати.... хотять людей печатать.... Въ Петербургѣ, въ Невскомъ монастырѣ монахи мясо ѣдятъ, а все то дѣло не государево, а антихристово, и государь антихристъ!!....“

19-го марта 1722 года въ Пензѣ былъ большой базаръ. Левинъ, не задолго предъ тѣмъ постригшійся въ монахи, въ Предтеченскомъ монастырѣ, подъ Пензою, отпросился у игумена въ городъ, подъ предлогомъ „подаванія по тюрьмамъ милостыни“.... Но не милостыня, а проповѣдь къ народу о послѣднемъ времени, о спасеніи людей отъ антихриста, влекла его въ городъ. Народъ толпился на базарѣ; Левинъ пробрался къ мяснымъ лавкамъ, вальтъ

¹⁾ Вершена дѣла роз. дѣлз Тайной Канцеляріи, карт. XII, д. № 80, карт. XIII, д. № 23, 25; карт. XXV, д. № 11 и проч.

на плоскую крышу одной изъ нихъ, снялъ съ себя клобукъ, под-
нял его на клюкъ вверхъ и закричалъ окружавшей его толпѣ:

„....Послушайте, хрістіане, послушайте! Много лѣтъ я служилъ
въ арміи.... Меня зовутъ Левинъ.... Жилъ я въ Петербургѣ; тамъ
монахи и всякіе люди въ посты ѣдятъ мясо и меня ѣсть заставляли....
А въ Москву пріѣхалъ царь Петръ Алексѣевичъ.... Онъ не царь
Петръ Алексѣевичъ, а антихристъ.... антихристъ!... а въ Москвѣ
всѣ мясо ѣсть будутъ сырную недѣлю и въ великой постъ, и весь
народъ мужескаго и женскаго пола будетъ онъ печатать, а у по-
мѣщиковъ всякой хлѣбъ описывать, и помѣщикамъ будетъ давать
хлѣба самое малое число, а изъ остальнаго отписнаго хлѣба будутъ
давать только тѣмъ людямъ, которые будутъ запечатаны, а на ко-
торныхъ печатей нѣтъ, тѣмъ хлѣба давать не станутъ.... Бойтесь
этихъ печатей, православные!... бѣгите, скройтесь куда-нибудь. По-
слѣднее время.... антихристъ пришло!.... антихристъ ‘)!...“

Страшная кончина Левина—(онъ былъ сожженъ въ Москвѣ жи-
внымъ), пытки и казни подобныхъ-же проповѣдниковъ, наводя страхъ
на остальныхъ—не уменьшали, однако, а напротивъ увеличили силу
и значеніе проповѣди объ антихриствѣ. Впослѣдствіи, когда обнару-
зуется побольше вершенныхъ дѣлъ о тѣхъ изъ послѣдователей этого
ученія, которымъ довелось побывать въ Тайной Канцеляріи, тогда
можно будетъ сдѣлать сводъ этихъ проповѣдей и прослѣдить ихъ
постепенный ростъ по содержанію и по мѣстамъ своего распростра-
ненія; до тѣхъ же поръ мы должны ограничиться разборомъ каж-
даго, возникающаго по этому поводу, дѣла въ отдѣльности. При
этомъ разборѣ мы не можемъ вдаваться еще въ общій обзоръ этихъ
интереснѣйшихъ изъ всѣхъ толковъ народа о Петрѣ, о государѣ,
для тогдашней массы непонятномъ, странномъ, болѣе того—вполнѣ
неизвѣстномъ.... Его преобразовательный рѣзецъ, съ страшною силой
глубоко впущенный въ самую сердцевину народной жизни, съ ея по-
вѣрьями, обычаями, суевѣрьями, съ ея добромъ и зломъ, безжалостно
разилъ мѣста наиболѣе чувствительныя, самыя дорогія для народа...
Ошеломленный, забитый, народъ не видѣлъ, да и не могъ видѣть
цѣлей Преобразователя; для него были только ясны и болѣе тѣ
страшныя средства, которыя вели къ чему-то, для него загадочному....
Онъ видѣлъ измѣненіе коренныхъ своихъ обычаевъ, онъ видѣлъ

‘) Дѣло раз. дѣлъ Тайной Канцеляріи, кат. XX, д. № 80, лл. 13—35 и проч.

нагихъ иноземцевъ, ихъ возрастающее значеніе, видѣлъ или слышалъ о безчеловѣчныхъ казняхъ тысячи стрѣльцовъ, слышалъ (какъ ни глухи были застѣвки и какъ ни крѣпки записи, которыя брались съ подсудимыхъ Тайной Канцеляріи о гробовомъ молчаніи), слышалъ о всемъ, что въ нихъ было, слышалъ объ ежедневныхъ истязаніяхъ многихъ и многихъ изъ своихъ собратій; видѣлъ и слышалъ этотъ народъ много и много такого, что въ глазахъ его набрасывало густую тѣнь на личность и на дѣла монарха... И вотъ этотъ народъ жадно прислушивался къ тѣмъ изъ учителей, вышедшихъ изъ его же среды, которые брались разъяснять ему въ чемъ дѣло: Петръ-де не государь, Петръ не русскій человекъ, онъ иноземецъ, онъ поди́вненъ въ Швеціи, въ нѣмечинѣ; нѣтъ, онъ ни то, ни другое... онъ антихристъ! онъ приводитъ все и вся къ своей вѣрѣ... онъ и сына запыталъ, „потому-де, что самъ антихристъ приводилъ царевича въ свое состояніе, а тотъ его не послушалъ, и зато его антихристъ этотъ и убилъ до смерти...“

Петръ — антихристъ! теперь для народа все ясно... И чѣмъ сильнѣе вѣровалъ онъ въ это ученіе, тѣмъ рѣже выдавались изъ его среды извѣтчики на проповѣдниковъ сего ученія; проносы были рѣдки, почти случайны—и случались-то они либо отъ людей служилыхъ, болѣе или менѣе поднявшихся уже надъ уровнемъ народнаго развитія, либо отъ женщинъ болтливыхъ на языкъ и менѣе упорныхъ въ сохраненіи тайны... Къ числу ихъ принадлежали и тѣ три бабы, съ которыми мы встрѣтились въ началѣ нашего разсказа на дорогѣ въ Пусто-озеро.

Всѣ онѣ были жительницы небольшого городка Таврова, лежащаго въ двѣнадцати верстахъ отъ Воронежа, при впаденіи рѣчки Тавровки въ рѣку Воронежъ, которая верстъ пять отъ этого мѣста сама впадаетъ въ Донъ. Нинѣ незначительный посадъ, Тавровъ въ петровское время имѣлъ большое значеніе и былъ обязанъ этимъ своему положенію, весьма выгодному для постройки и сплава судовъ въ Азовское море. Еще въ 1699 году Петръ, проведя почти всю зиму въ Воронежѣ, замѣтилъ, что фарватеръ рѣки Воронежа, по причинѣ заносовъ и обмелѣній, сталъ не очень удобенъ для сплава судовъ; вслѣдствіе этого верфь и адмиралтейство, по волѣ Петра, перенесены были изъ Воронежа ниже, на рѣчку Тавровку. Верфь была обнесена земляною крѣпостью, вокругъ нея разтянулся городокъ, куда съ 1703 года, въ бытность здѣсь Петра, перенесены

были изъ Воронежа и остальные корабельныя строенія. Всѣ эти весьма значительныя работы, производимыя притомъ, по петровскому обычаю, сколь возможно поспѣшнѣе, требовали много frutto... Народъ со многихъ, по преимуществу съ низовыхъ городовъ, согнанъ былъ сюда и водворенъ въ Тавровѣ трети слободами: Морскою, Солдатскою и Мастеровою, въ послѣдней жили и купцы. При большомъ стеченіи народа много было, разумѣется, здѣсь и учителей, а еще больше послѣдователей извѣстнаго намъ ученія; недовольство народа, согнаннаго на тяжкія и безысходныя работы—способствовало еще больше усвоенію тавровцами ученія объ антихристѣ... Оно переходило отъ родителей къ дѣтямъ, передавалось отъ стараго поколѣнія молодому.

— „Слышала я, дѣтушки, говорила еще въ 1707-мъ году девятилѣтняя старуха Акинья Спиридонова своей невѣстѣ,—слыхала я отъ старыхъ людей, что... мы не доживемъ, а вы дѣтушки, доживете... народится у насъ антихристъ... сойдетъ на землю и будетъ людей мучить... И кто постоитъ за вѣру, тотъ будетъ въ царствѣ небесномъ, а кто къ нему передастся, и тотъ будетъ навѣки мучиться...“

Старуха умерла, но слова ея глубоко запечатлѣлись въ умъ ея слушательницы, женщины далеко тоже не молодой. Лѣтъ десять молчала о слышанномъ Авдотья, либо быть можетъ и передавала завѣтъ покойницы, но толки ея не дошли до чуткихъ ушей великихъ инквизиторовъ. Но вотъ въ 1722 году мужъ Авдотьи Кузьминичини, матросъ Тимофѣевъ, усланъ на Каспійское море, въ персидскій походъ, тысячъ за семь верстъ, какъ она думала; отъ него нѣтъ вѣсточекъ, къ тому-же въ Тавровѣ открылась повальная болѣзнь: по слободамъ умираетъ много дѣтей, старушка печалится, плачетъ и заходитъ жалить свою тоску и недовольство на высшую власть, отнявшую у нея мужа, заходитъ къ племянницѣ своей солдаткѣ, Акулинѣ Петровнѣ Налковой, жившей въ солдатской слободѣ городка Таврова...

— Тоска на меня великая, говорила Авдотья между разными разговорами, въ одно изъ такихъ посѣщеній, въ послѣднихъ числахъ ноября 1722 года,—а о чемъ-же и сама я не знаю... Дни такіе сумрачны... и младенцевъ много мретъ...

— О чемъ объ этомъ тосковать, отвѣчала племянница,—зачѣмъ тосковать, что младенцы мрутъ... Богъ ихъ любя прибираетъ: видишь,

хлѣбъ не родился, а на новыи годъ какъ еще не родится, то и отци не радн дѣтямъ будутъ...

— Да, старыи люди говорили, и моя свекровь говаривала: „мы-де не доживемъ, а вы-де, дѣтушки, доживете: народится-де антихристъ“. Вотъ и нынѣ, продолжала Авдотья, вѣроятно въ доказательство того, что уже родился антихристъ, вотъ нынѣ и съ могиля голубцы снимають, и могили равняютъ¹⁾. И для чего тѣ могили равняютъ?

— Богъ знаетъ, отвѣчала собесѣдница, никакъ нынѣ остаточныи вѣки, вотъ уже и младенцевъ много мретъ, никакъ это уже нынѣ не государь, а антихристъ это нынѣ народился.

— Какъ намъ будетъ мучиться!—и при мысли о мукахъ старушка Авдотья горько заплакала.

— О чемъ объ этомъ тужить, утѣшала племянница,—хотя и народится антихристъ, хотя насъ и мучить стануть, такъ что за бѣда! здѣсь помучимся, а на томъ свѣту Богъ намъ дастъ свѣтъ! Кто за вѣру христіанскую будетъ терпѣть, тотъ будетъ въ раю, вѣдь за Бога, да за царя мучиться (т. е. за истиннаго царя); вотъ славять, что государь будетъ, продолжала солдатака, вспомнивъ, что въ Тавровѣ на дняхъ ждали царя Петра, на обратномъ пути его изъ персидскаго похода,—славять, что государь будетъ; никакъ, тетушка, знать это не царь, а антихристъ народился. Я (вѣдь) государя знаю, дай Богъ дождаться государя мнѣ, хотя изъ ста выберу я его, батюшку, лѣтъ съ 20 не видала (т. е. съ 1703 года, когда Петръ былъ въ Тавровѣ), буде онъ государь, те вѣдь онъ, государь, вѣживалъ и прежь сего мною могиля, да не срывали, а нынѣ будто станеть онъ на могили смотрѣть...

Въ избѣ никого не было. Старуха плакала, и между теткой и племянницей долго не умолкала бесѣда о страшномъ пришествіи антихриста, о томъ, дѣйствительно-ли тотъ, кто развѣзжаетъ теперь по Россіи, воуетъ на Кавказѣ и проч., дѣйствительно-ли онъ государь, или это тотъ... тотъ... о пришествіи котораго давно ужъ имъ, простымъ людямъ, пророчествовали ихъ народныи проповѣдники.

¹⁾ Что это было за распоряженіе и было ли оно дѣйствительно, мы не доискали; замѣтимъ только, что народныи толки, записанныи дѣтелями Тайной Канцеляріи, не разъ передавали намъ извѣстія о распоряженіяхъ тогдашняго правительства,—распоряженіяхъ, не отмѣченныхъ въ другихъ документахъ.

Не нужно забывать, что предъ нами матроска и солдатка, та и другая жили постоянно среди матросовъ и солдатъ и трудно думать, чтобы ихъ мысли не находили себѣ пищи и поддержки въ толкахъ остальныхъ обитателей и обитательницъ матросскихъ и солдатскихъ слободъ города Таврова.

Правда, сочувствіе къ мнѣніямъ о воплощеніи антихриста было не у всѣхъ одинаково; къ числу мало вѣрующихъ принадлежала и рудометка Алена Андреева.

Въ первыхъ числахъ декабря 1722 года, дня за три до пріѣзда государя, въ Тавровъ прибыли передовые посланники, служители и разные придворные чины. Алена нашла нужнымъ „для взятія квашни“ забѣжать къ старушкѣ Авдотѣ.

— Слава Богу, заговорила пришедшая, пріѣхали отъ государя передовые...

При словѣ государь, тоскующая старуха не выдержала: „ихъ, Богъ знаетъ, не велѣно (только) говорить: кажутъ, что государь ѣздитъ, а то не государь, антихристъ ѣздитъ“...

— Э, эхъ, проклятая враговка! изругала пріятельницу Алена и, плюнувъ, вышла изъ избы.

„По трехъ днѣхъ“ послѣ этого разговора государь прібылъ въ Воронежъ и посѣтилъ Тавровъ; пробылъ здѣсь сутки, попиравалъ въ выстроенномъ для него дворцѣ¹⁾, и въ то же время успѣлъ осмотрѣть разныя работы, какъ по корабельной части, такъ и на обширной суконой фабрикѣ, имъ-же основанной; указалъ вице-адмиралу Змаевцу построить нѣсколько судовъ, сдѣлалъ нѣсколько другихъ распоряженій и отправился въ Москву.

Все это время, съ наѣздомъ царя и его свиты, Тавровъ былъ крайне оживленъ; толки о посѣтителѣ и посѣтителяхъ долго не прекращались и по отъѣздѣ Петра.

Въ самый разгаръ этихъ разсказней, 26-го декабря 1722 года, съ Воронежа пріѣхалъ въ Тавровъ, ради метанія отъ болѣзни руды изъ ногъ, инквизиторъ воронежской епархіи, синодальной команды монахъ Гурій Годовиковъ. Онъ остановился у знакомаго пона Никиты, который поспѣшилъ истопить для гостя баню и послалъ попадью

¹⁾ Дворецъ этотъ, находившійся при крѣпости, состоялъ изъ деревяннаго дома, раскрашеннаго и обставленнаго нѣсколькими статуями. Онъ сгорѣлъ въ 1744 году со многими крѣпостными постройками и пятью стами домовъ, составлявшихъ слободу у Таврова.

за рудометкой, женой Аленой, вѣроятно извѣстной своею опытностью и искусствомъ въ дѣлѣ пусканія крови. Въ банѣ такимъ образомъ сошлись три лица: отче Гурій, прислужникъ его—архіерейскій служка Логинъ Кузьминъ и жена Алена; рудометка принялась за свое дѣло, пустила кровь рожками, между тѣмъ монахъ-инквизиторъ, нѣжась и парясь, втянулъ лекарку въ бесѣду.

— Благочестивный батюшка у васъ погулялъ въ Тавровѣ?

— Слава Богу, три часа гулялъ.

— Заѣзжалъ-ли онъ въ свои хоромы?

— Онъ изволилъ кушать у поручика нашего Андрея Андреевича, а какъ по прозванію, того не знаю; и къ тому поручику людей много нахлынуло; стали было ихъ отгонять, и ихъ отгонять не велѣли: пускай-де глядятъ! А опосля государь, покушавши, пошелъ на суконный дворъ (на фабрику), а съ суконнаго двора по кораблямъ, и съ кораблей пошелъ къ Москвѣ... И какъ его императорское величество былъ въ Тавровѣ, и въ то время меня съ дѣтymi изволилъ его величество призывать передъ себя, и милость я отъ него получила, имѣлъ онъ со мной разговоръ... И какъ его императорское величество, продолжала Алена, умолчавъ о чемъ былъ царскій разговоръ,—въ Тавровѣ во дворцѣ кушалъ хлѣбъ и мясныя яди и я сама видѣла—онъ, императоръ (а за нимъ), и всѣ господа мясо кушали¹⁾.

— Что ты, баба, врешь! что тебѣ дѣло про его императорское величество говорить? воспрещалъ инквизиторъ Гурій:—принемъ, императоръ, и иноземцы есть, можетъ быть что они (только) мясо ѣли.

— Я достоверно сама видѣла, что самъ императоръ (а за нимъ) и господа мясо ѣли; а послѣ кушанья, его императорскому величеству изъ головы руду я метала тремя рожками...

— А я сему вѣры не иму, возразилъ отче Гурій, распариваясь на полѣхъ,—тебѣ-ль руду метать! аль у нашего государя будто не стало докторовъ? у императора нашего есть доктора свидѣтельствующиные, кромѣ тебя; и для чего ты такіа слова говоришь про его императорское величество?

— Люди говорятъ, путала баба, не отвѣчая на вопросъ монаха,—люди говорятъ, какъ бѣлому царю всѣ преклонятся, и тогда народится антихристъ... И какой то антихристъ, я не знаю...

¹⁾ Надо думать, что дѣло идетъ о томъ, какъ господа вслѣдъ за государемъ кушали мясныя яди въ рождественскій ностъ, что и должно было показаться тавровцамъ дѣломъ крайне соблазнительнымъ.

— Какое тебѣ дѣло спрашивать, коли ты не знаешь?

— Да вот иные люди, продолжала Алена, въ то же число (т. е. въ бытность императора Петра въ Тавровѣ) говорили про его императорское величество: какой-де онъ царь или императоръ, онъ-де антихристъ! И я за тѣ слова хотѣла было и завязаться, и довести его императорскому величеству, да и тушу, что умолчала, а не донесла....

— Ну, сними, баба, рожки! приказалъ инквизиторъ, сообразивъ важность преступленія рудометки и выгоды доноса на нее. Отче Гурій поспѣшно обмылся, обвязалъ ноги, одѣлся и поскакалъ въ Воронежъ—къ губернатору, съ письменнымъ доносомъ: слово и дѣло!

Бригадиръ Измайловъ, тогдашній воронежскій губернаторъ, арестовалъ дощику и въ ту же ночь „наскоро“ отправился съ нимъ вмѣстѣ въ Тавровъ. Преступница рудометка схвачена, поставлена на дворъ къ какому-то маіору и въ тотъ-же часъ, обезумѣвшая отъ страха, приведена на личный допросъ къ губернатору. Первое дѣло, разумеется, запереться: обычный отвѣтъ русскаго человѣка предъ начальствомъ, допрощикомъ: „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“, былъ въ ходу и въ петровское время.

— „Непристойныхъ словъ“, показала Алена, я не говаривала, говорила-же ему, инквизитору, только такія слова: мы императорскому величеству о пришествіи его въ Тавровъ только порадовались; а про мясныя яди я сказала: знать-де и всѣ господа мясо кушали, а кромѣ того ничего я не говорила“.—Но свидѣтель былъ на лицо, то былъ служка Кузьминъ, который и не замедлилъ поддержать инквизитора. Показанія его впрочемъ не вызвали рудометку на откровенность; на очной ставкѣ со служкой и монахомъ Алена твердила одно, что „непристойныхъ словъ, которыя на нее инквизиторъ разспросомъ показалъ—не говорила“, и затѣмъ передала начало своей бесѣды о пріѣздѣ государя въ Тавровъ.

Впрочемъ Измайловъ не имѣлъ въ виду, да и не имѣлъ права допытываться до непристойныхъ словъ,—это право всецѣло и исключительно принадлежало Тайной Канцеляріи; губернаторъ долженъ былъ только дознаться, нѣтъ-ли кого прикосновенныхъ къ дѣлу, чтобы и ихъ, „не упусти врея“, взять и, по обычаю, „оковать“, отправить на розыскъ въ столицу. Но и этого не дознался Измайловъ—Алена твердила одно: другихъ-де въ непристойныхъ словахъ никого не знаю; а съ инквизиторомъ въ банѣ говорила только, что его императорское величество пріѣхалъ въ Тавровъ хорошо и спо-

добилися (всѣ) его видѣть; да еще-жъ говорила я, что на поварни приспѣвали кушанье—мясное, знатно, что кушали (его) всѣ.

7-го января 1723 г. застало отца Гурія, службу Кузьмина и преступницу Алену въ Тайной Канцеляріи въ Москвѣ. Доношеніе губернатора о посылкѣ этихъ лицъ „для разспроса, розыска и изслѣдованія“ прочтено, монахъ инквизиторъ и его служба опрошены, разспросъ дошелъ до Алены: „какъ я у инквизитора кровь пускала, и притомъ свидѣтель Кузьминъ былъ, а я вышесказанныхъ непристойныхъ словъ, запиралась рудометка, которыя на меня оный инквизиторъ показалъ, не говаривала“, и вслѣдъ затѣмъ мнимо невинная баба „въ забвеніи отъ страха“ сознавалась только въ допросѣ, что-де когда „къ бѣлому царю всѣ преклонятся, и тогда народится-ли антихристъ?“

Но вотъ состоялось опредѣленіе: женкою Аленою розыскивать и пытать: непристойныя слова инквизитору говорила-ли, и буде говорила, для чего и отъ кого она тѣ слова слышала и гдѣ, и для чего о томъ нигдѣ не доносила? Опредѣленіе это, не умаляя страха Алены, оживляетъ ея память, и съ 8-го по 20-е февраля оставленная на обсужденіе своей участи, она спѣшитъ наконецъ предстать предъ секретаря Казаринова, и въ его лицѣ какъ „предъ его императорскимъ величествомъ вину свою приносить“.

„Принося вину“ — Алена выдала Тайной Канцеляріи старуху Авдотью; весь разговоръ съ ней былъ переданъ и записанъ; „и инквизитору-то говорила я, Алена, съ тѣхъ ея, Авдотыныхъ, словъ, что его государя называютъ антихристомъ; а опричь ея, Авдоты, отъ нинхъ ни отъ кого такихъ словъ я не слыхала“.

Доносъ отца Гурія оправдался; на другой-же день ему, освобожденному, пожаловали именемъ его величества 10 рублей изъ канцеляріи Рекрутскаго счета, изъ взятыхъ денегъ по тайнымъ дѣламъ. Что до служебника Кузьмина, то его также свободили и отпустили съ паспортомъ попрежнему въ домъ архіерейскій; съ того и другого взяты были обычныя записи о молчаніи.

Въ то время, когда донощика и свидѣтеля награждали и освобождали, въ Тавровъ уже скакалъ нарочный лейбъ-гвардіи солдатъ сыскать и взять матроскую женку Авдотью Тифофьеву.

Около мѣсяца ѣздилъ и искалъ Авдотью нарочный солдатъ: 25-го марта старуха была доставлена, съ первыхъ же словъ созналась въ преступленіи и тутъ-же указала на свою племянницу, какъ

на виновницу распространения учения объ антихристѣ. Не выдавая своихъ предъ губернаторомъ, трусливыя бабы оговаривали и мѣшали другихъ въ дѣло, стоя предъ застѣнными мастерами.

Новый курьеръ скачетъ за Акулиной. 17-го апрѣля 1723 г. она сыскана и сдана въ Тайную; будучи моложе первыхъ двухъ преступницъ, солдатка явила на допросѣ болѣе твердости и упорства: „когда была у меня тетка Авдотья и какіе разговоры имѣла—того я не упомию; молвила-ль я что объ антихристѣ не упомию; только суще помню, что никакихъ непристойныхъ словъ про его императорское величество ни съ Авдотьей, и ни съ кѣмъ не говаривала и ни отъ кого не слыхала“.

Тетку съ племянницей свели на очную ставку. Первая показывала прежнее, вторая „закрывалась безпамятствомъ“.

Дѣло объ объявленіи антихриста въ лицѣ Петра естественно должно было казаться Казаринову необыкновенной важности: задача изслѣдованія состояла именно въ томъ, чтобы добраться до корня этого учения, до главнѣйшихъ ея распространителей. Но такое изслѣдованіе, по мнѣнію московскаго розыскателя, могла только предпринять петербургская Тайная Канцелярія, и вотъ онъ извѣстилъ ее, что вскорѣ шлетъ въ Петербургъ всѣхъ трехъ бабъ на дальнѣйшее изслѣдованіе. Это не понравилось Ушакову; обремененный кучей розысковъ, онъ послалъ строгое внушеніе Казаринову.

— „Господинъ секретарь! писалъ Андрей Ивановичъ, 27-го мая 1723 года,—видимъ мы изъ писемъ вашихъ, что вы нѣкоторыхъ колодниковъ по Тайной Канцеляріи сюда и съ дѣлами отправляете, а повелѣнія о томъ письменнаго и словеснаго вамъ отъ Петра Андреевича (Толстаго) и отъ меня не было; и иное вы, не отписався съ нами, не хорошо учинили, точію убытокъ денегамъ и турбацию людямъ сдѣлали. А можно-бы рѣшеніе чрезъ ордера наши въ Москвѣ учинить; и по полученіи сего ордера, ежели оныя (колодники) не отправлены, которыхъ посылать не надлежитъ, удержи посылкою, а буде и посланы, да недавно, возврати, и что сдѣлаешь, рапортуй. Отъ тебя-же получены выписки... о рудометкѣ Тавровой (т. е. изъ города Таврова), на которыя указъ присланъ будетъ впредь“.

Тавровская рудометка или, по нынѣшнему, фельдшерница съ другими удержаны въ Москвѣ, гдѣ и полученъ былъ указъ, рѣшившій ихъ участь.

„Тавровскіи жители, бабы, опредѣлили Толстой съ Уша-

ковнѣ, по указу ея императорскаго величества, за важныя, непристойныя слова, нигдѣ ни не объявленныя, учинить жестокое наказаніе: Алену, да Авдотью въ Москвѣ бить кнутомъ и сослать на прядильный дворъ при Москвѣ-же въ вѣчную работу, а Акулину пытать дважды: отъ кого она такія непристойныя слова слушала, и гдѣ и сколь давно, и для чего о томъ не доносила“.

Акулину вздернули на виску... пытка первая.

— „Превосходительный господинъ, господинъ генералъ-маіоръ и лейбъ-гвардіи маіоръ, писалъ къ Ушакову о результатѣ розыска Казариновъ,—премилостивый государь мой! По присланному опредѣленію, Аленѣ и Авдотѣ наказаніе учинено, а на прядильный дворъ Авдотья не послана, для того, что Акулина съ розыску въ тѣхъ словахъ запирается“.

Акулина поднята на дыбы. . пытка въ „другорядъ“...

— „Непристойныхъ словъ, кричитъ баба подъ кнутомъ, ни съ кѣмъ я суще... никогда не говаривала... и ни отъ кого такихъ словъ не слыхала“.

„...И хотя она Акулина и говоритъ, рапортовалъ Казариновъ, что тѣхъ непристойныхъ словъ суще она ни съ Авдотьей, и ни съ кѣмъ никогда не говаривала, и ни отъ кого не слыхала, однако же, государь, ея, Акулиноу, буду розыскивать и въ третью; и что съ розыску покажетъ, о томъ вашему превосходительству донесу впредь, не унедя. И буде, государь, она Акулина съ тѣхъ розысковъ въ означенныхъ своихъ словахъ устоитъ, то помянутою Авдотьею розыскивать-ли? о томъ требую отъ вашего превосходительства повелительнаго ордера. Вашего превосходительства, премилостиваго моего государя, всепокорный и вѣрный рабъ Василій Казариновъ. 16-го іюля 1723 года“.

Пробѣгая эти образчики учтивостей между петровскими палачами, невольно жалѣешь, что едва-ли когда нибудь будетъ возможно собрать полную коллекцію этой переписки, разбросанной по сотнямъ вершинныхъ дѣлъ Тайной Канцеляріи. А каждый согласится, что подобный сборникъ ярко освѣтилъ-бы предъ нами пружины, по которымъ дѣйствовали Ушаковъ съ товарищами, ихъ взаимныя отношенія, взглядъ на преступления и преступниковъ, закулисную сторону слѣдствій и розысковъ, и много другихъ интересныхъ сторонъ въ исторіи Тайной Канцеляріи петровскаго времени.

— „Господинъ секретарь Казариновъ! отвѣчалъ Ушаковъ на выше-

приведенный запросъ московскаго инквизитора, — письма твои, отпущенныя изъ Москвы... получены здѣсь исправно, на что тебѣ объявляю: по трехъ розыскахъ Акулины, буде въ одномъ станеть утверждаться, розыскивать и Авдотью, и что съ розысковъ покажутъ, о томъ насъ рапортуй. 25-го іюля 1723 г.“

„И августа 10-го, гласить протоколъ московской Тайной Канцеляріи, означенныя женки, Акулина да Авдотья, воженны въ застѣнокъ и въ непристойныхъ словахъ спрашиваны съ пристрастіемъ, и дана имъ очная ставка, а на очной ставкѣ...“ Но что именно бабы сказали на очной ставкѣ, стоя у дыбы, объ этомъ узнаемъ изъ новаго рапорта секретаря:

— „Превосходительному господину, господину генералъ-маіору и лейбъ-гвардіи маіору, премилостивому государю моему, Андрею Ивановичу, всепокорно доношу: бабою Акулиною розыскивано трижды; а бабою Авдотью, государь, не розыскивалъ, для того, что она Акулина при третьемъ розыску въ тѣхъ непристойныхъ словахъ повинилась, и какъ ее стали пытать, говорила тоже, а потомъ въ томъ-же розыску сказала, что она тѣхъ словъ суще не говорила. И о томъ требую отъ вашего превосходительства повелительнаго ордера. Августа 20-го“.

Несчастная женщина повинилась въ чаяньи избѣжать третьей пытки, но при этомъ упустила изъ виду то обстоятельство, что перемѣнное показаніе, хотя-бы то было полное сознаніе, должно было закрѣпиться новымъ розыскомъ, а въ случаяхъ болѣе важныхъ даже и тремя. Вотъ почему поднятая на дыбу въ третьи, Акулина вытерпѣла 13 ударовъ, а затѣмъ, увидавъ, что сознаніе не спасаетъ ее—вновь стала утверждать: „непристойныхъ словъ никакъ-де тетушка, знать-де это не государь, антихристъ-де родился, я съ немъ, съ Авдотью, суще не говорила .. А кромѣ тѣхъ другія рѣчи (онѣ приведены въ своемъ мѣстѣ) говорила; а прежде сего розыску и въ семъ розыску... непристойныя слова говорила я, по вѣра въ улики себя Авдотьиныиъ словамъ“...

Пытка, какъ и всегда въ перемѣнныхъ словахъ, была жестокая, такъ что на другой-же день, по просьбѣ пытанной, присланъ былъ къ ней врачъ духовный.

Священникъ, говоря языкомъ подъячаго Тайной Канцеляріи, по должности своей, бабу Акулину на исповѣди увѣщевалъ, дабы она по дѣлу, по которому содержится, принесла сущую свою правду, какъ

явиться ей предъ Богомъ. И она, Акулина, между прочими духовными словами попу сказала: „я-де по своему дѣлу, котораго имѣется въ Тайной Канцеляріи, терплю напрасно и безвинно, и въ томъ умереть готова“...

Исповѣднымъ словамъ вѣрили въ Тайной только тогда, когда они означали сознание, въ противномъ случаѣ вѣри ихъ не давалось.

На девятомъ мѣсяцѣ по началу дѣла, что впрочемъ еще довольно скоро по тогдашнему теченію дѣлъ, приговоръ состоялся: въ силу его Авдотью, еще въ іюнѣ высѣченную кнутомъ, определено сослать на придворный дворъ въ Москвѣ; затѣмъ солдаткѣ Акулинѣ Петровой, за непристойныя важныя слова про его императорское величество, учинить наказаніе: бить кнутомъ, и сослать на придворный дворъ при Москвѣ-же въ вѣчную работу.

Съкупціи были совершены. Все, что выиграла Акулина своимъ запирательствомъ и переѣзными рѣчамъ, такъ это то, что въ ея приговорѣ опустили словечко: жестокое наказаніе.

Какъ-бы то ни было, только и съ не жестокимъ наказаніемъ дѣло тавровскихъ бабъ не кончилось; въ продолженіе девятнадцати мѣсяцевъ не могла состояться ихъ ссылка, а почему, это видно изъ завязавшейся по этому поводу переписки. Переписка эта имѣетъ свой интересъ; она показываетъ, какъ еще много было спутаннаго, не установившагося въ отношеніяхъ разныхъ учреждений и управленій въ тогдашней администраціи.

Управленіе казенныхъ фабрикъ не приняло ни одной изъ трехъ бабъ, присланныхъ въ ихъ распоряженіе. Толстой съ Ушаковымъ, по нѣкоторомъ времени, приказали вновь разослать въ надлежащіе мѣста промеморіи объ отсылкѣ въ работы осужденныхъ женщинъ. „Если-же вновь ихъ не станутъ принимать, то (распоряженіе весьма своеобразное) бабъ, Алену да Авдотью, свободить съ запискою на волю; что до Акулины, то ее приказано было послать въ Александрову слободу, въ Дѣвичій монастырь въ работницы, за присмотромъ до ея смерти necessarily¹⁾“.

¹⁾ Александровская слобода, нынѣ уѣздный городъ Владимирской губерніи, лежитъ въ 101 верстахъ отъ Москвы. Въ тамошнемъ дѣвичьемъ первоклассномъ монастырѣ въ петровское время было нѣсколько невольныхъ заточенницъ. Между прочими тетка государя, царевна Маргарита Алексѣевна, а съ 24-го марта 1718 года здѣсь были заперты пугача Покровскаго дѣвичьяго монастыря Марфа, знаменитая наперсница царицы Авдотьи Лопухиной—Капитолина и нѣкоторые другія. Тюрьмы ихъ и до сихъ поръ нѣтъ: это подвалы въ два этажа подъ Успенскою церковью. Подвалы сложены изъ бѣлаго

Какъ ни страшна была Тайная Канцелярія, какъ ни слѣпо выполнялись ея указы не только отдѣльными лицами, но и разными правительственными учрежденіями, все-таки была иной разъ и оппозиція: такъ въ настоящемъ случаѣ, въ дѣлѣ разсылки штрафованныхъ бабъ, синодъ рѣшительно не согласился дать даже одной изъ нихъ мѣсто въ монастырѣ. „Святѣйшій Правительствующій синодъ, по согласному своему приговору, отписывался въ Тайную оберъ-секретарь синода, — велѣлъ оную бабу Акулину не токи въ тотъ Успенской, но и въ прочіе дѣвичьи монастыри не принимать, понеже она свѣтскаго чину, а не монахиня. И между монахинями, благочинно житіе препровождающими, таковыми непотребными за вины ихъ осужденнымъ бабамъ быть весьма неприлично, а особливо оный Успенскій дѣвичій монастырь содержится подъ собственнымъ призрѣніемъ ея величества, императрицы Екатерины Алексѣевны, и безъ указа ея величества, хотя-бы и изъ монахинь, никого туда опредѣлять вновь невозможно. Также и въ другихъ монастыряхъ, которые по духовному регламенту затворены, принимать ее не надлежитъ, ибо не токи такимъ бабамъ, въ излишествѣ присылаемымъ, но и монахинямъ, издавно безпорочно пребывающимъ, зѣло нужное во многихъ мѣстѣхъ пропитаніе находится. А такихъ бабъ, за вины въ работу опредѣляемыхъ, надлежитъ отсылать куды пристойно крохъ монастырей, чтобы монашескому чину напрасной отъ того тѣтень не происходило“.

Прочитавъ многоглазливое объясненіе іерарховъ церкви, объясненіе, впрочемъ, опершееся на указъ государя, Тайная Канцелярія опять попыталась предложить въ казенныя работы всѣхъ трехъ бабъ, если-же ихъ опять „принять не будутъ, то всѣхъ трехъ бабъ свободить съ запискою на волю“, сказавъ имъ обычный указъ о молчаніи.

Но отчего-жъ не принять даровыхъ, хотя и свѣченыхъ работницъ?

На предложеніе это мануфактуръ коллегія отвѣчала: „бабы-де эти стары, а у насъ мануфактурныя всѣ фабрики отданы на откупъ купанейщикамъ, посадскимъ людѣмъ, и тѣ купанейщики оныхъ бабъ за старостію не принимаютъ для того, что работать эти бабы

каменя съ темными, узкими каморами; въ одной изъ нихъ стоитъ стулъ, въ которому прикована желѣзная цѣпь съ такимъ-же ошейникомъ. Въ каморѣ и днемъ нельзя иначе пройти, какъ со свѣчемъ или лучиною.

1861 г.

М. С.

не могутъ, а кормить ихъ купанейщикамъ отъ себя безъ работы не можно“.

„А у насъ, отозвалась на проеморію адмиралтейсь-коллегія, прядильныхъ дворовъ нѣтъ, а есть только парусная фабрика, но на тѣ фабрики не токио тѣхъ старыхъ и притомъ питанныхъ бабъ, но и ноложе ихъ принимать не велѣно“.

Этотъ приказъ о непріемѣ штрафованныхъ женщинъ не распространился на фабрики купанейщиковъ, но дѣйствительно они принимали только способныхъ къ работѣ... Вотъ, напримѣръ, найдемъ вслѣдъ за наблюдательнымъ Берхгольцомъ въ одну изъ обширѣйшихъ и богатѣйшихъ въ то время фабрикъ въ Москвѣ, купца-купанейщика Таксена.

„Предъ нами женское отдѣленіе, рассказываетъ камеръ-юнкеръ, здѣсь работаютъ дѣвушки, отданныя на прядильню въ наказаніе, лѣтъ на десять и болѣе, а нѣкоторыя и навсегда; между ними было нѣсколько съ вырванными ноздрами. Въ первой комнатѣ, гдѣ ихъ сидѣло до тридцати изъ самыхъ молодыхъ и хорошенькихъ, было необыкновенно чисто. Всѣ женщины, находившіяся тамъ и тѣвшія одна подлѣ другой вдоль стѣнъ, были одѣты одинаково и даже очень красиво, именно всѣ онѣ имѣли бѣлыя юбки и бѣлые камзолы, обшитыя зелеными лентами. Замужнія женщины были въ шапкахъ (сдѣланныхъ у нѣкоторыхъ изъ золотой и серебряной парчи и обшитыхъ галуномъ), а дѣвушки простоволосы, какъ обыкновенно ходятъ здѣшнія простолюдники, т. е. съ заплетенными косами и съ повязкою изъ ленты или тесьмы. Между ними сидѣла одна дѣвушка, которая служила семь лѣтъ въ драгунахъ, и за то была отдана сюда. Она играла на балалайкѣ... Послѣ этой музыки двѣ дѣвушки изъ самыхъ младшихъ, по приказанію Таксена, должны были танцовать, прыгать и дѣлать разныя фигуры. Между прочимъ онъ заставилъ ихъ проплясать одну употребительную у здѣшнихъ крестьянъ свадебную пляску, которая очень замысловата, но не отличается граціей, по причинѣ непристойности движеній. Сперва пляшутъ обѣ, слѣдуя одна за другою и дѣлая другъ другу разныя знаки лицомъ, головою, всѣмъ корпусомъ и руками; потомъ дѣвушка жестами дѣлаетъ объясненіе въ любви парню, который однако-жъ не трогается этимъ, напротивъ, старается всячески избѣгать ея до тѣхъ поръ, пока она наконецъ утомляется и перестаетъ; тогда парень, съ своей стороны, начинаетъ ухаживать за дѣвушкою и съ большимъ трудомъ

заставляетъ ее принять отъ него, въ знакъ любви, носовой платокъ; послѣ чего она во всю длину ложится на спину и закрываетъ собой лицо платкомъ. Парень пляшетъ еще нѣсколько времени вокругъ лежащей, съ разными смѣшными ужимками, прикидываясь очень влюбленнымъ; то онъ какъ будто хочетъ поцѣловать ее, то, казалось, даже приподнять ей юбку, — и все это среди пляски, не говоря ни слова. Но такъ какъ дѣвушка, представлявшая парня, изъ стыда, не хотѣла докончить пляски, то Тамсень (изъ желанія угодить его высочеству герцогу голштинскому, бывшему съ посѣтителемъ) велѣлъ доплясать ее одному изъ своихъ мальчиковъ, лѣтъ девяти или десяти, который тотчасъ-же очень охотно согласился на это. Проплясавъ, какъ и дѣвушка, раза два вокругъ лежавшей на полу, онъ вдругъ вспрыгнулъ на нее и нѣсколькими движеніями, какихъ вовсе нельзя было ожидать отъ такого ребенка, довершилъ пляску“...

Такимъ образомъ обойдя и осмотра подобное купанейское заведеніе, легко было убѣдиться, что битымъ пытанымъ и притомъ ветхимъ женщинамъ здѣсь рѣшительно быть было неудобно; онѣ здѣсь были-бы только въ тягость хозяину. Но съ другой стороны опасно было и освободить, хотя-бы и съ записью о молчаніи, такихъ важныхъ преступницъ, каковы были Алена, Авдотья и Акулина, гражданки города Таврова. До этого опасенія додумался Ушаковъ и додумался довольно скоро: двѣ недѣли спустя послѣ ордера объ освобожденіи женщинъ, послано уже было, за его подписью, новое опредѣленіе Тайной Канцеляріи:

— „Тавровскихъ бабъ, писалъ онъ къ Казаринову, по нѣкоторому дѣлу не свободдай, а ежели хотя и свободилъ, а сыскать въ Москвѣ можно, то ихъ сыщи и держи подъ карауломъ, и о томъ репортуй; а впредь ежели по дѣламъ государственныхъ весьма важнымъ будутъ являться женскаго пола, въ такихъ винахъ, то о таковыхъ, куда ихъ отсылать предписывалось, отнестись въ сенатъ съ доношеніемъ; въ монастыри по многимъ отсылкамъ таковыхъ бабъ принять синодъ не велитъ, въ фабрики не принимаютъ, а освобождать, разсуждалъ въ своемъ ордерѣ Андрей Ивановичъ, нельзя, ибо впредь отъ того въ народѣ зловредіе будетъ“.

Такимъ образомъ бабы задержаны были въ Тайной Канцеляріи, а для корму пускали ихъ, по обычаю, въ міръ, за карауломъ

на связкѣ ¹⁾; такъ продолжалось почти полтора года. Въ эти полтора года свершилось многое; главнѣйшее-же событіе состояло въ томъ, что Петра I не стало: новое правительство, готовясь съѣзъ и смѣлать, въ то же время дѣлало видъ, что желаетъ освободить или по крайней мѣрѣ облегчить судьбу многихъ штрафованныхъ въ прошедшее царствованіе... Этотъ обычай смѣнять наказанныхъ, да смѣльныхъ кончившагося царствованія—новыми страдальцами и страдальцами,—обычай, служившій одной изъ яркихъ особенностей русской исторіи XVIII вѣка, вступаетъ въ свои права именно со смерти Петра.

Облегченіе распространено было и на тавровскихъ преступницъ: 26-го февраля 1725 года, т. е. на третій годъ по началѣ дѣла, вспомнили о нихъ и сдѣлали распоряженіе: „изъ дѣла, какая до нихъ важность касается и что имъ за винны ихъ учинено, и чего ради онѣ подъ арестомъ долговременно содержатся, и куда ихъ нынѣ послать, внести въ Правительствующій Сенатъ“.

Высшее правительственное мѣсто указало отправить ихъ въ монастырь на постригъ и подвижничество. Тайная Канцелярія поспѣшила отнестись въ синодъ съ требованіемъ послушнаго указа о приѣмѣ въ какой-либо монастырь всѣхъ трехъ бабъ тавровскихъ, но если синодъ имѣлъ смѣлость воспротивиться этому опредѣленію еще при Петрѣ, тѣмъ смѣлѣе онъ дѣйствовалъ (впрочемъ мы говоримъ только объ одномъ этомъ дѣлѣ) при Екатеринѣ I-й: синодъ положительно отвѣтилъ, что таковыхъ подозрительныхъ бабъ принимать въ монастыри не велѣно...

Всѣ три отказа привели къ тому, что 29-го апрѣля 1725 года всѣхъ трехъ подвижницъ ученія объ антихристѣ, на четырехъ подводахъ, подъ конвоемъ гвардейскаго и двухъ гарнизонныхъ солдатъ, съ прогонами по рублю на человѣка отъ Москвы до мѣста назначенія, повезли въ Пустозеро...

1860 — 1861 гг.

С -Петербургъ.

¹⁾ Этотъ дешевый способъ кормленія арестантовъ былъ въ силѣ даже до начала нынѣшняго столѣтія. Еще и теперь нѣкоторые помнятъ, какъ въ 1800 годахъ въ главнѣйшихъ городахъ Россіи, какъ напримѣръ въ Ярославлѣ и въ другихъ мѣстахъ, цѣлыя процессіи „бритоголовыхъ“ арестантовъ двигались по улицѣ на жгѣнномъ пруту и съ ящичкомъ для милостини; вся связка голосила обычнѣй, тѣмъ не менѣе жалостнѣй, напѣвъ, въ которомъ заключалась просьба милостини.

(1861 г.).

САМУИЛЬ ВЫМОРКОВЪ,

ПРОПОВѢДНИКЪ ЯВЛЕНІЯ АНТИХРИСТА

ВЪ 1722—1725 ГГ.

САМУИЛЬ ВЫМОРКОВЪ,

ПРОПОВѢДНИКЪ ЯВЛЕНІЯ АНТИХРИСТА

въ 1722 — 1725 гг.

I.

Въ началѣ прошлаго столѣтія, въ городѣ Тамбовѣ, у церкви Успенія Пресвятой Богородицы, служилъ дьячкомъ Осипъ Выморковъ. Были у того дьячка дѣти; между ними рано сталъ выдѣляться своею охотою къ книжному ученью сынъ Степанъ; взростилъ его отецъ, обучилъ грамотѣ и всему церковному обиходу и опредѣлилъ, едва-ли не на свое же мѣсто, дьячкомъ Успенской церкви.

Предъ молодымъ человѣкомъ лежала дорога торная, ирне пройденная отцомъ его: занимать свое мѣсто на клиросѣ приходской церкви, участвовать въ совершеніи различныхъ церковныхъ требъ, рано, какъ водилось и водится въ духовномъ званіи, жениться, обзавестись домкомъ, и многіе-многіе годы отчитавъ да отпѣвъ несчетное число обѣденъ, всенощныхъ бдѣній, коленовъ и панихидъ—мирно опочить въ оградѣ мѣста своего служенія. Молодого дьячка женили дѣйствительно рано; введя хозяйку въ собственный домикъ свой, Степанъ скоро сдѣлался отцомъ... Но, обзаведясь и домкомъ, и семьей, молодой дьячекъ вовсе не былъ увлеченъ въ суету мирскую и заботы житейскія—нѣтъ, онъ весь погрузился въ чтеніе книгъ, преимущественно религіознаго характера, къ которому съ юныхъ лѣтъ чувствовалъ необыкновенное влеченіе... Молодой человѣкъ одаренъ былъ натурою необыкновенно впечатлительною, страстною; умъ его постоянно работалъ въ разрѣшеніи тѣхъ или другихъ сомнѣній,

которыя вызываемы въ немъ были явленіями современной, столь полной всевозможныхъ тревогъ жизни. Пытливо донскивался онъ отвѣтовъ на свои вопросы у лицъ, окружавшихъ его, и мучился новыми сомнѣніями, зараждавшимися въ его пылкой головѣ... Читалъ онъ много и читалъ то, что только могло ему, скромному дьячку одной изъ церкви незначительнаго тогда „провинціального“ города Тамбова ¹⁾, попадаться подъ руку: то были разныя, безъ сомнѣнія, рукописныя лѣтописныя сборники; кромѣ того, книга Баронія, переведенная съ польскаго на славянскій, изъ каковой книги, между прочимъ, какъ извѣстно, дѣлалъ свои выписки, въ осужденіе отца своего, злополучный царевичъ Алексѣй Петровичъ ²⁾;—читалъ и на память зналъ Виморковъ множество житій святыхъ изъ Чтеніи-Миней, сочиненія отцовъ церкви, и многія творенія духовныхъ писателей. У священниковъ и монаховъ, родственныхъ ему или просто знакомыхъ, молодой дьячекъ пытливо выпрашивалъ, нѣтъ ли у нихъ чего почитать, рылся у нихъ въ кельяхъ, въ чуланахъ и шкафахъ, и добывая оттуда какую-нибудь книгу, прочитывалъ ее съ особеннымъ вниманіемъ. Такъ, зачитывался онъ разными „повѣстями объ антихристѣ“ и о прочемъ, что попадалось въ рукописныхъ сборникахъ; не пропускалъ безъ вниманія и книгъ гражданской печати; но особенно любезно было молодому дьячку чтеніе старопечатныхъ книгъ: сборниковъ, требниковъ, между прочимъ, наизусть зналъ и часто ссылался онъ на книгу Ефрема Сирина ³⁾, на поученія Кирилла, и

¹⁾ Тамбовъ, или какъ называли его при Петрѣ I и писали въ бумагахъ: Тамбовъ—былъ въ описываемое нами время провинціальнымъ городомъ Воронежской губерніи. Городъ былъ изъ новыхъ, основанъ при царѣ Михаилѣ, имѣлъ 13 церквей, два монастыря и до 10,000 жителей обоаго пола. Географическій словарь Щекатова. М. 1808. ч. VI, стр. 62—64.

²⁾ Дѣянія церковныя и гражданскія, отъ Рожд. Господа нашего І. Х. изъ лѣтописаній кесара Баронія собранная, переведенная съ польскаго языка на славянскій, кромѣ явныхъ съ церковью православною восточною противностей римскихъ, у Баронія и Скарги обрѣтающихся. М. in f^o., 2 т. 1719 г., на церк.-сл. языкѣ. Собственноручныя выписки царевича Алексѣя Петровича изъ „Барониуса“ см. въ изд. Погодина: „Царевичъ Алексѣй Петровичъ по свидѣтельству“, вновь открытъ. М. 1861 г., стр. 144—163.

³⁾ Книга сія богоугодныхъ трудовъ: пр. от. наш. Ефрема Сирина: к ней же и вновь преведошася с греческихъ харатейныхъ книгъ учительная его и вразумительная словеса, монашескому и мірскому состоянію во изрядную пользу и спасеніе... М. 1701 г., церк. печ., in f^o. До этого изданія поученія Ефрема Сирина выдержали у насъ нѣсколько изданій, изъ нихъ первое было въ Москвѣ въ 1647 г.

что вычитывалъ Выморковъ изъ нихъ, то вполне соответствовало настроенію его духа, возбужденному всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ имъ о дѣяніяхъ Петра... Дьячокъ Степанъ былъ одаренъ натурою далеко недюжинною; это былъ человѣкъ прежде всего мысли и увлеченія. Его голова постоянно работала, постоянно вдумывалась въ смыслъ того, что онъ видѣлъ и слышалъ, и при возбужденномъ состояніи своего духа молодой человѣкъ не въ силахъ былъ оставаться безъ дѣла: онъ жаждалъ осуществить свою мысль на дѣлѣ и идти противъ того, что, по его мнѣнію, было зло... При другихъ обстоятельствахъ, въ другой сферѣ, въ немъ, быть можетъ, выросъ бы пылкій, способный, страстно-преданный дѣлу Петра I-го дѣятель; но изъ той среды, въ которой возросъ герой нашего разсказа, ему суждено было идти ярымъ противникомъ преобразователя и увеличить собою число лицъ, отъ всей души ненавидѣвшихъ петровскую реформу.

Для насъ, однако, весьма интересно, въ виду ознакомленія съ состояніемъ умовъ въ эпоху преобразователя, прослѣдить, подъ вліяніемъ какихъ внушеній сложилось враждебное настроеніе Степана Выморкова; вслѣдствіе сего мы и постараемся во всей подробности прослѣдить образованіе Выморкова, какъ одного изъ враговъ преобразованій императора Петра. Ближайшее знакомство съ жизнью безвѣстнаго дьячка Успенской церкви города Тамбова дастъ намъ возможность довольно живо воспроизвести тотъ образъ мысли о дѣлахъ Петра I-го, какой особенно отличалъ въ то время населеніе юго-восточной части нашего отечества ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, въ первой четверти XVIII вѣка на всемъ обширномъ пространствѣ между Тамбовомъ, Воронежемъ, затѣмъ по всему Дону и влѣво отъ него до Каспія, мы встрѣчаемъ монаховъ, лицъ бѣлаго духовенства, казачковъ, наконецъ людей торговыхъ и простолюдиновъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, почти поголовно съ ужасомъ и негодованіемъ взиравшихъ на дѣянія Петра. Крутыя мѣры его противъ монастырей и чернаго духовенства, кровавыя преслѣдованія старообрядцевъ, заточеніе первой жены, царицы Авдотьи, осужденіе сына, пристрастіе къ иноземцамъ—вотъ тѣ главнѣйшія стороны петровскаго царствованія, которыя вызывали особенно упорное и злое осужденіе

¹⁾ Коротенькая замѣтка о Самуилѣ Выморковѣ была помѣщена С. Соловьевымъ въ „Православномъ Обзорѣнѣ“ 1860 г. № 7, стр. 332.

со стороны тогдашняго населенія Россіи вообще и юго-восточнаго угла ея въ особенности. Этотъ уголь, какъ извѣстно, издавна питалъ въ себѣ элементы, враждебныя правительству: здѣсь не разъ подымалось кровавое знамя вооруженнаго возстанія, здѣсь почти на глазахъ Выморкова по синимъ волнамъ Дона плыли плоты съ висѣльницами, на которыхъ болтались трупы болѣе двухсотъ повѣшенныхъ сподвижниковъ сибѣлаго Булавина ¹⁾; сюда, въ этотъ привольный край, несмотря на всѣ мѣры правительства, стекались со всѣхъ сторонъ Россіи „бѣглецы“ отъ „всѣхъ новыхъ порядковъ“; въ придонскихъ станицахъ издавна гнѣздились расколы, наконецъ въ монастыряхъ этого края питался, несмотря на весь бдительный надзоръ новопоставленныхъ надъ обителями честныхъ отцовъ-инквизиторовъ, духъ особеннаго недовольства всѣми распоряженіями Петра I. Этотъ духъ былъ общій всѣмъ обитателямъ святыхъ пустынь, начиная съ ихъ игуменовъ и кончая послушниками и монастырскими служками... Могъ ли не увлечься тою же ненавистью къ преобразователю и нашъ книжникъ, при его увлекающей впечатлительной натурѣ, при его „чуткости къ высшимъ вопросамъ жизни и способности не удовлетворяться однимъ разглагольствованіемъ о нихъ“.

1722-й годъ засталъ Степана за его мирными занятіями по должности дьячка. Попы Андрей Ѳеодоровъ и Дмитрій, священники Успенской церкви въ г. Тамбовѣ, были расположены къ своему дьячку и не разъ, какъ видно, пускались съ нимъ въ разсужденія по поводу разныхъ вопросовъ, занимавшихъ время отъ времени молодого человѣка, но онъ еще жилъ „безъ сумнительствъ“ какъ по поводу религіи, такъ и относительно дѣяній и личности Петра I-го. Ревность же къ православію со стороны Выморкова и къ обрядамъ церкви была въ немъ въ то время очень сильна; такъ, онъ усердно „заставлялъ лѣнстыхъ“ людей къ хожденію въ церковь, и однажды ревность къ православію увлекла его даже къ доносу на одного изъ поповъ своей церкви, будто бы снисходительно отнесшася къ одной женщинѣ, позволившей себѣ „блевать въ народѣ на святую церковь, на тайны, на святыхъ иконы и на священный чинъ“.

То же блюденіе чистоты религіи и всего священнаго стало скоро вызывать со стороны Выморкова разные „сумнительства“: не послѣ-

¹⁾ См. Разсказы изъ русской исторіи С. Соловьева: 1) Сто свадѣбъ въ Астрахани. 2) Булавинъ. 3) Мазепа „Русск. Вѣстн.“ 1860 г. № 15, и Исторія Россіи — его же, т. XV, М., 1865 г., стр. 264, 265 и др.

гаютъ ли на чистоту религіи, на этотъ разъ, уже не какая-нибудь полуумная дѣвка, а самыя власти предержащія? А на тѣ сумнительства навелъ его нѣкій старецъ, монахъ Савва. Старецъ тотъ служилъ въ Тамбовѣ сначала при часовнѣ, а потомъ, какъ часовни лишніе были, по указу Петра, закрыты, Савва поселился въ томъ же городѣ въ Казанскомъ монастырѣ. Вѣроятно, строго подвижническая жизнь Саввы привлекла къ нему Выморкова, и молодой дьячекъ любилъ бесѣдовать съ отшельникомъ.

— Прочелъ я въ книгѣ Ефремовой повѣсть объ антихристѣ, сообщилъ однажды Степанъ своему пріятелю старцу.

— А гдѣ онъ, антихристъ, будетъ? спросилъ старецъ.

— Знато, что въ Іерусалимѣ, отвѣчалъ Степанъ.

— Нѣтъ, тотъ антихристъ, что нынѣ въ Москвѣ, что царемъ прозывается; для того, что въ Москвѣ было благочестіе, а нынѣ отпало, какъ Римъ (какъ и Римъ?), да и потому онъ — антихристъ, что владѣетъ самъ одинъ и патріарха нѣтъ, а то его печатъ, что бороды брѣютъ и у драгуновъ роскаты.

— Они и погибнутъ такъ! воскликнулъ Степанъ.

— Иные за простоту свою, былъ отвѣтъ старца: — и не погибнутъ...

Этотъ разговоръ повергъ молодого человѣка въ ужасъ. Онъ повѣрилъ отъ всей души, что надъ отечествомъ его властвуетъ антихристъ, что слуги царскіе — слуги антихристовы, что встрѣчаемы имъ всюду лица съ выбритыми бородами всѣ носятъ на себѣ печать антихристову. И всюду-то эти люди ходятъ, и въ церкви они бываютъ; и тѣмъ церковь, какъ слуги антихристовы, скверняютъ. И тяжело задумался дьячокъ: куда бѣжать отъ тѣхъ слугъ антихристовыхъ? Наступилъ, между тѣмъ, рождественскій постъ въ томъ же 1722-мъ году. Выморковъ, весь погруженный въ думу о слышанномъ имъ отъ Саввы, перечитываетъ Апокалипсисъ, перечитываетъ другія старопечатныя книги, впадаетъ въ разныя сомнѣнія, повторяетъ ихъ старцу Саввѣ, тотъ по-своему ихъ разъясняетъ, говоритъ ему, между прочимъ, объ уничтоженіи Петромъ патріаршества, и все то въ „противномъ“ государю духѣ. Сердце молодого человѣка отъ всѣхъ тѣхъ рѣчей все болѣе и болѣе ожесточается; читаетъ онъ старопечатный требникъ, и къ ужасу своему находитъ, что въ немъ „о брадобритіи пишутъ въ отричаніе приходящимъ въ православную вѣру“. Сочиненіе Ефрема Сирина, между прочимъ,

было особенно любимой книгой Степана; вдругъ обнаруживается распоряженіе синода о томъ, чтобы вмѣсто прежняго чтенія по церквамъ въ великій постъ книгъ Ефрема Сирина, Соборника и прочихъ книгъ, читать новопечатные буквари съ толкованіемъ заповѣдей Божіихъ¹⁾. Изгнаніе, такимъ образомъ, надревле установленнаго чтенія, и замѣна его — чтеніемъ буквара, должно было весьма поразить многихъ, дать пищу непріязненнымъ правительству толкамъ и повергнуть въ немалое „сумнительство“ и нашего подвижника церкви. Болѣе и болѣе сталъ онъ погружаться въ думу, что такіа дѣйства не могутъ идти ни отъ кого, какъ отъ слугъ антихристовыхъ; брадобрѣйцовъ онъ уже видѣть равнодушно не могъ, и избѣгая ихъ встрѣчи, упорно не ходилъ въ церковь. Последнее обстоятельство не могло не поразить его жену.

— Что ты дѣлаешь? спрашивала она своего мужа: — почему не ходишь въ церковь? Я съ раскольниковъ жить не хочу!

Минимому раскольнику, казалось, легче было оставить жену, впрочемъ имъ, какъ видно изъ послѣдующихъ его дѣйствій, нѣжно любимую — нежели отступить отъ своего рѣшенія: не ходить въ церковь, гдѣ онъ встрѣчалъ слугъ антихристовыхъ. И онъ не задумался написать женѣ „распускное, противное письмо въ такой слѣдъ“:

„Я Степанъ, Осиповъ сынъ, Выморковъ, отпускаю жену свою на волю, какъ похощетъ, хотя и замужъ поидетъ, я не искатель, а я хочу такъ жить, а свидѣтель тому всему всевидящее око“.

Жена взяла то письмо, сказала мужу, что отнесла его къ отцу духовному, и не стала раздѣлять съ Степаномъ брачнаго ложа.

Выморковъ спѣшилъ найти утѣшеніе въ книгахъ; сталъ онъ зачитываться извѣстной книгой Кирилла объ антихристѣ и знакахъ его (М. 1644 г.)²⁾, и введенный ею въ новое сомнѣніе, вновь пересталъ ходить въ церковь. А нашелъ онъ въ той книгѣ такое выраженіе: „во имя Симона Петра иже быти гордый князь міра сего антихристъ. Такое предсказаніе для него, уже „смя-“

¹⁾ Новый букварь изданъ былъ въ 1720-мъ году въ Петербургѣ, подъ заглавіемъ: „Первое ученіе отрокомъ, въ ней же буквы и слоги; также: краткое толкованіе законнаго десяслловіа, молитвъ господней, символа вѣры и девяти блаженствъ“. Любопытныя свидѣнія какъ объ этой книгѣ, такъ и по поводу введенія ея во всеобщее употребленіе при Петрѣ, см. въ изслѣдованіи Пекарскаго т. I, стр. 178—181 и 501.

²⁾ См. „О такъ называемой Кирилловой книгѣ“, разсужденіе А. Лилова. Казань, 1856 г.

теннаго духомъ и уstraшеннаго въ своей совѣсти“, казалось принять указаніемъ, что царствіе антихриста, въ лицѣ государя Петра I, уже осуществилось, и вотъ Выморковъ свое убѣжденіе сообщаетъ дьячку другой тамбовской церкви, Елисею Петрову. Тотъ не только, какъ видно, согласился съ Степаномъ, но еще сообщилъ ему новый поводъ къ его „совѣстному уstraшенію“, передавъ слухъ о томъ, будто „скоро начнутъ служить на опрѣснкахъ“.

Степанъ объявляетъ свое ученіе казаку Старкову. И тотъ, согласясь со Степаномъ, въ свою очередь сообщаетъ ему слухъ о томъ, что „неинного-де жить свѣту, въ пол-пол-осьмой тысячѣ конецъ будетъ!“

Степанъ передаетъ этотъ толкъ высокочтимому нѣ старцу Саввѣ, и отвѣчалъ тотъ Савва: „нѣтъ, и того неостанетъ!“ (т. е. преставленіе свѣта еще скорѣй того наступитъ, нежели какъ предполагается то полковой казакъ Старковъ).

Въ виду столь скорого конца свѣта, чтобъ не пострадать напрасно, Степанъ вновь не захотѣлъ ходить въ церковь молиться съ прочими слугами антихристовыми. И мать, и жена, дивясь тому нехожденію, неоднократно его спрашивали:

— Для чего-жъ ты въ церковь не ходишь? другихъ людей заставляешь, а нинѣ самъ не ходишь?

— Не хочу ходить, отвѣчалъ дьячекъ; — не хочу Бога молить за антихриста, что нинѣ императоромъ прозывается, и за слугъ его.

Жена, нинѣ распусское письмо отъ мужа, только дивилась его поведенію, но бѣдная мать не могла смотрѣть на своего Степу спокойно и спѣшила обратиться съ сѣтованіями на его поведеніе къ разнымъ людямъ. Такъ, ходила она къ тамбовскому протопопу Тихону, жаловалась на нехожденіе Степана въ церковь, но протопопъ сказалъ только: „бездѣлуешь-де сынъ твой!“ и никакой затѣмъ нагонки „бездѣлюющему“ не учинилъ. Мать стала совѣтоваться съ монахиней Кликеей... „Напрасно не ходитъ твой сынъ въ церковь“, отвѣчала на жалобы старухи монахиня Кликеея, „и съ чего то нехожденіе?“

— А ради того не ходитъ Степанъ въ церковь, что бороды брѣютъ...

— „Кто бороды брѣшетъ, тому и грѣхъ, не совѣмъ успокоительно для старухи отвѣчала Кликеея:—а все-таки благочестіе еще

есть—потому на пяти просвирахъ служить, а какъ станутъ на опрѣснкахъ служить, и ми отречемся, въ церковь не будемъ ходить”.

Въ то время, когда старуха мать тоскуетъ и плачется на неблагочестіе своего сына, молодой человѣкъ, осаждаемый тяжелыми думами объ антихристѣ, вспомнилъ, что въ Тамбовскомъ уѣздѣ, въ селѣ Тотоковѣ, у знакомаго ему попа Ивана есть старопечатный требникъ. „Дай посмотрю въ немъ, что-де тамъ объ антихристѣ сказано“, думаетъ Выморковъ и спѣшитъ къ отцу Ивану. Случилось на его бѣду такъ, что во время прихода его, къ отцу Ивану пріѣхали пристава изъ Переяславля-Рязанскаго; развозили тѣ пристава попамъ присяги и увѣщанья ¹⁾. Сталъ читать Выморковъ увѣщанье, и вдругъ остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ „въ похвалу и честь“ государя писано такъ: „имѣти-бы яко главы своя и отца отечества, и Христа Господня!“ Съ ужасомъ вспомнилъ молодой человѣкъ, что въ Кирилловой, старопечатной книгѣ именно сказано: „Антихристъ—ложно Христомъ прозовется!“ И такъ сбылось уже и это пророчество, сталъ думать Выморковъ: антихристъ, возсѣвшій на царскій престолъ, сталъ ужъ именоваться Христомъ.

— „Смотри, читай эту книгу Кириллову, говорилъ вскорѣ послѣ этого Степанъ дячку Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря: — тутъ нмѣ написано антихристово“, и передалъ ему все слышанное отъ Саввы ²⁾:—примѣть и то, продолжалъ Степанъ: „бывало, молятъ Бога за царя Петра Алексѣевича, а нынѣ стали молиться за императора Петра Великаго, отечество-жъ уже не поминается“ ³⁾.

¹⁾ Вѣроятно здѣсь надо разумѣть: „Уставъ о наслѣдіи престола“, обнародованный 5 февраля 1722 г. (См. П. С. З. т. VI, № 3,893), по поводу котораго требовалось „клятвенное обѣщаніе“ отъ всѣхъ подданныхъ въ призваніи ими того наслѣдника престола, котораго изберетъ самъ государь; или тѣ „Присяги“, которыя разосланы были въ 1722 г. всѣмъ священникамъ, при указѣ 17 мая (т. VI, № 4,012), „о объявленіи священниками открытыхъ имъ на исповѣди преднамѣренныхъ злодѣйствъ...“ Подъ словомъ же увѣщаніе, безъ сомнѣнія, разумѣется то увѣщаніе синода къ раскольниковамъ, которое было издано въ томъ же 1722 г., января 27-го. П. С. З., т. VI, № 3,891.

²⁾ Монахъ Савва около этого времени скончался.

³⁾ См. въ П. С. З., т. VI, № 3,882 синодскій указъ 18 янв. 1721-го года: о возношеніи высочайшихъ именъ при церковнослуженіяхъ по даннымъ формамъ ..., и тѣ формы указаво было: священнослужителямъ твердить со всякимъ прилежаніемъ. . и чтобъ какого противнаго и неумотрительнаго произношенія не было, но весьма опасно и речивисто, такъ было произношено, какъ во оныхъ формахъ напечатано, и не точію изъясненіе реченій, но и

Степанъ не скрывалъ терзавшихъ его сомнѣній ни отъ кого изъ знакомыхъ, тѣмъ болѣе не рѣшился онъ скрыть ихъ отъ отца своего духовнаго, Архангельской церкви попа Ивана Асанастьянова. Не разсѣять ли ихъ отецъ духовный? Нѣтъ! отецъ Иванъ еще утягивалъ тревожное состояніе Выноркова разсказомъ: „вотъ, какъ мы бывали на Воронежѣ въ нѣвскихъ и нѣвали предъ государемъ и при компаніи (т. е. его святѣ) проклинали измѣнниковъ, и дошелъ разговоръ до Талицкаго, и государь въ то число говорилъ тако: „о, воръ Талицкій! ужъ и я антихристъ предъ тобою!“ — къ чому жъ то государь говорилъ, заключилъ священникъ, Богъ знаетъ“¹⁾.

Разсказъ попа Асанастьянова не разсѣялъ недоумѣній дядька Степана, „къ его сомнѣніямъ приложилъ нонѣ только новое сомнѣніе“. И нигдѣ-то онъ не встрѣтилъ кого либо, кто бы ему положительно и ясно доказалъ всю нелѣпость его убѣжденій. Напротивъ, всюду онъ слышитъ подтвержденіе своей дикой мысли. Степанъ сталъ раздумывать, не обратиться ли къ старообрядцамъ за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній, и сталъ онъ спрашивать предварительно, у знакомаго уже намъ протопопа Тихона, о существѣ разницы крестнаго знаменія первыми тремя перстами, и однимъ первымъ большимъ съ двумя послѣдними: которое изъ сихъ сложеній рукъ болѣе истинно?

— Какъ хочешь крестись, равнодушно отвѣчалъ отецъ Тихонъ:—я крещусь и такъ, и сакъ, въ томъ силѣ нѣтъ, хоть и кулакомъ крестись.

— Ну, а что то за слово императоръ? допрашивалъ Степанъ.

— Знато, что больше царя, отвѣчалъ протопопъ.

Возрастающіе толки о томъ, что скоро повелятъ служить на опрѣсновахъ, что скоро и монастыри не будутъ смѣть принимать

просодіи, то есть гласнаго ударенія употребленіе и строчное ирещипаніе, безъ погрѣшности наблюдалось, подъ страхомъ жестокаго штрафованія...“ Въ формѣ возгласенія многолѣтія, между прочимъ, значилось... „въначанному и превознесенному, отцу отечества, Петру Великому, императору“ и т. д.

¹⁾ Имена Талицкаго, Левина и нѣкоторыхъ другихъ раскольниковъ долго и долго упоминались одними — какъ имена людей, вынесшихъ жесточайшія истязанія за правовѣріе, другими — какъ самыхъ злыхъ и дерзкихъ носителей государя Петра I-го. См., между прочимъ, дѣло Θεοφана Прокоповича въ Чт. Общ. Истор. и Древн. 1862 г., I, стр. 14; „Варлаамъ Левинъ“, статью Есипова въ „Русскомъ Словѣ“ 1861 г.; II. С. З., т. VI, № 3, 891; Пекарскаго: Наука и Лит. при Петрѣ Вел., т. II, стр. 80—82, и проч.

къ себѣ новыхъ сподвижниковъ, до того устрашили Степана, что онъ рѣшился постричься въ монахи.

— „Антихристъ скоро велитъ служить на опрѣснокахъ, сказалъ Степанъ своимъ домашнимъ, сидя на Рождество 1722 года за обѣдомъ:—а я не стану того ждать, я уйду въ монастырь“.

— Не спѣши постригаться, останавливала его старица Киликея, которой онъ также сообщилъ свое рѣшеніе:—не спѣши, жена у тебя есть.

— „Да ужъ указы пришли, чтобъ не постригать новыхъ монаховъ, а и потороплюсь, пока указъ не исполненъ, возражалъ Степанъ:—да и монахъ Савва сказывалъ мнѣ, что въ мірѣ у насъ царствуетъ антихристъ“.

— Вреть онъ, спорила Киликея:—антихристъ женатъ не будетъ...

— „Вѣдь я самъ присмотрѣлъ въ Кирмловой старопечатной книгѣ, стоялъ на своемъ дѣлечкѣ:—что во имя Симона-Петра имать съести гордый князь, міра сего антихристъ“...

— Нѣтъ, не онъ—это нашъ государь... А читала я въ книгѣ, продолжала Киликея;—что первое гоненіе будетъ отъ антихриста на монаховъ, монастыри опустошены и огнемъ пожжены будутъ...

— „Однакожъ, я постригусь; когда что будетъ, тогда и въ горы уйду“...

Сталъ обходить Вьморковъ своихъ знакомыхъ, причемъ извѣщалъ ихъ о своемъ рѣшеніи постричься; зашелъ, между прочимъ, онъ въ посадскому человѣку, жителю Тамбова, Котову. Въ бесѣдѣ съ женой его, Анной Обросимовной, сообщилъ Степанъ и ей свое ученье.

— Да вотъ и я скажу на то, замѣтила Анна:—жила я въ городѣ Шуѣ, и случилось сроднику моему быть въ городѣ Суздаль, куда сослана царица, и она говаривала людямъ, а въ томъ числѣ и сродники мои слышали: „держите вѣру христіанскую, это не мой царь, иной вышелъ“. А и насчетъ крестнаго знаменія, та-жъ Анна Котова пояснила, „что ей довелось слышать отъ попа или протопопа, а именно не упомянуть, что въ слаганіи первыхъ трехъ перстовъ сидитъ самъ сатана“...

И услыша отреченіе заточенной царицы отъ своего мужа, Степанъ съ обычнымъ своимъ простодушіемъ вполне повѣрилъ разсказу объ этомъ событіи и „наипаче въ сумнѣніи своемъ объ антихристѣ укрѣпился“. Да и какъ не укрѣпиться, мыслилъ дѣлчокъ, когда и у Григорія Назіанзина, въ концѣ его книги сказано: „внезапу при-

возстанеть и превознесется и возицелѣруетъ благостини!“ Въ страхѣ, что-де все равно, при державѣ антихриста жить долго не доведется, Степанъ Выморковъ порѣшилъ окончательно уйти отъ зла и сотворить благо, то есть постричься въ монахи.

II.

Чтобъ поступить въ монахи, какъ можно видѣть изъ указовъ того времени ¹⁾, надо было преодолѣть не мало трудностей. Правда, знаменитое „Прибавленіе къ Дух. Регламенту, о правилахъ причта церковнаго и чина монашескаго“, прибавленіе — сдѣлавшее крайне труднымъ, почти невозможнымъ, поступленіе въ монахи, не было еще получено въ Воронежской губерніи, но уже и безъ сего „Прибавленія“ предстояло, при поступленіи въ монашество, много разныхъ формальностей... Выморковъ, однако, не убоился ихъ; онъ рѣшился постричься въ Трегуляевомъ Предтечевомъ монастырѣ, находящемся въ восьми верстахъ отъ города Тамбова. Игуменъ Іосафъ, къ которому онъ обратился съ просьбой постричь его въ монахи, зналъ Степана за человѣка „къ церкви подвижнаго, въ молитвѣ не лѣностнаго, къ пѣнью на клиросѣ удобнаго“, притомъ же изряднаго начетчика. Поэтому, Іосафъ и спѣшилъ утвердить Степана въ его намѣреніи покинуть свѣтъ, и надумилъ что онъ долженъ былъ для этого сдѣлать. Согласно наставленію отца-игумена, молодой человѣкъ неоднократно словесно просилъ, какъ его, игумена, такъ и всю честную братію монашествующую принять его въ свою среду; затѣмъ, Степанъ подалъ письменное о томъ прошеніе: игуменъ, іеромонахи и іеродіаконы положили, какъ того требовали указы того времени, письменную резолюцію на томъ прошеніи, что они согласны принять въ свою среду просителя. Но Степанъ былъ женатъ; современныя же постановленія, обнародованныя правительствомъ, требовали, чтобъ жена желающаго постричься дала отъ себя „респускное письмо“. Самъ игуменъ взялся то дѣло уладить, отправился къ женѣ Степана, и убѣдилъ ее дать означенное письмо. Въ письмѣ молодая женщина заявляла, что мужъ ея желаетъ постричься, что

¹⁾ П. С. З., т. III, №№ 1612 п. 16 и 17, 1629; т. IV, №№ 1834, 1839, 1856, 1886, 2394; т. V, №№ 2983 п. 3, 3712; т. VI, №№ 3718, 3888, 3910, 3912, 3964—65, 3975, 4012, 4015 и др.

препятствій къ тому съ ея стороны не имѣется, и что о растрѣженіи его нигдѣ она бить челомъ не станетъ. Письмо должно было быть засвидѣтельствовано отцомъ духовнымъ, — Іосафъ устроилъ и это: нашъ прежній знакомый, отецъ Дмитрій, скрѣпилъ то письмо своею подписью. Выполняя требованія формальности, игуменъ Іосафъ, спустя нѣсколько времени, опросилъ мать и жену Выморкова, при постороннихъ свидѣтеляхъ: дано ли то письмо роспускное добровольно, и дѣйствительно ли отецъ Дмитрій, по ихъ просьбѣ, скрѣпилъ то письмо своею подписью? Обѣ женщины отвѣчали утвердительно, и жена Степана, при игуменѣ, для его увѣренія, протянула руку попу Дмитрію.

— Еще нынѣ не пострижется мужъ твой, говорилъ молодой женщинѣ Іосафъ: — вѣкъ монахомъ не будетъ, потоку ужъ теперь, по указу, составляется перепись монаховъ, и когда составится реестръ и учинится табель всѣмъ имъ, тогда постригать нѣкого не доведется... ¹⁾, а ты, продолжалъ онъ, обращаясь къ женѣ будущаго монаха: — выходи вновь замужъ, за кого похочешь.

— Если такъ, я пойду замужъ, сказала та Выморкову.

— „Нѣтъ, не ходи“, молвилъ тотъ, мысленно рѣшившись, однако, скорѣе видѣть жену свою за другимъ, нежели вернуться въ свѣтъ.

Такимъ образомъ, Степанъ Выморковъ покончилъ всѣ свои отношенія къ семьѣ, и скорѣ, по исполненіи надъ нимъ обычной церемоніи, въ братію Предтечева-Трегуляева монастыря поступилъ новый братъ Самуилъ.

III.

Трегуляевъ монастырь въ то время принадлежалъ къ числу довольно богатыхъ монастырей, за нимъ не мало было деревень, земель и всякихъ угодій. Въ монастырѣ была многочисленная братія и новый братъ скоро встрѣтилъ въ ея средѣ нѣсколькихъ лицъ, которыми довѣрчиво передалъ свои убѣжденія относительно появленія

¹⁾ Въ январѣ 1723 г. по всѣмъ монастырямъ, вслѣдствіе синодскаго указа, составлялись реестры всѣмъ находящимся въ монастыряхъ монахамъ, съ указаніемъ: сословій, изъ какихъ они поступили въ монастырь, сколько имѣютъ лѣтъ отъ рожденія и какъ долго находятся въ монастырѣ, въ той или въ другой обители приняли постриженіе, какія имѣютъ дѣла послушанія, какому искусию руководію и т. п. Перепись та скрѣплялась монастырскими властями.

на свѣтъ антихриста; довѣріе съ его стороны къ нѣкоторымъ изъ монаховъ тѣмъ скорѣе было вызвано, что они вполне раздѣляли убѣжденія Самуила, и гораздо прежде его остановились на той мысли, что въ Петербургѣ давнымъ-давно сидитъ антихристъ. Одинъ же изъ братьевъ, монахъ Филаретъ, разсказалъ Самуилу, по поводу толковъ о томъ, кто таковъ императоръ Петръ, слѣдующую, ходившую въ то время въ народѣ, легенду.

— Надъ нами царствуетъ нынѣ, говорилъ Филаретъ:— не нашъ государь Петръ Алексѣевичъ, но Лефортовъ сынъ. Блаженной памяти государь-царь Алексѣй Михайловичъ говорилъ женѣ своей, царицѣ: „если сына не родишь, то учиню тебѣ нѣкоторое озлобленіе“. И она, государыня, родила дочь, а Лефортъ сына, и за помянутымъ страхомъ, втайнѣ отъ царя, разиѣнялись—и тотъ, Лефортовъ сынъ, и нынѣ царствуетъ! ¹⁾...

Такіе разсказы не могли, разумѣется, разсѣять заблужденій молодого монаха; напротивъ, болѣе и болѣе коснѣлъ онъ въ нихъ, и креститься сталъ по старопечатнымъ книгамъ, что, какъ кажется, не производило смущенія въ честной обители. Только іеромонахъ Никодимъ, инквизиторъ Мигулинскаго Троицкаго на Дону монастыря, дядя родной Самуила, зайдя его провѣдать, замѣтилъ племяннику: „крестись ты первыми тремя перстами, вѣдь и греки тако-жъ крестятся“... Тотъ повелъ съ своей стороны рѣчь объ антихристѣ, что-де царствуетъ онъ надъ ними...

— „Нѣтъ, успокоивалъ его Никодимъ:—то не антихристъ, развѣ—предтеча его“... И это говорилъ инквизиторъ, то-есть лицо должностное, облеченное большою властью надъ монахами, и

¹⁾ С. М. Соловьевъ приводитъ въ XV-мъ томѣ своего труда народныя толки о Петрѣ I-мъ и его преобразованіяхъ, и изъ дѣлъ преобразенскаго приказа и тайной канцеляріи выписываетъ нѣсколько бродившихъ въ народѣ легендъ о происхожденіи Петра I-го (М. 1865 г., стр. 126—135 и друг.). Такимъ образомъ, составитель „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ призналъ справедливость давно уже и нѣсколько разъ высказанной нами мысли о томъ, что, при изложеніи дѣяній Петра I-го, историкъ не имѣетъ ни малѣйшаго права обходить молчаніемъ того говора, тѣхъ сужденій и разсказовъ, съ которыми встрѣчались народныя массы реформы Петра Великаго. Печатавъ нѣкоторые изъ розыскныхъ дѣлъ тайной канцеляріи въ разныхъ журналахъ 1860—1862-хъ годовъ, мы постоянно указывали на то значеніе, какое долженъ имѣть этотъ важный матеріалъ для историка эпохи преобразования, и теперь отъ души радуемся, что и С. М. Соловьевъ не преминулъ воспользо-ваться этимъ матеріаломъ. (1865 г.).

обязанное о всякомъ „противномъ“ словѣ доносить властямъ прерждающимъ!...

Племанникъ не успокоился, не повѣрилъ дядѣ, и пропагандируя въ средѣ молодыхъ братій честной обители ученіе объ антихристѣ, скоро нашелъ себѣ въ молодыхъ монахѣ Степанѣ ревностнаго послѣдователя. Степанъ былъ увлеченъ рѣчами Самуила, тѣ рѣчи проникнуты были самымъ искреннимъ убѣжденіемъ, и повѣрилъ онъ своему сотоварищу во всемъ, и сталъ креститься большимъ перстомъ съ двумя послѣдними, и во всѣхъ, нераздѣляющихъ его и учителя его убѣжденій, сталъ видѣть не кого другого, какъ слугъ антихристовыхъ. Въ другомъ монахѣ, Павлѣ, Самуиль скоро приобрѣлъ другого не менѣ ревностнаго послѣдователя своего ученія.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1723 года, всю братію трөгужаевской обители виѣстѣ съ игуменомъ, по какому-то важному дѣлу, вызвали въ Воронежъ, гдѣ въ надворномъ судѣ снимали съ нихъ допросы. Самуиль имѣлъ въ Воронежѣ родныхъ, у которыхъ и проводилъ свои досуги, не оставляя пронаганды своего ученія.

— Богъ то знаетъ, антихристъ-ли онъ, императоръ-то Петръ, замѣтила однажды Самуилу одна изъ его собесѣдницъ, Θεодосья Осинова: — потому, жила я въ Нижнемѣ, а про то не слышала, а говорятъ въ Нижнемѣ, что нынѣ новая вѣра, а старую вѣру покинули и архіерей нижегородскій, Питиримъ, самъ былъ въ старой вѣрѣ, да переложился, и мучить тѣхъ, кто крестится однимъ большимъ перстомъ съ двумя послѣдними...

— „Я и въ книгѣ то присмотрѣлъ, замѣтилъ на это Самуиль:— это такъ“...

— Вотъ его, продолжала Θεодосья: — его, Питирима, нижегородцы точно называютъ антихристомъ¹⁾. А сама я слагаю руку по старопечатнымъ книгамъ, потому такъ велать креститься священники въ Нижнемѣ.

¹⁾ Питиримъ, архіепископъ нижегородскій и алатырскій съ 1719 по 1738 г., род. около 1665 г., ум. въ 1738 г. Питиримъ извѣстенъ какъ самый рьяный гонитель раскола и какъ авторъ нѣсколькихъ полемическихъ противъ раскола сочиненій; этотъ человекъ былъ весьма замѣчательнъ умомъ, силою воли, необыкновенною ревностью къ православію и необычайнымъ для своего времени безкористіемъ. Императоръ Петръ дѣянія Питирима въ защиту православія противу раскола называлъ: „подвигами равноапостольскими“. Весьма обстоятельная біографія Питирима помѣщена архимандритомъ Макаріемъ въ его „Исторіи Нижегородской іерархіи“. Спб. 1857 г., стр. 32—103.

Вскорѣ послѣ того Самуилъ составилъ и своеручно написалъ въ тайнѣ „хулительное письмо“; то было нѣчто въ родѣ воззванія къ священнымъ чинамъ о томъ, что они повинуются не государю, исполняютъ волю не законнаго монарха, а антихриста. Письмо то Самуилъ сохранялъ у себя и, какъ кажется, никому не читалъ, выжидая только удобнаго случая его подбросить кому нибудь такъ, чтобы оно „до священнаго чина дошло“. Случай этотъ представился въ день выхода изъ Воронежа. Самуилъ подкинулъ то письмо, безвѣстно отъ своихъ сотоварищей-монаховъ, во дворъ одному изъ жителей города Воронежа. Дошла-ль та грамотка „до священнаго чина“ и какая судьба ее постигла—неизвѣстно. Между тѣмъ на пути изъ Воронежа въ Тамбовскій уѣздъ „Самуилъ въ церковь гдѣ ходилъ, гдѣ нѣтъ, крестился противу старопечатныхъ книгъ, и не надѣялся обрѣсти въ молитвѣ, въ церквахъ, никакого для себя спасенія“. Перечитывая въ это же время книгу Стефана Яворскаго: „объ антихристѣ“, онъ ни мало ей не вѣрилъ и стоялъ на томъ, что книгу сочинилъ преосвященный только съ единственною цѣлью угодить ему, антихристу ¹⁾).

А тутъ, на бѣду Самуила, встрѣтился ему въ селѣ Избердей боярскій сынъ Захаръ Лежневъ; повный законный сталъ разъяснять Выморкову, куда дѣлся настоящій государь: „нашъ государь, толковалъ Лежневъ, пошелъ въ Стекъ-холмъ, а тамъ его посадили въ заточеніе, а это, что нынѣ царствуетъ, не нашъ государь, царь Петръ Алексѣевичъ, иной...

„Кто-жъ иной, какъ ни самъ антихристъ!“ думалъ Самуилъ, и вмѣстѣ съ единомышленникомъ своимъ, монахомъ Павломъ, сталъ

¹⁾ Знаменія пришествія антихристова и кончины вѣка... М. 1703 г. Церк. печ., въ 8 д. Соч. Стефана Яворскаго имѣло послѣ того нѣсколько изданій. Самый выходъ этой книги въ первые же годы царствованія Петра I краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, до какой степени сильно было распространено въ народѣ ученіе объ антихристѣ. Правительство вынуждено было не только скасовывать проповѣдниковъ того ученія, но и обращаться къ вразумленію массъ народныхъ въ особо составленномъ съ этою цѣлью сочиненіи. Объ означенномъ твореніи Стефана Яворскаго см. у Пекарскаго, т. II, стр. 77—80. Перечень сочиненій раскольниковъ объ антихристѣ см. въ изд. „Каталогъ или библіотека старовѣрческой церкви, собр. тщаніемъ Павла Любопытнаго“, въ Сиб. 1829 г., изд. В. И. Касаткина. М. 1861 г. №№ 10, 147, 187, 219, 274, 288, 302, 325, 350, 351, 364, 395, 401, 487, 580, 598; другое изд. труда Павла Любопытнаго по другому списку и безъ всякихъ передѣлокъ со стороны издателя см. въ „Чтеніяхъ Общ. Ист.“ 1863 г., кн. I, стр. 119—178.

гласно разъяснять жителямъ села Избердей—кто таковъ, по ихъ твердому убѣжденію, царь Петръ Алексѣевичъ.

Рѣчи произвели свое дѣйствіе: крестьяне повѣрили. Встрѣтились на дорогѣ дяконъ. Самуилъ тотчасъ сообщаетъ и ему свое ученіе.

Пришли въ свой монастырь. Здѣсь Самуила ждалъ новый тяжкій ударъ. Полученъ былъ „Духовный Регламентъ“¹⁾. Случилось такъ, что инквизиторъ тамбовскихъ монастырей Александръ велѣлъ именно монаху Самуилу читать братіи присланный Регламентъ, читать во время „трапезнаго яденія“...

Самуилъ Выморковъ, по окончаніи чтенія, дошелъ до такого изступленія, какъ самъ потомъ рассказывалъ, что готовъ былъ бросить „Регламентъ“ на полъ и тутъ же, въ трапезной, предъ лицомъ всей братіи, потоптать его ногами. Только присутствіе грознаго „инквизитора“ удержало его отъ поступка безумнаго. Но за то послѣ трапезы и чтенія Самуилъ успѣшилъ излить свои чувства и думы другу своему Степану.

— „Вотъ поминется мнѣ, говорилъ Самуилъ:—въ Кирилловой книгѣ именно написано, что антихристъ вся заповѣди святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ сокрушить, и своихъ заповѣданій заповѣсти держати, и вотъ то его заповѣданія... и то къ тому стало, какъ прочь отвести отъ монашества... бѣжнѣ изъ монастыря въ пустыню!“...

— Я въ твоёмъ мнѣніи тебѣ помощникъ, съ полною довѣренностью къ учителю отвѣчалъ Степанъ, и они оба положили покинуть навсегда монастырь, ограда котораго не могла укрыть ихъ отъ ненавистныхъ имъ „заповѣданій антихриста“.

Бѣгство рѣшено. Степанъ, подъ предлогомъ работы, ушелъ въ одно изъ подмонастырскихъ селъ. Самуилъ, между тѣмъ, „великое свое страшное сумнѣніе“ и причину своего бѣгства слѣшилъ изъяснить въ письменномъ воззваніи къ братіи.

„Увѣдалъ я—писалъ Самуилъ на полулистѣ „среднимъ письмомъ“, запершись въ своей кельѣ—увѣдалъ я отъ свѣтлыхъ писа-

¹⁾ Объ изданіяхъ „Духовнаго Регламента“ см. у Пекарскаго, т. II, стр. 520—528; 543—545; П. С. З. т. VI, № 4022. Духовный Регламентъ съ его прибавленіемъ распубликованъ, то есть разосланъ былъ по епархіямъ гораздо позже его составленія и напечатанія. Въ Тамбовѣ, наприимѣръ, означенный Регламентъ былъ полученъ въ маѣ 1723-го года.

ній, что попущеніемъ Божиимъ принялъ область антихристъ прельстити весь міръ, зане умножися нечестіе вездѣ и повсюду злая содѣвается“;... приводя затѣмъ нѣсколько мѣстъ изъ повѣсти изъ книгъ Ефремовой объ антихриствѣ, и слова писанія: „егда же узрите мерзость заупустѣнія, стоящую на мѣстѣ святѣ, тогда сущіи во Іудеи да бѣжать на горы“, Самуилъ разъяснялъ, что и онъ бѣжить по слову тому въ пустыню, затѣмъ виѣнялъ „печати антихристовой бытъ брадобритіе“ и много и долго еще писалъ, а все о томъ же возросшемъ въ лицѣ императора Петра антихриствѣ; воззваніе заканчивалось словами: „се Азъ съ вами есмь до скончанія вѣка, аминь“.

IV.

Самуилъ послѣдшій съ воззваніемъ къ другу и ученику своему Степану, въ подмонастырскую вотчину. Тамъ они вмѣстѣ прочли „письмо“, потомъ ушли въ монастырскій пчельникъ, гдѣ ихъ ждалъ знакомый нашъ монахъ Павелъ, и тутъ же друзья нашли двухъ другихъ монаховъ изъ своего монастыря, Киріона и Марка; первый былъ старъ и глухъ, второй безграмотенъ. Воззваніе было передано Павлу и онъ вслухъ прочелъ его всѣмъ предстоящимъ... Содержаніе его вызвало большіе толки и разсужденія между тремя друзьями; долго совѣтовались они, между прочимъ, о томъ, какъ и когда уйти въ горы. Необходимость бѣгства была признана.

— Я теперь, говорилъ Павелъ: — какъ на ножовомъ остреѣ, на которую сторону свалюсь, въ ту и пойду...

— Богъ-знаетъ, говорили между тѣмъ прочіе собесѣдники, отцы честные Киріанъ и Маркъ:—а мы токмо знаемъ, что Господи помилуй!

Молодой монахъ Степанъ, сильно возбужденный воззваніемъ Самуила и твердо рѣшившійся бѣжать, душою болѣлъ, что его родные въ Шацкѣ живутъ и гибнутъ въ слѣпотѣ ¹⁾, въ невѣдѣніи, что надъ ними властвуетъ врагъ Христовъ. Юноша молилъ своего учи-

¹⁾ Шатскъ или Шацкъ, съ 1779 г. уѣздный городъ Тамбовской губерніи, въ 158 верстахъ отъ Тамбова. Въ описываемое нами время, Шацкъ былъ провинціальнымъ городомъ Воронежской губерніи, см. Щекатова, т. VI, стр. 216—220.

теля написать въ Шацкѣ посланіе, просвѣтитъ невѣдущихъ. Учитель охотно согласился и писалъ къ роднымъ Степана нѣсколько писемъ, въ которыхъ разъяснялъ имъ о подлинномъ крестномъ знаменіи противъ старопечатныхъ книгъ и о прочемъ, то-есть объ остереженіи отъ антихриста. Письма, однако, не дошли по своему назначенію; люди, которымъ молодые пріятели вручили ихъ для доставки въ Шацкѣ, „присмотрѣли, что письма тѣ были безголовныя“, и ихъ изодрали.

По написаніи тѣхъ писемъ, отправился Самуилъ въ городъ; зашелъ на степи во дворъ тамбовскаго Казанскаго монастыря, заночевалъ здѣсь и не упустилъ случай къ пропагандѣ. Разговоръ длился у него съ однимъ монахомъ долго; слушатель съ своей стороны приводилъ свидѣтельства о рожденіи врага Христова. Подошелъ къ соборъ-сѣдникамъ іеродіаконъ Изосима, онъ незадолго предъ тѣмъ былъ въ Москвѣ.

— „Ну, какъ имѣется въ Москвѣ, началъ Самуилъ разспрашивать пріѣзжаго, — какъ ходятъ тамъ старообрядцы?“

— Ходятъ въ бородахъ и съ козырями, отвѣчалъ Изосима: — и носятъ особенное платье, а другимъ запрещено указомъ бороды носить, и платье носятъ нѣмецкое; раскольникамъ же приказано надзирать у воротъ и на кабакахъ у всякихъ сборовъ... ¹⁾

— Для чего книгу Ефремову и Соборникъ отставили? ²⁾

— Присланъ указъ, въ чемъ (то-есть въ чтеніи его и исполненіи) подписались игумены...

— „Теперича, перебилъ Самуилъ: — стало сущее невѣрствіе, знатно имъ, императору да синоду, Ефремъ-отъ пишеть въ противность... Онъ — не царь-отъ, Петръ, онъ антихристъ! сущую правду старообрядцы говорятъ, что нашего государя вѣтъ — онъ въ полону, а этотъ иной... Вонъ и царицу оставилъ, а другую поялъ... Надобно за то, что отставлены книги Ефремова и Соборникъ, умереть!“...

— Что тебѣ дѣйствовать, отвѣчалъ іеродіаконъ: — не надобно умирать, пропадешь душою и тѣломъ... А что точно чтеніе книги Ефрема и Соборника по церквамъ отставлены, часовни ломають, оклады образовъ — посодрали... и хотя не антихристъ онъ, импера-

¹⁾ См. указъ Петра I о раскольникахъ въ П. С. З., т. IV, № 2015; т. V, № 2874; т. VI, №№ 3914, 4084, 4041, 4121; т. VII, №№ 4245, 4266, 4596 и проч.

²⁾ „Соборникъ сі есть собраніе словъ правоучительныхъ и пр.“ изд. 2; печ. въ 1642, 1647 и 1700 гг.

торъ-то, потому и въ писаніи сказано: „нѣсть и не бывало еще на земли“ его, антихриста, — однако знатно по всему, что онъ предтеча антихриста...

Пришелъ Самуилъ на утро въ Тамбовъ, вошелъ въ домъ свой и объявилъ роднымъ и женѣ: „не хочу быть монахомъ у отступниковъ, хочу дома жить, да въ церковь не ходить и носить платье старообрядцевъ, и окладъ готовъ платить за это“...

Пришли пристава отъ инквизитора, арестовали Выморкова и привели въ Казанскій монастырь. Инквизиторъ вмѣстѣ съ игуменомъ Измаиломъ встрѣтили арестанта на крыльцѣ игуменской кельи. Взглянулъ на нихъ Самуилъ, вспомнилъ, что эти самые начальные люди подписались подъ указомъ о нечитаніи книгъ Ефремовой и Соборника, и не пошелъ подъ благословеніе.

— Для чего ты подъ благословеніе не идешь? закричалъ инквизиторъ.

— „А для чего вы, отвѣчалъ помолчавъ Самуилъ, обращаясь къ игумену: — для чего вы подписываетесь въ нечитаніи книгъ?“

— Не мы первые, отвѣчалъ тотъ; и архіерей въ началѣ подписались...

— Надо-тъ его отстегать плетью, говорилъ инквизиторъ: — за то, что подъ благословеніе не идетъ — пошлите сюда приставовъ съ плетью...

— „Въ духовномъ регламентѣ, говорилъ между тѣмъ игумену Самуилъ: — въ регламентѣ написано: проклятъ, кто жену покинулъ; я хотѣлъ-было себѣ спасеніе достигнуть — постригся, а нынѣ по (той) клятвѣ (регламенту) не хочу монахомъ быть, а хочу съ женою жить“...

— Ну, и скинь монашество, насмѣшливо отвѣчалъ игумень.

Самуилъ снялъ камизавку и положилъ ее на крыльцо... „Постригся я у отступниковъ“, думалъ онъ про себя: „и то постриженіе теперь отложу, уйду въ пустыню къ монахамъ въ горы и тамъ вновь постригусь“...

— Вотъ и дьяконъ сталъ, хохоталъ игумень: — дуракъ ты, дуракъ, въ регламентѣ написано: кто нынѣ покинетъ жену, тотъ проклятъ, а вѣдь ты уже монахъ! не бойся клятвы!...

Взялъ Самуилъ камизавку, надѣлъ ее и перекрестился по арменскому слаганію... „Ужъ (ничего не подѣлаешь), умру въ монахахъ“. Подошли пристава съ плетью и началось битье нещадное...

Висѣченнаго сдали подъ караулъ въ духовный приказъ, оттуда на утро перевели въ Казанскій же монастырь въ хлѣбню. Вчерашнее наказаніе было сильное—бѣднякъ стопаля.

— Что покряхтываешь? спросилъ его іеродіаконъ Изосима.

— „Бить плетью за укореніе игумена и инквизитора въ подписаніи о нечитаніи книги Ефремовой“.

— Не надобно было тебѣ укорять...

— „Духъ бодръ, а плоть немощна“.

Не былъ, однако, въ избытокъ тѣла и духъ бодръ; несчастный продолжалъ терзаться своими обычными тяжелыми сомнѣніями и, не вида исхода изъ нихъ, рѣшился укорить себя голодомъ... Дня съ два пролежалъ онъ въ монастырской банѣ безъ пищи, въ чаши—занучиться, наконецъ плоть одолѣла надъ духомъ, и Самуиль вкусилъ монастырскаго брашна и питія...

Изъ Трегуляевскаго монастыря явился за нимъ отъ Іосафа посланный. Самуила посадили, по приказу инквизитора, на цѣпь. Несчастный сидѣлъ на цѣпи много дней и сильно тосковалъ о томъ, что ему не удалось убѣжать изъ сѣтей антихристовыхъ. И отъ „великой своей ревности противъ антихриста и сумнительнаго страха“—сталъ Самуиль кричать злые слова въ хулу и поношеніе Петра I.

Впрочемъ, фанатикъ нашъ не пострадалъ за „злые слова“; дѣло въ томъ, что самъ игуменъ Іосафъ не только снисходилъ къ томящемуся на цѣпи монаху, но видимо раздѣлялъ его образъ мыслей о Петрѣ. По крайней-мѣрѣ, когда Самуиль и ему, игумену—впрочемъ съ глазу на глазъ—высказалъ свое мнѣніе о томъ, кто таковъ императоръ Петръ—Іосафъ отвѣтилъ только на это: „поди зѣвай на торгу (то-есть кричи на площади), а не здѣсь!“ Говорили они, на единѣ же, и о ненавистномъ имъ обоимъ духовномъ регламентѣ.

— „Мню я, говорилъ арестантъ:—до конхъ мѣстъ здравствуетъ государь, до тѣхъ мѣстъ и регламентъ будетъ, а какъ его не станеть, то и уничтожится“...

— Вотъ царь говорилъ, сказываютъ, сообщалъ отъ себя Іосафъ:—съ Степаномъ (Яворскимъ), съ митрополитомъ: я, молъ, сдѣлалъ регламентъ генеральный, а ты сдѣлай регламентъ духовный. насъ и будутъ поминать...

— „Государь-то императоръ, онъ пишется не просто, рассу-“

далъ между прочимъ съ игуменомъ Самуилъ:—и прежніе греческіе цари, какъ вычиталъ я въ книгѣ Баронія, писывались императорами“...

О чемъ шла еще бесѣда у Іосафа съ Самуиломъ, намъ неизвѣстно, но что первый не пыталъ ни малѣйшаго нерасположенія къ послѣднему, это онъ доказалъ, выхлопотавъ у инквизитора освобожденіе Самуила. „Ну, будешь ли безъ вѣдома изъ монастыря бѣгать?“—спрашивалъ послѣ того игуменъ Выморкова. Тотъ предъ образомъ „далъ вѣру“, что изъ монастыря безъ вѣдома уходитъ не будетъ. Іосафъ успокоился и, отправляясь въ городъ нѣсколько дней спустя, взялъ съ собою и Самуила, откуда и отпустилъ его одного въ монастырь. Въ тотъ же вечеръ Выморковъ сошелся съ друзьями своими, монахами Павломъ и Степаномъ, да съ жителемъ Сокольскаго уѣзда, бѣльцомъ, Захаромъ Лежневымъ, „молодымъ еще молодчикомъ“.—Долго и долго они бесѣдовали и объ общемъ злодѣѣ „антихристѣ“, и о томъ, какъ бы уйти въ горы „свои души спасать“, и всѣ-то четверо хвалили старопечатныя книги и радовались о нихъ и пѣли противъ тѣхъ книгъ тропари: „помилуй насъ, Господи. помилуй насъ!...“

Поздно ночью друзья, поужинавши, разошлись по кельямъ. Самуилу не спится, голова воспалена бесѣдой, и онъ идетъ на колокольню помечтать о своемъ побѣгѣ въ горы. Душа молодого монаха жаждетъ бесѣды, и все о томъ же „сумнительствѣ объ антихристѣ“, неотвязно днемъ и ночью преслѣдующемъ его.—Приходитъ на колокольню пономарь Іоаннъ. Самуилъ, съ обычною ему смѣлостью, начинаетъ говорить: „какъ намъ быть, вѣдь церкви-то божіи осквернены антихристовою скверною“... и отхватываетъ цѣлкомъ раскольничью рѣчь, вычитанную имъ въ служебникѣ, времяя царя Алексѣя Михайловича.

— Воля божья, отвѣчаетъ пономарь:—хотя и брѣдобритый (а пущай) ходитъ въ церковь, мы его покроемъ святою водою, такъ и ничего не будетъ.

Въ ту же ночь, на 29-ое іюня 1723 года, бѣжалъ Самуилъ въ степь. За нимъ послѣдовалъ и преданный ему монахъ Степанъ. А такъ какъ бродяжничество монаховъ въ то время строго на строго воспрещалось указами и безъ паспорта нельзя было выходить изъ монастыря, то Самуилъ самъ написалъ себѣ видъ и подписалъ его вмѣсто игумена Іосафа.

V.

Ночью бѣглецы пришли на пчельникъ близъ монастырской вотчины, не далеко отъ ихъ обители. Сюда же явился и Павелъ. — Пошли толки и планы о побѣгѣ. Степанъ и Самуилъ убѣждали Павла бѣжать съ ними, тотъ что-то все еще не рѣшался. Тогда друзья развернули книгу Ефремову и стали читать рѣчь, приведенную въ повѣсти объ антихристѣ, въ которой, между прочимъ, особенно останавливались на слѣдующемъ мѣстѣ: „егда же узрите весь міръ смущенъ и когжде бѣжаща скряться въ горы и о всѣхъ голодомъ умирающихъ и нинхъ жаждою истаящихъ, яко воскъ, и не будетъ попогающаго“ и проч. Все это мѣсто чтецы приводили въ подтвержденіе необходимости бѣгства.

— Я уже рѣшился, отвѣчалъ Павелъ:—но еще погожу...

На пути встрѣтился имъ монахъ изъ Преображенской пустыни Ефремъ. Бѣглецы не сочли нужнымъ скрывать отъ него, что пробираются въ горы къ какимъ-нибудь людямъ, чтобы укрыться у нихъ и жить тайно.

— Заѣзжайте вы, посовѣтовалъ имъ встрѣчный инокъ:—заѣзжайте на рыбную ловлю, тамъ есть у меня товарищъ, монахъ Варсонофій; скажите, что вы отъ меня, онъ васъ укроетъ, и вы меня тамъ дожидаетесь, а я съ вами готовъ самъ уйти хотъ въ Царьградъ...

На рыбной ловлѣ отецъ Варсонофій принялъ бѣглецовъ дѣйствительно радушно. Пробывъ они здѣсь, въ ожиданіи Ефрема, съ недѣлю и не потеряли время для пропаганды. Познакомилъ ихъ Варсонофій съ жителемъ деревни Бротки, бѣльцомъ Григоріемъ, и имъ обоимъ друзья наши съ обычнымъ жаромъ передавали свое ученіе, приводили свидѣтельства отъ писанія, учили креститься „противъ старопечатныхъ книгъ“. — Оказалось, что тѣ уже крестятся, по старообрядчески, и книги старопечатныя любятъ; тѣмъ не менѣе бѣглецъ Григорій до того былъ умиленъ поученіями Самуила и Степана, что сказалъ имъ:

— Слышите себѣ мѣсто гдѣ отъ меня не въ дальности, въ горахъ, и, вырывъ пещеру, живите въ тайнѣ; я васъ кормить готовъ, а въ даль не ходите; я бы самъ куда снюлъ, да жалъ жены и дѣтей.

Пришелъ, между тѣмъ, и новый пріятель нашихъ бѣглецовъ,

монахъ Ефремъ, и всѣ четверо: „многими униженными разговорами“ открыли ему все ученіе о явившемся антихристѣ; между прочимъ, Самуилъ ссылаясь въ подтвержденіе своего мнѣнія на Кирілову книгу, гдѣ сказано, что антихристъ явится подъ именемъ Симона-Петра, что царство его можетъ быть въ Римѣ и во Іерусалимѣ, „а въ Киріловой книгѣ, толковалъ Самуилъ:—помянется ииѣ, написано тако: или отъ Рима или отъ нкуда (?) такую восприниметь власть (антихристъ), и потомъ, и во Іерусалимѣ будетъ царемъ“...

— Такъ оно и будетъ, вполне согласился Ефремъ:—онъ, государь-то, Петръ, а при себѣ сдѣлалъ—синодъ, тоже стало и выходитъ: Симонъ да Петръ... А и креститься, заключилъ Ефремъ:—противъ старопечатныхъ книгъ я люблю и готовъ.

Увидалъ у новообращеннаго Самуилъ святцы новаго изданія, развернулъ ихъ, а на заглавномъ листѣ напечатана обыкновенная оголовка: „во славу Святныя Троицы и проч. повелѣніемъ всепресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго государя нашего Петра Великаго, императора и самодержца всероссійскаго, благословіемъ же святѣйшаго правительствующаго синода“... Не стерпѣлъ фанатикъ и, руководимый „безмѣрною ревностью и сумнительствомъ“, вырвалъ листъ изъ книги, „изщипалъ его и бросилъ въ рѣку“¹⁾.

— Напрасно ты это дѣлаешь, замѣтилъ Ефремъ.

— „Видѣть я того не хочу, горячился Самуилъ;—вѣдь вотъ содержитъ все онъ, государь, яко православный христіанинъ, а между тѣмъ, какъ ни на есть прельститъ онъ насъ и отведетъ отъ вѣры... Правду сказану въ повѣсти Ефремовой объ антихристѣ: „образъ приметъ истиннаго пастыря, да прельститъ овецъ стада“ и проч., а и Григорій Назіанзинъ что пишетъ: „внезану превозстанетъ и возцарствуетъ и возлицемѣрствуетъ благостиню и потомъ поженетъ церковь Божию“ и проч.

Проповѣдникъ съ сотоварищемъ собрались въ путь, идти дальнѣе искать „спасеніе душъ своихъ“. Между тѣмъ, какъ пропаганда Самуила и Степана шла такимъ образомъ довольно удачно и они находили радушный себѣ пріемъ, сотоварищъ ихъ, монахъ Павелъ,

¹⁾ Достоинно вниманія, что и книгъ старообрядцы, не всегда имѣя возможность имѣть старопечатныя книги, пользуются и тѣми изданіями, какъ напримѣръ, Четыхъ-Минееми, которыя изданы по благословенію синода, но въ такомъ случаѣ заглавный листъ всегда вырывается старообрядцами.

(1866 г.)

рѣшился наконецъ также бросить монастырь и въ началѣ іюля 1723 г. прибилъ къ воротамъ монастыря какіе-то „листы“, какъ кажется хулительныя, и бѣжалъ въ степь. — 8 іюля листы были замѣчены, и одинъ подьячій, дядя Выморкова, призналъ въ прибитыхъ письмахъ, неизвѣстно по какимъ „прикѣтамъ“, сочиненіе Самуила...

Сочинитель въ это время, сопровождаемый Степаномъ, шелъ къ казачьимъ городкамъ. — Путь далекій; идуть, да бесѣду ведутъ.

— „Хотѣлъ было антихристъ, рассказываетъ Степанъ; — въ патріарха поставить кievскаго митрополита. Вотъ и привели его въ соборную церковь ставить, а митрополитъ говоритъ: дай мнѣ, чтобъ были старопечатныя книги — и буду патріархомъ, а ежели не такъ, не хочу. А антихристъ-то, въ отвѣтъ на то, выхватилъ палашъ и замахнулся на него (митрополита), да какъ замахнулся, такъ и упалъ на него... Знато за то случилось съ нимъ это, заключилъ Степанъ: что онъ, антихристъ, не можетъ о старопечатныхъ книгахъ слышать... благодать божія за это самое и ушибла его, а поднялъ его Александръ Меншиковъ, и по поднятіи молвилъ антихристъ ко всѣмъ: не будетъ вамъ патріарха!...“

Бесѣду такимъ образомъ, друзья пришли въ Добринскую станицу. Остановились на нѣсколько дней у попа. Степанъ съ найма работалъ подневно у казаковъ, Самуилъ же „съ крѣпкимъ вниманіемъ“ читалъ старопечатныя служебникъ и требникъ, да ходилъ съ попомъ въ церковь, къ службѣ божіей. — А по вечерамъ оба друга, „присмотря кого либо изъ препростыхъ людей, изъ бурлаковъ“, открывали имъ ученіе свое объ антихриствѣ.

— „Всѣмъ бо имущимъ боговидѣнія и разумъ, говорилъ Самуилъ Степану, приступая къ просвѣщенію препростыхъ бурлаковъ: — тогда разумно будетъ пришествіе мучителево, а имущіе умъ свой присно вещи житія сего и любящимъ земная неразумно будетъ пришествіе мучителево, аще и услышатъ слово, но не имутъ вѣрн и вельми имъ омерзятъ глагола“ — по словамъ снмъ Ефремовичъ въ повѣсти объ антихриствѣ, поучалъ Самуилъ друга своего, „инымъ людѣмъ и сказывать того не надлежитъ, за тѣмъ, что не повѣрятъ“...

На этомъ основаніи пропагандисты начали вести свои поученія болѣе осторожно; такъ, открывая свѣтъ препростымъ бурлакамъ, удерживались отъ откровенности въ разговорахъ съ попомъ Добринской станицы; впрочемъ, поплъ понравился имъ, между прочимъ, тѣмъ, что на ектеніяхъ императора называлъ императоромъ.

— Прямой императоръ, пояснилъ нашимъ пріятелямъ попъ: — не мало онъ людей—перетеръ...

И любо то было объясненіе Самуилу и Степану.

Пришли они въ Урюпинскую станицу, вечеромъ въ субботу; въ церкви шла вечерня, и какъ сталъ попъ возносить въ ектеніяхъ титулъ государя, по положенной формѣ, и Самуилъ со Степаномъ не выдержали. „Мерзко имъ было слышать то и они стали харкать и плевать“, то же дѣлали на заутрени и часахъ, и поспѣшили уйти изъ этой станицы.

Въ Тепинкинской станицѣ путники познакомились съ иконописцемъ, казакомъ Аеанасьевымъ. Самуилъ занялся у него тканьемъ, а Степанъ пошелъ у казаковъ работать изъ поденной платы; ночевывали же они вмѣстѣ на найданѣ; здѣсь по вечерамъ разясняли нѣкоторымъ казакамъ и бурлакамъ, что царствуетъ нынѣ антихристъ. Слушали ихъ простые люди съ вѣрою и умилениемъ, и только однажды одинъ изъ нихъ замѣтилъ проповѣдникамъ:

— Кому бы не служить, лишь бы насъ жаловали!...

Въ Тепинкинской станицѣ Самуилъ, къ великому своему сожалѣнію, долженъ былъ разстаться съ спутникомъ: Степанъ сильно заболѣлъ и боялся умереть въ „мірскихъ домахъ“. — Выиорковъ купилъ ему лодочку, написалъ подорожную отъ игумена Іосафа въ другой монастырь, а иконникъ Аеанасьевъ далъ грамотку, благодаря которой больной могъ найти себѣ пріютъ у одного „трудника“, спасавшагося гдѣ-то на берегу Дона, въ пустыни.

VI.

Съ отъѣздомъ вѣрнаго спутника и друга, Самуилъ вдругъ измѣняется въ образѣ мыслей своихъ объ антихристѣ. Причиною тому было то, что новый знакомый его, иконникъ Аеанасьевъ, первый взялъ на себя трудъ разяснить молодому монаху его заблужденіе.

Задумался Самуилъ, взялъ прологъ, сталъ читать съ обычнымъ вниманіемъ¹⁾. „Сумнительство“ его стало мало по малу разсѣваться: „буди такъ—думалъ монахъ, все то это хорошо, только про-

¹⁾ О прологѣ и редакціяхъ его, см. „Москвитинъ“ 1846 г. № 11 и 12, „Библиографич. разсказанія“ Ундольскаго, стр. 206—208.

тивно имѣ брадобритіе и что все то творять не противъ старопечатныхъ книгъ"...

Тѣмъ не менѣе на Самуила произвели сильное впечатлѣніе объясненія иконника; повелѣ онъ съ нимъ разговоры многіе, а всѣ-то тѣ разговоры были, какъ онъ самъ потомъ рассказывалъ, про его императорское величество. Аѳанасьевъ развивалъ доказательства тому, что Петръ никакъ не можетъ быть антихристомъ. Къ сожалѣнію, бесѣды эти не дошли до насъ. Какъ бы то ни было, но толкованія Аѳанасьева произвели на необыкновенно воспримчивую натуру Самуила самое сильное впечатлѣніе; досталъ онъ скорѣ послѣ того Соборникъ, прочиталъ въ немъ со вниманіемъ нѣкую повѣсть, и обрадовался, и какъ самъ впоследствии времени рассказывалъ: „прежнюю хулу свою на государя и вполонинѣ страшился принять, и о прежнихъ хулахъ искренно соболѣзновалъ“.

Разбитый въ доводахъ своихъ объ антихриствѣ, Самуилъ встрѣтилъ зато въ той же казацкой станицѣ единомысліе по вопросу о крестномъ знаменіи. Одинъ казакъ на толки Самуила по сему предмету замѣтилъ:

— Былъ я въ полону у турокъ, и ушелъ отъ нихъ на Кубань, и на Кубани есть два монастыря, и тамъ мнѣ одинъ начальной (человѣкъ) о крестѣ казалъ книгу, и противъ той книги по перстамъ мнѣ рассказывалъ: въ трехъ перстахъ замыкается сатана; не крестись такъ, живи у насъ, мы—благодаримъ Бога—живемъ хорошо... Я остаться не согласился. И какъ придешь домой, приказывалъ мнѣ тотъ же начальной: къ полу не ходи, насадить (онъ) тебѣ тридцать бѣсовъ, ты и въ годъ не отмолишь...”

Но знакомый уже намъ иконникъ Аѳанасьевъ, казакъ вполне православный, совершенно чуждый раскольниковыхъ мнѣній, услышавъ отъ Самуила „сумнительство его о крестномъ знаменіи“, сталъ спорить съ нимъ и по этому пункту; онъ повелѣ рѣчь про Никона патріарха, да про воронежскаго архіерея Митрофана... „А того Митрофана, говорилъ Аѳанасьевъ, государь самъ погребалъ, и они крестились первыми тремя перстами, ужъ-то и Богу пріятно, потому нинѣ и ноши ихъ нетлѣвны...” И много, и долго говорилъ еще казакъ-иконникъ, и Самуилъ повѣрилъ его доводамъ, „замерзлое свое сомнѣніе все отложилъ и сталъ крестъ полагать во образъ пресвятія Троицы первыми тремя перстами“...

Съ „отверстыми очами“ на всѣ свои заблужденія, шелъ Самуилъ

изъ Топкинской станицы въ Островскую. Здѣсь жилъ родной братъ его, у котораго онъ и остановился. Къ брату хаживалъ поныѣ той станицы, отецъ Григорій; познакомился онъ съ Самуиломъ и разговаривался.

— „Заѣзжалъ ко мнѣ—сообщилъ отецъ Григорій—недавно въ гости поныѣ изъ Царицына, или изъ Карамышенки; заѣзжалъ онъ съ игуменомъ Спасскаго монастыря, что на Усть-Медвѣдицѣ, и сказывалъ мнѣ: присланъ-де указъ изъ синода; чтобы служить на опрѣснокѣ. Богъ знаетъ, добавилъ отецъ Григорій:—какъ тутъ бытъ? отложить што-ли (дождаться?) покаместъ что будетъ?... А мнѣ и во снѣ видѣлось: пришелъ ко мнѣ въ церковь нѣкакой господинъ, будто со опрѣснокомъ, и будтожъ прилучился тутъ къ служенію Спасскій игуменъ, да Распопинскій поныѣ Павелъ, и я, да приноситель тотъ, кому-то молвили: „сотвори волю цареву!“ и они будто на томъ опрѣснокѣ и служили, и причащались, но я не причащался, и то вылилъ“...

Фантастическій рассказъ отца Григорья „не соблазнилъ“, однако, на этотъ разъ молодого монаха; въ книгѣ „Увѣтъ духовный“, которая попала къ нему въ Островской станицѣ подъ руку, Выморковъ нашелъ много „примѣровъ“ противъ раскольниковыхъ заблужденій, и той книгѣ повѣрилъ, и укрѣпился.

Прошло три мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ Самуилъ сталъ искать „спасенія души“ въ бродяжничествѣ по казачьимъ станицамъ. Теперь, когда голова его прояснилась, онъ, весь отдаваясь новымъ идеямъ, сталъ подумывать о возвращеніи въ среду монастырской братіи; но страшась наказанія за самовольную отлучку, Самуилъ отправился сначала въ Мигулинскій монастырь, гдѣ въ кельѣ дяди своего родного, нѣквизитора Никодима, провелъ почти четыре мѣсяца, по конецъ января 1724 года, занимаясь чтеніемъ тѣхъ книгъ, какія розыскалъ въ дядиномъ чуланѣ. Особенно благотворно на него подѣйствовало внимательное чтеніе: „Соборнаго дѣянія, бывшаго въ Кіевѣ, на еретика монаха армянина Мартина“¹⁾. Всѣ прежнія сомнѣнія молодого подвижника о крестномъ знаменіи разсѣялись; въ другихъ книгахъ, въ Соборникѣ и проч. онъ нашелъ подтвержденіе доводовъ иконника Аванасьева, и конецъ концовъ всего этого было

¹⁾ „Соборное дѣяніе кіевское, на армяннаго еретика Мартина“... Ц. печ. Слб. 1718—1719 гг. Печар., т. II, стр. 400—402, 408, 469. Архивъ Макаріи: Ист. Нижегород. іерарх. Слб. 1857, стр. 40—43.

то, что Самуилъ, отдавшись, съ обычнымъ ему увлеченіемъ, новому направленію своихъ мыслей, съ великою ревностью и желаніемъ сталъ ходить въ церковь, казался о нимошедшемъ невѣдѣнн, о томъ, что въ церковь не хаживалъ, и хули испущалъ мерзкія на императора словомъ, умомъ и помышленіемъ...

20 января 1724 г. Самуилъ оставилъ Мигулинскій монастырь; въ Спасской обители онъ провелъ затѣмъ три дня и прочиталъ здѣсь „Пращицу“ противъ раскольниковъ, соч. епископа Питирима нижегородскаго ¹⁾. Эта книга еще болѣе разсвѣляла туманъ, наполнившій голову молодого человѣка. Первый порывъ его былъ розыскать друга своего Степана, нѣкогда введеннаго имъ въ заблужденіе, и отвратить его отъ прежнихъ мнѣній. Съ этою цѣлью Самуилъ сталъ разспрашивать монаха Спасскаго монастыря Іонилъ: не слыхалъ ли онъ про того „трудника“, у котораго живетъ Степанъ? Оказалось, что Іонилъ знаетъ урочище, гдѣ спасается тотъ „трудникъ“, потому къ нему много ходитъ народу, и Самуилъ сталъ умолять Іонилъ, чтобъ онъ передалъ отъ него Степану просьбу: „все сумнѣніе свое отложить, послушаться его и возвратиться въ свой монастырь“.

Послѣдній поступокъ какъ нельзя лучше обрисовываетъ предъ нами Самуила. Это—весь увлеченіе, очень часто ошибочное, но всегда искреннее... Всякой идеѣ, охватившей его голову, всякой идеѣ, выработанной въ его головѣ чтеніемъ ли, бесѣдой ли съ людьми, которыми онъ почему либо довѣрялъ, онъ предается со всею страстью, спѣшитъ ее передать другимъ, осуществляетъ ее на дѣлѣ, жертвуетъ для нея всеми благами своей жизни, смѣло идетъ на встрѣчу всякимъ лишеніямъ и бѣдствіямъ, и такъ же круто, горячо, искренно оставляетъ свои заблужденія, когда разумное слово или дѣльная книга указываетъ ему ихъ...

Такъ и теперь: знаетъ онъ очень хорошо, что съ возвращеніемъ его въ Трегуляевскій монастырь онъ неминуемо подвергнется по меньшей мѣрѣ нещадному наказанію „шелепами“ и аресту на цѣпи, что для него гораздо было бы безопаснѣе ходить по казачьимъ станциямъ, либо пробраться дальше, въ горы — но онъ убѣдился, что душевное спасеніе вполне возможно получить и въ стѣнахъ того

¹⁾ О „Пращицѣ“, см. у Макарія: стр. 76—78. Пекарскій, томъ II, стр. 507—512. Пращица издана впервые въ 1721 г.

монастыря, откуда онъ бѣжалъ, что царствіе антихриста еще не настало, что безбоязненно можетъ ходить въ церковь и съ брадобритыми, что, наконецъ, въ трехъ первыхъ перстахъ, складываемыхъ для крестнаго знаменія, вовсе не сидитъ сатана—а потому и спѣшить возвратиться въ свою обитель.

На обратномъ пути въ Тамбовъ (Самуилъ возвращался казачьими городками) нашъ молодой подвижникъ вездѣ и всѣмъ старается, „елико сила его постигла“, всѣхъ отъ „сумнительствъ“ отговорить и „сумнительства“ исправить.

Въ мартѣ 1724 г. Самуилъ вернулся въ Трегуневскій монастырь и первое, что поспѣшилъ сдѣлать, это разубѣдить тѣхъ монаховъ, которые, слыша иногда его хулы на Петра I, въ тайнѣ, какъ казалось ему, увѣровали въ справедливость его ученія объ антихристѣ.

VII.

Блудную овцу побилъ игуменъ „шелепани“ и опредѣлилъ въ монастырь, по прежнему. Иосафъ не лишилъ молодца и прежней своей благосклонности: въ поѣздку свою въ Раненбургъ, на ярмарку, онъ взялъ его съ собою и отсюда послалъ его въ Сокольскій уѣздъ для сыску бѣглаго монаха Павла. Самуилъ, какъ всѣ впашіе въ расколъ, и потому искренне оставившіе его, радъ былъ просвѣтить очи заблуждавшихся виѣстѣ съ нимъ; онъ съ полною готовностію отправился розыскивать Павла, съ цѣлію убѣдить его возвратиться въ монастырь. Нашелъ онъ Павла въ лѣсу, поселился онъ тамъ въ вырытой имъ самимъ пещерѣ, жилъ во трудѣхъ, спасая душу свою съ боярскимъ сыномъ, Захаріемъ Макаровичемъ Лежневымъ, и тремя товарищами, простыми мужиками. „Премногими разговорами“ сталъ приводить Самуилъ своего бывшего сотоварища Павла „ко истинной вѣрѣ“, но тотъ и слушать не сталъ—убѣжалъ отъ него; тогда проповѣдникъ отправился въ пещеру къ Лежневу, и „многими пѣрами разговаривалъ съ нимъ и его сожителами, отводя ихъ отъ суетвѣрія и обращая къ истинѣ“. Увѣщаніе и тутъ не увѣчалось успѣхомъ: Захаръ твердо стоялъ на томъ, что въ лицѣ Петра I водарился антихристъ. Тщетно Самуилъ показывалъ ему книгу Стефана Яворскаго, „выговаривалъ отъ оной, а также и отъ

другихъ книгъ довольно“, что антихристъ—не Петръ, но—никого своими доводами „отъ книгъ“ къ истинѣ не превратилъ, съ тѣмъ и вернулся проповѣдникъ пашъ къ своему игумену. Только спустя нѣкоторое время, Павла съ товарищами розыскали другіе люди и привели подъ карауломъ въ Тамбовъ. Здѣсь Самуилъ раскрылъ другу своему его заблужденіе и написалъ за него „обратительное доношеніе“, которое и представилъ въ духовный приказъ. Вѣтъ можетъ, благодаря „расскаянному письму“—власти удовольствовались относительно Павла только тѣмъ, что заурядъ съ его дѣсными товарищами, сдѣлали имъ всѣмъ внушеніе батогами и водворили на прежнія мѣста жительства. Самуилъ продолжалъ усердно опровергать тѣ ложныя толкованія, которыя дѣлали нѣкоторые изъ его со товарищей при чтеніи священныхъ книгъ. Такимъ борцомъ противъ разсужденій, „къ поношенію чести превысокихъ особъ клонящихся“, явился онъ, между прочимъ, и въ слѣдующемъ случаѣ: въ поѣздкѣ его изъ Раненбурга въ дѣсь, для еяску заблудшаго монаха Павла, сопровождалъ его сынъ игумена Трегуляевскаго монастыря, поплъ села Избердей — Антипъ Ивановъ. По возвращеніи, поплъ Антипъ съ Самуиломъ стали читать извѣстную книгу Стефана Яворскаго объ антихристѣ и дошли до мѣста, гдѣ приведена выписка изъ апокалипсиса: „сидитъ жена любодѣйца на седьми холмахъ, въ руцѣ держитъ чашу пїяна кровью святыхъ“ и проч. Антипъ сталъ изъяснять ту рѣчь по своему: „это — государыня, Екатерина Алексѣевна, сидитъ на седьми холмахъ—на седьми смертныхъ грѣхахъ!“

— „Я самъ прежь сего былъ въ сумнѣніи, отвѣчалъ Самуилъ:—и бѣгалъ, и бѣсилъ, и мыслилъ, что та жена нынѣшняя царица, императрица Екатерина Алексѣевна; но теперь вижу, что все то, конечно, неправда и все свое сумнѣніе въ томъ отложилъ“...

„Съ отложенными сумнѣніями“ прожилъ бы Самуилъ въ своей обители спокойно до маститой старости и не возмущили бы его толки и бредни невѣжественныхъ монаховъ, поповъ и всякихъ бабъ. Но судьба предназначила ему другую долю въ жизни: она вызвала его изъ мирнаго монастыря и вдругъ, неожиданно-негаданно, перенесла въ Москву, поставила лицомъ къ лицу съ плодами Петровскихъ реформъ, представила ему все общество, всю среду, непосредственно вынесшую на себѣ удары преобразовательнаго рѣзца и потому сильно измѣнившуюся въ бытѣ и обычаяхъ своихъ противъ завѣтной старины... Судьба та была не что иное, на этотъ разъ, какъ одинъ

изъ указовъ государя, присланный изъ московской духовной канцеляріи, которыми въ сентябрѣ 1724 года призывались молодые, грамотные и способные монахи изъ всѣхъ монастырей въ школы. Инквизиторы поспѣшили сдѣлать на мѣстахъ распоряженія о немедленномъ исполненіи указа суроваго монарха, и въ томъ же сентябрѣ мѣсяцѣ 1724 года изъ Трегубовскаго монастыря наряжено въ Москву четверо монаховъ, въ томъ числѣ былъ и Выморковъ.

— „Прощай, говорилъ Самуилъ, придя въ Тамбовъ проститься съ женой: — не столь изъ сожалѣнія къ тебѣ, сколь подтверждаю законъ Божій, молю тя, замужъ не ходи! потому, еслибъ ты письмо распускаго не дала, то нѣтъ ничего, а коли дала ты письмо, да посягнешь замужъ, и въ томъ сотворишь ты прелюбодѣйство!...“

— Я бѣ постриглась, говорила молодая женщина; — да не велятъ...

Вѣдутъ молодые грамотники уму-разуму набираться въ московскую школу; не чинятся, ведутъ рѣчи о разныхъ разностяхъ.

— Сказываютъ, толкуетъ іеродіаконъ Корнилій своимъ спутникамъ: — сказываютъ, когда былъ патріархъ, и на вербной недѣлѣ важивали у нихъ, патріарховъ, лошадей государи, и какъ здравствовалъ государь царь Іоаннъ Алексѣевичъ, въ такое время приказывалъ брату своему, Петру Алексѣвичу: „ступай-де со мной, веди у патріарха лошадь!“ и братъ-то Петръ не повелъ, а Іоаннъ Алексѣевичъ и ударилъ его за то: „сіе уставили святые отцы, сказалъ старшой-то братъ меньшому, а ты того не хочешь дѣлать“. „Дай только нѣтъ сроку, отвѣтствовалъ на то Петръ: я эту переведу!“ Да вотъ и точно, по своему и перевелъ... Опять тожъ слышно, продолжалъ калякать Корнилій: что велятъ молодымъ монахамъ растригаться: напрасно онъ такъ дѣлаетъ, не бережетъ онъ душъ христіанскихъ! А надлежало бѣ такъ поступать: ежели бѣ кто хотѣлъ растригаться, и тѣхъ бы надобно въ кострѣ жечь...

Фанатическіе толки Корнилія не баламутили однако теперь Самуила: въ немъ еще свѣжи были вычитанные имъ доводы изъ разныхъ „правовѣрныхъ“ книгъ противъ подобныхъ заблужденій, и онъ спѣшилъ отвѣчать Корнилію далеко не такъ, какъ тотъ, быть можетъ, надѣялся:

— „Напрасно ты такъ говоришь, повторялъ Самуилъ: — что-де надо желающихъ выйти изъ монашества жечь въ кострахъ. Я самъ

видѣлъ въ уставѣ напечатано: „буде кто не хочетъ быть монахомъ, велѣно монашество снимать и игумену съ монахи“.

— Богъ знаетъ, чему нинѣ вѣрить...

— „Я и въ старопечатныхъ книгахъ о томъ же видѣлъ именно... подтверждать Самуилъ. — Такъ растрись-то, коли не желаешь быть монахомъ—все не грѣхъ, а вотъ грѣхъ... Чего онъ царицу-то постригъ, а иную взялъ?—это—точно грѣхъ. Потому, читалъ это я въ Миней-Четьѣ житіе Θεодора Студита, и тамъ именно повѣствуется, какъ-де въ бытность его Θεодорову царь (а какой по имени—не упомяну)... такъ царь-отъ такожде—какъ нонѣ нашъ государь—постригъ жену свою, а иную взялъ... И Θεодоръ Студитъ его въ томъ грѣхѣ изобличалъ не мало, за что по ревности своей претерпѣлъ изгнанье и заточеніе... Ну да, продолжалъ Самуилъ:—вось (авось) уже та (первая жена Петра) и умерла, а мы становимъ о здравіи и о спасеніи его императорскаго величества Бога молить¹⁾...“

Последнее „сумнѣніе“, Самуила въ грѣхѣ Петра было не весьма велико и вскорѣ, когда довелось ему прочесть судное печатное дѣло царевича Алексѣя и инокини Елены (Авдотьи Лопухиной), то и

¹⁾ Судьба царицы Авдотьи (Лопухиной) въ высшей степени трогала и занимала ея современниковъ, главнымъ образомъ простой народъ. Толки о ней постоянно ходили въ народѣ и во многихъ дѣлахъ того времени, вершавшихся въ преображенской канцеляріи въ Москвѣ и въ тайной въ Спб., имя царицы Авдотьи встрѣчалось въ связи съ какою-нибудь сложеною о ней легендою или отъ лица ея рѣчью. Но что всего интреснѣе, это то, что народъ сохранилъ о ней воспоминаніе въ трогательной пѣснѣ, которая еще въ нынѣшнемъ столѣтіи пѣлась народамъ. Вотъ эта пѣсня, какъ она передана г. Подсосовымъ въ „Записк. Акад. наукъ“ 1864 г., т. V, кн. II, стр. 206:

Постригись, моя жена не милая,
Ты носилась, моя жена постылая,
За постриженіе тебѣ тамъ сто рублей,
За носхиленіе—всея тысячу.
Я поставлю тебѣ нову келіюку,
Я на судальской, славной дороженькѣ,
Чтобы пѣшіе шли, конные ѣхали
На твою келію дивовалися:
Что это во полѣ за келіюка,
Что это въ келіюкѣ за монашенка?
Отчего она пострижена,
И пострижена, и носхилена?
Отъ отца ли она, или отъ матери,
Отъ дружка ли она отъ любезнаго,
Или отъ мужа отъ ревниваго?..

приведенное сумнѣніе вовсе разсѣялось; онъ согласился съ тѣмъ, что государь имѣлъ вполне право развестись съ своей первой женой.

Такимъ образомъ чистый, неповинный уже не въ какихъ предосудительныхъ, „къ хулѣ ихъ величествъ“ клонящихся, мнѣніяхъ, явился монахъ Самуилъ въ первопрестольную столицу.

Явились всѣ четверо въ духовную декастерію; тамъ на нихъ начальство посмотрѣло и велѣло ѣхать назадъ въ свой монастырь до новаго указу.

Трое изъ прибывшихъ трегуляевскихъ монаховъ, какъ кажется, съ радостію выслушали то приказаніе и поспѣшили отправиться восвояси, но Самуилъ не раздѣлялъ ихъ радости. Напротивъ того, влекомый сильнымъ желаніемъ учиться, онъ подалъ въ декастерію письменное доношеніе, чтобъ его помѣстили въ школу. Просьба была исполнена, и монахъ Самуилъ опредѣленъ въ школьное ученіе въ Спасскій монастырь; жить же и нѣтъ пропитанье молодой сподвижникъ школьнаго ученія долженъ былъ въ одномъ изъ чулановъ Богоявленскаго монастыря, за ветошными рядами; въ одной кельѣ, раздѣленной деревянными перегородками на чуланы, Самуилъ водворенъ былъ съ другими обучавшимися тоже въ школѣ молодыми людьми: іеродіакономъ Савватіемъ и іеромонахомъ Петромъ. Знаменитый Богоявленскій монастырь вообще былъ довольно великъ, и монаховъ, разныхъ степеней, было въ немъ болѣе тридцати, да служителей болѣе десятка.

VIII.

Самуилъ явился въ Москву, какъ мы видѣли, съ душою пылкою, умомъ, алкавшимъ пищи духовной, разумной, человѣкомъ глубоко религіознымъ и вообще съ нравственно-чистою натурою. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ думалъ въ Москвѣ найти многое, если не все, хорошее, предъ которымъ бы онъ могъ удивляться, чему могъ подражать и учиться... Москву онъ считалъ святынею; она свята была въ его глазахъ и древними, благочестно жившими здѣсь государями, и святою подвижническою жизнью многихъ мужей, и наконецъ благочестіемъ всего народа; мы уже видѣли, съ какою жадностію онъ разспрашивалъ въ бытность свою еще въ Тамбовѣ у пріѣзжаго изъ Москвы о жизни ревнителей православія... То ли же нашего поло-

дой человекъ, что ждалъ въ первопрестольной Москвѣ? Къ несчастію его, далеко не то, и первое, что не могло не поразить его — это грубость, дикость, невѣжественность той среды, въ которую введенъ онъ былъ распоряженіемъ духовной декастеріи. Быть монахомъ Боголюбленской обители въ глазахъ его являлся грубѣе и гораздо порочнѣе быта сотоварищей его по Трегуляевскому монастырю. Въ монастырѣ шло разливное море: „пьянства и всякаго развратія, какъ-то мясождѣнія, срамословія, блуда...“ Одноколейники Самуила — іеродіаконъ Савватій и іеромонахъ Петръ зачастую бывали „шумны“, то есть прихватывали хмѣльное, къ тому жъ далеко не были и грамотѣйши; такъ они, будучи малороссами по происхожденію, (великорусской) скорописи не знали. Итакъ товарищество выдалось Вьморкову незавидное. Что касается начальства, то архимандритъ монастыря Іоакимъ не пользовался уваженіемъ братіи: въ монастырѣ по нѣскольку лѣтъ проживали бродяги, пришлые Богъ-вѣсть отколь монахи; тѣ и другіе изъ братіи перѣдко уклонялись церковной службѣ — Іоакимъ сажалъ таковыхъ на „чепъ“, а тѣ во всеуслышаніе поносили его соромскою, неудобосказываемою бранью... Іоакимъ, въ свою очередь, не прочь былъ выругаться, и однажды даже рѣзко выразилъ свое мнѣніе о Петрѣ І-мъ, назвавъ его ни больше, ни меньше — какъ „чортонъ“.

Въ самомъ городѣ, въ средѣ духовенства, какъ свѣтскаго, такъ и чернаго (а съ тѣмъ и другимъ монаху Самуилу довелось безпрестанно бывать въ сношеніяхъ съ перваго же часа своего пріѣзда въ столицу), стояла большая рознь во мнѣніяхъ относительно преобразованій Петра І-го вообще и въ особенности относительно мѣръ его, касавшихся быта духовенства, монашества, а также устройства церкви. Большая часть духовнаго сословія, къ немалому, безъ сомнѣнія, изумленію Самуила, питала непримиримую ненависть не столько къ самому государю, сколько къ дѣятельнымъ сподвижникамъ его въ преобразованіяхъ по дѣламъ русской церкви: Θεодосію Яновскому, архіепископу новгородскому, и Θεофану Прокоповичу, архіепископу псковскому... На нихъ смотрѣло большинство тогдашняго духовенства какъ на главныхъ виновниковъ тѣхъ бѣдствій, которыя будто бы претерпѣвала тогда православная вѣра и о которыхъ нѣсколько лѣтъ спустя такъ вопіялъ одинъ изъ „подвижниковъ православія“:

— „Θеофанъ — ученѣмъ, а Θεодосій — смѣлостью и дерзновеніемъ великимъ начали явно всю святую церковь бороть и вся ея догматы

и преданія разрушать и превращать, и безбожное лютерство и прочее еретичество вводить и вкоренять, и тогда весьма отъ нихъ было въ народѣ плачевное время. Учили бытъ вездѣ противу благочестія безопасныя бесѣды, и кто каковое хотѣлъ, на церковь поношеніе говорилъ, и всякое развратное и слабое житіе ниѣти, учили смѣло, и такъ тогда поносима и вончитожаема святая церковь со всѣми догматами своими, и уставами, и преданіями была, что всякое благочестивое христіанское доброе дѣло единымъ словомъ—суевѣріемъ называемо было, и кто въ нихъ, въ еретикахъ, былъ пущемъ пьяница, и нахалъ, и сквернословъ, и шутъ, тотъ званъ и виѣняемъ въ простосердечнаго и благочестиваго человѣка..... кто же хотя мало постникъ, или воздержникъ и богомольный человѣкъ, то у нихъ званъ былъ раскольщикомъ, и лицеѣромъ, и ханжой, и безбожникомъ, и весьма не добрымъ человѣкомъ..... и чуть не весь монашескій чинъ превратили (Ееоодосій и Ееоофанъ) въ самое безстрашіе и слабость таковую, что многіе..... пьянствуютъ и мясо сплошь ядятъ, и виѣсто книгъ въ кельяхъ и церквахъ табакерки въ рукахъ держать, и непрестанно прошекъ нюхаютъ. Да его-жъ, Ееоофана, и товарищей его..... еретическимъ тѣнаніемъ въ новосозданныхъ печатныхъ книгахъ (между прочимъ въ Регламентѣ духовномъ) на святую церковь нестерпимыя хулы, и многія ереси обрѣтаются..... и кон превеликія досады, и гоненія тѣ еретики и озлобленія церкви святой чинили, весь Россійской благочестивой народъ плачущими очима съ болѣзнію сердца видѣлъ, и о всемъ еретическомъ злодѣйствіи довольно вѣдаетъ. Во всемъ бо государствѣ часовни разорили, иконы святныя изъ нихъ безчестно вывезть велѣли, а гдѣ часовенныя каменныя стѣны остались, тамъ, виѣсто молитвъ и псалмопѣнія, и каноновъ, табаконъ и прошекъ торговать и бороды брить поустили! чудотворныя иконы, отвсюду забравъ, на гнойныхъ телегахъ, подъ скверными рогожами... явно во весь народъ, увозили... всецѣлне монастыри разорять, изъ нихъ монаховъ въ другіе монастыри жить переводить, а церковныя всякія другія вещи и монастырскую казну забравъ, по себѣ, на свои роскоши, на дорогіе наиптки, на музыки съ танцы и на карты съ товарищи, употребляли; молодымъ монахамъ жениться и молодымъ монахинямъ занужъ посвятъ благословляли... и иное злодѣйство отъ сонмища ихъ еретическаго!!¹⁾.

¹⁾ Дѣло о Ееоофанѣ Прокоповичѣ, въ Чтен. общ. истор. и древн. М., 1862 г., кн. 1, стр. 3 и 4; см. также: „Рѣшительное дѣло“. Ееоофанъ Проко-

Такія или почти такія изобличенія всѣхъ современныхъ „еретичествъ“ неминуемо долженъ былъ слышать нашъ молодой монахъ, вращаясь среди нагнанныхъ отовсюду въ школы подвижниковъ, еще больше отъ бродягъ, нерѣдко мнимыхъ монаховъ и всякихъ „спасениковъ“, слонявшихся (вопреки всѣмъ запретамъ) по Москвѣ и находившихъ радушный пріемъ не только у жителей, но и въ монастырскихъ оградахъ.

И вотъ, мало по малу, вновь смущается духъ Самуила, болѣе и болѣе раздувается потухшая искра ненависти, которую онъ посылъ въ сердцѣ своемъ противъ главнаго, по его мнѣнію, источника „всѣхъ еретичествъ“ — Петра I-го. Но неужели наука не взяла свое, не вытѣснила изъ пылкой головы дикихъ заблужденій, не ослабила фанатизмъ монаха Самуила? Нѣтъ, та наука, которую предложила ему Спасская школа, не наплатила его душу, не воздѣйствовала на него. Напротивъ, мертвая схоластика, бывшая тогда въ полномъ цвѣтѣ, скоро оттолкнула отъ себя молодого человѣка; онъ рѣшительно не въ силахъ былъ подъ сухимъ и уродливымъ тогдашнимъ преподаваніемъ отыскать для своего ума сколько нибудь здоровую пищу... Все было безжизненно, скучно, да и для его возраста слишкомъ уже трудно было заучивать различныя грамматическія тонкости, и вотъ, мало по малу, Выморковъ сталъ отставать отъ школьнаго ученія, къ которому такъ еще недавно пламенно стремился. Не сталъ онъ ходить въ школу, и надъ спиной его взвилась плеть префекта; стала та плеть, по всѣмъ правиламъ тогдашней педагогикъ, „по часту“ бороздить синю Трегубаевскаго школьника, и чаще и чаще сталъ онъ избѣгать школы. А между тѣмъ, привыкнувъ во всемъ дурномъ видѣть духъ и волю Петра I, онъ и въ лицѣ префекта „зачалъ видѣть императора“, плетью всѣкавшаго науку, и пуще загорѣлась въ Самуилѣ „отъ того боя“ ненависть къ „антихристу“. Наконецъ, въ товарищескомъ кружку, отъ своихъ одноклассниковъ онъ только и слышалъ, что разныя нападки, а иногда и прямое осужденіе тѣхъ или другихъ мѣръ Петра I. Всѣ эти обстоятельства вновь вскипятили у Самуила злобу на государя, до того, что онъ жаждалъ случая смѣло выразить ее въ кельѣ, въ церкви, на стогнахъ Москвы, устно и письменно.

новичъ и Теофилактъ Лопатинскій, соч. Н. А. Чистовича, Сиб., въ 8 д. 1861 г. „Новые матеріалы для рѣшиловскаго дѣла“, это же, въ „Православн. Обзор.“ 1862, № 2.

IX.

3-го февраля 1725 года, въ день тезоименитства цесаревны Анны Петровны, ученія школьнаго не было. Самуилъ, не боясь плети, могъ смѣло сидѣть въ своемъ чуланѣ. Сожители его также были дома; вошелъ іеромонахъ Петръ. — „Вы, отцы, заговорилъ вошедшій—здравствуйте! а нашъ императоръ скончался; синодъ, сенатъ и генералитетъ уже къ вѣрному служенію ея величеству государынѣ подписались; я, сходя на улицу, видѣлъ, какъ манифесты прибываютъ къ воротамъ... самъ прочелъ...“

Извѣстіе это ошеломило, но не огорчило присутствующихъ. Самуилъ заходилъ по своему чулану и заговорилъ, ни къ кому не обращаясь, но вслухъ, разными причитаніи хули на покойнаго, не называя его впрочемъ. Изъ присутствовавшихъ іеродіаконъ Савватій сталъ вспоминать кой-какіе факты прошлаго царствованія, заговорилъ, между прочимъ, про Глѣбова.

— На козъ его посадили напрасно, рассказывалъ Савватій:— это я слышалъ... Сказываютъ, какъ духовникъ-отъ сталъ Глѣбова спрашивать: былъ ли-де у тебя такой грѣхъ съ „бывшею царицею“ (Авдотьею?) и Глѣбовъ отвѣчалъ: „что напрасно, хотя-де и писывали совѣтныя письма, а ничего-де грѣха того не бывало, можно бы-де ную казнь дать“. Можеть-статься, продолжалъ Савватій, что казнилъ покойникъ Глѣбова изъ ревности, потому какъ та жена его, Петра, была... Хотя-бъ и тебѣ, Самуилъ, про жену твою такое слово было-бъ, чай, нестерпимо слышать... и ему тово, а онъ-вѣдь царь! ¹⁾.

¹⁾ Объ отношеніяхъ Глѣбова къ царицѣ Авдотѣ и казни его см. Устрялова: Ист. царств. Петра Великаго, т. VI, глава 7-я; также нашъ очеркъ: „Авдотья Федоровна Лопухина“, „Русск. Вѣсти.“ 1859 г., кн. XXI, 219—265; также другой нашъ очеркъ: „Покровский дѣвчій монастырь въ г. Суздаль, мѣсто заточенія А. Ф. Лопухиной“, „Русск. Вѣсти.“ 1860, кн. XXX, 559—599. Снегирева: „Письмо о ц. Евдокім“, „Русск. Вѣсти.“ 1859 г., кн. XXIII, 299—300. Пекарскаго: „Наука и Литер. при Петрѣ Вел.“ томъ II и проч. Степанъ Богдановичъ Глѣбовъ казненъ въ Москвѣ 14 марта 1718 г. Въ одной нѣмецкой брошюрѣ того времени, о которой г. Устряловъ не упоминаетъ въ своемъ трудѣ, приведены между прочимъ слѣдующія подробности о казни друга инокини-царицы: „привезли Глѣбова на торговую площадь, на саняхъ въ шесть лошадей. Его положили на столъ и въ задній проходъ воткнули желѣзный козъ, который черезъ затылокъ вышелъ наружу. Когда Глѣбовъ былъ такимъ образомъ насаженъ на козъ, восемь человѣкъ отнесли его и

Пошолъ разговоръ о „Духовномъ Регламентѣ и прибавленіи къ нему“—это были какъ-бы бѣльми на глазахъ тогдашнихъ монаховъ.

— „Кто то дѣлалъ, спрашивалъ Самуилъ:—сказываютъ, что митрополитъ Рязанскій Стефанъ?“—Нѣтъ, не онъ, отвѣчалъ іеромонахъ Савватій:—а виновенъ въ сочиненіи регламента Прокоповичъ: когда по сочиненіи (регламента) принесли его, регламентъ, Стефану, ради подписи, и онъ подписалъ тако: „весьма тьма“, и при томъ сказалъ: сами не можете дѣлать, а людей тѣмъ обременяютъ... Самъ государь говаривалъ господамъ: „я прибавленія къ регламенту не знаю, сдѣлали (его) синодальные!“ Да и руки государевой, продолжалъ рассказчикъ, у прибавленія нѣтъ“¹⁾.

— „Однако-жъ, замѣтилъ Самуилъ:—безъ воли его (государя) ничего не дѣлали...“

— Ну, да постой, отвѣчалъ іеромонахъ Петръ:—ужо нынѣ господа по-своему синодальныхъ перевернутъ; то станутъ перебирать поменьшеку...

Сдѣлалъ Самуилъ какое-то замѣчаніе относительно содержанія Регламента духовнаго, а Савватій, смѣясь по поводу того, что писано въ немъ о житіи монашескомъ, замѣтилъ; „и мы кое, и ты, Самуилъ, кое... а во всемъ томъ (сочиненіи) не Стефанъ (митрополитъ) виновенъ, но тотъ-то...“

— Принесла мнѣ однажды баба, рассказывалъ іеромонахъ Петръ:—принесла въ церковь казать мнѣ книгу, чтобъ я ее купилъ; разогнулъ я ту книгу, вижу—напечатано: духовный; я думалъ, что это алфавитъ, и взялъ отъ нея, принесъ въ келью, глядь—ахъ книга та: „Духовный регламентъ“, и я его бросилъ

водрезали когъ на возвышенномъ мѣстѣ; когъ имѣлъ поперечную перекладину, такъ что несчастный могъ сидѣть на ней. Возлѣ Глѣбова все время былъ русскій священникъ. Чтобы осужденный на терзанія не замерзнулъ и страдалъ бы болѣе, на него надѣли мѣховое платье и шапку...“ (Aus Aufwärtliche Beschreibung der in der Hauptstadt Moskau, den 28 März dieses 1718 Jahres in Beuseyn einer unzähligen Menge Volks vollzogenen grossen Execution. Nach rigaischen Exemplar (4te). Посаженный на когъ въ третьемъ часу пополудни, Глѣбовъ испустилъ духъ только на другой день въ 1/2 8 пополудни. При немъ во все время для исповѣди были: архимандритъ Лапотинскій, іеромонахъ Маркелъ, да священникъ Анофрій. Сидя на когѣ, Глѣбовъ никакого показанія не принесъ, только ночью просилъ Маркелла сподобить его св. тайнъ.

¹⁾ Что послѣдніе толки не были простою болтовнею, а имѣли нѣкоторое основаніе, слѣди выписку, приведенную у Цекарскаго, т. II, стр. 522—523.

на землю, топталъ — приговаривая: „э-де регламентъ!“ — Поднявъ ту книгу и отдалъ бабѣ: не надобно, не надобно...

— „Что-же тебѣ онъ не милъ?“

— Не милъ! — отвѣчалъ іеромонахъ Петръ — и проговорилъ чуть слышно: проклятие...

И Самуилу любо было, какъ самъ онъ потомъ сознавался: любо было то слушать! На другой день, въ четвергъ, 4-го февраля 1725 г., послѣ обѣда, іеромонахъ Петръ пригласилъ іеромонаха Θεодосіа да Самуила пройтись (благо время было праздное, масленица), прогуляться въ городъ. Зашли всѣ трое въ гости, во дворъ князя М. М. Голицына, что близъ двора Василія Глѣбова — въ гости къ княжескому дворецкому, Ивану Чевакинскому.

Хозяинъ принялъ гостей радушно и угостилъ ихъ; отецъ Петръ сталъ „шуметь“, и тѣмъ живѣе пошла бесѣда о разныхъ разностяхъ, перешла на стѣсненія, сдѣланныя „Прибавленіемъ Духовнаго регламента“ всему монашеству, о запрещеніи постригать женатыхъ, да тутъ же естаті Θεодосій сказалъ, обращаясь къ хозяину и указывая „съ посидѣніемъ“ на Самуила:

— А вотъ, этотъ-то молодой какой, а жену покинулъ, да и постригся, а нонѣ ходитъ, да ее ищетъ...

— Отчего такъ сдѣлалось, что онъ жену покинулъ? спросилъ хозяинъ.

— „Не сказывалъ здѣсь, въ Москвѣ, молвилъ въ отвѣтъ Самуилъ, сидѣвшій до сихъ поръ въ раздумьѣ: — нинѣ открою, такъ-какъ государь-отъ нашъ уже скончался; былъ я соблазненъ отъ людей; сказывали мнѣ противъ него, что онъ антихристъ, того и оставилъ я жену безвременно...“ И разговорился Самуилъ, сталъ говорить о житіи-бытіи старообрядцевъ, вспомнилъ и про любимую свою нѣкогда книгу Ефремову, сказалъ о повѣсти объ антихристѣ и о томъ, какъ одинъ монахъ въ Тамбовѣ — Савва — объявилъ ему, что антихристъ нинѣ въ Москвѣ царствуетъ.

Лишь только выговорилъ Самуилъ послѣднее слово, какъ испуганный Чевакинскій разразился на него бранью, пожелалъ ему, безъ сомнѣнія вполнѣ искренно, чтобъ тотъ пропасть, и ни въ какіе разговоры не сталъ съ гостями входить. Гости взялись за шапки и отправились во свояси.

На сосѣднемъ дворѣ, Василія Глѣбова, остановился пріѣзжіи изъ Тамбова, давнишній знакомый Выморкова, дьяконъ Изосима.

Розыскалъ его Самуилъ на другой день, 5 февраля, въ пятницу, и въ дружеской бесѣдѣ сталъ просить Изосиму, чтобы тотъ, какъ поѣдетъ обратно въ Тамбовъ, взялъ бы его съ собою.

— Какъ же ты отъ школы поѣдешь?

— „Когда былъ императоръ (такъ нельзя было), а нынѣ, надѣюсь, что и отставятъ (меня отъ школы)“... И сталъ рассказывать о житьѣ-бытьѣ московскаго монашества: „монахи здѣсь, какъ бурлаки, ѣдятъ мясо и пьютъ табакъ, чему и я (нынѣ) косенъ“... и проч.

Выслушавъ Изосиму грустную повѣсть и, объявивъ пріятелю, что ѣдетъ онъ изъ Москвы еще не скоро, сообщилъ Самуилу роковое для него извѣстіе: жена-де его вышла замужъ за посадскаго чело-вѣка города Тамбова, Якова Шатилова.

Какъ громомъ поразило это извѣстіе молодого монаха. Первая мысль, мелькнувшая въ его головѣ, была та, что въ какой-де страшный грѣхъ впала его жена, что при живомъ мужѣ, хотя и постригшеся, но—рѣшилась выйти замужъ; „такое посяганье въ замужество, думалъ Самуилъ, есть прелюбодѣйство!“...

— „Ну, и чортъ съ немъ, сказалъ онъ наконецъ:—бѣсъ сваталъ, а сатана вѣнчалъ“.

„И чья тому вина, что жена моя впала въ тотъ смертный грѣхъ, продолжалъ размышлять монахъ, возвратясь къ себѣ въ келью:—кто тому виновенъ? Чрезъ кого—жена моя, вопреки своему желанію, не могла постричься? въ силу какихъ указовъ теперь она вышла замужъ? всему въ томъ виновенъ—покойный государь!“ И стало прилагаться несчастному, какъ онъ самъ потомъ рассказывалъ: „худое сомнѣніе къ сомнѣнію, и хула къ хулѣ, а наипаче, что жена замужъ вышла; и разжегшись ревностію, ходя по своей кельѣ, сталъ онъ мыслить хулы на государя, плевать, называть его „проклятымъ“, и сталъ онъ потомъ „записывать, въ тайнѣ сидя въ своемъ чуланѣ, хулы на императора Петра Алексѣевича, на бумажкахъ, называя его предтечею антихристовымъ и тому подобными хуленіями, литерами изъяснялъ именно и нескрѣпно, и всячески перечеркивалъ; и дѣралъ, и бросалъ въ печь, и потомъ вздумалъ написать, чтобы скрѣпно, дабы люди не догадались“...

Такова была внутренняя борьба, которая терзала въ это время несчастнаго Винморкова. Онъ впалъ въ какое-то изступленіе, духъ его былъ все это время въ самомъ возбужденномъ состояніи; онъ

былъ убѣжденъ и твердилъ себѣ, что для покою въ совѣсти своей ему необходимо написать осужденіе во слѣдъ оставившему міръ предтечѣ антихриста, тому — кто, по его мнѣнію, былъ единственный виновникъ смертнаго грѣха, въ который впадала жена его, и затѣмъ единственный виновникъ всѣхъ злоключеній монастыря и церкви православной... И хватается Выморковъ вновь за перо, и пишетъ, пишетъ, чертитъ, рветъ въ клочки и вновь пишетъ, чтобъ также разорвать и приняться за новый лоскутокъ... И нѣтъ у несчастнаго друга, которому-бъ онъ повѣдалъ свои тяжкія думы, посоветовался-бы, поговорилъ, и тотъ бы, можетъ быть, и успокоилъ его; нѣтъ такого друга: одноклассники его люди „неумѣлые“, къ тому-жъ и подвержены шумству; да они и не долюбиваютъ Выморкова. Его странное поведеніе вызываетъ вообще со стороны монаховъ насмѣшки надъ нимъ, — они его называютъ, „въ посмѣяніе“, остроумнымъ.

Не подъ силу однако Выморкову вынести свое горе одному; началъ онъ было-говорить іеродіакону Савватию: „были отъ покойника тѣ указы, чтобъ не постригать, и которымъ было можно и постричься, и тѣ (черезъ тѣ указы) замужъ посагнули... Въ томъ есть грѣхъ“... но рѣчь свою Самуилъ не договорилъ, побоялся насмѣшекъ сожителя.

Въ тотъ же день, въ пятницу, 5 февраля 1725 г., пошелъ Выморковъ къ вечернѣ, стоялъ на клиросѣ, среди другихъ монаховъ, и вдругъ, къ величайшему ихъ испугу, сталъ называть во всеуслышаніе государя Петра I — антихристомъ, укорять его въ томъ, что онъ монастыри разорилъ и не велитъ спасаться... Нѣкоторые изъ монаховъ, услышавшихъ тѣ хулы, объявили, что надо донести инквизитору. Но время стоитъ — конецъ масляницы, монахамъ не до того, въ монастырѣ суматоха; вездѣ, по всѣмъ кельямъ, въ церкви, на клиросахъ идутъ толки о смерти Петра I, и эти толки сопровождаются у многихъ изъ братіи „великимъ шумствомъ“, а съ радости или съ горя то шумство — Богъ-вѣсть.

Къ сожителю Самуила въ келью заходятъ по часту другіе монахи. Самуилъ, то сидя за столомъ въ своемъ чуланѣ, то бѣгая изъ угла въ уголъ, погруженъ въ свои тяжкія думы, слышитъ за перегородкой толки и разсужденія монаховъ. Толки эти соответствуютъ его мыслямъ, и потому болѣзненно дѣйствуютъ на его и безъ того воспаленный мозгъ — онъ болѣе и болѣе пылаетъ нена-

вистью къ Петру, и дикими выходами, къ величайшему испугу собесѣдниковъ, нерѣдко прерываетъ ихъ разговоръ.

Особенно тяжела была ночь Самуилу съ 5 на 6 февраля 1725 г. Легъ онъ, а сонъ не смежаетъ очей, лѣзетъ ему въ голову неотвязная мысль: „гдѣ этотъ грѣхъ, на комъ сыскать, что въ посяганіи жени его въ замужество есть прелюбодѣйство?“ Сказалъ апостолъ Павелъ: „и еще разлучится жена съ мужемъ своимъ, да пребываетъ безбрачна, или да смирится съ мужемъ своимъ“, и кто оному грѣху виновенъ?... И во всемъ виновнымъ являлся въ мѣстѣ его императоръ Петръ I-й! И вспоминалъ онъ, какъ жена готова была сама постричься, да не постриглась, потому что запрещено уже было постригать, и какъ еще въ день прощанья, предъ отъѣздомъ въ Москву, онъ наказывалъ ей: „не ради сожалѣнія тебѣ, но подтверждая законъ божій, молю тебя—замужъ не ходи“... И пришло на умъ Выморкову въ ту же бессонно-мучительную ночь написать письмо императрицѣ, указать ей, въ какой великій соблазнъ впадаютъ нѣкоторые люди, какъ напр. его жена, вслѣдствіе того, что дѣйствуютъ указы Петра о непостриженіи вновь въ монахи и монахи. И мыслилъ онъ высказать то осужденіе „съ нѣкоторыми хуленіями“ про покойнаго государя, впрочемъ хуленіями „не зѣло великими“, чтобъ не привести императрицу въ большой гнѣвъ. Письмо то Самуилъ предполагалъ подать государынѣ тогда, когда она пріѣдетъ въ Москву.

— „Что-жъ, думалъ Выморковъ, государыня повѣсть мою приметъ, и хотя ей жаль своего мужа (то есть любить она его), однако-жъ она одумается (то есть поразмыслитъ) и тѣсноты мнѣ никакой не доставитъ, я — монахъ! Читалъ я въ книгѣ Баронія, — новопереваденной въ книгѣ Соборникѣ съ польскаго языка на славянскій, про царя Теофила; былъ тотъ царь при жизни своей — иконоборецъ, а, чаю, при смерти-то своей покаялся; только вѣдомо, что царица Теодора молилась по смерти его, Теофила, чтобъ избавилъ его Богъ (отъ) муки вѣчныя... (Императору Петру) мы того же желаемъ, чтобъ ему царство небесное было, только бы сдѣлалось отъ Ея Величества все по старому... И въ той повѣсти, мыслилъ Самуилъ, приведу я, въ подтвержденіе моихъ рѣчей, слова Христовы, какъ написано въ Евангеліи... зачала не упомяну... „Господи! не въ Твое ли имя пророчествовахомъ, и не Твоимъ ли именемъ бѣснъ изгнахомъ? и Господь рече: „аминь, глаголю вамъ, не вѣмъ васъ, отступите отъ Мене вси дѣлатели неправды“ и т. д.

За нисльо послѣдовало и исполненіе: Самуилъ сталъ писати повѣсть. Вотъ оя начало:

„Всепресвѣтлѣйшей и державнѣйшей великой государынѣ нашей, императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, самодержицѣ всероссійской, еже о Господи радоватися.

„Рече Господь во Евангеліи: блюдите, да не презрите единого отъ малыхъ сихъ, яко ангели бо ихъ выну видать лице отца Моего небеснаго, прииде бо сынъ человѣческій възскати и спасти погибшаго“ и проч., и пакы: „аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единемъ; аще тебѣ послушаетъ, приобрѣлъ еси брата твоего; аще же не послушаетъ, поними съ собою пакы единого или два, да при устѣхъ, двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголѣ; аще же не послушаетъ, повѣждь церкви; аще же и церковь преслушаетъ, буди тебѣ яко же язычникъ и мытарь, и елика аще свяжете на земли, будетъ связана и на небеси, и елика аще разрѣшите на земли, будетъ разрѣшена и на небеси“; и индѣ: „горе міру отъ соблазнъ и нужда есть приняти соблазномъ; обаче же горе человѣку тому, имъ же соблазнъ приходитъ“, и проч., и пакы: „любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, благословите кланущіе вы и молитесь за творящіе вамъ напасть, яко да будетъ сынове отца вашего, иже на небесѣхъ“, и индѣ: „аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, запрети ему; аще ли кается, остави ему“, и пакы: „нѣкто отъ ученикъ глагола: Господи, аще седмици на день согрѣшитъ въ мя братъ мой, отпущу ли ему до седми кратъ, аще покается? Отвѣща ему Господь: не глаголю тебѣ до седми кратъ, но до сѣмьдесятъ кратъ седмицею, аще кается, остави ему“, и индѣ: „будете убо милосерди, якоже и Отецъ вашъ небесный милосердъ есть, и блаженн милостиви, яко тѣмъ помилованіи будутъ“, и о семъ доздѣ хошу убо повѣсть тебѣ предложити, о самодержавнѣйшая наша госноже святаго всероссійскаго царства, иже общій нашъ Создатель Царе царемъ и Господь господемъ предивными своими судьбами устрой тебѣ царствовать благочестно надъ новымъ Израилемъ, еже есть православно каеолическія восточныя церкви сынии, прошу и молю тебѣ, о благочестивѣйшая; Господа ради, да со тщаніемъ внимаеши здѣ написаннымъ, зане аще и грѣшныи есмь всѣхъ человѣкъ, наче же всенижайшій рабъ и подножіе ваше“...

Таковъ былъ приступъ къ повѣсти.—Какъ можно замѣтить,

приступъ написанъ не безъ искусства и тщанія; дѣло однако на приступѣ и остановилось: обстоятельства такъ сложились, что Выморкову было уже не до „повѣсти“: рѣзкія его выходки съ слѣдующаго уже дня стали вызывать на его голову тучу, которая сгущалась надъ нимъ все болѣе и болѣе, и наконецъ разразилась страшною для него грозой...

X.

Рано въ субботу, 6-го февраля 1725 г., послѣ бессонной ночи, пошелъ Самуилъ въ церковь, и весь „въ смятенномъ духѣ“ сталъ на клиросѣ.

— Чего ты не ходишь въ школу? совершенно не кстати обратился къ Самуилу стоявшій подлѣ него іеромонахъ Аѳанасій: — если ты не станешь въ школу ходить, какъ прежде сего хаживалъ, и префектъ тебя побьетъ попрежнему...

— „Нѣтъ, нынѣ не пойду, отвѣчалъ Выморковъ: — тогда былъ царь, а нынѣ иной“.

— Опять тебя бить станутъ, и ежели ты въ друго-рядъ будешь такъ говорить, и за то срубятъ тебѣ голову.

Въ это время вышелъ изъ алтаря на клиросѣ канархистръ Діонисій. — „Вотъ Самуилъ не хочетъ въ школу ходить“, пожаловался вошедшему Аѳанасію.

Діонисій сталъ бранить „лѣностнаго“ школьника. Школьникъ съ своей стороны выбранилъ учителей, да тутъ же вышло отъ него нѣсколько рѣзкихъ словъ и на долю рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго: „вотъ учать всѣ она насъ, а сами не то творятъ“, говорилъ Самуилъ.

— Да вѣдь ты въ школу ходишь по указу, и какъ ты не пойдешь? вѣдь обучать будутъ по прежнимъ указамъ?

— „Чьи указы были... Комъ кто указы писалъ, тотъ издохъ... исчезъ... чортъ его взялъ... и указы тѣ его пропали же, топеря все съизнова пойдеть. А который еретичество ввелъ, рязанскій Стефанъ, и тотъ проналъ же, а еретичество еще не вывелось“.

— Слышите, братцы, что Самуилъ говоритъ-то? сказалъ Діонисій, обращаясь къ другимъ монахамъ, стоявшимъ на клиросѣ, и вслѣдъ затѣмъ пощечина, отвѣщенная канархистромъ поносителю,

заградилъ ему уста. Діонисій пошелъ затѣнъ съ клироса читать сѣдальны, выговаривая про Самуила: „проклятый онъ богомолецъ, бѣду намъ съ такими словами сдѣлаетъ... вѣдь коли извѣстятъ нѣ тебя, замѣтилъ онъ Самуилу: вѣдь что будетъ-то тебѣ?“

— „Мертваго его (Петра 1-го) не боюсь, не унижался Выморковъ: — а тебѣ, Діонисій, нѣтъ части въ томъ словеси“...

— Эй-же собака! замѣтилъ казначей Сильверстъ, выслушавъ послѣ заутрени рассказъ отца Діонисія о происшедшей у него сценѣ съ Самуиломъ.

Всѣ уже монахи стали смотрѣть на него, какъ на зачумленнаго, съ минуты на минуту ожидая, что его арестуетъ инквизиторъ, которому Діонисій, по настоянію другихъ монаховъ, собирався о всемъ донести; но всего этого Самуилъ либо не страшился, либо не замѣчалъ; по крайней мѣрѣ онъ ни мало не сдерживалъ своего языка.

Въ воскресенье предъ вечернею, на нѣсколько минутъ зашелъ въ келью Петра и Савватія сожитель Выморкова, Леонтій Балановскій, попъ изъ церкви великомученицы Екатерины, что во дворцѣ вверху. Въ ожиданіи вечерняго благовѣста, попъ вѣлики, ради праздника, шумный сѣлъ на лавку; никого кромѣ Самуила въ кельѣ не было. И сѣдя на лавкѣ, какъ бы про себя, заговорилъ попъ Леонтій съ сожалѣніемъ и со словами о смерти государя.

— А кончина императору случилась, продолжалъ Леонтій, обращаясь къ Выморкову: — случилась отъ запора жестокой каменной болѣзни; слышалъ я это на площади въ разговорѣ, невѣдомо отъ какихъ людей, шедъ мимо...

— „Онъ меня билъ, вдругъ заговорилъ въ отвѣтъ на сожалѣнія поца Самуилъ: — билъ онъ меня чрезъ префекта!“...

— Полно врать-то, били тебя злые дѣла, а государь этого не зналъ.

— „Повелѣно за царя Бога молить, продолжалъ говорить Самуилъ: — каковъ бы онъ ни былъ, яко же Христосъ научаетъ: „любите враги ваша“ и проч., а какъ царь умретъ безъ исправленія, то уже (да будетъ) проклять... А онъ подлинно умеръ, не простясь (не показавшись), а въ писаніи вѣдь сказано: елико свяжете на земли, будетъ связанъ и на небеси, и проч.“.

— Криво ты толкуешь! закричалъ попъ Леонтій.

Самуилъ сталъ утверждать, что говоритъ сущую правду, и тутъ

же задумался о томъ, какъ необходимо и воплѣтъ согласно съ словомъ писанія предать покойника — проклятiю.

Выбрались попъ, но въ это время загудѣлъ благовѣстъ къ вечернѣ и онъ поспѣшилъ въ церковь, гдѣ и сталъ за правымъ клиросомъ. Самуилъ помѣстился въ толпѣ монаховъ на клиросѣ. Леонтію скоро довелось увидать слѣдующую сцену.

Іеромонахъ Іосифъ Дробницкій напомнилъ Самуилу относительно хожденія въ школу. Самуилъ въ отвѣтъ выбранилъ Стефана Рязанскаго: „ага! онъ, да и пропалъ!“

Іосифъ отвѣчалъ на это болтуну—ударомъ кулака.

— За что ты его бьешь? замѣтилъ архимандритъ Іоакимъ, стоявшій неподалеку отъ клироса.

Монахи объяснили, что Самуилъ бранитъ Рязанскаго.

— Ну, такъ и бейте его хорошенько, заключилъ отецъ Іоакимъ.

Рано утромъ, въ чистый понедѣльникъ, послѣ заутрени и предъ часами, въ кельѣ нашихъ пріятелей собрались для раздѣлу денегъ, собранныхъ въ ящикъ въ церкви, всѣ іеромонахи и іеродіаконы. Дѣлежъ кончился, и нѣкоторые, для „посмѣянія“, видя въ какомъ изступленномъ состояніи находится Самуилъ, стали надъ нимъ подшучивать. Тотъ, все погруженный въ думы о необходимости предать проклятiю покойника, брякнулъ предъ всѣми присутствовавшими:

— „Вотъ стоитъ Глѣбова кѣла, самому ему заперло! И чтобъ его тѣлу сквозъ землю провалиться. Самъ пропалъ, да и всѣ пропадутъ!“...

— Ахъ ты, проклятый, закричалъ на него іеродіаконъ Іовъ:— будь ты проклятъ; когда-бъ ты да такіа слова говорилъ не въ кельѣ, а гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, за монастыремъ, то-бъ я тебя за такіа рѣчи прибилъ... За такіа слова высѣкутъ кнутомъ, да пошлютъ въ ссылку въ Соловецкій монастырь, либо посадятъ въ тюрьму!!...

— „А что-жъ, кричалъ въ отвѣтъ Выморковъ:— въ Соловецкомъ-то монастырѣ кельи лучше богоявленскихъ? А и въ тюрьму посадятъ — я буду говорить: „изведи изъ темницы душу мою исповѣдаться имени Твоему!“

— Чортъ его знаетъ, что онъ такое говоритъ! толковали монахи, смѣясь оставить келью и очень хорошо понимая, что всѣ тѣ рѣчи не къ добру ведутъ.

— Все на высокія персони говоритъ, объяснялъ съ своей стороны Іовъ, обращаясь къ нѣкоторымъ изъ сотоварищей:—взялъ бы его, да и прибилъ какъ собаку.

Вечеромъ, въ тотъ же понедѣльникъ, у іеромонаха Петра и іеродіакона Савватія опять гости, на этотъ разъ не по службѣ — знакомые ихъ: братъ холмогорскаго епископа Григорій, а съ нимъ подьячій, въ келью же зашелъ и казначей Сильверстъ. Мирно шелъ разговоръ и выпивалась водочка. Заговорили о скоромъ отъѣздѣ Григорія въ Холмогоры.

— А тебѣ, спросилъ подьячаго Савватій: — дастся ли указъ ѣхать на Холмогоры, жить попрежнему?

Не успѣлъ подьячій отвѣтить, какъ изъ-за перегородки заговорилъ Выморковъ.

— „Тогда былъ царь, и нуженъ былъ указъ, а нынѣ иной. Когда-бъ мнѣ была какая нужда, то-бъ я не сталъ указу спрашивать, такъ-бы пошелъ“.

— Когда кто будетъ, возразилъ подьячій:—нынѣ уже государя не стало, а государственные правы не отставятся; а что по государю кто не тужитъ, развѣ какой раскольникъ. Что за кавалеръ былъ! Истинно храбръ и славенъ былъ во всей вселенной!...

— Та его храбрость и премудрость, размышлялъ, слушая тѣ похвалы и сердясь все болѣе и болѣе Самуилъ;—дадеса ему, Петру I-му, отъ Бога не ради его, но молитвъ ради святыхъ божіихъ угодниковъ и всѣхъ благочестивыхъ христіанъ, и духъ святой и недостойными дѣйствуетъ“ —и, выскочивъ изъ-за перегородки, Выморковъ закричалъ: „пропалъ, проклятый еретикъ!“

Всѣ остолбенѣли.

— Что это у васъ нѣкакой проклятый раскольникъ? или сумасбродный, што-ль? первый заговорилъ подьячій.

— „Вы сами проклятые раскольники!“ кричалъ монахъ, уходя въ свой чуланъ и захлопывая за собою двери.

Гости струхнули не на шутку и, „не иѣшкавъ ни мало“, оставили келью.

— „Противно, что государь монахамъ велѣлъ жениться, монахи намъ замужъ идти“, вновь заговорилъ Самуилъ.

Сильверстъ сталъ его унимать:

— Полно, дуракъ, врать; за такія слова тебя свяжутъ.

— „Теперь государя нѣтъ, боятся некого“.

— О дуракъ, дуракъ, продолжалъ Селиверстъ:—хотя государя и не стало, да страхъ его остался! Вишь что проклятый вреть, замѣтилъ казначей, обращаясь къ зрителямъ Выморкова:—нельзя у васъ сидѣть!

Петръ и Савватій сами это видѣли; давно они тяготились сожителствомъ „не то раскольника, не то сумасброднаго монаха“, и въ тотъ же вечеръ обратились къ казначею Селиверсту съ просьбой, чтобъ онъ попросилъ архимандрита удалить Выморкова изъ монастыря. „Онъ вовсе непотребенъ, жаловались пріятели: всегда бранится“...

— Плюньте вы на него: бранить онъ Стефана Рязанскаго, или синодъ... я въ это дѣло не вступаю, отвѣчалъ Селиверстъ:—будетъ нареканіе отъ братіи, будто изгоняю я по ненависти монаховъ изъ монастыря напрасно...

Между тѣмъ Самуилъ провелъ наступившую ночь въ трудѣ: онъ писалъ давно задуманное имъ „проклятіе во вслѣдъ нисшедшему во адъ антихристу“. Письмо не удалось. Онъ, по обыкновенію своему, перечеркивалъ написанное, рвалъ бумагу, начиналъ, писалъ съизнова, и только по утру 9-го февраля 1725 г., во вторникъ, по приходѣ отъ часовъ, удалось ему вполнѣ, по его же выраженію, успокоить совѣсть: въ самое короткое время онъ написалъ слѣдующее:

„Злочестивый, унодобльшійся самому антихристу, мерзости запустенія, стоящей на мѣстѣ святѣ, и восхитившему божескую и святительскую власть, бывшій соблазнитель и губитель душъ христіанскихъ, прегордостнымъ безуміемъ надменный держатель в. ц. п. б. п. всескверный и. ¹⁾ со своими бывшими единомудрствующими да будетъ проклятъ. Писано гѣта Господня 1725, мѣсяца февруарія въ 9 день“.

Самуилъ вынесъ это письмо къ своему сожителю, Петру. Тотъ, виѣстъ съ Савватіемъ, только что вернулись изъ церкви; на столѣ стояла похлебка. Савватій мирно занятъ былъ крошеніемъ въ нее огурцовъ и готовились съ Петромъ завтракать.

— „Читай, да самъ разумѣвай! сказалъ Выморковъ, подавая письмо іеромонаху Петру и не объясняя ему таинственныхъ ли-

¹⁾ Всероссійскаго царства попущеніемъ Воиничъ, Петръ всескверный императоръ.

теръ, въ чаяніи, что тотъ, не разъ уже слышавшій его выходки противъ государя, самъ уразумѣетъ, кто въ письмѣ проклинается.

— Не знаю, что здѣсь написано, сказалъ Петръ, поглядѣвъ на письмо, которое и не могъ узнать, такъ какъ не умѣлъ разбирать писанное по русски.

— „Что написано въ письмѣ „всескверный“, объяснилъ Самуилъ, отвращаясь отъ своего товарища:—и на то толкъ бывалъ великій, а нынѣ надлежитъ всескверный, всескверный, всескверный — и да будетъ тако!“

Но Петръ не обратилъ вниманія ни на Самуила, ни на его объясненіе, письмо бросилъ на столъ и сѣлъ ѣсть; но потомъ, чтобъ не подмочить письма, снялъ его со стола и положилъ на окно.

Между тѣмъ составитель „проклятiя“ ушелъ въ чуланъ и готовъ былъ приступить къ продолженію известной уже намъ „повѣсти“. Что за мысли ронялись въ это время въ его головѣ, мы узнаемъ изъ разсказа его самого, хотя по разсказу этому не вполне ясна связь этихъ мыслей; этой связи, впрочемъ, при возбужденномъ, изступленномъ состояніи несчастнаго молодого монаха, едва-ли можно было и требовать.

— „Мнилъ я (въ это время), говорилъ Самуилъ:—о святѣйшемъ синодѣ, что, про императорское величество, то по своей волѣ сдѣлалъ, хотя было такъ и не надобно, и хотя-жъ архіереи подписывались и служили ему въ томъ, однако-жъ ныне знатно отъ конечнаго неразумія, а ныне и страха ради, тако-жъ и Петръ страха ради отвержеся Христа, а другіе и сластолюбія ради, что онъ ихъ жаловалъ многими деньгами. А будетъ того не сдѣлалось, и то написанное на бумажѣ поставится въ дѣло, а я бы отрекся отъ совокупленія ихъ, и еще бѣ Богъ унесъ въ горы плакался бы о томъ“... Мысль о наказаніи за письмо, буде оно попадется людямъ непріязненнымъ, не страшила Самуила, частью потому, думалось ему, что она „уничтожатъ (письмо) и такъ, собака-де брешетъ, а владыка ѣдетъ, есть кого и слушать, а брать меня за то подъ караулъ, либо къ розыску не стануть“...

Несчастный однако горько ошибся. Въ келью вошелъ іеродіаконъ Іерофей Оглобля, подошелъ случайно къ окну, увидалъ письмо, прочелъ его—и судьба монаха Самуила Выморкова была рѣшена.

XI.

«Императора Петра I не стало, да страхъ его остался!»

Селиверстъ монахъ, 8 февраля 1726 г.

Дальнѣйшую судьбу Самуила Выморкова намъ не приходится рассказывать подробно; она вполне обща всѣмъ тѣмъ, которыхъ въ тѣ годы доводилось впадать въ подобныя преступленія. Самый ходъ слѣдствія, суда и осужденія надъ нимъ не представляетъ ничего особеннаго. Выше, въ настоящей книгѣ, нами уже довольно было передано „дѣлъ, вершенныхъ въ розыскныхъ дѣлъ тайной канцеляріи, 1720—1725 гг.“, поэтоху, избѣгая всякихъ подробностей о формальной сторонѣ производства дѣла и указаній на тогдашній канцелярскій порядокъ, приведемъ лишь самыя существенныя данныя.

Мы оставили Іерофея Оглоблю читающимъ письмо Самуила. Изъ литеръ онъ прочелъ: вѣди — всероссійскій, цы — царь, покой — Петръ; не могъ догадаться только, что значить буки да иже; но для него было довольно и того, что найденное имъ письмо, во всякомъ случаѣ, было „противно“. О „бездѣльныхъ хулахъ“ Самуила, какъ кажется, Оглобля уже слышалъ, поэтому онъ легко догадался, что и новыя хулы написаны не кѣмъ другимъ, какъ тѣмъ же Выморковымъ. Впрочемъ, тотъ и не скрывался.

На первый же вопросъ іеродіакона:

— Ты оное письмо писалъ?

Выморковъ прямо отвѣчалъ:

— „Я“.

— А я за государя своего умру! для чего проклятый Самуилъ такъ пишешь! говорилъ Оглобля и спѣшилъ съ доносомъ къ начальству.

— „Самъ ты проклятый!“ кричалъ ему вслѣдъ Выморковъ.

Архимандритъ всполошился, послали за инквизиторомъ, тотъ немедленно произвелъ въ кельѣ Выморкова обыскъ. При обыскѣ ничего, кромѣ извѣстнаго уже намъ начала повѣсти къ „Пресвѣтлѣйшей государни“, не было найдено.

Самуилъ не заперся ни предъ инквизиторомъ, ни предъ архимандритомъ; тому и другому объявлялъ, что письмо писано имъ

самниѣ, безъ всякаго совѣта съ чьей бы то ни было стороны и безъ всякаго содѣйствія, но затѣмъ въ объясненіе того, въ „какой силѣ писано то писано“, онъ не вошелъ. Въ тотъ же день его посадили на чень.

На другой день, рано утромъ, явились за арестантомъ посланные изъ канцеляріи синода. Винюковъ сопротивлялся, не желъ, требовалъ указа, по которому его берутъ, кричалъ: что онъ ея величеству не измѣнникъ, затѣмъ по улицѣ кричалъ: бунтъ и караулъ, и во все время хулилъ ненавистнаго ему покойника. По опредѣленію канцеляріи синода, Самуила разстригли. При исполненіи обряда, онъ называлъ свѣтскихъ управителей синода слугами антихриста, и, увидавъ въ присутствіи портретъ государя, завѣшанный (по случаю его смерти), въ нѣступленіи закричалъ:

— „Вонъ бѣсовскій образъ завѣшенъ“, и всякія другія „хуленія“ на его величество кричалъ неистово.

Самуилъ былъ разстриженъ и сталъ именоваться свѣтскимъ именемъ своимъ—Степанъ.

Ночью, въ тюрьмѣ, ему приснился сонъ. „Не бойся! тебя битъ не стануть!“ вѣщалъ гласъ какого-то видѣнія, а было то видѣніе въ неясномъ образѣ, не то ангелъ, не то кто либо изъ святыхъ, посланный къ нему Богомъ, чтобы онъ не печалился. И не грустилъ арестантъ; самаго розыска даже не ждалъ, не пугало его и разстриженіе, которое однако всегда было въ тѣ времена предвѣстіемъ того, что арестанту, бывшему монаху, не миновать пытки; онъ думалъ, что разстригли его за то, что онъ отъ живой жены, вопреки указанъ, поступилъ въ монахи... Притомъ и видѣніе во снѣ сильно ободрило Самуила. Онъ не раскаивался съ своимъ поступкомъ, громко жалѣлъ, что не написалъ скрытныхъ литеръ и. б. полными словами: „позущеніемъ божіимъ“, и гласно, въ присутствіи караульныхъ солдатъ, повторилъ послѣднее свое письмо, не вдаваясь, впрочемъ, въ его истолкованіе, и тутъ же наставляя солдатъ „къ крѣпкому послушанію ея величеству государниѣ императрицѣ“.

11-го февраля 1725 г., Самуилъ, допрошенный въ синодѣ, а потомъ отосланный въ канцелярію сената (въ ней предсѣдательствовалъ графъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ), на допросѣ въ обоихъ учрежденіяхъ коротко разсказалъ, какъ было написано имъ проклятіе. Причемъ снѣло и твердо объяснилъ „литеры“, въ писемѣ

написанна: „были онѣ, по его заявленію, въ такой силѣ: е — всероссійскаго, ж — царства, з — попущеніемъ, б — божіимъ, н — Петръ, всескверный — великій, и — императоръ; а бывшіе едино-мудрствующіе, объяснялъ разстрига — тѣ, которые въ синодѣ были и померли!“

Въ тотъ же день Выморкова вадернули на дыбу, дали ему сорокъ ударовъ кнутомъ и жестоко жгли его спину вѣниками.

Истязуемый, говоря его же словами: „по надменію.... мужественно терпѣлъ пытку, яко за правду!“

На другой день подсудимый, крайне немощный отъ пытки, приведенъ былъ предъ канцелярію сената. Графъ Матвѣевъ объявилъ ему, что за его преступленіе онъ неминуемо будетъ казненъ смертію. Объявленіе это столь поразило Степана Выморкова, что онъ, въ ожиданіи скорого смертнаго часа, тутъ же рѣшился повѣдать суду „всю сущую правду, не точію что кому говорилъ и дѣлалъ, или о чемъ отъ кого на свои слова слыжалъ, но что и въ мысли какое хуленіе къ персонѣ государя имѣлъ“. Рѣшеніе свое Самуилъ исполнилъ свято. Судъ услышалъ длинную исповѣдь, исполненную такой неподдѣльной искренности и правды, такой въ то же время обстоятельности въ передачѣ самыхъ мельчайшихъ подробностей, словъ, сокровеннѣйшихъ желаній и мыслей, указаній на лица, мѣста и случаи, за два, за три года тому назадъ совершившіеся, цитаты, нерѣдко довольно длинныя изъ книгъ духовныхъ, каковыя цитаты разстрига Степанъ приводилъ на память, словомъ—вѣрно то, что примѣръ подобной исповѣди едва-ли могли представить даже дѣтописи тайной канцеляріи, въ которой въ то время съ такимъ поразительнымъ искусствомъ выпытывалъ всю подноготную Андрей Ивановичъ Ушаковъ.

Въ своемъ разсказѣ, изложенномъ своеручно на бумагѣ, Выморковъ, изъ страха предстать предъ судомъ божіимъ съ совѣстью, не освобожденною отъ прегрѣшеній, съ самымъ искреннимъ поканіемъ передалъ наиподробнѣйшій разсказъ о всей своей жизни съ 1722 года по самый день, въ который его подвергли пыткѣ. Невѣстно при этомъ, взялъ ли на себя кто нибудь трудъ разъяснить несчастному всю недѣльность его мнѣнія объ императорѣ Петрѣ и его слугахъ, но онъ въ показаніяхъ своихъ считалъ уже своимъ мнѣніемъ дьяволонъ на него наводившими, „и нынѣ“, писалъ онъ: „по истинной своей чистой совѣсти, твердо и несомнѣнно, какъ о святѣйшемъ синодѣ, такъ

и правительствующемъ сенатѣ, и о прочихъ властвующихъ и вѣрно служащихъ, о всѣхъ, которые по отшествіи въ вѣчное блаженство его императорскаго величества, при ея величествѣ государинѣ императрицѣ въ российскомъ государствѣ обрѣтаются, остался я безъ всякаго нареканья“.... „И нинѣ ни въ чемъ не сомнѣваюсь“... Какъ бы то ни было, но только въ своемъ длинномъ разсказѣ онъ ни на кого не указалъ лично, ни одного факта не изложилъ и всѣ его показанія, по тщательномъ, шестидесятичасовомъ изслѣдованіи, вполне подтвердились свидѣтельствомъ и очными ставками множества лицъ, привлеченныхъ по этому дѣлу къ суду.

Исповѣдь Выморкова послужила главнѣйшимъ матеріаломъ вышеизложенныхъ подробностей нашего разсказа; здѣсь поэтому излишне и приводить ее...

Въ то время, когда крайне немощный отъ жестокой пытки, Выморковъ писалъ въ тюрьмѣ повинную: „о томъ, какъ прежде того былъ въ расколѣ и другихъ къ тому призывалъ и научалъ, такожъ и про покойнаго государя непотребныя хулы, будучи во многихъ разныхъ мѣстахъ: въ городѣ Тамбовѣ и въ Тамбовскомъ уѣздѣ, на Воронежѣ, и на Донѣ, въ казацкихъ станицахъ кому другимъ сказывалъ, и гдѣ разсѣивалъ, и отъ другихъ кого такія-жъ непотребства слышалъ, и чего ради нинѣ въ Москвѣ вышепоказанную хулу испущалъ“, въ то время, когда обо всемъ этомъ только лишь оканчивалась имъ повинная, по распоряженію канцеляріи сената, арестованы были, по поводу его дѣла, нѣсколько лицъ; аресты были произведены въ Москвѣ, за нѣкоторыми же изъ оговоренныхъ лицъ поскакали курьеры въ Тамбовъ.

Такимъ образомъ свезены были въ тюрьмы по дѣлу Степана Выморкова: попъ изъ села Избердей, Тамбовскаго уѣзда; Антонъ Ивановъ; отецъ его, игуменъ Трегуляевскаго Тамбовскаго монастыря Іосафъ; іеродіаконъ изъ Тамбовскаго же Казанскаго монастыря Ізосима; Дмитрій Васильевъ, попъ Успенской церкви въ городѣ Тамбовѣ, и наконецъ Осипъ, столяръ изъ села Спасскаго, того же Тамбовскаго уѣзда; впрочемъ, слѣдователи и судьи были сравнительно съ петровскимъ временемъ гораздо снисходительнѣе. Въ царствованіе покойнаго, неминуемо свезены были бы въ застѣжки всѣ тѣ попы, попады, дьячки, монахи, монахини, келейники, казаки, посадскіе люди и жены посадскихъ людей—словомъ всѣ, съ которыми

только нѣтъ „противныя чести его величества разговоры“ бывшій монахъ Самуилъ, словомъ всѣ лица, которыхъ онъ почелъ священнымъ долгомъ назвать поименно въ своей „предсмертной исповѣди“. Названо же нѣтъ было до семидесяти лицъ, и изъ нихъ собственно изъ Тамбовскаго уѣзда и города Тамбова арестовано было всего только пять человѣкъ. Затѣмъ, разумѣется, допрошенъ былъ почти весь личный составъ Богоявленскаго московскаго монастыря, что за ветошнымъ рядомъ; всѣ жившіе въ немъ, начиная съ архимандрита Іоакима до послѣдняго сторожа, всего до пятидесяти человѣкъ, подвергаемы были по сему дѣлу допросу.

Главная цѣль допросовъ была узнать: въ какой силѣ писаны и говорены были Выморковымъ хулы на (покойнаго) государя? По чьему совѣту? При чьемъ дѣйствіи? Не было ли у него соумышленниковъ? И почему слышавшіе „поносительныя“ слова не доносили о нихъ тотчасъ же властямъ предержащимъ? Соумышленниковъ, совѣтчиковъ и всякихъ помощниковъ пропаганды разстриги Степана, по отвѣтамъ допрашиваемыхъ лицъ, въ стѣнахъ Богоявленской обители, разумѣется, не оказалось; а на вопросъ, почему не было своевременно доносино о хуленіяхъ Выморкова, каждый изъ братьевъ ссылался то на „шумство“, въ каковомъ положеніи былъ-де допрашиваемый, когда говорилъ разстрига то-то и то; другіе ссылались на „простоту, недоразумѣніе и на боязнь, чтобъ говорившій въ словахъ своихъ не заперся“; третьи говорили, что „собирались-ноль донести, да не успѣли, либо не могли, заболѣли-де зубною болью“; наконецъ, одинъ честной инокъ объявилъ, что потому и не донесъ на Выморкова, что „косноязыченъ отъ рожденія“. Въ то же время, каждый почти старался ослабить или даже и вовсе опустить выраженія изъ рѣчей Выморкова, наиболѣе „противнаго свойства“, но на многочисленныхъ очныхъ ставкахъ, дѣло само собой разъяснилось и „сумасбродныя слова“ бывшаго монаха Самуила выходили въ томъ почти видѣ, какъ они были нѣтъ сказаны. Самъ онъ, въ своей исповѣди и въ нѣсколькихъ дополнительныхъ письменныхъ и словесныхъ показаніяхъ, рѣдко тѣ рѣчи свои „противныя“ снягчалъ или опускалъ. Честной его натурѣ подобный обманъ судей казался преступленіемъ, и нерѣдко, приведа толки свои съ разными лицами, въ какихъ-нибудь казацкихъ станицахъ, о которыхъ, безъ его собственныхъ показаній, никто бы никогда и не узналъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ удивительною искренностью и какъ-бы съ сожа-

гѣніемъ говорилъ, что „памятно о другихъ многихъ разговорахъ сказать я не могу“.

Выслушавъ длинную повинную отъ Выморкова, произведя аресты нѣсколькихъ лицъ и допросивъ ихъ, московская канцелярія сената послала въ С.-Петербургъ, въ правительствующій сенатъ, вѣдѣніе, спрашивая: производить ли дальнѣйшіе аресты и вообще, гдѣ тому дѣлу быть слѣдоваему? Сенатъ приказалъ: разстригу Степана и прочихъ, которые его дѣлу приличны, вѣстѣ съ подлиннымъ дѣломъ прислать за крѣпкимъ карауломъ въ Тайную розыскную канцелярію въ Петербургъ, „а которыя онъ, разстрига, показываетъ старія дѣла, сказано было въ сенатскомъ вѣдѣніи, тѣ имъ оставить, и какъ на Донъ, такъ и въ другія мѣста посылокъ не чинить“.

Согласно сему опредѣленію сената, графъ Матвѣевъ и генералъ-майоръ Дмитріевъ-Мамоновъ, 9 апрѣля 1725 года, подъ крѣпкимъ карауломъ отправили изъ Москвы въ Петербургъ Степана Выморкова и важнѣйшихъ, по ихъ мнѣнію, „приличныхъ“ къ его дѣлу четырнадцать лицъ.

Слѣдствіе продолжалось въ Петербургѣ три съ половиною мѣсяца. Наконецъ, изъ всего дѣла въ Тайной канцеляріи составленъ былъ коротенькій, въ нѣсколько строкъ, экстрактъ.

30-го іюля 1725 года изволила слушать тотъ экстрактъ императрица Екатерина Алексѣевна ¹⁾ и затѣмъ, по ея указу, Тайная канцелярія, подведя соотвѣтствующія выписки статей изъ Уложенія и указовъ ²⁾, опредѣлила слѣдующее:

„1) Дворовому князя М. М. Голицына челоуѣку, Ивану Иванову Чевакинскому за то, что слыша отъ разстригъ Степана непристойныя слова про ея императорское величество, а не доместъ простотою—учинить наказаніе вѣсто кнута батогами, нещадно, и свободить съ пашпортомъ въ Москву.

¹⁾ Государыня въ тотъ день слушала три экстракта изъ дѣлъ тайной канцеляріи: 1) изъ рассказаннаго здѣсь нами дѣла Выморкова, 2) о письмѣ неизвѣстномъ, по которому слѣдовать въ Москвѣ гвардіи капитанъ князь Шаховской о словахъ графа Матвѣева (?), и 3) по дѣлу архимандрита Боголюбленскаго монастыря, что за ветошнымъ рядомъ, отца Іоакима, въ обвиненіи его разстригою Петромъ Васильевымъ въ произношеніи хульныхъ словъ.

²⁾ Уложеніе 1649 г., глава II, ст. 1, 19. Воин. артик. 1716 г., глава III, артик. 20; гл. XVI, арт. 129; гл. XVII, арт. 133, 136 и 137. Указъ 28 апрѣля 1722-го г., состоявшійся вслѣдствіе извѣстнаго дѣла Левина, поносившаго Петра I-го на площади въ Пензѣ.

2) Церкви великомученицы Екатерины, что въ Москвѣ, во дворцѣ, вверху, пона Леонтія Балановскаго, за то, что слышалъ отъ помянутаго же Степана про ея императорское величество непотребныя слова, не донесъ потому, что былъ боленъ зубною болью, и

3) города Тамбова Успенской церкви, что въ полковой слободѣ, Панская тожъ, пона Дмитрія Васильева, который также, и отъ того же Выморкова, слышалъ непотребныя про ея императорское величество слова, не доносилъ отъ простоты своей и боясь, чтобы онъ, Степанъ, не заперся — и за то имъ, попанъ, учинить наказание шелепами при синодѣ, и освобождены къ прежнимъ церквамъ тѣмъ жъ чинами.

4) Трегуляевского монастыря, бывшаго игумена Іосафа ¹⁾,

5) Тамбовскаго уѣзда архіерейской вотчины села Спасскаго, Таленское тожъ, столяру Осипу Куликову,

6) Богоявленскаго монастыря, что въ Москвѣ, іеродіакону Іову,

7) іеродіакону Савватию, разстригъ Симоу Павлову ²⁾,

8) іеромонаху Іосифу Дробницкому,

9) канархистру-монаху Діонисію, и

10) казначею-монаху Селиверсту, за недонесеніе о слышанномъ ими отъ Выморкова хульныхъ словъ, подлежали бы они наказанію, „однако же то имъ оставляется для поминовенія блаженныя и вѣчно-достойныя памяти его императорскаго величества“.

Всѣ эти лица были отправлены на мѣста жительства, при чемъ тѣ изъ нихъ, которые при допросахъ были разстрижены, вновь получили отъ синода постригъ.

11) Разстригамъ: Ѳеодору Степанову, и

12) Петру Васильеву ³⁾ ожидать окончанія вновь показаннаго отъ нихъ дѣла о словахъ, бывшихъ отъ іеромонаха Варнавы на архимандрита Іоакима.

13) Казанскаго монастыря, что въ Тамбовѣ, бывшаго іеродіакона Изосиму, разстригу Захарія Игнатьева, что онъ отъ Степана Выморкова ⁴⁾ про его императорское величество слышалъ не-

¹⁾ При допросахъ былъ питанъ, получилъ 7 ударовъ.

²⁾ При допросахъ два раза подниманъ на дыбу и висѣлъ на ней во второй разъ съ полчася.

³⁾ При допросѣ на пыткахъ дано ему 6 ударовъ.

⁴⁾ На двухъ пыткахъ, при допросахъ, дано Захарію Игнатьеву (бывшему іеродіакону Изосимѣ) 17 ударовъ.

ПРОПОВѢДНИКЪ ЯВЛЕНІЯ АНТИХРИСТА.

пристойныя слова, и о томъ не только донести, но и самъ на его слова говорилъ, и за то учинить ему, Захарію, вѣсто натуральной смерти, политическую: бить кнутомъ нещадно и, вырѣзавъ поздри, послать въ Рогервикъ, въ каторжную вѣчную работу.

14) Сокольскаго уѣзда села Избердей, бывшаго пона-распону Антипа Щеглова ¹⁾, который говорилъ про ся императорское величество важныя, непристойныя слова, и съ розыску въ томъ вины, и за то, вѣсто натуральной смерти, учинить ему, Антипу, политическую: бить кнутомъ нещадно и, вырѣзавъ поздри, послать въ Рогервикъ, въ каторжную вѣчную работу.

15) Наконецъ, города Тамбова, Предтечева Трегуняевского монастыря, бывшему монаху Самуилу, разстригъ Степану Выморкову за его важныя вины учинить ему, Выморкову, смертную казнь: отсѣчь голову въ С.-Петербургѣ, съ объявленіемъ ему той его вины, и по экзекуціи тою его голову, положи въ спиртъ, отправить съ нарочнымъ гвардіи сержантомъ въ Тамбовъ, велѣть тамъ въ городѣ сдѣлать каменный столбъ, гдѣ пристойно ноставить тою голову на желѣзной спицѣ; а туловище его, Выморкова, зарыть здѣсь въ землю; и о томъ, куды надлежитъ писать, а посланному дать инструкцію, и о винахъ Выморкова сочинить листъ, и послать съ помянутымъ сержантомъ, велѣть оный прибить къ столбу, гдѣ Выморкова голова будетъ“.

3-го августа 1725 года, канцеляристъ, въ присутствіи караульнаго гвардіи сержанта, прочелъ Степану Выморкову смертный приговоръ.

4-го августа, осужденный былъ исповѣдуемъ, и только спустя недѣлю, удостоенъ причастія святыхъ тайнъ; въ тотъ же день, когда Тайная канцелярія разрѣшила причастить Выморкова, она озабочивалась нарядомъ сержанта съ добрымъ солдатомъ, для отвоза головы не казеннаго еще разстриги Степана Осипова сына Выморкова.

Когда всѣ, такимъ образомъ, предварительныя распоряженія были окончены, 14-го августа 1725 года, за кронверкомъ (на Петербургской сторонѣ), у столба, въ присутствіи небольшой команды гвардейскихъ солдатъ, незамѣннаго свидѣтеля казни — секретаря

¹⁾ На жестокой пыткѣ при допросахъ дано ему было 19 ударовъ кнутомъ.

Тайной канцеляріи Ивана Топильскаго и толпы народа, совершена экзекуція: по прочтеніи приговоровъ, бывшій іеродіаконъ Изосимъ (разстрига Захаръ Игнатьевъ), и располь Антипа Щегловъ высѣчены кнутомъ, дано имъ по тридцати ударовъ каждому, и поздри у нихъ вырѣзаны.

Затѣмъ, у того же столба, по прочтеніи приговора, казнень былъ бывшій монахъ Самуилъ (разстрига Степанъ Осиповичъ) Выморковъ.

Голова его была отсѣчена, положена въ спиртъ, и гвардіи сержантъ, въ сопровожденіи „добраго солдата“, повезъ ее въ Тамбовъ „для публики“. „Публика“ совершена была такимъ образомъ: полковникъ, тамбовской провинціи воевода Петръ Ивановичъ Щербачовъ, „обще“ съ прибывшимъ сержантомъ, распорядились на площади, гдѣ бывають колодникамъ экзекуція, сдѣлать каменный столбъ, и на немъ утвердили желѣзную спицу. Затѣмъ, 8-го октября 1725 г., въ пятницу, въ торговый день, въ присутствіи властей и при многихъ людѣхъ, голова Выморкова „съ публикою“, съ барабаннымъ боемъ на спицу воткнута, и листъ о винахъ Выморкова при той оказіи прочтенъ и прибитъ крѣпко къ тому столбу, впредь для всенароднаго вѣдѣнія, и поставлены у того столба для караулу солдаты.

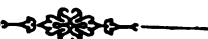
Іеродіакону Богоявленскаго, что въ Москвѣ, монастыря, Іерофею Оглоблѣ, „за его усердное показаніе, по опредѣленію графа Петра Андреевича Толстого и Андрея Ивановича Ушакова, и согласно съ указомъ 28-го апрѣля 1722 года, выдано въ награжденіе ея императорскаго величества жалованья 50 рублей“.

Смб.

25-го іюня 1868 г.

Примѣчаніе. Три года спустя по составленіи нами настоящаго очерка по подлиннымъ документамъ, сохранившимся въ Государственномъ архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ, — С. М. Соловьевъ въ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, изд. 1868 г., М., томъ XVIII, посвятилъ двѣ страницы этому дѣлу, замѣтивъ, что жизнь монаха Самуила Выморкова относительно ожиданія антихриста представляетъ одинъ „изъ самыхъ любопытныхъ эпизодовъ въ исторіи раскола“ (стр. 213—214). Коротенькая замѣтка о той же жизни была напечатана С. М. Соловьевымъ въ „Православномъ Обзорѣніи“ 1861 г.

М. О.

ФРЕЙЛИНА ГАМИЛЬТОНЪ

1719.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

ФРЕЙЛИНА ГАМИЛЬТОНЪ.

Историческій очеркъ.

1719.

«Страсть любовная, до Петра I почти въ грубыхъ правахъ не знаемая, начала чувствительными сердцами овладѣвать, и первое утвержденіе сей перемѣны отъ дѣйствія чувствъ произошло. А сіе самое и учинило, что жены, до того не чувствующія своей красоты, начали силу ея познавать, стали стараться унизать ее пристойными одѣяніями, и болѣе предковъ своихъ распростерли роскошь въ украшеніи. О, коль желаніе быть пріятной дѣйствуетъ надъ чувствами жен!»

Кн. М. М. Щербатовъ.

«О возрѣд. нравовъ въ Россіи», «Русская Старина» 1870 г., изд. третье, томъ II, стр. 16.

I.

Гемильтонъ или Гамильтонъ (Hamilton) принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ и именитѣйшихъ родовъ датскихъ и шотландскихъ, раздѣляющихся на множество отраслей. Мы не станемъ перечислять знаменитыхъ представителей и представительницъ этой фамиліи, но замѣтимъ, что хроники Гемильтоновъ богаты самыми романтическими происшествіями, самыми разнообразными дѣяніями на поприщахъ политическомъ, литературномъ, придворномъ, въ областяхъ искусства, живописи, музыки; наконецъ, имя одной изъ Гемильтонъ, леди Эмми Гемильтонъ (род. 1760 г., ум. 1815 г.), занимаетъ видное мѣсто въ хроникахъ англійскаго и неаполитанскаго дворовъ. Знаменитая красавица была любовницею многихъ достопочтенныхъ лордовъ, любовницею нѣсколькихъ героевъ, игравшихъ въ свое время важныя роли въ ученомъ или военномъ мірѣ, была сама героинею, публичною женщиною, была натурщицею, за деньги представляла статую богини Здравія (Hygiea), являлась публикѣ обнаженною и при-

крытою прозрачнымъ покрываломъ, была законною супругою лорда-посланника, управляла неаполитанскимъ дворомъ... словомъ, списокъ ея дѣяній безконеченъ ¹⁾).

Нѣкоторые изъ членовъ этой фамилии въ настоящее время (1860 г.) принадлежать къ числу ближайшихъ родственниковъ Луи-Наполеона III.

Вслѣдъ за такимъ громкимъ генеалогическимъ вступленіемъ можно подумать, что фрейлина Гамильтонъ, героиня настоящаго разсказа, есть лицо въ высшей степени замѣчательное, что жизнь ея полна дѣяніями романическими, что она—хоть блѣдный первообразъ леди Эммы Гамильтонъ? Нѣтъ, „дѣвка Марья Гаментова“, какъ названа Гамильтонъ въ современныхъ ей застѣвочныхъ документахъ и въ пыточныхъ допросахъ, личность интересная, но въ другомъ родѣ, въ другихъ нравахъ. Кратковременная жизнь ея не богата событіями разнообразными; но эти немногія событія характеризуютъ время Великаго Петра, нѣкоторыхъ изъ лицъ, его окружавшихъ, знакомятъ съ тогдашнимъ состояніемъ одной изъ важнѣйшихъ частей уголовного законодательства, наконецъ даютъ намъ поводъ, хоть въ краткомъ очеркѣ, представить внутреннюю жизнь петровскаго двора.

Въ послѣднее время (1860 г.) судьба фрейлины Гамильтонъ заинтересовала многихъ изъ тѣхъ, которые слѣдятъ за текущею русскою литературою. По поводу имени Гамильтонъ (Гаментова тожъ), случайно попавшаго въ устряловскіе списки оговоренныхъ и пытанныхъ лицъ въ 1718 году (Истор. Петра I, т. VI), въ одной изъ газетъ въ 1860 г. появилась интересная статейка: „Фрейлина Гамильтонъ“.

„Въ исторіи Россіи первой половины XVIII вѣка“—такъ начинается авторъ: „есть много лицъ, которыхъ трагическая судьба должна бы спасти отъ забвенія. Эти блѣдныя окровавленные тѣни, участь которыхъ мало трогала жестокія, недоступныя состраданію сердца людей, жившихъ въ то ужасное время, встаютъ теперь, одна за другой, изъ могилъ и являются передъ судомъ потомства, требуя очищенія памяти ихъ отъ несправедливаго осужденія и провознесенія новаго, успокоительнаго для нихъ приговора“.

Въ этихъ словахъ выражается взглядъ составителя статьи на фрейлину Гамильтонъ, о которой онъ призоветъ немногія, но любопытныя подробности изъ нѣсколькихъ печатныхъ сочиненій. Не

¹⁾ Энци. лексиконъ, т. XIII, стр. 457—459.

станемъ распространяться о томъ, вѣрно или невѣрно сужденіе неизвѣстнаго автора о трагической судьбѣ Гамильтонъ; но замѣтимъ, что судьба эта заинтересовала многихъ, и вслѣдъ за указанной статейкой въ газетахъ появилось нѣсколько дополнительныхъ статей, замѣчаній, объясненій и поправокъ о фрейлннѣ Гамильтонъ¹⁾.

„Мы покорнѣйше просимъ (заключаетъ авторъ одной изъ этихъ статей) занимающихся историческими изслѣдованіями эпохи Петра Великаго, въ особенности М. И. Сеневаго, поискать еще какихъ-либо свѣдѣній о Гамильтонъ; можетъ быть, и подлинное дѣло о ней гдѣ-нибудь сыщется“.

Имѣя предъ собой это дѣло, мы очень рады, что можемъ удовлетворить любопытству занимающихся отечественной исторіей.

„Семейство Гамильтонъ“, пишетъ А. Языковъ²⁾, основываясь на подлинномъ родословіи этой фамиліи, „прибыло въ Россію при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, между 1533 и 1583 годами. Родоначальникъ этой фамиліи былъ Фернардъ, родомъ датчанинъ, родственникъ герцога нормандскаго, за малолѣтствомъ герцога правившій Нормандіей въ 912 году.

„Отъ Фернарда до Якова Гамильтона, современника Петра Великаго, изображено на пергаментномъ родословномъ свиткѣ 24 нисходящихъ линій родства съ боковыми отраслями этого рода“.

Ближній бояринъ царя Алексѣя Михайловича, знаменитый Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, былъ женатъ на Гамильтонъ; впрочемъ, въ біографіяхъ Матвѣева фамилія жены его или вовсе не названа, или просто сказано, что она была происхожденіемъ шотландка³⁾, именемъ Евдокія. На каменной гробницѣ ея, въ фамильномъ склепѣ Матвѣевыхъ (въ Москвѣ, близъ Покровки), высѣчена слѣдующая надпись: „гробъ супруги блаженнаго боярина Артемона

¹⁾ „Сѣверная Пчела“ 1860 г., №№ 73, 74, 85, 91 и 139. „Санктпетербург. Вѣдом.“ 1860 г., № 74. Одна изъ этихъ статей принадлежала г. Циммерману, скончавшемуся въ 1863 г., тому самому, который впоследствии прославился какъ отличный офицеръ, затѣмъ генералъ генеральнаго штаба и начальникъ одного изъ корпусовъ въ войнѣ 1877—1878 гг.

²⁾ Нынѣ покойный директоръ училища правовѣдѣнія въ С.-Петербургѣ.

³⁾ Бант-Каменскій—Терещенко: Опытъ обзор. жизни самовильковъ и пр. 1837 г., ч. I, стр. 113. Малиновскій: Руконис. біографіи управившихъ иностр. дѣлами. Львова: Повѣствованія о боярахъ XVII в. М. 1831 г. Сахарова: Предисл. къ запискамъ сына Матвѣева. Н. Н. Новикова изд. „Исторія о невинномъ заточеніи Матвѣева“ 1776 г.

Сергѣевича Матвѣева—болярыни Евдокіи Григорьевны; а преставленіе ея во 180 (1672) году августа 24-го, на память пренесенія честныхъ мощей иже во святыхъ отца нашего Петра, митрополита кievскаго и всея Россіи чудотворца⁴.

Если надпись на гробницѣ Евдокіи Григорьевны умалчиваетъ о ея прежней фамиліи, за то мы узнаемъ ее изъ подписи надъ подлиннымъ родословіемъ Гамильтоновъ. Она помѣщена на пергаментномъ свиткѣ (длиною 3 аршина 12 вершковъ, шириною 1 аршинъ 2 вершка); „генеалогія знаменитой фамиліи Гамильтонъ, вышедшей изъ Шотландіи, составлена для употребленія знаменитому мужу Андрею Артамоновичу Матвѣеву, экстраординарному генеральному консулу Бельгій и союзныхъ государствъ, котораго знаменитая родительница произошла изъ фамиліи Гамильтонъ“.

Генеалогія эта, составленная по подлиннымъ историческимъ актамъ Шотландіи и Англіи, написана, разрисована и украшена Ѳ. Брандтомъ Энглеромъ, придворнымъ художникомъ Анны британской.

На верху родословнаго дерева, какъ описываетъ его Языковъ, съ правой стороны помѣщены гербы: Артамона Сергѣевича Матвѣева и жены его, Евдокіи Григорьевны. Надъ гербомъ перваго подписано: „Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, первый сенаторъ, министръ и канцлеръ московскаго государства, презудъ иностранныхъ дѣлъ, ближній бояринъ, намѣстникъ серпуховскій“. Семейный гербъ жены его представляетъ: щитъ пурпуроваго цвѣта, въ которомъ между тремя серебрянными розами изображено золотое сердце, окруженное золотыми чертами. Подъ гербомъ подпись: „княгиня Евдокія Григорьевна изъ дома или семейства Ѳомы Гамильтона г. Дарнгаберскаго, втораго брата Якова Гамильтона, каковой домъ началъ процвѣтать въ московскомъ государствѣ при Иванѣ Васильевичѣ“.

Нѣкоторые члены этой фамиліи скоро вступили въ русскую службу, обрусѣли и, вслѣдствіе употребляемой тогда славянской азбуки и всегдашней способности русскихъ коверкать иностранныя фамиліи, стали вписываться въ акты: Гамелтонами, Гаментонами, Гаментовыми, Хомутовыми¹⁾.

¹⁾ Последняя фамилія имѣетъ общій гербъ съ Гамильтонами, и у одного изъ представителей ея, наказнаго атамана донскаго войска М. Г. Хомутова, (нынѣ покойнаго), сохранилось генеалогическое древо рода его предковъ Гамильтонъ, о которомъ сообщилъ интересныя свѣдѣнія А. Языковъ („Слав. Пчела. 1860 г. № 189).

† 1719 г.

Гамильтоны, при воцареніи Петра, вслѣдствіе брака Евдокіи Григорьевны съ А. С. Матвѣевымъ, принадлежали къ аристократическимъ фамиліямъ и чрезъ Матвѣевыхъ имѣли большія связи; кто же изъ нихъ былъ отцомъ фрейлины Марьи Гамильтонъ?

Въ русскихъ документахъ отца ея называютъ Даниломъ; въ последней линіи родословія Гамильтонъ дворянскій братомъ по матери Андрею Артамоновичу Матвѣеву поставленъ Guilelmus — Гилимъ; зная свойство тогдашней, да и нынѣшней русской рѣчи — весьма основательно предположить, что Даниловна переначена изъ Вилимовны.

Такимъ образомъ Марья Даниловна или Вилимовна, знатная фрейлина петровскаго двора, была племянница Андрея Артамоновича Матвѣева.

Впрочемъ, положительныхъ указаній о томъ, кѣмъ былъ отецъ Маріи въ ряду московскихъ сановниковъ — мы не нашли; извѣстно только, что въ началѣ царствованія Петра одинъ изъ вновь образованныхъ полковъ былъ ввѣренъ начальству Гамонтова (Гамильтонъ) и по имени своего начальника назывался Гамонтовымъ полкомъ¹⁾. Какъ онъ переименованъ впоследствии и куда дѣлся командиръ полка — неизвѣстно; мы нашли только одно указаніе въ спискахъ 1706 года: „полкъ, бывший Ивана Бернера — именъ Гамельтоновъ, расположенъ въ Петербургѣ“²⁾. Не этотъ ли Гамильтонъ (Вилимъ?) былъ отцомъ фрейлины Маріи?

Въ то время, когда въ рядахъ русскаго войска въ званіи полковаго начальника служилъ иноземецъ Гамильтонъ, другой Гамильтонъ предводилъ однимъ изъ отрядовъ шведской арміи. Онъ взятъ былъ въ плѣнъ въ день полтавскаго сраженія, въ числѣ четырехъ другихъ генераловъ³⁾.

Какъ видно, онъ принадлежалъ къ числу именитѣйшихъ плѣнниковъ, ибо довольный Петръ во многихъ письмахъ, разосланныхъ

¹⁾ Еще Олеарій въ своемъ Путешествіи по Москвіи упоминаетъ о полковникѣ Гамельтонѣ (Hamilton), какъ объ одномъ изъ иностранцевъ-офицеровъ въ войнѣ царя Алексѣя Михайловича. Чтенія Моск. Общ. Исторіи. 1869 г., стр. 282.

²⁾ Тетради записныя, 1704—1706 гг., изд. 1774 г., стр. 164, 165, 186 и 186.

³⁾ Подеиная записка Петра, изд. 1770 г. Ч. I, стр. 202. Журн. Гизена, полов. 2, стр. 108, изд. 1788 г.: «взятъ въ плѣнъ генералъ-маіоръ Гамильтонъ». Голіковъ, изд. 2-е, т. IV, стр. 77; т. V, стр. 275; т. VII, стр. 246; т. XI, стр. 222; т. XV, письма 18, 19, 26.

къ разнымъ лицамъ, съ гордостью называетъ Гамильтона, искажая его имя на всѣ лады—общій удѣлъ всѣхъ тогдашнихъ иноземныхъ фамилій.

Большой чинъ Гамильтона не спасъ его отъ судьбы, постигшей всѣхъ шведскихъ плѣнныхъ. Въ 1714 году онъ былъ посланъ съ тремя товарищами въ Кирилловъ монастырь ¹⁾. Послѣ пятилѣтняго заточенія, при началѣ переговоровъ о мирѣ, онъ былъ освобожденъ, бывалъ у многихъ изъ вельможъ, принималъ участіе въ пирахъ, благодарилъ Петра за милостивое обхожденіе—это было въ 1719 г., то есть тогда, когда его однофамилица, по волѣ суроваго монарха, страдальчески окончила свою жизнь... Въ 1722 году генералъ-маіоръ Гамильтонъ получилъ разрѣшеніе возвратиться въ отечество. Онъ оставилъ Россію, надѣленный подарками отъ герцога Голштинскаго ²⁾.

Въ какомъ году начинается служба его прекрасной однофамилицы при дворѣ Петра и Екатерины — неизвѣстно. На основаніи нѣкоторыхъ соображеній, мы думаемъ, что Гамильтонъ, въ качествѣ ближней прислужницы Екатерины, явилась не ранѣе 1713 года. Въ 1715 году она уже сама имѣла двухъ горничныхъ и пользовалась расположеніемъ царя и царицы.

Штатъ Екатерины былъ далеко незатѣйливъ; онъ состоялъ изъ нѣмокъ, чухонекъ, карловъ и немногихъ русскихъ. Какъ видно, для званія прислужницы, по старому выраженію, дѣвушки съ верьху ³⁾, вовсе не требовалось ни знатнаго происхожденія, ни ума; въ этомъ случаѣ отличали только красоту и молодость. Такой выборъ объясняется какъ вкусомъ и характеромъ Петра, такъ и происхожденіемъ самой Екатерины.

Самые разнообразныя рассказы о первомъ и весьма темномъ періодѣ ея жизни носятъ характеръ легендарный; вотъ одна изъ этихъ довольно сбивчивыхъ легендъ, записанная, уже сто лѣтъ спустя послѣ рожденія Екатерины I, Гельбигомъ: отецъ Марты (Екатерины) былъ литовскій крестьянинъ Самунъ (Скавронскій); кромѣ сына

¹⁾ О бѣдствіяхъ шведскихъ плѣнныхъ въ Россіи подробно рассказываетъ Верхгольдъ. Ч. I, стр. 46, 56. Ч. II, стр. 44—46, 104 и 106.

²⁾ Верхгольдъ, ч. 2, стр. 98.

³⁾ «Въ верьху», т. е. во дворцѣ. «Ступай на верьхъ, зоветъ тебя баринъ», въ этомъ выраженіи нынѣшней (1860 г.) прислуги сохраняется прежнее значеніе слова: верьхъ. Въ старину были: верховныя боярыни и боярышни, равнявшіяся нынѣшнимъ статсъ-дамамъ и фрейлинамъ.

† 1719 г.

Карла, онъ имѣлъ трехъ дочерей: Марту, Христину и Анну. Вся семья была католической вѣры. По смерти Самуила, семейство переехало въ рижскій округъ, въ деревню Lennewaïden, на рѣчкѣ Rümbe. Марта родилась, какъ увѣряли иностранцы, 16 апрѣля 1686 года, и лишь только подросла, отдана была матерью, не имѣвшею средствъ содержать большую семью, въ услуженіе къ пастору Daui, въ томъ же округѣ, въ роопскій приходъ. Марта изъ католички преобразилась въ лютеранку и скоро ушла въ Мариенбургъ, венденскаго округа, въ услуженіе къ пастору Gück¹⁾. Къ этому времени относится бракъ ея, по любви, съ шведскимъ драгуномъ Johann. Исторія этого брака разсказывается иностранными писателями съ различными вариантами, всевозможными романтическими приключеніями — очевидно, произведеніями фантазіи сочинителей; другіе же писатели не только подробности, но и самый бракъ опровергаютъ. Для разъясненія этого вопроса недостаточно немногихъ, но весьма важныхъ документовъ, обнаруженныхъ К. И. Арсеньевымъ, С. Соловьевымъ и др. о семействѣ Екатерины: подождемъ еще матеріаловъ²⁾, а пока, вслѣдъ за Гельбигомъ, повторимъ легенду, что бракъ Марты (Екатерины) съ драгуномъ былъ непродолжителенъ. Драгуна потребовали въ полкъ³⁾. Это было незадолго до взятія Мариенбурга. Въ числѣ плѣнныхъ была илювидная Марта. Шереметевъ взялъ ее къ себѣ, но скоро уступилъ Меншикову, въ качествѣ служанки. Меншиковъ долго скрывалъ плѣнницу отъ вельможъ и Петра, но въ веселый часъ прихвастнулъ красавицей... Она взята во

¹⁾ Russische Günstlinge. Тюбингенъ, 1809 г., стр. 31—34. Германъ, въ известномъ сочиненіи своемъ: Geschichte d. russisch. Staats, V, 109, примѣч. 79, свидѣтельствуетъ, что авторъ Russ. Günstlinge — былъ Гельбигъ (Helbig), тайный совѣтникъ при саксонскомъ посольствѣ, аккредитованный къ петербургскому двору въ 1787 году. Въ дрезденской библіотекѣ, на корешкѣ книги R. Günstlinge выставлено имя Гельбига, какъ автора сего сочиненія, весьма интереснаго по отношенію къ русской исторіи XVIII вѣка.

²⁾ Разъясненію печатныхъ иностранныхъ извѣстій о происхожденіи Екатерины положилъ начало П. К. Щербальскій, напечатавшій во 2-й кн. Чтен. Общ. истор. и древн. росс. 1860 г. небольшое изслѣдованіе: „Новое предположеніе о происхожденіи Екатерины I“. Въ позднѣйшіе годы интересная статья, составляющая сводъ шведскихъ извѣстій о происхожденіи Екатерины I, была написана акад. Я. К. Гротомъ.

³⁾ Разсказываютъ, замѣчаетъ Гельбигъ, но за достовѣрность не ручаясь, что мужъ-драгунъ пробрался впоследствии въ Россію поспѣвать на царскомъ дворѣ на свою жену, но его будто бы схватили и, по повелѣнію Петра, сослали въ Сибирь.

(1800 г.)

дворъ государевъ въ концѣ 1703 г. или въ началѣ 1704 г.; въ 1705 г. имѣла уже отъ царя Петра двоихъ дѣтей, что видно изъ письма, ея именемъ такъ подписаннаго, 6-го окт. 1705 г.: Катерина сама третья. Именовалась она сначала Катерина Василевская (до 1708 г.), потомъ Михайловою (до 1711 г.); перешла въ Москвѣ (около 1708 г.) въ лоно православія¹⁾. Полагають, что крестною матерью была Екатерина Алексѣевна, сестра государя; вѣрно же то, что крестнымъ отцомъ былъ царевичъ Алексѣй Петровичъ, по имени котораго она и получила свое отчество и стала писаться Екатерина Алексѣевна.

Нѣсколько лѣтъ новая любимица считалась во дворѣ государя; съ марта мѣсяца 1711 года къ ней уже обращаются какъ къ царицѣ и она сопровождаетъ государя въ походахъ... Петръ обвинялся съ ней, по рассказамъ нѣкоторыхъ писателей, въ 1711 году.

Въ народѣ, по поводу этого брака, ходили разные толки и слухи...

— „Не подобаетъ монаху, не подобаетъ и ей (Катеринѣ) на царствѣ быть,—такъ говорили солдаты, говорили и въ народѣ,—вѣдь она не природная и не русская; и вѣдаемъ мы, какъ она въ полонѣ взята: приведена подъ знамя въ одной рубахѣ, и отдана была подъ караулъ; караульной, нашъ же офицеръ, надѣлъ на нее кафтанъ... Она (Катерина) съ княземъ Меншиковымъ его царское величество кореннымъ обвала“²⁾.

Такъ говорили въ толпѣ; писали же и печатали, какъ тогда, такъ и гораздо позже, нѣсколько въ другомъ тонѣ:

— „Великій монархъ,—воскликаетъ одинъ изъ восторженныхъ дѣписателей царя Петра I, —никогда не оказалъ быть себя отъ плотскаго сластолюбія преодолѣнна. По разводѣ съ царицею Евдокією, пробылъ безбрачно болѣе 12 лѣтъ, не имѣя ни въ мысли того, чтобъ ему когда съ возжелѣніемъ на женской полѣ воззрѣть, пока не уловленъ былъ отъ дарованій, усмотрѣнныхъ имъ на лицѣ или въ сердцѣ Екатерины, которую кой часъ только увидѣлъ, то

¹⁾ Въ нашемъ собраніи гравюръ и политипажей есть интересная литографія: Меншиковъ передаетъ царю Петру—Екатерину.

²⁾ Доношеніе дьячка Федорова на капрала и волоколамскаго помѣщика Кобылина въ бранн царскаго величества. Напечат. въ „Чт. Общ. Исторіи“ 1860 г., ч. 2, стр. 21—24, смѣсь. „Кобылинъ (такъ доноситъ дьячекъ) вообще говорилъ (про Екатерину) неудобъ сказаннымъ словомъ саверно «непристойно», по-своему разрѣшая вопросъ: „чего ради и корона ея, государыни, устроена“.

† 1719 г.

всю свою любовь къ ней возмнилъ съ продолженіемъ оной до кончины своей жизни безо всякія отиѣны! Толь сильное и здоровое тѣло имѣлъ великій Петръ!¹⁾

Въ 1715-мъ году, Петру Вестужеву данъ указъ царемъ Петромъ развѣдать о родныхъ Екатерины, и его отвѣтъ — одно изъ достовѣрнѣйшихъ извѣстій о ея происхожденіи.

„Вильгельмъ Ганъ Курлянецъ, доносилъ 25-го іюня 1715 г. Вестужевъ — у него четыре сестры: первая Катерина-Лиза была замужемъ въ Крейсбурхѣ за Яномъ Веселевскимъ. Вторая сестра Дорота была за Сковородскимъ, имѣла два сына и четыре дочери, была Лютерскова закону: одинъ Карлъ, другой Фрицъ въ Польскихъ Лифляндахъ, одна дочь Анна, другая Доротея, обѣ въ Польскихъ Лифляндахъ замужемъ; третья Катерина жила въ Крейсбурхѣ у тетки своей Маріи-Анны Веселевской²⁾, которую въ 12 лѣтъ возраста ея взялъ въ Лифляндѣ Шведской Маріенбургской пасторъ; четвертая Анна въ повѣтріе умерла“.

Родилась Катерина не въ 1686 г., а въ 1683 году.

Сильное и здоровое тѣло Петра Алексѣевича, вопреки словамъ его историка, любило, хотя и временныя, — но частыя отиѣны, и вотъ при дворѣ любимицы Екатерины; одна за другой, являются красавицы въ различныхъ званіяхъ, болѣе или менѣе опасныя, особенно въ первое время... Такимъ образомъ, является на сценѣ Марья Даниловна Гамильтонъ.

Чтобы ближе ознакомиться съ положеніемъ Марьи Даниловны Гамильтонъ при дворѣ, необходимо познакомиться съ штатомъ прислуги Екатерины; по, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ документовъ, ни даже списковъ придворнаго вѣдомства 1715, 1716, 1717 годовъ. Самая ранняя роспись, доставленная намъ П. Н. Петровымъ, относится къ 1720 году. Но такъ какъ въ пять лѣтъ не могло произойти важныхъ перемѣнъ въ составѣ и общемъ характерѣ придворнаго вѣдомства, то считаемъ не лишнимъ привести этотъ списокъ или „вѣдѣніе къ денежному жалованью 1720 года“:

„Комнаты ея величества всемплоштивѣйшей государыни царицы:

„Яганъ Петровой — 100 р.; Устинъ Петровой — 80 р.; Аннъ

¹⁾ Житіе Петра I-го. Соч. Θεодози, Москва, 1788 г., стр. 553.

²⁾ Отсюда фамилія Василевская, подъ которою Екатерина была известна въ Россіи. См. „Исторію Россіи“ Соловьева. т. XVI, стр. 70; т. XVIII, примѣч. стр. 10.

Ивановой—50 р.; Татьянѣ Герасимовой—20 р.; Варварѣ Мартыновой—24 р.; Сузанѣ Ивановой—80 р.; камер-пажу Семену Маврину—100 р.; пажу Густаву Голстинну—70 р.; пажу Антону Детольдену—70 р.; князю Ѳеодору Прозоровскому—20 р.; Карлу Мокию Челищеву—40 р.; Козымъ Спиридонову—40 р.; Ивану Воробьеву—20 р.; бабушкѣ Авдотѣ Павловой—100 р.; [Маргаритѣ Даниловой—65 р.; Агнетѣ Ивановой—26 р.; Катеринѣ Нелись—25 р.; карлицѣ Аннѣ Ивановой—20 р.; солдату Денису Иванову—10 р.; прачкѣ Доминѣ Ѳеодоровой—12 р.; музыканту Яну Пандуховскому—20 р.

„Комнаты царевны Анны Петровны ¹⁾“

„Авдотѣ Ильиной—120 р.; Дарѣ Ивановой—80 р.; Бятѣ Крестьяновой—80 р.; Софѣ Стенановой—80 р.; Катеринѣ Бухвостовой—50 р.; французкѣ Жегетонѣ—40 р.; Марѣ Шепелевой—20 р.; карлицѣ Устинѣ Никитиной—25 р. и Марѣ Даниловой—20 р.; карлику Фролу Сидорову—15 р.; Матвѣю Дементьеву—12 р.

„Комнаты царевны Елисаветы Петровны“

„Лискинѣ Андреевой—100 р.; Аннѣ Бятѣ—80 р.; Гритѣ Гликше (Gluck)—80 р.; Аннѣ Юрьевой—40 р.; карлицѣ Авдотѣ Петровой—20 р.; карлицѣ Аксиныѣ Тимофѣевой—20 р. ²⁾“; Авдотѣ Лаврентьевой—21 р.; Никитѣ Возжинскому—12 р. ³⁾“; Лискинымъ Андреевой, сыну Андрееву—12 р.; Афонасью Калугину—10 р.; кухмистру Яну Пельхеру—150 р.; Юрью Лининскому—3 р.; старухѣ Крестинѣ Пиперѣ—70 р.

„Комнаты царевны Натальи Петровны“

„Карлицѣ Марѣ Юрьевой—50 р.; старухѣ Аннѣ Николаевой—30 р.; прачкѣ Марѣ Андреевой—12 р.; дѣвкѣ Еленѣ Ивановой—12 р.; швейкѣ, которая надсматриваетъ надъ прачками, Лискинымъ Сигре-Сисели—14 р.; прачкѣ Керинѣ Ѳедосѣевой—12 р.;

¹⁾ Нѣкоторые изъ названныхъ лицъ приведены Голицыными въ спискѣ дѣвушекъ-фрейлинъ, т. VII, стр. 398.

²⁾ Это была московская крестьянка, страшный уродъ, съ бородой. По приказу Петра, сдѣланъ былъ ея портретъ, нагой, Гселлемъ, швейцарцемъ; хранится въ Акад. Наукъ.

³⁾ Подобные списки и близкое знакомство съ штатомъ той либо другой особы весьма важны во многихъ случаяхъ. Они иногда обнаруживаютъ вслѣдствіе какихъ связей и отношеній то либо другое лицо было или вошло.

Прасковья Васильевой, Катериня Ивановой, Лискинъ Ивановой, Марья Андреевой—по 12 р. каждой“.

Далѣе слѣдуетъ списокъ 11-ти нѣмчицъ; жалованье имъ было отъ 40 до 80 р.; три коровницы получали по 10 р.; колякъ Гаврило Горскій—10 р.; пяти гребцамъ—по 8 р. и 4 гривны каждому; шапочнику Д. Иванову—23 р. 8 гр. 2 деньги; портному Василью Вонифатьеву—14 р. 31 гр. 4 ден.; Ѳ. Бухарову—30 р.; двумъ шведкамъ, которые у золотыхъ дѣлъ мастера находятся, на обувь и на прочее—по 6 р.; калитченку—4 р.

Комнатъ великаго князя и великихъ князей:

„Камеръ-фрауу Солтанине—60 р.; Смендахине-Віате Петровой—50 р.; камер-юнг-фаръ Катеринѣ—50 р.; портному Іогану-Фридриху Стенбаху—80 р.“; Петру Бену и двумъ хайдукамъ не означено.

Въ этомъ списокѣ, на-ряду съ иностранними фамиліями, много русскихъ; въ послѣдніе годы, дѣйствительно, при дворѣ Петра является болѣе русскихъ, нежели прежде; впрочемъ, по фамиліямъ женщинъ вовсе нельзя судить, чтобъ онѣ были русскія. Иностранния имена несклажались, по волѣ каждого нисца, на русскій ладъ, либо иностранка выходила замужъ за русскаго.

Приведенный списокъ позволяетъ догадываться, что и при поступленіи ко двору Гамильтонъ, тѣ же или подобныя же лица составляли дворъ¹⁾. Содержаніе получали они довольно скудное, даже и по тому времени; вообще, вся эта толпа русскихъ, нѣмокъ, поляковъ, полекъ, чухонковъ напоминала барскую дворню крѣпостныхъ холоповъ—дворню самую разнохарактерную. Можно судить, какую смѣсь языковъ, одеждъ и лицъ представляла эта толпа; какой странный контрастъ являлъ собою дворъ Петра и Екатерины съ дворами московскихъ царей прежняго времени!

Петръ скоро замѣтилъ красавицу Гамильтонъ и сдѣлалъ для нея отпѣну, вѣроятно „усмотря въ ней такіа дарованія, на которыя не могъ не смотрѣть съ вожделѣніемъ“.

Его-ли вниманіе, вниманіе-ли Екатерины, которая, желая угодить влстелину и своему „хозяину“, ласкала временныхъ своихъ соперницъ,—какъ бы то ни было, только Марья Вилимовна или Дани-

¹⁾ Большимъ однообразіемъ и порядкомъ отличался дворъ Шарлотты Софій, супруги царевича Алексія Петровича. Штатъ ея составленъ былъ почти весь изъ нѣмцевъ и нѣмокъ. На содержаніе отпускалось 11 т. руб. Устряловъ, т. VI, стр. 83.

ловна Гамильтонъ пользовалась значеніемъ при дворѣ, имѣла много нарядовъ, дорогихъ вещей, нѣсколько горничныхъ, изъ которыхъ впоследствии важную роль играютъ въ ея жизни Катерина Терновская, да Варвара Дмитріева. Марью Даниловну ласкали, вслѣдъ за государемъ и государыней, придворные; ей дѣлали значительные подарки.

Такъ, напримѣръ, генеральша Балкъ подарила ей красивую дѣвushку Крамеръ. Анна Ивановна Крамеръ была дочь купца и члена харьскаго магистрата. Взятая въ плѣнъ въ 1704 году, она была отослана на житье въ Казань, оттуда, нѣсколько лѣтъ спустя, пріѣхала въ Санктпетербургъ и здѣсь подарена г-жѣ Балкъ; послѣдняя презентовала ее Марѣ Даниловнѣ. Посѣщая Гамильтонъ, государь Петръ Алексѣевичъ шутилъ и съ ея милой прислужницей... „Государь (замѣчаетъ Гельбигъ) находилъ большое удовольствіе въ бесѣдахъ съ ней“¹⁾.

Окруженный подобными красавицами, развлекался съ ними въ часы досуга, Петръ веселился и хотѣлъ, чтобъ веселились всѣ его приближенные: съ этою цѣлью монархъ, среди множества государственныхъ дѣлъ, находилъ время устроивать самыя бурьезныя празднества; царемъ ихъ былъ прежній его наставникъ, Зотовъ.

„Мудрый государь (воскликаетъ Голиковъ) наименовалъ сего Зотова папою, дабы мечтаемую папою власть надъ христіанствомъ и самую особу папы привести у подданныхъ своихъ въ презрѣніе. Съ этою цѣлью наряжалъ онъ Зотова смѣшнымъ образомъ въ папскіе уборы, представлялъ многіе обряды папскіе въ такомъ же смѣшномъ видѣ и проч. Равнымъ сему образомъ приводилъ царь, мало-по-малу, въ неуваженіе патріарха Россійскаго“.

Чтобы приготовить народъ къ пебытію патріарха, повѣствуетъ авторъ „Дѣяній“, и напередъ извѣдать мысли своихъ подданныхъ, государь преобразилъ князь-папу въ князь-патріарха. Онъ одѣвалъ Зотова въ платье, подобное патріаршему; когда тотъ торжественно садился на коня въ назначенные дни, то государь, подражая прежнимъ царямъ русскимъ, держалъ стремя его сѣдла.

Съ цѣлью же осмѣянія патріаршаго званія государь повелѣлъ устроить смѣхотворную свадебную церемонію мнимаго патріарха²⁾.

¹⁾ Russ. Gänstl. стр. 103—104.

²⁾ Голиковъ, т. VI, стр. 273—292. Мы видѣли у Н. И. Уривкова картины 1702 и 1704 гг. свадьбы шутовъ великаго Петра. Дѣйствующія лица изображены въ монашескихъ уборахъ и ризахъ. Гравюры эти потому были нами приобритены отъ Уривкова, чинъ покойнаго.

† 1719 г.

21-го сентября 1714 года данъ былъ указъ всѣмъ знатымъ особамъ обоюго пола, гвардіи офицерамъ и другимъ чиновникамъ быть на свадьбѣ тайнаго совѣтника Никиты Зотова, для чего и приготовить „всесвѣтнаго манера платья, съ тѣмъ, однако, чтобъ каждаго манера было не болѣе трехъ платьевъ“.

10-го декабря государь осматрѣлъ всѣхъ ряженныхъ въ домѣ секретаря Волкова, на Васильевскомъ островѣ; самъ распредѣлилъ порядокъ поѣзда, собственноручно написалъ реестръ господамъ, кому быть на свадьбѣ, въ какомъ платьѣ и съ какими играми. Вся знать, начиная отъ графа Апраксина, князя Меншикова, митрополита новгородскаго, царевича Алексѣя до послѣдняго царскаго деньщика, всѣ должны были участвовать въ смѣхотворной процессіи. Изъ дамъ приняли въ ней участіе: ея величество государыня въ фрисландскомъ костюмѣ, двѣ царицы Марѣя Матвѣевна и Прасковья Федоровна — въ польскихъ нарядахъ, обѣ женщины чрезвычайно набожныя, для которыхъ, безъ сомнѣнія, имя и званіе патріарха имѣло гораздо болѣе значенія, нежели для Екатерины, переимѣнившей, по волѣ случая, вѣроисповѣданіе. Кромѣ двухъ царицъ, царевнѣ и принцессѣ, государыню сопровождали пять дѣвицъ-фрейлинъ: онѣ были въ лѣтникахъ и въ нагольныхъ шубахъ (вывороченныхъ?). Въ этомъ странномъ, не совсѣмъ красивомъ нарядѣ, сохранившемся въ настоящее время между кухарками и горничными низшаго разряда, во время ихъ ряженій о масляницѣ и сяткахъ, должны были нарядиться фрейлины Екатерины I-й. Въ этомъ же нарядѣ, безъ сомнѣнія, была и Марья Даниловна Гамильтонъ.

Гости приглашались особою запискою, написанною въ юмористическомъ тонѣ такого рода: „позвать вѣжливо, особливимъ штилемъ, не торопясь... между многими другими тѣхъ, которымъ со двора отлучиться нельзя“ (т. е. деньщиковъ). Четверо величайшихъ заикъ должны были ходить съ приглашеніями; не принять ихъ никто не смѣлъ, опасаясь тягчайшаго гнѣва государева ¹⁾.

16-го января 1715 года стали съѣзжаться; дамы собрались въ домъ князь-игуменьи Ржевской, каждая въ назначенномъ ей нарядѣ, съ красными дудочками. Весь кортежъ двинулся по городу длинной

¹⁾ Такъ напр. Матѣй Алексѣевичъ Головинъ за то, что не хотѣлъ ридиться и мараться сажею, былъ раздѣтъ до-нага и преобразенъ въ демона на невискомъ льду. Демонъ не явилъ силъ демонской; онъ простудился, получилъ горячку и вскорѣ умеръ. Родосл. Головинныхъ изд. 1847 г., стр. 60.

процессіей, въ линияхъ, каждая о шести лошадяхъ, вслѣдъ за ново-братними; по бокамъ шли скороходы, старцы, уродливыя толстяки, не могшіе двигаться безъ пособія другихъ; впереди шли музыканты со всевозможными инструментами. При громѣ пушечной пальбы, звукахъ музыки и колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей, семидесятилѣтній князь-патріархъ былъ обвѣнчанъ съ шестидесятилѣтней архіерейшей московскимъ девяностолѣтнимъ священникомъ изъ Архангельскаго собора. Обѣдъ былъ въ домѣ князь-патріарха, откуда съ смѣшными обрядами, поднявъ жениха, процессія двинулась по всему городу. Народъ въ безчисленныхъ толпахъ смотрѣлъ на курьезное зрѣлище; на улицахъ выставлено было для него угощеніе: множество бочекъ съ виномъ, пивомъ и разными яствами. Этотъ народъ, такъ недавно благоговѣвшій предъ патріархомъ, нынѣ забавлялся на счетъ его званія; пьяная толпа, съ ковшами въ рукахъ, въ великомъ смѣхѣ ревѣла: „патріархъ женился! патріархъ женился! да здравствуетъ патріархъ съ патріаршей!!“

Забавы продолжались болѣе двухъ недѣль. Подобныя пиршества свадебныя, имениныя и другія, сопровождавшіеся страшнѣйшими попойками, по увѣренію Голикова, служили Петру средствомъ „къ узнанію расположенія сердець, сопирующихъ съ нимъ!“¹⁾

Поводовъ къ устройству попойекъ и всевозможныхъ пиршествъ съ такою оригинальною цѣлью было очень много: ни Петръ, ни его приближенные не упускали случая ими пользоваться; церковныя праздники, царскіе и кавалерскіе дни, спуски кораблей, закладки новыхъ зданій, приходъ новыхъ кораблей—все было достаточнымъ предлогомъ для пира. Въ 1715 году, между прочимъ, рожденіе царевича Петра Петровича, чрезвычайно порадовавшее государя, вызвало цѣлый рядъ обѣдовъ „съ зѣло-веселительнымъ пьянствомъ“. Ради веселія и праздника, государь дѣлался снисходительнымъ къ нѣкоторымъ человѣческимъ слабостямъ. Такъ, напримѣръ, въ одинъ изъ большихъ праздниковъ отъ наткнулся на улицѣ на мертвецки-пьянаго работника. Монархъ толкнулъ его ногою, говоря: „вставай,

¹⁾ Дѣянія Петра Великаго, томъ VIII, стр. 366. „Въ попойкахъ, по иже-нію кн. М. М. Щербатова, государь тѣмъ же познать мысли недоброхотствующихъ ему вельможъ... И се, можетъ статься, была причина, что не токмо знатнѣйшихъ бояръ нѣкоторые родомъ самовластиа унываться принуждали, но иногда и женщинъ поимъ“... „Чт. Об. Истор.“ 1860 г., кн. I, о порокахъ Петра, стр. 19.

братъ!“, но толчокъ ли былъ слабъ или вино тогдашнее крѣпко, только работникъ не проснулся. Государь велѣлъ убрать его въ караульную. Когда пьяный проснулся, его привели къ Петру. Работникъ, не видя въ очахъ и въ голосѣ монарха ничего гнѣвнаго, чистосердечно покаялся: „обрадовавшись-де празднику и отдохновенію отъ работы, согрѣшилъ — напился“. Государь простилъ кающагося: „да опохмѣлите его, замѣтилъ онъ, отпуская работника: чай, голова у него болитъ...“ ¹⁾).

На пиршествахъ присутствовали всѣ знатныя дамы: присутствовала и фрейлина Гамильтонъ. Красавицы, въ угоду пирующимъ, зачастую осушали бокалы... Ассамблеи не получили еще правильнаго устройства; самое слово не закрѣплено было царскимъ указомъ, но собранія танцевальныя были въ большомъ употребленіи, и всѣ дамы, въ особенности молодыя иностранки, чуждыя русскаго предубѣжденія къ этимъ потѣхамъ, отъ души веселились; веселилась и танцевала, безъ сомнѣнія, и наша красавица. Она не имѣла первое время опасныхъ соперницъ, которыя могли бы затмить ее своею красотою. Царевны Анна и Елисавета Петровны были „прекрасны, по замѣчанію современника, какъ ангелы“ ²⁾; но въ это время были дѣтскими. Княгиня Марья Юрьевна Черкаска (род. 1696 г., ум. 1747 г.), обѣ Головкины, Измайлова, считавшіяся въ 1721—1723 годахъ первыми красавицами петербургскаго двора, въ то время также были еще очень молоды ³⁾. Въ числѣ немногихъ соперницъ Гамильтонъ, въ 1713—1716 годахъ была генеральша Авдотья Ивановна Чернышева, пользовавшаяся иногда особымъ вниманіемъ государя... Онъ называлъ ее обыкновенно: „Авдотья — бой-баба!“ ⁴⁾.

¹⁾ Дѣянія Петра Великаго, томъ XV, стр. 242—243.

²⁾ Берхгольдъ, ч. I, стр. 54, 86 и 101.

³⁾ Въ 1721 году Берхгольдъ насчитывалъ при нашемъ дворѣ до тридцати хорошенькихъ дамъ, которыя, по его мнѣнію, мало уступали голштинскимъ дамамъ въ пріятности, хорошихъ манерахъ и красотѣ. Ч. I, стр. 55.

⁴⁾ Авдотья Ивановна Чернышева (послѣ графиня) род. 1693 г., ум. 1747 г.; ее любила впоследствии императрица Анна Ивановна. Она часто призвала ее потѣшить себя анекдотами. Рассказщица заботилась, ноги ея такъ сильно отекали, что она не могла стоять. Тѣмъ не менѣе рассказывать нужно было съ почтеніемъ, стоя. Благодушная государыня сжалась однажды надъ ея страданіями и, замѣтивъ, что Авдотья Чернышева совершенно немогла и съ трудомъ держалась на ногахъ, сказала ей:

— „Ты можешь наклониться на этотъ столъ; служанка заслонитъ тебя и, такимъ образомъ, я не буду видѣть твоей позы“. (Записки Екатерины Романовны Дашковой).

Русскимъ дамамъ много вредила дурная и отвратительная мода: онѣ сильно румянились. Почти всѣ петербургскія дамы такъ хорошо умѣли раскрашивать себя, что мало уступали французенкамъ¹⁾.

Страсть къ нарядамъ и уборамъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе расиространялась при дворѣ²⁾; но средства удовлетворять возникавшимъ потребностямъ были въ самомъ младенческомъ состояніи. „Я отъ вѣрныхъ людей слыхалъ, замѣчаетъ кн. М. М. Щербатовъ, что тогда въ Москвѣ была одна только уборщица для волосъ женскихъ; и ежели къ какому празднику, когда должны были младныя женщины убираться, тогда случалось, что она за трои сутокъ нѣкоторныхъ убирала, и онѣ принуждены были до дня выѣзда сидѣть спать, чтобы убору не испортить... Есть ли страсть быть пріятной такое дѣйствіе надъ женами производила, не могла она не имѣть дѣйствія и надъ мужчинами, хотящими имъ угоднымъ быть, то то же тщаніе украшеній ту же роскошь рождало. И уже престали довольствоваться однимъ или двумя длинными платьями, но многія съ галунами, съ шитьемъ и съ пондеспанами дѣлать начали“³⁾.

Сама Екатерина Алексѣевна, по свидѣтельству того же историка, любила и старалась украшаться разными username и простирала это желаніе до того, что запретила другимъ женщинамъ подобныя ей украшенія носить, какъ, наприимѣръ, убирать алмазами обѣ стороны головы, дозволивъ убирать одну лѣвую сторону; запрещено было носить горностаевыя мѣха съ хвостиками, которые одна она носила, и это обыкновеніе, введенное не указомъ и не закономъ, обратилось въ узаконеніе, въ силу котораго это украшеніе присвоено было только одной царской фамиліи въ то время, какъ въ Германіи и мѣщанки носятъ эти мѣха...“³⁾.

¹⁾ Въ этомъ отношеніи онѣ ушли впередъ со временъ царя Алексѣя Михайловича. Вотъ что писалъ Олгарій: „русскія женщины вообще красны, но всѣ почти румянятся, притомъ чрезвычайно грубо и неискренно; при взглядѣ на нихъ, можно подумать, что онѣ намазали себѣ лицо мукой и потомъ кисточкой накрашили щеки. Онѣ красятъ также брови и рѣсницы черною, а иногда и коричневою краскою“. (Глава III, о русскихъ въ отношеніи ихъ вѣшняго вида).

²⁾ Нѣмецкое платье начинаетъ входить въ употребленіе по всей Россіи съ 1706 г. Къ этому году относится множество грамотъ царскихъ о ношеніи дворянами сего платья, подъ страхомъ жестокаго наказанія. Нѣкоторыя изъ грамотъ помѣщены въ Древн. Росс. Вывлѣопеніѣ, ч. 2, стр. 257, 258 и друг.

³⁾ „Русская Старина“ 1870 г., изд. третье, томъ II, „О поврежденіи нравовъ“, стр. 16 и 27.

Примѣръ Екатерины еще болѣе усиливалъ между молодыми придворными женщинами страсть къ нарядамъ. Ея любимица камеръ-фрейлина Гамильтонъ, какъ увидимъ ниже, до такой степени увлеклась этою страстью, что, не имѣя возможности украшать костюмъ такъ, какъ бы это хотѣлось, стала пользоваться вещами изъ туалета своей госпожи. Петръ, по извѣстной бережливости, другіе поклонники Гамильтонъ, по бѣдности, не могли дарить ее необходимыми украшеніями; а между тѣмъ, для поддержанія красоты и значенія между дамами и дѣвками, она нуждалась во многихъ вещахъ. Эта потребность являлась тѣмъ болѣе насущною, что красота Гамильтонъ стала блекнуть; она уже два раза была беременна... Первая беременность ея относится къ 1715 году. Въ это время, впоследствии рассказывала Варвара Дмитриева, находившаяся при ней въ услуженіи отъ великаго поста и до Троицына дня, Гамильтонъ была больна: „и въ то время хаживали къ ней явно Семенъ Алабердѣевъ, деньщики и прочіе дворцовые служители; но была ли тогда брюхата Марья, того я, Варвара, подлинно не знаю“ ¹⁾.

Изъ другихъ показаній видно, что сомнѣнія въ беременности Гамильтонъ не могло и быть; несчастная, стыдясь множества поклонниковъ своихъ, два раза, какъ сама послѣ созналась, „вытравливала дѣтей лекарствами, которыя брала у лекарей государева двора, причемъ сказывала лекарямъ, что беретъ лекарство отъ запору...“ ²⁾.

За злополучной дѣвушкой, во время ея тяжелыхъ болѣзней, ходила, кромѣ Варвары Дмитриевой, казначейша Анна (Крамерь). Варвара носила Марью Даниловну (изъ придворной кухни) ѣсть и пить. Въ награду за службу Марья Даниловна дала Варварѣ „два небольшіе жемчуга, серьги, да юбку старую, коломниговую“.

Между тѣмъ, царь Петръ уже охладѣлъ къ Марьѣ Даниловнѣ; первая по времени назначенія въ Россію камеръ-фрейлина ³⁾ была для него не болѣе, какъ предметъ временной, преходящей

¹⁾ Показаніе 9-го апрѣля и 5-го августа 1718 года.

²⁾ Показаніе 12-го марта 1718.

³⁾ Таковую считаетъ Марью Гамильтонъ П. О. Коробановъ въ своемъ обширномъ и интересномъ трудѣ: „статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора въ XVIII и въ первой четверти XIX вѣковъ“. Напечатано въ „Русской Старинѣ“ 1870 г., изд. третье, томъ II, и въ „Русской Старинѣ“ изд. 1870 и 1872 г. изд. второе. О Гамильтонъ см. у Коробанова въ „Русской Старинѣ“ изд. 1871 г., томъ III, стр. 465—466.

любви, подобно Анны Моисъ, Матрени Балкъ, Авдотьи Чернышевой (по словамъ Вильбоа, безпорядочнымъ поведѣніемъ своимъ имѣвшей вредное вліяніе на здоровье Петра), Анны Крамеръ, княгини Кантеміръ и многихъ другихъ. Только любовь къ Катеринѣ Алексѣевнѣ, обратившаяся у Петра въ привычку и всѣми средствами поддерживаемая Меншиковымъ, оставалась въ прежней силѣ ¹⁾).

Оставляемая Петромъ, Гамильтонъ обратила вниманіе на одного изъ его деньщиковъ, на Ивана Орлова... Надо думать, что предметъ ея любви, по крайней мѣрѣ, въ физическомъ отношеніи, былъ достоинъ выбора: въ деньщики выбирались красивые, рослые, видные, расторопные и смѣшленные молодые люди.

Они поступали изъ дворянъ, большею частью незнатнаго происхожденія (деньщикамъ петровскимъ въ настоящее время соотвѣтствуютъ флигель-адъютанты). Число деньщиковъ было неопредѣленно, доходило иногда до двадцати; имъ поручались самыя разнообразныя, нерѣдко первой важности дѣла: какъ, напримѣръ: развѣдываніе о поступкахъ генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ, военныхъ начальниковъ, и проч. На деньщикахъ лежали обязанности: развѣдывать, доносить, производить слѣдствіе, нерѣдко исполнять роль палача: по царскому велѣнію, нещадно исправлять провинившагося дубиною. Такая разносторонняя дѣятельность требовала особнхъ способностей и, разумѣется, прежде всего—силы, ловкости, бойкости... Деньщики выполняли и лакейскую службу при столѣ государя, его выѣздахъ, и т. п. Кромѣ ихъ, для ежедневной службъ при государѣ было нѣсколько гайдуковъ; они обыкновенно становились, по очереди, при выѣздахъ государя и государыни сзади экипажа. Деньщики были обыкновенно записаны и числились на службѣ въ одномъ изъ полковъ гвардіи и, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, государь возводилъ ихъ въ высокіе чины, давалъ отличныя мѣста, поручалъ вѣдать государственными дѣлами... Изъ нихъ выходили генералъ-прокуроры (Ягужинскій), президенты коллегій, сенаторы, генералъ-фельдмаршалы ²⁾, начальники войскъ, камергеры ³⁾, судьи въ дѣ-

¹⁾ Записки Вильбоа над. 1835 г. *Anecdotes intéressantes de la cour de Russie*. Londres, 1792. T. IV, p. 73—77. T. III, p. 257—259. *Lettres d'une dame anglaise*, над. 1776 г., и друг.

²⁾ Напримѣръ, Александръ Борисовичъ Вутурлинъ, пользовавшійся въ 1727—1729 годахъ особымъ расположеніемъ цесаревны Елисаветы Петровны.

³⁾ Напримѣръ, Дрезиникъ.

лахъ первой важности, правители областей имперіи и прочіе властные люди. Впрочемъ, нѣкоторые изъ деньщиковъ, либо не заявившіе необходимыхъ способностей, либо имѣвшіе несчастье сами попасться въ какое-нибудь преступленіе, или теряли это званіе и пропадали въ безвѣстности, гдѣ-нибудь на службѣ въ полку, или навсегда оставались деньщиками.

Какъ велика, лучше сказать, важна была обязанность царскихъ деньщиковъ, можно судить изъ того, что государь, послая одного шпіона для развѣданія о какомъ-нибудь дѣлѣ, для выщей вѣрности, посылалъ вслѣдъ за нимъ другого лазутчика изъ деньщиковъ; этотъ наблюдалъ за первымъ посланнымъ. Эта система наблюденій при великомъ преобразователѣ Россіи пустила глубокіе корни... ¹⁾ Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы деньщики зачастую, по особымъ повелѣніямъ, работали палками и батогами на спинахъ провинившихся царедворцевъ, губернаторовъ и сенаторовъ, въ то же время сами не подвергались непріятностямъ палочнаго штрафованія. Напротивъ, то переходное время тѣмъ именно достопамятно, что каждый получалъ свое въ свою очередь ²⁾. За деньщиками въ этихъ случаяхъ оставалась только одна, впрочемъ, весьма важная льгота: ежечасно находясь при государѣ, они превосходно знакомились съ его характеромъ, странностями, и мастерски иногда пользовались этимъ. Приведу одинъ случай: кумъ и деньщикъ государя, Асана-сій Даниловичъ Татищевъ, не сумѣлъ какъ-то исполнить одного приказанія. Повелѣно нещадно отодрать его батогами передъ окнами дворца. Палки и барабаннымъ были готовы. Татищевъ не торопился идти на штрафъ. Между тѣмъ, выбѣжавъ изъ дворца, встрѣтилъ на дворѣ кабинетскаго секретаря Занятиина. Татищеву

¹⁾ О деньщикахъ см. у Штелина, стр. 184—186. Верхгольцъ, ч. I, стр. 55—58. Голыковъ, т. VI, стр. 263; т. XIII, стр. 372. Шпіонъ нерѣдко губилъ шпіона. Такъ, по дѣлу Гагарина, губернатора сибирскаго, по доносу деньщика, посланнаго для надзора за первымъ слѣдователемъ, послѣдній по-
вѣшенъ. Т. XV, стр. 138—141.

²⁾ Палочное штрафованіе находило большое сочувствіе въ сердцахъ нѣкоторыхъ россіянъ того времени; оно долго не изглаживалось: почти сто лѣтъ спустя, О. Бѣляевъ, описывая кабинетъ Петра и съ умиленнымъ благоговѣніемъ глядя на дубину преобразователя, восклицалъ: „досто не постигъ быть битъ отъ такого государя, который въ одну минуту побѣды и пожалуетъ“. Въ этихъ словахъ, сказанныхъ въ 1793 году (Описан. кабин., стр. 141), какъ бы слышится упрекъ царствованію Екатерины II, въ которое не такъ много было людей, но много жаловали думами.

пришла гениальная мысль подставить, вмѣсто своей, чужую спину. „Куда ты засунулся?“ закричалъ онъ писарю: „государь тебя уже нѣсколько разъ спрашивалъ и крайне гнѣвается; я ищу тебя, ступай скорѣй“. Замятиннѣ приведенъ къ барабанщикамъ. „Раздѣвать!“ закричалъ занятый дѣлами государь, на минуту выглянувъ изъ окна. „Что жъ вы стали, принимайтесь!“ крикнулъ Татищевъ, указывая на Замятинна. Секретаря его величества въ мгновеніе ока раздѣли, бросили на землю и пальки запрыгали по оголенной спинѣ. Татищевъ стоялъ за угломъ. Сѣкуція продолжалась недолго. Государю было некогда; онъ торопился въ армірайтеиство, почему и закричалъ: „полно!“

Послѣ сѣкуціи Замятинна, деньщикъ бросился къ Екатеринѣ съ мольбой о ходатайствѣ. „Что ты это надѣлалъ?“ сказала сердобольная монархиня съ нѣкоторымъ смущеніемъ, выслушавъ рассказъ о странномъ, но выгодномъ обмѣнѣ одной спины другою: „вѣдь государь узнаетъ, онъ разсѣчетъ тебя“¹⁾. — „Вѣдь подъ батожье-то ложиться не весело“, довольно основательно говорилъ Татищевъ и молилъ о пощадѣ и предстательствѣ у государя. Екатерина обѣщала ходатайствовать; нашла удобную минуту, когда государь былъ въ веселомъ расположеніи духа, и Татищевъ былъ прощенъ. „Ну, братъ, сказалъ монархъ сѣченному Замятинну, прости меня, пожалуйста; мнѣ тебя очень жаль, но что дѣлать? пеняй на плута Татищева; однако-жъ я сего не забуду и зачту побой тебѣ впредь“.

Въ то время счеты сводились чрезвычайно скоро и аккуратно. Замятиннѣ провинился, и великодушный монархъ всемилостивѣйше повелѣтъ соизволилъ: зачесть за настоящій проступокъ прежнюю сѣкуцію.

Сказаннаго достаточно для знакомства съ обязанностями деньщиковъ царскихъ, съ ихъ значеніемъ въ то время, когда за ними ухаживали важнѣйшіе сановники, съ ихъ наконецъ положеніемъ въ тогдашнемъ обществѣ.

На одного изъ этихъ-то царскихъ любимцевъ, Ивана Михайловича Орлова, обратила вниманіе Марья Даниловна Гамильтонъ; она плѣнила деньщика и, въ свою очередь, плѣнилась его красотой. Это былъ молодой человекъ, онъ не успѣлъ еще ничѣмъ проявить себя на службѣ и имя его рѣдко встрѣчается въ современныхъ докумен-

¹⁾ „Дѣянія отца отечества“, т. XV, стр. 208—206.

† 1719 г.

тахъ. Впервые упоминается о немъ въ бумагахъ 1709 года ¹⁾. Въ спискахъ чиновъ преображенскаго полка ²⁾ имя Ивана Орлова, какъ простаго рядового и потомъ сержанта, не встрѣчается ни разу. Тѣмъ не менѣе и онъ, на ряду съ другими деньщиками, исполнялъ различныя, впрочемъ, неважныя порученія ³⁾.

Орловъ, равно и другіе русскіе кавалеры тогдашнихъ собраній, всегда вызывали вниманіе красавицъ, предпочтительно предъ нѣмцами-кавалерами. Ростъ ли, красота, другія ли какія свойства, только выборъ львицъ петербургскихъ большею частью падалъ на русскихъ гвардейцевъ ⁴⁾. Такимъ образомъ, выборъ, сдѣланный фрейлиной Гамильтонъ, вовсе не былъ исключеніемъ... Орловъ сдѣлался ея любовникомъ.

Мы были неправы, еслибъ вслѣдъ за кн. М. М. Щербатовымъ стали утверждать, что любовная страсть, любовныя интриги, блудъ, даже развратъ, до Петра I-го не были „ни въ обычаяхъ, ни въ примѣрахъ“ нашего отечества. Напротивъ, можно привести безчисленное множество свидѣтельствъ изъ иностранныхъ писателей и отечественныхъ документовъ о томъ, что любострастіе, блудъ, развратъ имѣли громадныя размѣры въ до-петровской Руси ⁵⁾. Но боясь наполнить нашу статью излишними отступленіями, мы скажемъ,

¹⁾ Въ запискѣ А. Макарова отъ 23-го марта къ Ѳ. М. Апраксину: „Господинъ адмиралъ Ѳеодоръ Матвѣевичъ! Приказано полковничьимъ деньщикамъ сдѣлать епанчи, а сколько кому надобно мѣроу на епанчи сукна, того для придуть они сами, и скроя на нихъ, приказать они дѣлать не мѣшкая, а кому пманию, тому при семъ росписъ: П. Мурзину, Афанасію Татищеву, В. Нелюбохтину, Ивану Орлову, Семену Бахлановскому, Андрею Зыбину“. Достоинъ замѣчанія, что изъ этихъ шести человекъ нѣтъ ни одного, который, въ разное время и по разнымъ дѣламъ, не познакомился бы съ ба-тогами, либо даже съ кнутомъ (напримѣръ Бахлановскій въ 1718 г., Зыбинъ въ 1743 и др.).

²⁾ М. П. Азанчевскій. См. его „Истор. Преобр. полка“, 1859 г.

³⁾ См. указъ Левкину объ отдачѣ Ивану Орлову на наемъ подводъ подъ два фурмана съ нужнѣйшими вещами 100 червонныхъ. Голицыновъ, т. XI, стр. 469.

⁴⁾ Ихъ предпочитали даже въ танцахъ, хотя нѣмцы въ этомъ дѣлѣ были, разумѣется, искуснѣе. На такое странное предпочтеніе впоследствии горько жаловался Берхгольцъ: „всѣ дамы охотнѣе выбираютъ молодыхъ неотесанныхъ русскихъ, большею частью унтеръ-офицеровъ гвардіи, нежели насъ, иностранцевъ“. Ч. II, 197. „Когда унтеръ-офицеры гвардіи бывають на янко (въ собраніяхъ), о постороннихъ мало заботятся... дамы предпочитаютъ ихъ иностранцамъ“. Стр. 152.

⁵⁾ Собр. госуд. грам. Ч. III, № 60.

что связи мужчины съ женщинами безъ освященія церковью распространены были не только по всей Россіи, но даже и въ дѣйственной странѣ сибирской: „вѣдомо намъ учинилось (писалъ въ 1622 году патріархъ Филаретъ), что въ сибирскихъ городахъ многіе служилые и жилецкіе люди живутъ не крестьянскими обычаями, но по своимъ сквернымъ похотямъ... съ поганскими женами смѣшаются и скверная дѣлать... а иные и на матери своя и дщери блудомъ посягаютъ... о нихъ же не точію писати, но и слышати гнусно... многія изъ постригшихся женъ съ мужи своими и съ наложники блудъ творять“ и т. д. ¹⁾). Иностранцы, какъ, напримѣръ, Олеарій, Кемпферъ и другіе самыми мрачными красками изображаютъ нравственный характеръ русской женщины XVII вѣка. Правдивый Корбъ прямо говоритъ въ дневникѣ 1699 года, что „прелюбодѣяніе, любострастіе и подобныя тому пороки въ Россіи превышаютъ всякую мѣру. Не напрасно спорятъ послѣ этого (продолжаетъ Корбъ) о русскихъ нравахъ: больше ли въ нихъ невѣжества или невоздержанія и непотребства. Сомнѣваюсь, существуютъ ли даже въ законахъ наказанія за подобныя преступленія? По крайней мѣрѣ, мнѣ извѣстно, что когда одного капитана осудили на отсѣченіе головы за преступную связь съ восьмилѣтнею своею дочерью, начальникъ укорялъ его такими словами: „развѣ ты не могъ удовлетворить своей страсти сношеніемъ съ иною женщиною, когда можешь имѣть столько распутныхъ женщинъ, сколько у тебя копѣекъ ²⁾).

„Не сознавая возможности высшей, чистой, нравственной связи съ

¹⁾ Немногія благоразумныя мѣры царей нашихъ, предпринимаемыя противъ разврата, либо оставались безъ примѣненія, либо забывались преемниками. Укажемъ на одинъ весьма основательный законъ Василія Ивановича Шуйскаго. Государь этотъ соборѣ постановилъ: „если господинъ рабовъ своихъ, дѣву 18-ти лѣтъ, вдову по два лѣта въ вдовствѣ замужъ не выдастъ, а мужчину до 20-ти лѣтъ не женитъ, или воли имъ въ сочетаніи брачномъ не дастъ, то вольно таковымъ явиться въ судъ; и когда судъ о истинѣ жалобъ сихъ удостовѣрится, то давать имъ отпускины.... не держи неженатыхъ вопреки законъ божіаго и правилъ святыхъ отецъ, да не умножится блудъ и скверное дѣланіе въ людяхъ“. Столь естественно-разумный законъ, при составленіи Уложенія, оставленъ безъ вниманія, и историкъ Татищевъ, сожалѣя о томъ, замѣчаетъ: „сколько имъ видимъ такихъ неразумныхъ господъ, которые, не разумѣя ни закона божія, ни своей собственной пользы, держатъ служителей безбрачныхъ, яко бы для лучшей услуги! Но сколько отъ того блуда, сквернословія, богѣзней и блудно прижитыхъ дѣтамъ убійствъ происходитъ!“

²⁾ *Diarium itineris in Moscoviam*. Изд. Вѣна. 1700 г., стр. 205—208.

женщиною, не возвышаясь надъ плотскими, чисто животными инстинктами, весьма многіе грубые русскіе люди не сознавали необходимости церковнаго освященія союза мужа съ женою, посредствомъ таинства брака" ¹⁾).

Желябужскій, оставившій въ своихъ запискахъ замѣтки о нравственномъ растлѣніи русскихъ людей своего времени, записалъ и самыя черты грубаго разврата: растлѣніе дѣвъ, блудодѣйство замужнихъ женъ и женатыхъ мужчинъ и проч. Такъ, наприимѣръ, „въ 7192 (1684) году, пишетъ Желябужскій, учинено наказаніе Петру Васильевичу сыну Кикину: битъ кнутомъ предъ стрѣльцкимъ приказомъ за то, что онъ дѣвку растлилъ“. Надо думать, что этотъ блудодѣй былъ здоровья крѣпкаго, ибо тотъ же Желябужскій отиѣчаетъ: „да и прежь сего (то есть битъ кнутомъ) онъ, Петръ, былъ питанъ на Вяткѣ“, и т. д.— „7193 г. (1685) Степану Коробьину учинено наказанье, битъ кнутомъ за то, что дѣвку растлилъ“. — „7202 (1694) въ стрѣльцкомъ приказѣ питанъ Замыцкой, въ подговорѣ дѣвокъ“... — „7202 г. іюня приведены въ Стрѣлецкій приказъ Трофимъ, да Данило Ларіоновъ съ дѣвкою, въ блудномъ дѣлѣ его жены, въ застѣнохъ“. — „7205 г. битъ кнутомъ нещадно Иванъ Петровъ сынъ Бартеневъ за то, что бралъ женъ и дѣвокъ на постелю“... и т. д. ²⁾).

Приведенныхъ выписокъ довольно, чтобы видѣть насколько правъ князь Щербатовъ, утверждавшій, что любострастіе было не въ обычаяхъ нашей страны до Петра, но едва-ли правъ Афанасій Прокоповичъ Щановъ, восторженно выдающій въ реформахъ великаго монарха: „полное, всецѣлое, нравственное обновленіе, просвѣщеніе и очищеніе русскаго народа отъ умножившейся нравственной тины!“... ³⁾).

Въ самомъ дѣлѣ, если говорить собственно о любострастіи, то эта тина съ петровскаго времени получила еще большее развитіе; нравственнаго очищенія далеко и далеко не воспослѣдовало; развратъ только сдѣлался утонченнѣе, но едва-ли не пошлѣе.

Суровый монархъ, грозный ко всѣмъ преступленіямъ и проступкамъ, уступающій духу времени и свойствамъ собственнаго темперамента, былъ очень снисходителенъ къ проступкамъ прелюбодѣянія. Петръ

¹⁾ А. Щановъ, стр. 182—183.

²⁾ Желябужскій, пах. 1846-г., стр. 152, т. II, 146, 30 и друг.

³⁾ Стр. 182.

Васильевичъ Кикинъ, нещадно сѣченный кнутомъ за растлѣніе дѣвки, немного времени спустя, въ 1704 году, по волѣ монарха, вѣдалъ всѣми рыбными промыслами и мельницами въ Россіи.

Осматривая однажды въ Вышнемъ Волочкѣ каналъ, государь, такъ повѣствуетъ Штелинъ, увидѣлъ въ толпѣ собравшагося народа красивую и взрослую дѣвушку, которая поглядывала на него и тотчасъ пряталась, когда государь смотрѣлъ въ ту сторону. Петръ подозвалъ ее. Она краснѣла, закрывала лицо и плакала. Думая, что эти слезы знакъ стыдливости и цѣломудрія, государь сталъ говорить ей, чтобъ она напрасно не стыдилась и не робѣла, что она хороша, и ей время выходить замужъ. Прочія крестьянки громко хохотали. Государь, разсердившись, сказалъ:

— „Чему вы, дуры, смѣтаетесь? Развѣ тому, что сія дѣвушка скромиже васъ и плачетъ изъ стыдливости?“ Дуры не унимались. „Чему сіи дуры смѣются?“ спросилъ монархъ, оборотась къ одному изъ мужиковъ: „стыдливости-ли этой пригожей дѣвушки, или чему другому? Развѣ имъ завидно, что я съ нею говорю?“

— „Нѣтъ, государь“, отвѣчалъ крестьянинъ, „я знаю, что онѣ не тому смѣются, а другому“.

— „Что-жъ такое?“

— „То“, отвѣчалъ мужикъ, „что вы, батюшка, все называете ее дѣвкою, а она уже не дѣвка!“

— „Что-жъ она такое, неужли замужня?“

— „Нѣтъ, и не замужня“, отвѣчалъ крестьянинъ: „она дочь моего сосѣда, рабочая, трудолюбивая и добрая дѣвка; но года два какъ сжилась съ однимъ нѣмцемъ-офицеромъ, который стоялъ у насъ тогда постоемъ и послѣ вскорѣ въ другое мѣсто посланъ; и для того дѣвушки наши съ ней не водятся и насмѣхаются“.

— „Великое дѣло“, сказалъ государь: если „она ничего худшаго не сдѣлала, то должно-ли снѣ поступкомъ толь долго ее упрекать и ее стыдить за то предъ всѣми? Это мнѣ не угодно; я приказываю, чтобъ ее ни изъ какой бесѣды не исключали, и чтобъ отнюдь никто не осмѣливался дѣлать ей за то ни малѣйшаго попреку“.

Затѣмъ государь самъ успокоивалъ дѣвушку, убѣждалъ не печалиться, не стыдиться; потребовалъ къ собѣ ея сына, мальчика миловиднаго и здороваго и, указывая на него, сказалъ: „этотъ малой будетъ современемъ добрымъ солдатомъ; ниѣйте о немъ

† 1719 г.

попеченіе. Я, при случаѣ, о немъ спрошу, и чтобъ его всякой разъ показывали, когда только мнѣ случится пріѣхать". Подаривъ мать деньгами, отпустилъ ее домой ¹⁾).

Этотъ случай достаточно показывать, какъ человѣчно смотрѣлъ великій преобразователь Россіи на плотское согрѣшеніе... Кромѣ духа времени, этому воззрѣнію способствовали собственные склонности монарха. Всѣмъ извѣстно, что тѣлесная крѣпость и горячая кровь дѣлали его любострастнымъ. Можетъ быть, что заграничныя путешествія еще болѣе развили въ немъ этотъ—если не порокъ, то недостатокъ... „Впрочемъ,—такъ думаетъ кн. М. М. Щербатовъ,—если-бъ Петръ въ первой женѣ нашелъ себѣ сотоварища и достойную особу, то не предался бы любострастію; но, не найдя этого, онъ возненавидѣлъ ее и самъ въ любострастіе ввергнулся... Петръ довольствовалъ свою плоть, но никогда душа его не была побѣждена женщинами... среди тѣлесныхъ удовольствій великій монархъ владычествовалъ" ²⁾).

Вѣрно или не вѣрно мнѣніе кн. М. М. Щербатова о началѣ чувственности въ царѣ Петрѣ—судить не беремся; но замѣтить, что примѣръ Петра не могъ не дѣйствовать на его окружавшихъ, въ особенности на людей, болѣе или менѣе сочувствовавшихъ его реформамъ. Примѣръ въ слабостяхъ еще болѣе заразителенъ: не даромъ же царевичъ Алексѣй Петровичъ, задумавъ обвѣнчаться съ крѣпостной дѣвицей Евфросиньей Оедоровной, говорилъ: „вѣдайте-де, что я на ней женюсь, вѣдь и батюшка мой таково учинилъ"; не даромъ генералъ-прокуроръ, „государево око"—Павелъ Ивановичъ Ягужинскій и нѣкоторые другіе по произволу и капризу развелись съ женами и вступили въ бракъ съ другими... ³⁾). Очень хорошо зная любострастныя дѣянія своего повелителя, и деньги Орловъ смѣло и смѣло дѣйствовалъ въ своихъ любовныхъ шашняхъ съ забытой красавицей.

Если тѣсныя коннатики лѣтнаго, зимняго и другихъ домовъ госу-

¹⁾ Достопамятныя сказ. о Петрѣ I-мъ. Спб. 1787 г., стр. 334—338. Я. Штелинъ записалъ этотъ случай со словъ очевидца М. И. Сердюкова. Олсарій увѣряетъ, что въ XVII вѣкѣ въ Москвѣ не наказывали за прелюбодѣяніе и проступокъ этотъ не имѣлъ особаго названія (Глава VII).

²⁾ „О порокахъ Петра“, соч. Щербатова. „Чтенія Общ. Истор.“ изд. 1860 г., кн. 1, стр. 17.

³⁾ См. бракоразводное дѣло Ягужинскаго въ „Русской Старинѣ“ изд. 1877 г. томъ XVIII, стр. 713.

даревныхъ, въ которыхъ помѣщалась придворная прислуга, были не всегда удобны для свиданій любовниковъ, то громадный садъ (нынѣ Лѣтній, также садъ у Инженернаго замка) съ своими гротами, островками на прудахъ, бесѣдами, рощами и аллеями, представлялъ прекрасное мѣсто въ лѣтніе мѣсяцы для интимныхъ бесѣдъ Орлова съ Гамильтонъ. Деньщикъ и фрейлина, лакей и горничная — имъ хорошо было извѣстно, когда, не опасаясь господскаго надзора, можно было въ-сласть наговориться и нацѣловаться... ¹⁾).

Нечего и говорить, что подобныхъ нѣжныхъ любовниковъ было очень и очень много. Не всѣ были такъ счастливы изъ надшихъ красавицъ, что паденіе ихъ не имѣло особнхъ послѣдствій: многія дѣлались матерями; нѣкоторыя, боясь стыда, вытравливали дѣтей, подобно Гамильтонъ, лекарствами; нѣкоторыя рѣшались налагать руку — умерщвлять плодъ любви... Подобныя преступленія стали такъ часто повторяться, что государь нашелъ необходимымъ обнародовать 4-го ноября 1715 года слѣдующій указъ:

„Великій государь указалъ, въ Москвѣ и въ другихъ городахъ при церквяхъ, у которыхъ пристойно, при оградахъ сдѣлать гошпитали, въ Москвѣ казенныя, а въ другихъ городахъ деревянные, такоужъ, какъ о такихъ же дѣлахъ боготщательное и душеспасительное осмотръніе преосвященный Іовъ, митрополитъ новгородскій, учинилъ въ великомъ Новгородѣ. И избрать искусныхъ женъ для сохраненія зазорныхъ младенцовъ, которыхъ жены и дѣвки рожаютъ беззаконно, и стыда ради отмечаютъ въ разныя мѣста, отъ чего оныя младенцы безгодно умирають, а иные отъ тѣхъ же, кои рожаютъ, и умерщвляются. И для того объявить указъ, чтобъ такихъ

¹⁾ Мы говоримъ не вслѣдствіе одной догадки, что садъ былъ мѣстомъ любовныхъ свиданій. Во первыхъ, изъ подлиннаго дѣла видно, что Орловъ весьма рѣдко видѣлся съ Гамонтовой въ палатахъ; во вторыхъ, намъ извѣстно, что какъ свиданія В. И. Монса. такъ вслѣдствіи интимныя бесѣды А. Я. Шубина съ своими возлюбленными, славными красавицами, наконецъ зазорныя бесѣды многихъ другихъ производились въ тѣнистыхъ аллеяхъ сего сада, куда возвращенъ былъ входъ только тѣмъ, „кои въ сѣрыхъ кафтанахъ, а паче съ бородами“ (Богдановъ, стр. 56—58). Любопытное описаніе Лѣтняго сада въ частномъ письмѣ 1718 г. напечатано въ приложеніяхъ къ Записк. Марковича 1860 г., ч. 1, стр. 460—462. Подобное описаніе сада см. у Берхгольца, ч. 1, стр. 87—92. Главные садовники были выбраны изъ нѣмныхъ шведовъ. Любопытныя разсказы о нихъ см. въ *Anecdotes etc. Londres, 1792 г., т. III, стр. 34—35, 218—220*. Для украшенія грота Петръ повелѣлъ въ 1717 году собрать изъ всѣхъ рѣкъ, находящихся въ Россіи, по вуду раковинъ и курьезныхъ камешковъ.

младенцовъ въ непристойныя мѣста не отмѣтивали, но приносили къ высшеозначеннымъ гошпиталѣмъ и клали тайно въ окно, чрезъ какое закрытіе, дабы приносящихъ лица было не видно. А ежели такія незаконнорождающіе явятся въ умерщвленіи тѣхъ младенцовъ, и оныя за такіе злодѣйственныя дѣла сами казнены будутъ смертію; и тѣ гошпитали построятъ и кормить изъ губерній изъ неокладныхъ прибылыхъ доходовъ, а имено давать приставленнымъ (женщинамъ) на годъ денегъ по 3 рубли, да хлѣба по полуосиной на мѣсяцъ, а младенцамъ по 3 деньги на день¹⁾.

Указъ этотъ въ высшей степени замѣчательнъ: въ немъ государь прямо шелъ противъ вѣковаго народнаго предубѣжденія; до него зазорныя младенцы оставались безъ всякаго призрѣнія, умерщвлялись родителями, умирали отъ голода и холода заброшенные въ непристойныя мѣста; либо ихъ подбрасывали другимъ, причѣмъ ребенокъ дѣлался рабомъ, холопомъ, крѣпостнымъ и, такимъ образомъ, обрекался на жизнь, полную страданій. Первая мысль объ устройствѣ домовъ для пріема незаконнорожденныхъ принадлежитъ, какъ свидѣлствуютъ слова указа, митрополиту Іову. Въ 1706 году онъ основалъ пристанище несчастнымъ дѣтямъ въ трехъ верстахъ отъ Новгорода въ упраздненномъ Колмовомъ монастырѣ. Митрополитъ отдѣлилъ часть своихъ доходовъ на наемъ кормилицъ, и повелѣлъ принимать въ Колмовѣ всѣхъ приносимыхъ младенцевъ и ихъ воспитывать. Тотъ же преосвященный основалъ три другія больницы для инвалидовъ, и проч. Государь былъ очень доволенъ столь полезною дѣятельностью преосвященнаго; въ 1712 году онъ повелѣлъ опредѣлить въ нособіе ему на содержаніе призрѣваемыхъ половину доходовъ съ монастырскихъ вотчинъ, находившихся въ Олоонецкомъ уѣздѣ. Царская фамилія и многіе бояре часто присылали денежные подаванія. Въ 1713 г. во всѣхъ заведеніяхъ Іова содержалось зазорныхъ младенцевъ, нищихъ и сиротъ 170 человекъ²⁾.

До митрополита Іова и царя Петра законы русскіе предписывали ужасныя казни матерямъ-убійцамъ зазорныхъ дѣтей, но въ то же самое время не предлагали никакихъ о нихъ попеченій. Въ Уложеніи была только одна статья, относящаяся до незаконнорожден-

¹⁾ П. С. З., т. V, № 2,953. Именной указъ, объявленный изъ сената.

²⁾ Истор. Рос. іерархіи, ч. IV, стр. 573. Историч. разгов. о древностяхъ Новгорода, митроп. Евгенія. Также „Москов. Губ. Вѣдомости“ 1842 г. Іовъ скончался 3-го февраля 1716 года.

ныхъ; но, въ силу ея, несчастные лишались всѣхъ правъ на свободу и гражданство: ихъ запрещено было считать наравнѣ съ законнорожденными и отчинъ имъ не давать ¹⁾).

Какъ относились къ зазорнымъ дѣтямъ, можно видѣть изъ разсказа современника. „А у которыхъ бояръ, и думныхъ людей, и у иныхъ чиновъ людей, будутъ прижиты дѣти отъ наложницъ, отъ вдовъ или отъ дѣвокъ, а послѣ того на тѣхъ своихъ наложницахъ поженятся, или не женаты пожрутъ, а послѣ ихъ смерти останутся дѣти, которыя прижиты по закону, а другія дѣти выблядки, или послѣ смерти ихъ останутся одни тѣ выблядки: и по ихъ смерти даются помѣстья, и вотчины, и животы, сыновьямъ ихъ и дочерямъ тѣмъ, которые по закону прижиты; а которые прижиты до закону, и тѣмъ помѣстій и вотчинъ, и животныхъ никакихъ не дѣляютъ и не даютъ ничего, и честными людьми тѣхъ выблядокъ не ставятъ, чей бы ни былъ, и въ службу царскую ни въ какую не принимаютъ. А кому выблядку дадутъ помѣстье и вотчину, не вѣдая, что онъ выблядокъ, а другіе люди учнутъ на него бити челомъ, что онъ выблядокъ, и ему то доведутъ: и то, что дано будетъ выблядку, отдадутъ тому человѣку, кто на него доведетъ; а того выблядка, бивъ кнутомъ, сошлютъ въ ссылку въ Сибирь, для того: не вынгай и не стався честнымъ человѣкомъ ²⁾).

Такой взглядъ на „зазорныхъ дѣтей“ и такое презрѣніе было къ нимъ, доколѣ Петръ, вслѣдъ за Іовомъ, положилъ начало болѣе человѣколюбивымъ мѣрамъ. Не остановившись на указѣ 4-го ноября 1715 г. и на устройствѣ небольшихъ госпиталей, государь, по смерти любимой сестры Натальи, въ 1716 г., основалъ подобное учрежденіе въ большихъ размѣрахъ. При дворѣ этой царевны была богадѣльня для призрѣнія старухъ; царь обратилъ это заведеніе въ домъ для пріема незаконнорожденныхъ. Съ улицы придѣланъ былъ чуланъ; въ немъ очередная старуха должна была принимать младенца, отнюдь не спрашивая имени матери. И дѣтямъ, и старухамъ отпускалась хлѣбная и денежная дача ³⁾.

¹⁾ Улож. пзд. 1737 г., ч. 10, ст. 280.

²⁾ Котошихинъ, пзд. 1859 г., стр. 79.

³⁾ Описаніе Слб. Богданова, 1751 г., стр. 130. Воспитательные домики, въ силу указовъ Петра, стали возникать во многихъ городахъ Россіи. Стали возникать и дѣла по поводу злоупотребленій разныхъ лицъ въ дѣлѣ призрѣнія младенцевъ. Были доноси, какъ напр. доносъ бабушки Маремъ, определенной къ смскиванію и содержанію подкидышей, на злоупотребленіе подья-

† 1719 г.

Всѣ эти мѣры должны были быть извѣстны камеръ-фрейлинѣ Гампльтонъ; но, преслѣдуемая стыдомъ, желая сохранить за собою нѣкоторую честную дѣвушку, съ другой стороны, не довѣряя новому учрежденію о зазорныхъ младенцахъ и тому, что можно въ совершенной тайнѣ отдавать туда дѣтей, она предпочла сдѣлаться преступницей... Но не станемъ опережать событія. Пока, Гампльтонъ все еще имѣла значеніе, могла гордиться расположеніемъ своихъ господъ; наконецъ, въ Иванѣ Орловѣ любила грубаго, необразованнаго, полудикаго, не страстнаго любовника. Судьба не разлучала ихъ, и 27 января 1716 г., въ свѣтѣ государя и государыни, они отправились за границу.

II.

Штатъ государыни, сопровождавшій ее, былъ довольно великъ, тѣмъ болѣе, что при ней была еще царевна Екатерина Ивановна съ прислугой ¹⁾. 11-го февраля державная чета была въ Либавѣ, 18-го въ Данцигѣ. Государь былъ занятъ осмотромъ галеръ, заключеніемъ союзныхъ договоровъ, распоряженіями, относящимися до продолженія шведской войны; государыня, съ дамами, осматривала все замѣчательное, каталась, гуляла, посѣщала ассамблеи, которыя давались магнатами и владѣтельными особами въ честь ея пріѣзда ²⁾. Государыню очень часто посѣщалъ герцогъ мекленбургскій, нареченный женихомъ Екатерины Ивановны.

чаго Труфанова; допросы Труфанову и проч. Подобныя бабушки были определены во многихъ городахъ. Число подкидышей возрастало. Къ концу царствованія Петра Великаго въ одной московской губернской канцеляріи ихъ находилось 865 об. пола; при нихъ находилось 218 кормилицъ. Въ 1724 г. для воспитанія подкинутыхъ младенцевъ были назначены монастыри.

¹⁾ О путешествіи государя въ 1716—1717 годахъ см. Журналъ или подневную записку Петра, ч. 2-я, изд. 1772 г., стр. 14—58, 397—426. Голицовъ, т. VI, стр. 92—273, 438—654. Переписка Петра съ Шереметевымъ, изд. 1774 г., стр. 160—164. Житіе Петра, соч. Θεодоки, изд. 1788 г., стр. 396—413. Примѣч. Волгина на Деклерка, 1788 г., т. I, стр. 574—575. Кабинетъ Петра, соч. Бѣляева, 1793 г., стр. 14—17. Журн. путеш. Петра во Францію. „От. Зап.“ 1822 г., № 31 и 32. См. также труды С. М. Соловьева, г. Брикнера, нашъ очеркъ „Царница Прасковья“ и др.

²⁾ „По полученіи сего,—писали отъ имени неумѣвшей писать Екатерины къ кн. Голицину,—прикажете въ Курляндіи приготовить фуражъ по рижской дорогѣ до Мемля для нашего обоза на 150 лошадей, и чтобъ оный фуражъ готовъ былъ къ 28 числу сего декабря, по всѣмъ почтамъ. Екатерина“. Для государя и его свиты готовилось отъ 50-ти до 60-ти подводъ, не болѣе.

8-го апрѣля 1716 г. совершенно было бракосочетаніе его съ русской царевной, въ присутствіи царя, царицы, короля польскаго, множества знатѣйшихъ дамъ и именитѣйшихъ вельможъ¹⁾. Цѣлый рядъ празднествъ сопровождалъ брачное торжество; нечего и говорить, что Гамильтонъ, такъ или иначе, но принимала участіе въ въ общемъ весельи, въ ассамблеяхъ, пирахъ, гулянкахъ; за границей они дѣлались еще веселѣе, всѣ какъ-то свободнѣе двигались вдали отъ солдатъ, разносившихъ на петербургскихъ пирахъ водку и опанывавшихъ ею всѣхъ и каждого; вдали отъ шутовъ, придворныхъ дураковъ, донощиковъ, палачей.

Для увеселенія ихъ величествъ даже мѣщане города Гданска, какъ гласитъ поденная записка, устраивали разныя потѣхи.

4-го мая государь былъ въ Штетинѣ, куда, вслѣдъ за нимъ, съ свитою явилась государыня. Въ то время, когда Екатерина занята была обѣдами и увеселеніями, устраиваемыми для нея королемъ прусскимъ, Петръ ѣздилъ въ другіе города, осматривалъ войска, дѣлалъ экзерциціи, составлялъ военный артикулъ. Встрѣчаемый вездѣ съ почетомъ, царь держалъ себя совершенно свободно, не измѣняя

¹⁾ Петръ вообще являлся, относительно членовъ своей семьи, человѣкомъ весьма заботливымъ. Выдавая замужъ племянницу Катерину, вотъ что писалъ онъ въ Москву къ Ушакову, по поводу сестры своей Екатерины, 24-го марта 1716 г.: „письмо твое являю отъ 24-го дня до насъ дошло, въ которомъ пишешь, что бывшимъ подлючникомъ Богдановымъ въ ночномъ необыкновенномъ приходѣ въ комнату сестры нашей, царевны Екатерины Алексѣевны, розыскивать ли? то до указу не розыскивай, но держи его за карауломъ“. „Могъ ли забыть что-нибудь монархъ?“ восклицаетъ авторъ „Дѣяній“. Дѣйствительно, память и заботливость замѣчательныя! Государю непремѣнно хотѣлось знать: для чего, изъ какихъ видовъ, съ какими цѣлями подлючникъ Богдановъ ночью хотѣлъ нарушить безмятежный покой его 58-ми-лѣтней сестры (царевна Катерина, дочь царя Алексѣя, родилась 27-го ноября 1658 года). Но монархъ не велитъ безъ себя розыскивать—пытать: жди, молъ, приѣзда. Два года путешествуетъ преобразователь Россіи; два года томится въ казематѣ алополучный подлючникъ; царь приѣзжаетъ—народъ проливаетъ „токи радостныхъ слезъ ему во срѣтеніе“, и они, обойдя свое хозяйство, идутъ чинить застѣнокъ. Нѣсколько строкъ, написанныхъ къ Ушакову въ 1716 г., являются, такимъ образомъ, началомъ новаго слѣдственнаго дѣла: допросы, очные ставки, вѣска, кнутъ, встряска, — и государственное дѣло первой важности о томъ, какъ подлючникъ Богдановъ совершалъ ночной походъ къ 58-ми-лѣтней царевнѣ—кончается нещаднымъ наказаніемъ и ссылкой въ Сибирь. На этотъ разъ, романъ кончился трагичѣе: 58-ми-лѣтняя старуха была заподозрѣна въ участіи въ политическомъ заговорѣ. Царевна арестована, допрашивается и—1-го мая 1718 года скончалась въ тѣсномъ заключеніи.

своимъ привычкамъ. Такъ, въ одномъ изъ германскихъ городовъ, онъ вошелъ съ бурмистромъ въ кирку, во время проповѣди, сѣлъ на первое мѣсто и съ большимъ вниманіемъ слушалъ проповѣдника. Вдругъ почувствовалъ, что головѣ его холодно; не отрывая глазъ отъ проповѣдника, онъ хладнокровно снялъ съ головы бурмистра большой парикъ и надѣлъ на свою голову. Проповѣдь кончилась, и Петръ возвратилъ парикъ хозяину. Дѣло въ томъ, что Петръ у себя, въ столицѣ, каждый разъ, какъ случалось головѣ его холодно, снималъ либо съ Меншикова, либо съ Толстого парикъ и надѣвалъ на себя.

12-го іюля государыня, не торопясь, пріѣхала въ Копенгагенъ, была встрѣчена мужемъ, королемъ датскимъ и множествомъ знатныхъ особъ. Король, ради именитыхъ гостей, устроилъ празднества и угощалъ великолѣпными обѣдами...

Въ Копенгагенѣ Екатерина гостила довольно долго. Петръ заключалъ конвенціи, писалъ указы въ Россію, велъ громадную переписку, воевалъ съ шведами — государыня съ данами веселилась. Но невесело было Марьѣ Даниловнѣ Гамильтонъ. Она не могла поладить съ грубымъ и ревнивымъ Орловымъ, который, при каждомъ веселомъ часѣ, то есть послѣ каждой попойки — а пилъ онъ часто, по обязанности царскаго приближеннаго — оскорблялъ любовницу упреками, бранью, не рѣдко поносилъ ее самыми пошлыми ругательствами. Между тѣмъ Гамильтонъ любила его искренно. Страсть къ царскому деньщику была такъ велика, что, не имѣя возможности давать ему подарки и удовлетворять настойчивымъ просьбамъ о деньгахъ, она, какъ сама впоследствии признавалась, будучи при государынѣ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, вещи и золотые (червонцы) крада, а что чего порознь — не упомянуть... а золотыхъ червонныхъ у ней, государыни царицы, украла же, а сколько — не упомянуть; и изъ тѣхъ червонцевъ деньщику Ивану Орлову дала она триста червонныхъ, будучи въ Копенгагенѣ, да перстень съ руки, да рубахи, а то все (то есть перстень и рубахи) давала она изъ своего, а не изъ краденаго, а инымъ никому изъ тѣхъ вещей не давала¹⁾.

Государынѣ было не до червонныхъ, не до надзору за влюбленною камеръ-фрейлиною: она вся отдавалась сначала удовольствіямъ загра-

¹⁾ Показаніе Марьи Гамантовой 21-го іюня 1718 г.

ничной жизни, потомъ, будучи беременна, сдѣлалась очень слаба, а наконецъ занята была возникавшимъ важнымъ для нея дѣломъ:

→ 26-го августа отправился изъ Копенгагена въ Петербургъ курьеръ Сафоновъ. Онъ везъ царевичу Алексѣю строгій приказъ отца: либо ѣхать за границу, либо не медля идти въ монастырь! ¹⁾).

10-го ноября государыня пріѣхала въ Шверинъ, была беременна въ послѣднемъ періодѣ и боялась, что переезды изъ города въ городъ губительно подѣйствуютъ на ея здоровье ²⁾). Между тѣмъ царь, съ немногими изъ деньщиковъ, между прочими съ Иваномъ Орловымъ, ѣздили по прусскимъ городамъ, былъ въ Гамбургѣ. Здѣсь магистратъ города, изъ особаго уваженія къ его величеству, выдалъ Войнаровскаго, племянника Мазепы. Войнаровскийъ былъ человекъ весьма образованный, превосходно зналъ иностранные языки, отличался жаркою любовью къ родинѣ и свободѣ. Петръ съ обыкновенною настойчивостью готовъ былъ силою оружія вырвать Войнаровскаго, если-бъ гамбургскій магистратъ не успѣвши схватить несчастнаго. Если вѣрить историкамъ Петра, Войнаровскийъ, ради добровольнаго во всемъ признанія (³⁾), безъ наказанія отосланъ былъ въ Якутскъ ³⁾).

6-го декабря государь, съ немногими изъ людей своихъ, пріѣхалъ въ Амстердамъ; среди работъ монархъ отдыхалъ съ день-

¹⁾ Для царевича предназначался Желтиковъ-Тверской монастырь, гдѣ до сихъ поръ уцѣлѣла царевича тюрьма и сохранились любопытныя преданія о Петрѣ и его смѣѣ. См. нашу „Прогулку въ Нижній-Новгородъ“, письмо 1-е въ „Русск. Вѣстн.“ 1860 г., № 13.

²⁾ Замѣтимъ кстати, что Екатерина употребила на расходъ свои деньги, то есть тѣ, которыя были опредѣлены ей на содержаніе изъ петербургской канцеляріи. Это видно, между прочимъ, изъ письма отъ ея имени къ Меншикову. „Понеже мы (пишетъ Екатерина) въ бытность свою здѣсь взяли у гамбургскаго купца Ф. Поппа 5,000 рубл. червонныхъ (въ Вейденбергѣ, 12-го декабря 1716 года), того ради извольте приказать упомянутое число 5,000 рублей отдать въ Петербургъ его, Попповымъ, корреспондентамъ, кому онъ велитъ принять, изъ той суммы, которая намъ опредѣлена изъ канцеляріи на 1717 годъ“.

³⁾ „Войнаровскийъ представленъ былъ государю въ день именинъ императрицы, и ея заступленіе спасло его отъ казни“ (Жизнеописаніе Войнаровскаго, составл. А. А. Бестужевымъ. Напечатано при позвѣ К. О. Рыбѣва: Войнаровскийъ 1825 г. Москва). Едва ли это извѣстіе справедливо. Вліяніе Екатерины далеко не было такъ сильно, чтобы ради ея Петръ простилъ политическаго преступника. Этихъ людей онъ каралъ пуще злодѣя, тата и убійцы. Войнаровскийъ былъ еще живъ въ 1737 году въ Якутскѣ, одичавъ, обросъ волосами, забылъ языкъ и свѣтское обращеніе.

щиками и голландскими мастерами за кружкой пива и вина; велъ дружескую переписку съ разными королями и владѣтельными особами; дѣлалъ имъ недорогіе для себя подарки. Въ чемъ они состояли—можно видѣть изъ письма царскаго въ Архангельскъ, къ вице-губернатору: „по полученіи сего указа, сыщите двухъ человѣкъ самоѣдовъ, молодыхъ ребятъ, которые бѣ были дурнѣе рожею и смѣшнѣе, лѣтами отъ 15 до 18, въ ихъ платьяхъ и уборахъ, какъ они ходятъ по своему обыкновенію; ихъ надобно послать въ подарокъ гранъ-дюку флоренскому (тосканскому); и какъ ихъ сыщите, то немедленно отдайте ихъ тому, кто вамъ сіе наше письмо объявитъ“¹⁾.

Тѣмъ временемъ государыня съ фрейлинами медленно ѣхала изъ Шверина въ Везель, куда и прибыла 30-го декабря.

3-го января прискакалъ къ государю пажъ Мавриць съ извѣстіемъ: царица разрѣшилась отъ бремени царевичемъ Павломъ Петровичемъ.

„Объявляю вамъ, что сего 2-го января, писалъ обрадованный государь ко многимъ изъ вельможъ въ Россію, хозяйка моя, не поѣхавъ сюда, въ Везель родила солдатченка Павла... рекомендую его офицерамъ подъ команду, а солдатамъ въ братство“.

Но переѣзды, гулянья, пиры—имѣли пагубное вліяніе на здоровье хозяйки, и новый солдатченокъ вышелъ до того слабъ и хворъ, что на другой день скончался. Петръ былъ опечаленъ этимъ извѣстіемъ. Хозяйка оставалась въ весьма слабомъ состояніи въ Везелѣ, и не ранѣе 2-го февраля 1717 г. могла пріѣхать въ Амстердамъ.

Впродолженіе ея долгой болѣзни, Петръ, „ради тѣлесной крѣпости и горячности своей крови“, не могъ не отдаваться въ досужіе часы „любострастію“. Если вѣрить иноземнымъ писателямъ, то ему чрезвычайно полюбилась дочь одного пастора, который однако не иначе соглашался уступить русскому владнѣкъ дочь, какъ на основаніи законнаго брака. Царь, будто бы, далъ слово²⁾ и Шаффи-

¹⁾ „Собр. разн. записокъ и проч. къ исторіи Петра I“. Спб. 1787 г. Ч. V, стр. 97 и 102, изд. Туманскаго.

²⁾ Кстати замѣтить, въ тѣ времена дать слово и не исполнить его считалось, по крайней мѣрѣ въ высшемъ русскомъ обществѣ, дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Не исполняли своихъ словъ Меншиковъ, Шереметевъ, Толстой. Не исполняли ихъ и Петръ, а въ настоящемъ случаѣ, если и давалъ слово, то и не могъ исполнить, ибо былъ женатъ. Вспомнимъ его божбу и обѣщанія, щедро расточенныя въ письмахъ къ бѣглому сыну его, царевичу Алексѣю, когда онъ, царь Петръ, выманивалъ его изъ Неаполя и судилъ ему полное прощеніе. А какъ были исполнены эти клятвы?

ровъ, будто бы, закрѣпилъ его контрактомъ. Но едва „высокій путешественникъ“ въ „тѣлесномъ удовольствіи“ удовлетворилъ тѣлесную крѣпость свою—обѣщаніе было забыто... Дѣвушка возвращена отцу съ подаркомъ въ 1,000 дукатовъ ¹⁾).

Въ Петербургѣ толковали объ отсутствующихъ господахъ, ходили разные о нихъ слухи, и дядька царевичевъ, Аванасьевъ, пріѣхавъ изъ Мекленбургѣ, сказывалъ Воронову, гофмейстеру царевича: „слышалъ я отъ своего толмача Фридриха, который слышалъ отъ хозяйки, гдѣ мы стояли: „у царскаго-де величества есть матреса, а взята-де она изъ Гамбурга“.—„Здѣсь не слышно“, отвѣчалъ Вороновъ. Нѣсколько дней спустя, Аванасьевъ былъ у Воронова въ гостяхъ. „Слышалъ и я“, сталъ говорить хозяинъ, „что есть у государя матреса, и царица-де про это вѣдаетъ; какъ пріѣхала въ Голландію (2-го февраля?), стала предъ государемъ плакать, и государь спросилъ ее: „кто тебѣ сказывалъ?“ „Мнѣ сказала полковница, а къ ней писалъ Платонъ“. И Платона государь за это билъ“ ²⁾).

У Петра, впрочемъ, была не одна матреса: Авдотья Ивановна Чернышева, „Авдотья-бой-баба“, по выраженію Петра, во время болѣзни Екатерины пользовалась его расположеніемъ.

Но какъ ни часты были отиѣны пылкаго Петра въ пользу той, либо другой красавицы, все-таки онѣ были и гораздо рѣже, и несравненно скромнѣе, нежели какъ повѣствуютъ о томъ иностранные писатели, алчные до всякаго курьезнаго анекдота ³⁾).

Справедливъ или несправедливъ этотъ рассказъ, но вѣрно то, что Петръ не находилъ преградъ своимъ вожделѣніямъ плотскимъ, не находилъ тѣлесныхъ удовольствій въ постоянномъ общеніи съ одной и той же красавицей. Часто доводилось плакать и горевать хозяйкѣ, много хитрости и ума надо было имѣть съ ея стороны, чтобъ подогрѣвать холодѣющую любовь хозяина. Въ такомъ поло-

¹⁾ Anecdotes secrètes de la Cour de Russie. 1742, t. IV, p. 76.

²⁾ Н. Г. Устряловъ, т. VI, стр. 187—188.

³⁾ См. напр. рассказъ камергера Пельница о страстныхъ отношеніяхъ царя Петра къ герцогинѣ Мекленбургской Екатерины Ивановны, — „Mémoires pour servir à l'histoire“ etc. II, p. 65. „Anna Ioannovna. Dargestellt von F. W. Barthold“, стр. 22—23. Событіе, описываемое здѣсь (если только оно было), должно было произойти 6-го сентября 1717 года. См. Голицыновъ, т. VI, стр. 255

женіи находились отношенія господъ между собой. Взглянемъ на отношенія слугъ—деньщика съ камеръ-фрейлиной.

Марья Даниловна, подобно Екатеринѣ Алексѣевнѣ, должна была употребить всѣ способности своего женскаго ума и влюбленнаго сердца, чтобъ удерживать непостояннаго Ивана Орлова отъ поступковъ вѣтренныхъ. Она ревновала его къ Авдотѣ Чернышевой, дарила его государинными деньгами, одаривала собственными вещами—и все-таки возникали ссоры. Любовники зачастую вздорили. Петръ Алексѣевичъ бывалъ тѣхъ, которые не умѣли молчать о его матересахъ, но не трогалъ своей хозяйки. Иванъ Михайловичъ былъ гораздо проще, не былъ такъ деликатенъ и зачастую бывалъ свою хозяйку. Любовники зачастую вздорили. Причинами ссоръ и дракъ, безъ сомнѣнія, были со стороны Гамильтонъ—негодование на безпутство и пьянство Орлова, со стороны Орлова—ревность.

— „Въ Голландіи былъ я у Бранта въ саду пьянъ, каился впоследствии въ собственноручномъ письмѣ Орловъ, и побранился съ Марьею, и называлъ ее б....., и къ тому слову сказалъ Петръ Балкъ: „что, взбѣсился-де ты, какая она б....?“— „Чая, что уже тронхъ родила“, отвѣчалъ я, и болѣе того нигдѣ ее, Марью, не попрекалъ“.

„Послѣ того я еще ее бранилъ и пьяной поѣхалъ въ тотъ же день въ Амстердакъ, съ Питеромъ инженеромъ, и приѣдучи въ Амстердакъ, ввечеру бранилъ ее при Филиппѣ Пальчиковѣ, при Александрѣ подъячемъ и называлъ ее б....., а ребятами не попрекалъ“.

„А на другой день сказалъ Петръ-инженеръ: „ты-де ее попрекалъ“. И я къ ней писалъ грамотку и просилъ прощенія у нея; и она въ томъ просила у государыни-царицы милости на меня, чтобъ я ее уличилъ, вѣдая то, что я не вѣдалъ (про робятъ): и она нигдѣ не сказывала про робятъ никогда, и я ее нигдѣ больше не попрекалъ ребятами“.

„Когда (бывало) и осержусь въ ревности, то ее бранивалъ и называлъ к....., и бивалъ, а ребятами не попрекивалъ и въ томъ шлюсь на нее“¹⁾.

¹⁾ Показаніе Орлова 5-го августа 1718 г. Пошлая, самая дичишеская брань, привычка къ отвратительнымъ ругательствамъ издревле составляла недостатокъ русскаго человѣка. Среди буйной, разгульной веселости своей, какъ видно изъ современныхъ актовъ, онъ, еще задолго до Петра, вполне преда-

Такія непріятности отличали внутренній домашній бытъ путешественнаго двора. Вишняя же сторона этой жизни была блестяща: торжественные пріемы, всевозможныя „увеселенія для потѣхи ихъ величествъ“, подарки, осмотръ всѣхъ достопримѣчательностей, ассамблеи при дворахъ, частые переѣзды—все это наполняло время, и оно летѣло быстро ¹⁾).

19-го марта мы видимъ ихъ величества въ Роттердамѣ. Отсюда государь отправился во Францію, а Екатерина возвратилась въ Гагу. Петръ не взялъ жены, во набѣжаніе тѣхъ скучныхъ церемоній, съ которыми блестящій дворъ версальскій готовъ былъ встрѣтить русскую государыню. Свита царя состояла изъ слѣдующихъ лицъ: Толстаго, князя Куракина (онъ былъ свойственникъ Петра по своей женѣ, Акинѣѣ Ѳеодоровнѣ Лопухиной, род. 1678 г., ум. 1699 г., третья сестра царницы Авдотьи), Шафировъ, кн. В. Долгорукій, Бутурлинъ, Ягужинскій, Макаровъ, Черкасовъ, Арескинъ, духовникъ, нѣсколько придворныхъ служителей, между которыми былъ Иванъ Орловъ, и небольшая команда гренадеръ.

8-го апрѣля 1717 г. государь пѣшкомъ осматривалъ городъ Остенде, въ сопровожденіи своихъ приближенныхъ. Въ то время

вался разврату; тутъ совершалось „и мужемъ, и отрокомъ великое прельщеніе и паденіе, женамъ замужнимъ беззаконное оскверненіе, и дѣвамъ растлѣніе“... Еще въ 1636 году патриархъ Іоасафъ говорилъ, что „всякаго беззаконнаго дѣла умножилось, еллинскихъ бласловій и кощунъ; да еще другъ друга лаютъ позорною бранію, отца и мать блуднымъ позоромъ и всякою безстыдною, самою позорною нечистотою языки своя и души оскверняютъ“. А. А. Э., т. III, № 264. Если вѣрять Олеарію, въ царствованіи Михаила и Алексѣя за подобныя поношенія сквернословію положено было бить кнутомъ и сѣчь розгами. „Теперь на рынкахъ (замѣчаетъ Олеарій) ходятъ между народамъ особенно назначаемые для надзора за этимиъ люди съ стрѣльцами и палачами, приказываютъ схватывать ругателей, и тутъ же, на мѣстѣ преступленія, для примѣра прочимъ, наказываютъ розгами“. Но съ давнихъ временъ укоренившаяся привычка сквернословить, требуя повсюду строгаго и неусыпнаго присмотра, причиняетъ надзирателямъ, судьямъ и самимъ палачамъ столь невыносимую работу, что имъ уже наскучно наказывать почти на каждомъ шагу ругающіеся народъ“. Гл. IV.

¹⁾ Изъ обширнаго собранія писемъ государя изъ-за границы укажемъ на слѣдующее мѣсто въ письмѣ къ генералъ-адмиралу Апраксину (отъ 8-го января 1717 г.): „писалъ къ намъ господинъ генералъ-фельдцейхмейстеръ Брюсъ, что надобенъ ему для исправленія нѣкоторой книги въ переводѣ адмиралтейскій переводчикъ Гамцлтонъ, котораго генералъ-маіоръ Чернышевъ (мужъ Авдотьи-бой-бабы) ему не отдаетъ, и для того велите ему отдать“. Былъ ли этотъ переводчикъ родственникъ Марьи Даниловны — мы не могли доискаться.

вели на казнь нѣсколькихъ преступниковъ; одинъ изъ нихъ, увидавъ иноземнаго государя, закричалъ: „помилуй, государь!“ Этого крика достаточно было, чтобъ возбудить жалость Петра, и онъ, бывъ тронутъ, испросилъ жизнь преступнику. Фактъ любопытный. Крикъ иноземнаго солдата-преступника склонилъ его къ милости, а вопли и стоны страдальцевъ: сына, сестеръ, жены, родственниковъ, ведомыхъ на лютейшія муки и истязанія, не могли вызвать милости.

Въ то время, когда Петръ любовался всѣми достопримѣчательностями, какія представляла ему роскошная столица Франціи¹⁾, Екатерина довольно однообразно проводила время сначала въ Гагѣ, потомъ въ Амстердагѣ. Здѣсь и дождалась своего хозяина. Петръ пріѣхалъ 22-го іюля, и первое время послѣ четырехтысячной разлуки ни на часъ не разставался съ женой. Цѣлая недѣля прошла въ осмотрѣ флота, стоявшаго на якорѣ въ пяти миляхъ отъ Амстердама, и все это время они ночевали на яхтѣ. Съ ними ли были Гамильтонъ и Орловъ, или оставались въ городѣ—неизвѣстно; надо думать, какъ необходимая прислуга, они сопровождали господъ своихъ и въ этихъ поѣздкахъ.

Въ началѣ сентября государь съ государыней были въ Берлинѣ. Послѣ ряда празднествъ, 14-го числа Петръ поскакалъ на почтовыхъ въ Данцигъ. За нимъ поѣхалъ Иванъ Орловъ; поѣхала часть женской прислуги императрицы. Такъ какъ государыня сама собралась въ обратный путь, то, чтобъ не нѣтъ, вѣроятно, задержки въ экипажахъ и лошадяхъ, отправила свой штатъ партіями.

3-го октября царь прибылъ въ Ревель, съ нимъ вмѣстѣ были и сопровождавшіе его сановники, деньщики, между ними Иванъ Орловъ; пріѣхали и дамы изъ свиты государыни. Кажется, нѣтъ сомнѣнія, что между ними была Марья Даниловна Гамильтонъ, хотя намъ достоверно извѣстно изъ поденной записки Петра, что „са величество путь свой имѣла отъ Риги къ Нарвѣ прямо на Дерптъ, не въѣзжая въ Перновъ и Ревель“²⁾.

¹⁾ Кстати, укажемъ на одну изъ брошюръ, относящихся до пребыванія Петра въ Парижѣ: „Pierre 1-er, membre de l'Académie des Sciences, par le prince Augustin Galitzin“. Paris. 1859 г., стр. 10. Изданные здѣсь документы опровергаютъ живыя сказанія о томъ же предметѣ Вольтера, Н. Полеваго и друг.

²⁾ Журналъ 1717 г., стр. 424.

Гамильтонъ была въ это время беременна въ третій разъ, притомъ въ послѣднемъ періодѣ, и, вѣроятно, опасаясь подозрѣнія со стороны государыни, либо придворныхъ дамъ, которыя пытливыиъ окомъ слѣдили за поведеніемъ другъ друга, отпросилась ѣхать черезъ Ревель; гдѣ, въ страстныхъ объятіяхъ Орлова, старалась забыть и свою болѣзнь, и свою тоску, и тягостное предчувствіе о предстоявшихъ ей страданіяхъ...

Надо думать, что Иванъ Орловъ былъ очень простъ и его легко можно было обманывать: по крайней мѣрѣ, проводя по нѣскольکو часовъ съ Марьей Даниловной, Орловъ не догадывался въ какомъ состояніи его возлюбленная.

— „Когда въ Ревелѣ (писалъ онъ потомъ при допросахъ) я у нея (Гамильтонъ) шуналъ и ее спрашивалъ: что, не брюхата ль ты? и она сказала: „нѣтъ“. И я ее опять спросилъ, и она сказала: „отъ тебя-бъ я не потанла“. А для чего брюхо туго? спросилъ я потомъ. — „Да вѣдь ты вѣдаешь, отвѣчала Марья, что я нездорова. Брюхо у меня туго отъ запору“¹⁾.

Изъ того же показанія видно, что, при отъѣздѣ государя изъ Ревеля, Орловъ не послѣдовалъ за нимъ, а по нездоровью остался въ городѣ. Что же касается до Гамильтонъ, то она отправилась съ другими въ Петербургъ.

III.

Въ полдень 10-го октября 1717 года Петръ въѣхалъ въ столицу.

„Сія новая его столица, восклицаетъ Голиковъ, прібытіемъ обожаемаго государя своего обрадована была несказанно. Всѣ жители оной вышли во срѣтеніе его величеству и изъявили чувство радости своею слезами!“

Не примѣшивалось ли къ этой слезливой радости чувство страха? Гроза-сиверка вновь нагрянула. Государь, по пріѣздѣ, немедленно занялся своимъ обширнымъ хозяйствомъ: обходомъ и осмотромъ всѣхъ построекъ, посѣщеніемъ вельможъ, бесѣдами съ иноземными настерами, чиненіемъ застѣнковъ... Нѣсколько дней

¹⁾ Показанія Марьи Гамантовой и Ивана Орлова 5-го августа 1718 года.

† 1719 г.

спустя, приѣхала государыня — и жизнь двора пошла обычнымъ чередомъ ¹⁾.

Но далеко необычнымъ чередомъ шла она для Марьи Вилимовны или, какъ ее переименовали по русски — Даниловны: разлука съ любовникомъ, остававшимся еще въ Ревелѣ, беременность въ послѣднемъ періодѣ, страхъ быть узанной въ своемъ положеніи, боязнь сплетней, пересудовъ, насмѣшекъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ, начиная отъ князей и княжонъ до деньщиковъ и горничныхъ — все это дѣлало ея положеніе невыносимымъ. Она жила въ лѣтнемъ домѣ государевомъ, заперлась въ своихъ комнаткахъ, скрывалась больною, никого къ себѣ не допускала и такъ искусно умѣла скрывать свое положеніе, что ея прислужницы Катерина Терновская, да Варвара Дмитріева и казначейша дѣвка Анна (Крамеръ) долго не подозрѣвали настоящей причины ея болѣзни. Либо не успѣвъ вытравить дитя лекарствами, либо не рѣшившись вновь совершить это преступленіе, Марья Даниловна съ ужасомъ ждала рокового часа, и злополучный ребенокъ, плодъ страстной любви, уже заранѣе, во чревѣ матери, былъ обреченъ на смерть.

Между тѣмъ приѣхалъ изъ Ревеля Иванъ Орловъ и посѣтилъ разъ, какъ рассказываетъ служанка, свою любовницу на лѣтнемъ дворѣ, днемъ, при людяхъ; послѣ чего вскорѣ уѣхалъ по какому-то новому порученію, вѣроятно, царскому.

Въ это время, около 15 ноября 1717 г., совершенно было задуманное преступленіе. Приведемъ рассказъ свидѣтельницы злодѣйства, служанки камеръ-фрейлины Гамильтонъ; рассказъ этотъ, при всей безыскусственности и простотѣ, прямо переноситъ на мѣсто преступленія и ставитъ лицомъ къ лицу съ убійцей.

— „Мѣсяцъ спустя“ (показывала впоследствии Катерина Екимовна Терновская), послѣ приходу изъ Ревеля, Марья Гамонтова родила ребенка; про то я вѣдала, а именно такимъ образомъ то дѣлалось: сперва пришла Марья въ свою палату, гдѣ она жила, ввечеру, и притворила себя больною, и сперва легла на кровать, а

¹⁾ Любопытные рассказы о томъ, какъ осматривалъ Петръ, по возвращеніи изъ заграничи, постройки въ Петербургѣ и собственноручно нещадно выискивалъ за медленность и неакуратность строителей, можно найти въ III томѣ *Anecdotes intéressantes et secrètes de la cour de Russie*, 1792 г. стр. 162—165, 206—298. Книга эта достойна вниманія: это компиляція изъ множества записокъ и сочиненій о Россіи въ XVIII вѣкѣ. Къ сожалѣнію, компиляторъ не всегда указываетъ, откуда беретъ интересные факты.

потомъ вскорѣ велѣла мнѣ запереть двери и стала къ родинамъ мучиться; и вскорѣ, вставъ съ кровати, сѣла на судно и, сидя, младенца опустила въ судно. А я тогда стояла близь нея и услышала, что въ судно стукнуло и младенецъ вскричалъ; тогда я, Катерина, охнула и стала ей, Марьѣ, говорить:

— „Что ты, Марья Даниловна, сдѣлала?“

— Я и сама не знаю, отвѣчала та:— что дѣлать?

Потомъ, ставъ и оборотясь къ судну, Марья младенца въ томъ же суднѣ руками своими, засунувъ тому младенцу палецъ въ ротъ, стала давить, и приподняла младенца и придавила.

„Тогда я, Катерина, заплакавъ, паки стала ей говорить:

— „Что ты, Марья Даниловна, дѣлаешь?“

— „Молчи, отвѣчала она, дьяволъ-ли-де тебя спрашиваетъ?“

„Придавивъ ребенка, Марья вынула и обернула его въ полотенце.

— „Возьми, Катерина, сказала она мнѣ;— отнеси куда-нибудь и брось“.

— „Не смѣю я этого сдѣлать“, отвѣчала я.

— „Когда ты не возмешь, сказала Марья, то призови своего мужа“.

Былъ уже поздній часъ ночи; родильница, въ изнеможеніи отъ тѣлесной боли и душевной муки, опустилась на постель. Легла спать и встревоженная служанка. На другой день, по прежнему приказу Марьи Даниловны, Катерина пошла и прислала къ ней мужа своего, перваго конюха Василія Семенова ¹⁾.

„Марья Даниловна велѣла мнѣ (свидѣтельствуешь Катерина) поднести конюху водки, а потомъ просила его, Семенова, при мнѣ, Катеринѣ:

— „Пожалуй-де, сего мертваго младенца брось куды-нибудь.

„Семеновъ взялъ и, положи въ кулекъ, понесъ вонъ. А тотъ кулекъ дала мужу своему я, Катерина. И то дѣлали мы съ мужемъ, и получали ни для чего иного, только нища въ ней милости, а иное ей и бояся, для того, что часто Марья меня, Катерину, бранивала и упрекала:

¹⁾ Изъ дѣла о дѣвкѣ Гамонтовой нельзя понять, за кѣмъ была замужемъ служанка Катерина. Въ одномъ мѣстѣ мужъ ея названъ „царскаго величества нисольскаго приказа подъячій Савва Терновскій“, здѣсь же она зоветъ мужа своего Василія Семенова. Надо думать, что, схоронивъ мертваго, она вышла за послѣдняго.

— „И-де васъ, какъ нищихъ, взыскала, и вы-де меня не хотите слушать“¹⁾.

Мы не думаемъ, чтобъ только одна боязнь удержала служителей Марьи Даниловны отъ доноса на нее. Напротивъ, боязнь допроса въ застѣнкѣ скорѣй должна была вызвать съ ихъ стороны доносъ на убійцу: Катерина и Семеновъ хорошо знали, какому нещадному истязанію подвергались вѣдавшіе да не донесшіе на преступленіе; ихъ карали одинаково съ преступниками²⁾. Итакъ, не боязнь Гамильтонъ (она ничего изъ не могла сдѣлать), а любовь и преданность къ доброй госпожѣ удерживали прислугу отъ извѣста. Марья Даниловна, дѣйствительно, была очень добра и, по своему времени, щедра для прислуги. Такъ, наприимѣръ, сама служанка Катерина говорила, что получила отъ нея въ подарокъ: „серьги съ бурническими небольшими зернами, чепчикъ парчевой, маленькихъ обломковъ камешковъ пять или шесть яхонтовъ, косякъ камки, двѣ юбки коломяковыя съ быстрогами; наконецъ, предъ отъѣздомъ въ походъ (т. е. за границу въ 1716 г.), Марья Даниловна оставила мнѣ въ Петербургѣ 10 рублей“³⁾. Изъ боязни ли, или изъ преданности, какъ бы то ни было, только ни Катерина, ни нужъ ея не сдѣлали доноса на учиненное преступленіе. Дѣло должно было открыться гораздо позже...

¹⁾ Подлинное дѣло о дѣвкѣ Гамонтовой, показанія служанки Катерины 9-го апрѣля и 21-го іюня 1718 года.

²⁾ Страхъ наказаній, награда за доносы до такой степени развили у насъ шпионство въ ту эпоху, что великій Петръ вѣдалъ о самыхъ сокровенныхъ событіяхъ; ему препровождали доносы изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Россіи, даже за границу, въ бытность его тамъ. Это видно, напр., изъ слѣдующаго письма Петра изъ Дандига къ архангельскому губернатору (16 апр. 1716 года): „увѣдомились мы, что бывший москов. успенск. собора ключарь Провъ, который сосланъ и постриженъ въ Соловецкомъ монастырѣ, нынѣ изъ того монастыря свободился и живетъ у холмогорскаго архіерея, котораго (то есть ключара), по полученіи сего указа, возьми и розыщи, какиѣ случаетъ онъ освободился, и кто его освободилъ? и потому къ намъ ниш, а его за карауломъ держи. Петръ“. („Собр. записокъ Туманскаго 1787 г.“ ч. V, стр. 96). Въ „Чтеніяхъ Московскаго Общ. Исторіи“ (1860 г., т. II) напечатаны два любопытные доносы; хорошо бы было, если-бъ явилось въ печати побольше подобныхъ документовъ: они проливаютъ яркій свѣтъ на петровское общество, и на преобразователя съ его плечами. Одинъ изъ составителей указанныхъ доносовъ, во всеподданнѣйшемъ прошеніи о наградѣ, съ упрекомъ говоритъ, что его оставили безъ вниманія въ то время, какъ „по именнымъ е. и. в. указамъ не токмо за такіе важныя (доносы), но за интересныя дѣла, всякаго чина людямъ давано награжденіе немалое со всакиимъ удовольствіемъ и съ повышеніемъ чиноу“.

Иванъ Орловъ скоро возвратился въ Петербургъ изъ командировки. Онъ посѣтилъ Марью Даниловну ночью, на зимнемъ дворѣ (т. е. во дворцѣ). Сидѣлъ съ нею вдвоемъ, наединѣ; бесѣдовали долго... Иванъ Михайловичъ говорилъ, между прочимъ: „что-де слышалъ я, по прїѣздѣ отъ Кобылякова, что ты чуть было не умерла. Что съ тобой сдѣлалось?“ спрашивалъ онъ.

— „Бокъ у меня болѣлъ, отвѣчала камеръ-фрейлина пылливому любовнику:—также и м..... пришло“.

Марья Даниловна послала Катерину варить кофе и кофеемъ угощала Ивана Михайловича ¹⁾.

Напившись кофе, Орловъ не остался, однако, ночевать, боясь, вѣроятно, чтобъ не хватились его господа и не открыли бы его шашней.

Нѣсколько дней спустя, камеръ-фрейлина прислала за деньщикомъ мальчика съ приглашеніемъ навѣстить ее. Тотъ явился.

— Чтѣ съ тобой сдѣлалось? спросилъ Орловъ, вѣроятно, замѣтивъ страданія и слабость любовницы.

— „Малехонько было не уходилась, отвѣчала больная:—вдругъ схватило; сидѣла я у дѣвокъ (т. е. фрейлинь) и послѣ насилу привели меня въ палату, и мѣсяшное вдругъ хлынуло изъ меня ведромъ“.

Орловъ повѣрилъ.

Между тѣмъ, при дворѣ, между деньщиками, фрейлинами, служанками, дамами придворными ходили разные слухи и сплетни, которые тревожили страдальцу, волновали и самого Орлова. Красавецъ-деньщикъ былъ любимцемъ нѣсколькихъ дамъ придворныхъ и дѣвицъ-фрейлинь; всѣ онѣ негодовали за то, что предметъ ихъ склонности ухаживаетъ за Гамильтонъ. Съ другой стороны, у Гамильтонъ было нѣсколько поклонниковъ между деньщиками, пажами и камер-юнкерами; они, изъ ревности, хотѣли разсорить ее съ Орловымъ. Тѣ и другіе, желая сдѣлать зло—первыя Марьѣ Даниловнѣ, вторые Ивану Михайловичу—сплетнями, рассказами, насмѣшками смущали любовниковъ.

Такимъ образомъ услыхалъ Орловъ отъ услужливаго передатчика сплетень Алексѣя Юрова, что будто-бы тотъ слышалъ разго-

¹⁾ Показаніе 9-го апрѣля 1718 г. служанки Катерины; показанія Марьи Гамонтовой и Ив. Орлова 5-го августа 1718 г.

† 1719 г.

воръ и шутки насчетъ Гамильтонъ, Родіона Кошелева съ Семеномъ Алабердѣевымъ.

— „Она со мною брюхо сдѣлала“, смѣясь, говорилъ Кошелевъ.

Юровъ увѣрялъ, что Алабердѣевъ выдалъ хвастливаго товарища Марья Даниловна и убѣждалъ ее жаловаться на обидчика.

— „Не знаю только, говорилъ Юровъ: — была ли челомъ Марья, или нѣтъ?“

Ходили слухи, что у фонтана ¹⁾ нашли мертвого подкидыша; говорили, что это дитя Гамильтонъ; другіе указывали на прочихъ фрейлинь и дамъ: это, молъ, ихъ дѣло. Всѣ эти сплетни и толки до такой степени возбѣсили Орлова, что онъ рѣшился лично допросить любовницу.

— Какъ это на тебя говорить, спросилъ онъ, являсь къ фрейлинь: — что ты родила ребенка и убила?

Та стала плакать и клясться.

— „Развѣ бы тебѣ я не сказала (о родахъ и убійствахъ), говорила она, заливаясь слезами: — вѣдаешь ты и самъ, какая (большая охотница) я до робятъ; развѣ не могла я содержать въ тайнѣ ребенка? вѣдь ты вѣдаешь, меня здѣсь никто не любитъ ²⁾.“

Деньщикъ-любовникъ, напротивъ, подозрѣвалъ (впрочемъ, напрасно), что Гамильтонъ была любима слишкомъ многими, болѣе, чѣмъ нужно для нея и тѣмъ болѣе для него; что Александръ подьячій и Семенъ Мавринъ жили съ нею въ такой же любовной связи, какъ и онъ, и что робятъ у нея дѣйствительно не могло быть не отъ убійствъ, а отъ множества возлюбленныхъ.

Какъ ни сильна была увѣренность у Орлова, что у камеръ-фрейлины, отъ множества сотрудниковъ, не могло быть дѣтей, однако, послѣ новыхъ сплетенъ придворныхъ, онъ опять явился къ ней съ вопросомъ:

— Какъ же это, спрашивалъ онъ: — другіе-то говорятъ, что ребенокъ, найденный у фонтана, твой?

Марья Даниловна вновь стала плакать и божиться.

— „Я, вѣдь, не одна была, говорила она: — какъ у меня и страшное появилось“.

Орловъ вновь повѣрилъ. Чтобы окончательно разсвѣтъ его по-

¹⁾ Въ Лѣтнемъ саду, см. объ этомъ фонтанѣ въ указанныхъ выше сочиненіяхъ.

²⁾ Показаніе Ив. Орлова 5-го и 20-го авг. 1718 г.

дозрѣнія и прервать сплетни, камеръ-фрейлина, по убѣжденію Алабердѣева, жаловалась на Родіона Кошелева и его неумѣстныя шутки.

Кошелевъ повинился:

— Посмѣялся я съ шутки, а не изъ знанія. Изъ ревности, я хотѣлъ, чтобъ она, постыдившись этихъ словъ, болѣе дружбы съ Орловымъ не имѣла.

Жертва толковъ, пересудовъ, мучная недугомъ, угрызеніями совѣсти и страхомъ наказанія, Марья Даниловна Гамильтонъ грустно встрѣтила 1718 годъ.

Онъ ничего не общалъ ей радостнаго; грозныя тучи скопились на горизонтѣ...

Составитель петербургскаго календаря, уступая общественному предразсудку, а, можетъ быть, и самъ раздѣляя его, что по звѣздамъ можно предугадывать событія „о войнѣ и мирскихъ дѣлѣхъ“, пророчилъ, что въ наступающемъ 1718 году случится очень много необыкновеннаго, и болѣе нехорошаго, чѣмъ хорошаго:

„Наипаче дѣло удивительно (гласилъ календарь), что въ августѣ мѣсяцѣ четыре планеты, а именно Солнце, Іовиъ, Марсъ и Меркурій во знакъ Льва, то есть въ домъ солнца, весьма близко сойдутъ, и оное важнѣе, нежели обычайные Аспекты, ибо во столѣтъ и болѣе едва случается, и токмо нѣтъ Сатурна и Венеры притомъ, ибо они на соединеніе сіе гораздо косо смотрятъ, то есть Сатурнъ съ лѣвой, а Венера съ правой стороны въ неправоиъ квадратѣ стоятъ. Я о семъ особливо не могу и не хочу изъясненія чинить, но токмо объявляю, что оное нѣчто особенное и важное покажетъ; не мыслю, чтобъ оное вскорѣ въ августѣ учинилось, токмо можетъ дѣйство свое во весь годъ пространить, ибо оное есть Солнечное дѣло, того ради окончанія имѣетъ съ терпѣньемъ ожидать... Сей же годъ болѣе къ болѣзнямъ, нежели ко здравію склоненъ, а особливо зима и весна... Того ради во многихъ мѣстахъ слышно будетъ:

Многія врата аду стерги
Избави насъ отъ виссавиы смерти;
И даждь въ мірѣ поживши вѣчно,
Во славу твоей быти безконечно! *)

*) „Календарь или мѣсяцесловъ на лѣто отъ Р. Х. 1718, указующій затѣнія солнечная, мѣсячная рожденія, и полныя мѣсяцъ съ четвертьми... Учтенный по меридіану и міринѣ царствующаго Санктъ-Пітербурха. Въ Санктъ-

† 1719 г.

Оставивъ, однако, календарь, который, на этотъ разъ, совершенно случайно не солгалъ, предсказавъ болѣзнь (много переболѣю отъ пытокъ), смерть, общія моленія о ниспосланіи помощи отъ всѣхъ напастей, и послѣдуемъ за Великимъ Петромъ.

15-го декабря 1717 года, государь, росписавъ во всѣ коллегіи президентовъ, пославъ въ Москву, чтобъ все приготовить для пріема первенца-сына. За нимъ поскакали его приближенные, его денщики (между ними Иванъ Орловъ). На другой день, съ своею свитою и фрейлинами (между ними была Гамильтонъ)¹⁾, выѣхала изъ Петербурга Екатерина Алексѣевна. 23-го декабря державные супруги были въ Бѣлокаменной.

Петръ по словамъ его подневной записки, по пріѣздѣ въ Москву, „сталъ упражняться въ гражданскихъ дѣлахъ“.

Эти „гражданскія“ дѣла состояли въ слѣдствіи и судѣ надъ сыномъ, первой женой, сестрами, десятками вельможъ, именитыхъ духовныхъ, именитыхъ женщинъ и проч.

Въ нѣсколькихъ словахъ, но прекрасно характеризуетъ это страшное время М. П. Погодинъ: „свозятся со всѣхъ сторонъ свидѣтели, участники; допросы за допросами, пытки за пытками, очные ставки, улки и пошелъ гулять топоръ, пилить пила и хлестать веревка!“

„Запамятованное, пропущенное, скрытое однимъ—воспоминается другимъ, третьимъ лицомъ на дыбѣ, на огнѣ, подъ учащенными ударами и виѣняется въ вину первому, даетъ поводъ къ новымъ встряскамъ и подъемамъ. Слышатся еще имена.... Подайте всѣхъ сюда, въ Преображенское!“

„Жену, сестеръ, дѣтей, тетокъ, сватовъ, друзей, знакомыхъ и

Питербургской типографіи“. Лѣта Господня 1717 г. Ноябр. 25-го. Въ 8 д. Это былъ первый изъ ежегодныхъ календарей въ Россіи; онъ былъ уже отпечатанъ въ сентябрѣ 1717 года, и Меншиковъ, при письмѣ, послалъ его къ царю Петру за границу.

¹⁾ Пожитковъ у нея было немного. По показанію служанки, Марья Даниловна взяла съ собою въ Москву одинъ только сундукъ съ платьемъ, остальные два съ пожитками оставила на храненіе у Петра Машкова. Показаніе 9-го апрѣля 1718 г. Ѣхала Марія Гамильтонъ въ Москву съ нѣскою Устиньей; подъ ея сани давали по пяти лошадей, по столько же вырягали въ сани Анисья Толстой и Анны Паниной. Государыня ѣхала въ саняхъ на шестеркѣ лошадей. См. наказъ Меншикова отъ 14 декабря 1717 г. о заготовкѣ лошадей для проѣзда двора въ Москву. „Русскій Архивъ“ 1883 г., кн. V, стр. 8.

незнакомыхъ, архіереевъ, духовниковъ, — видѣвшихъ, слышавшихъ, могшихъ догадываться.

— „Мы знать не знаемъ, ничего вѣдать не вѣдаемъ!“

— „Не знаете, не вѣдаете! въ застѣнокъ!!“

„И мучатся несчастные, истекаютъ кровью, пзынваютъ страхомъ и ожиданіемъ. Они взводятъ на себя и на другихъ напраслину, и вслѣдствіе ея подвергаются новымъ пыткамъ по три, по пяти, по десяти разъ!! Въ застѣнокъ!! восклицаютъ неумолимые остервенѣлые судьи. — Умилосердитесь, посмотрите, — вѣдь въ нихъ не осталось кровинки; потухли глаза, они потеряли все сознаніе, у нихъ пропали всѣ чувства, они не помнятъ уже, что говорятъ, да ужъ и дыба устала! застѣнокъ шатается, топоръ иступился, кнутъ измочалился.

„А оговаривается людей все больше и больше! Отъ друзей царевича Алексѣя уже очередь доходить до собственныхъ друзей и наперсниковъ царя: князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій, графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, князь Дмитрій Михайловичъ, князь Михайло Михайловичъ Голицыны, Бауръ, Стефанъ Яворскій, Іовъ Новгородскій, митрополитъ Кіевскій, епископы: Ростовскій, Крутицкій, даже князь Ромодановскій, Стрѣшневъ, самъ Меншиковъ подвергаются подозрѣнію!“¹⁾

IV.

Всѣ были встревожены, каждый опасался за себя; ежедневные розыски, доносы сдѣлали чутье у сыщиковъ необыкновенно тонкимъ. Положеніе Гамильтонъ дѣлалось невыносимо. При пытливомъ надзорѣ за всѣми и каждымъ, возникшемъ въ это ужасное время, преступленіе ея, хотя и не политическое, не могло остаться въ тайнѣ.

Но оно открылось почти случайно. Объ этомъ обстоятельствѣ многіе писатели рассказываютъ различно. Остановимся на этихъ раз-

¹⁾ По поводу VI-го тома „Исторія Петра“ соч. Устрялова написано было нѣсколько статей. Между всѣми ими занимаетъ первое мѣсто изслѣдованіе М. П. Погодина: „Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ“. „Рус. Вѣстѣ“, 1860 г. № 1. Этотъ трудъ въ высшей степени замѣчателенъ и тѣмъ болѣе долженъ быть интересенъ для всѣхъ, что ученый авторъ, трудясь гдѣ назадъ, перепечатывая Розыскное дѣло 1718 года, предпослалъ

сказать: они легли въ основаніе всѣхъ баснословныхъ вымысловъ о Маріи Вилимовнѣ или Даниловнѣ Гамильтонѣ.

„Денщикъ его величества, Иванъ Михайловичъ Орловъ—такъ повѣствуетъ И. И. Неплюевъ—узналъ объ одномъ тайномъ сходбищѣ, развѣдалъ о людяхъ, составлявшихъ общество, и вечеромъ подалъ государю обстоятельную записку, доносъ, на заговорщиковъ. Великій государь, прочитавъ доносъ, тщательно уложилъ его въ карманъ; онъ былъ занятъ другими дѣлами; карманъ подпоролся и бумага попала между сукномъ и подкладкой.

Пожась спать, государь обыкновенно приказывалъ сюртуку класть или къ себѣ подъ подушку, или на стулъ у кровати.

Лишь только Петръ заснулъ, Орловъ, окончивъ дневальство, отправился къ пріятелямъ и прогулялъ съ ними ночь.

Между тѣмъ, по обыкновенію своему, государь проснулся очень рано и захотѣлъ съ свѣжей головой просмотрѣть доносъ; не найдя въ карманѣ, заключилъ, что онъ украденъ, и закипѣлъ гнѣвомъ. Приказано позвать Орлова, который развѣдалъ его; Орлова не нашли. Государь еще болѣе разсердился; повелѣлъ непремѣнно отыскать гуляку-денщика. Долго не находили гуляку, и гнѣвъ господина достигъ высшей степени... Наконецъ, гонцы открыли Орлова. Не подозрѣвая настоящей причиной царскаго гнѣва, денщикъ подумалъ, что, вѣроятно, государь узналъ о любовной его связи съ камер-фрейлиною Гамильтоновою, любимцею ея величества.

Съ этою мыслию трепетавшій любовникъ вошелъ къ государю. Тотъ былъ въ ярости. Еще болѣе испугавшись, Орловъ палъ на колѣна: „Виновать, государь, возмолится денщикъ, люблю Марьюшку!“ (такъ звали при дворѣ камеръ-фрейлину). Петръ увидѣлъ изъ просьбы, что Орловъ не воръ бумаги, а кстати и она была найдена денщикомъ Поспѣловымъ въ подкладкѣ сюртука.

Между тѣмъ признаніе заинтересовало господина, и онъ уже съ покойнымъ видомъ сталъ спрашивать:

— Давно ль ты ее любишь?

ему, въ видѣ догадки, свой взглядъ на весь этотъ ужасный эпизодъ изъ царствованія Петра. Догадка оправдалась, и чрезъ тридцать лѣтъ развита тѣмъ же историкомъ въ рядъ высшей степени самобытныхъ взглядовъ.. Исследование Погодина проливаетъ яркій свѣтъ на Петра, на Екатерину, Меншикова, царевича Алексѣя, его сторонниковъ и судей. Статья эта навсегда останется драгоценнымъ достояніемъ нашей литературы историческихъ исследованийъ о XVIII вѣкѣ.

(1860 г.)

- Третій годъ.
- Бывала ли она беременна?
- Бывала.
- Слѣдовательно и рожала?
- Рожала, но мертвыхъ.

Внезапная догадка освѣтила голову прозорливаго монарха; догадка выразилась въ вопросѣ:

- Видѣлъ ли ты ихъ мертвыхъ?

— Нѣтъ, не видывалъ, а отъ нея сіе зналъ, отвѣчалъ трепетавшій Орловъ.

Къ несчастію для любовницы, не задолго предъ допросомъ, при очищеніи нечистотъ, найденъ былъ мертвый младенецъ, обернутый въ дворцовой салфеткѣ; тогда не могли отыскать матери младенца. Изъ отвѣтовъ деньщика царь увидѣлъ, что убійца ребенка ни кто другой, какъ фрейлина Гамильтонова.

Ее зовутъ къ царю. Петръ при любовникѣ спрашиваетъ любовницу. Та заперлась и стала клясться, что невинна. Ее, однако, уличили въ связи съ Орловымъ, послѣ чего заставили сознаться, что она низвела такимъ образомъ уже двухъ младенцевъ.

— Зналъ ли объ этихъ убійствахъ Орловъ? вновь спрашиваетъ государь.

- „Нѣтъ, отвѣчаетъ фрейлина:— Орловъ не зналъ“.

Петръ не повѣрилъ невинности деньщика, велѣлъ его отвести въ крѣпость, а надъ фрейлиною, убійцею нераскаянною (?), повелѣлъ нарядить уголовный судъ¹⁾.

Голикова разсказъ (со словъ Неплюева) немного представляетъ вариантовъ противъ разсказа Штелина; послѣдній, разумѣется, служилъ однимъ изъ источниковъ автору „Дѣяній“. Но и эти немногіе варианты должны вызвать наше вниманіе.

„Премудрый россійскій законодатель (восклицаетъ профессоръ отъ аллегорій) всегда старался показать собою примѣръ строгаго исполненія законовъ. Онъ благоговѣлъ предъ закономъ Божиимъ и былъ къ уголовнымъ преступленіямъ неумолимъ, особенно, если замѣчалъ, что преступленіе сдѣлано съ намѣреніемъ или отъ злости.

¹⁾ „Дѣянія мудраго преобразователя“, собралъ Голиковъ, т. XV, разсказъ (Неплюева) 82-й: „Правосудіе его величества и уваженіе къ закону Божию“, стр. 182—184. Въ „Русскомъ Архивѣ“ разсказъ этотъ перепечатанъ съ подправкой лишь слога. „Русск. Арх.“ изд. 1883 г., книжка II, стр. 362—363.

Если дѣло касалось убійства, то убійца не долженъ былъ и надѣяться на помилованіе. „Невинно пролитая кровь, говаривалъ Петръ, вопіетъ о мщениі и ненаказанныя убійства угнетаютъ землю“.

„Одна изъ фрейлинъ императрицы (†) Екатерины I-й, именъ Гамильтонъ¹⁾, вела распутную жизнь и два раза тайно освобождалась отъ беременности. Она такъ умѣла сбывать съ рукъ младенцовъ своихъ, живыхъ или мертвыхъ, что при дворѣ ни мало ее въ томъ не подозрѣвали; но въ третій разъ преступленіе не удалось. Умерщвленный младенецъ былъ найденъ и всѣ обстоятельства привели Гамильтонъ въ подозрѣніе. По царскому приказу, она была заключена въ тюрьму, гдѣ и должна была признаться не только въ этомъ, но и въ двухъ прежнихъ убійствахъ“²⁾.

Вслѣдъ за Штелинымъ и Голицынымъ приведемъ одинъ изъ многихъ вариантовъ, помѣщавшихся въ разныхъ изданіяхъ о царствованіи Петра. Вотъ что говорится, наприимѣръ, въ „Anecd. intéress. de la cour de Russie“ (Londres, 1792, t. 2, p. 272—275): „По приказанію Петра, два гренадера наказали батогами шведскую графиню Марью Даниловну Гамильтонъ. Она пользовалась до сихъ поръ особымъ расположеніемъ Петра, но возбудила его гнѣвъ тѣмъ, что стала распускать дурные слухи объ императрицѣ. Донесъ на нее Меншиковъ. Издавна уже нѣтъ замыселъ (!) о возведеніи на престолъ Екатерины (послѣ смерти Петра), Меншиковъ не пропускалъ ни одного случая, чтобъ отклонить все, что могло вредить Екатеринѣ, и интриговалъ противъ тѣхъ женщинъ, которыя пользовались расположеніемъ Петра. Кромѣ того, существовала

¹⁾ Составитель газетной статьи о ней справедливо замѣчаетъ, что „Штелинъ пишетъ правильно: Гамильтонъ. Будучи самъ нѣмецъ, онъ не могъ, подобно русскимъ, коверкать это имя“. Не въ той же статьѣ ошибочно обвиняютъ Н. Г. Устрялова въ томъ, что онъ, при чтеніи имени Гамильтонъ въ подлинныхъ бумагахъ, принялъ а за н. „Слѣдовало бы (говоритъ авторъ статьи) прочесть Гамелтова, а не Гамонтова“. Но въ подлинномъ дѣлѣ, какъ мы сами убѣдились, Гамильтонъ именнo названа Гамонтовой. Въ чемъ другомъ можно обвинить исторіографа, но за умѣнье его разбирать рукописи и читать корректуры говорятъ десятки дѣлъ, посвященныхъ составленію и печатанію одного тома (см. предисловіе Н. Г. Устрялова къ VI части „Истор. цар. Петра“). [1860 г.]

²⁾ Анекдоты Штелина. Нѣм. изд. 2-е, рассказъ 88-й. Въ русскихъ изданіяхъ первомъ и второмъ (1786 г., стр. 226—227; 1787 г., стр. 275—276) рассказъ этотъ напечатанъ съ выпусками; гораздо полнѣе онъ въ переводѣ, изданномъ въ 1788 г. Москва. Въ 8 д. Въ типогр. компаніи типографской. Рассказъ 87, стр. 247—250.

особая причина личнаго недоброжелательства Меншикова къ этой иностранкѣ.

„Про нее ходили слухи, что она задушаетъ своихъ дѣтей тотчасъ послѣ родовъ. Но, по неизбѣжно доказательству, все ограничивалось толками праздныхъ людей. Однажды она бросила въ колодезь своего младенца, завернутаго въ салфетку изъ дворцоваго бѣлья. Нѣсколько времени спустя, ребенокъ былъ найденъ; находка усилила подозрѣнія противъ графини. Меншиковъ, который до того времени потерпѣлъ положительную неудачу въ волокитствѣ за нею, воспользовался этимъ случаемъ для мщенія и старался обратить подозрѣнія въ достовѣрные факты. Петръ, по наущенію своего любимца, пошелъ къ обвиняемой графинѣ.

— „Это твое дитя наши?“ спросилъ онъ ее.

„Гамильтонъ не смутилась и отверлась. Меншиковъ предложилъ сдѣлать обыскъ въ ея сундукахъ. Стали рыться, нашли окровавленное бѣлье. Это была важная улика. Она сильно смутила Гамильтонъ и она уже слабо запиралась. Ее арестовали“.

Приведенныхъ разсказовъ вполне достаточно, чтобъ видѣть, какъ разнорѣчатъ они одинъ другому; впрочемъ на ряду съ вымыслами въ нихъ есть и правда: разсказы эти основаны на современныхъ толкахъ и пересудахъ, и въ этомъ отношеніи они для насъ интересны.

Какъ же открылось преступленіе Гамильтонъ, какъ началось роковое для нея слѣдствіе? Отвѣта на эти вопросы поимѣмъ въ подлинномъ дѣлѣ: „о дѣлкѣ Гамонтовой“.

Изъ него мы видимъ, что Орловъ былъ далеко не вѣренъ Марѣ Даниловнѣ; въ послѣднее время забывая ее, часто хаживалъ къ генераль-маіоршѣ Чернышевой (Авдотья-бой-баба). Эти частые визиты деньщика къ генеральшѣ сильно огорчали камеръ-фрейлину: она сердилась, просила любовника прекратить свои посѣщенія къ Авдотѣ; наконецъ, чтобъ рѣшительно его устроить, Гамильтонъ рѣшилась на хитрость, кончившуюся для нея самымъ злополучнымъ образомъ.

Увлекаемая ревностью, Марья Даниловна рѣшилась погубить свою соперницу силетней, одной изъ придворныхъ интригъ, которыя такъ часто удавались другимъ. Она повела дѣло съ того, что вздумала напугать Орлова и тѣмъ отвести его отъ Чернышевой. Зная простоту и недалковидность любовника, Гамильтонъ могла рассчитывать на успѣхъ.

Пришелъ къ ней однажды деньщикъ поутру пить кофе. Марья Даниловна, подъ видомъ строжайшаго секрета, стала ему говорить:

— „Сказывала мнѣ сама государыня-царица о томъ, что одинъ деньщикъ говорилъ съ Авдотьею (Чернышевой) о ней, о царицѣ: кушаетъ-де она воскъ, отъ того у нея (на лицѣ) угри!“

Со страхомъ и любопытствомъ сталъ спрашивать Орловъ ния деньщика, рѣшившагося на столь ужасное преступленіе!.. Гамильтонъ не называла преступника. Иванъ Михайловичъ, какъ самъ впоследствии показывалъ, тщетно допытывался многое время объ имени государственнаго преступника ¹⁾.

Между тѣмъ, на третій день послѣ утренней бесѣды, Орловъ отправился по какому-то, вѣроятно, царскому порученію.

Въ это время неосторожная камеръ-фрейлина, всѣми силами желавшая выкопать яму своей соперницѣ-генеральшѣ, стала рассказывать княгинѣ Прозоровской, Василию Ржевскому, Бацлановскому и другимъ, что о страсти царицной ѣсть воскъ и происходящихъ отъ того на лицѣ ея угряхъ говорили Орловъ съ Авдотьею Чернышевой. Марья Даниловна пустила въ ходъ эту сплетню, какъ сама потомъ признавалась: „съ сердца, затѣявъ напрасно, того для, что Орловъ часто хаживалъ къ генераль-маіоршѣ Чернышевой, хотя его тѣмъ утратить, чтобъ онъ къ ней, генеральшѣ, часто не ходилъ, понеже она того желала“ ²⁾.

Сплетня, какъ всѣ сплетни, разошлась чрезвычайно быстро. Когда пріѣхалъ изъ командировки деньщикъ, при дворѣ уже много толковали и о немъ, и о Чернышевой, а главное—о царицныхъ угряхъ, какъ слѣдствіи страннаго кушанья. Услужливые друзья и противники Гамильтонъ передали Орлову, что камеръ-фрейлина прямо указываетъ на него, какъ на рассказчика объ угряхъ. Тотъ страшно испугался. Государыня считаетъ его виновнымъ! его арестуютъ! станутъ пытать: гдѣ и когда онъ видѣлъ царицу, уничтожающею воскъ! допытываются и вымучаютъ отъ него признаніе въ небываломъ преступленіи! Всѣ эти мысли, безъ сомнѣнія, должны были осадить недальнюю голову Орлова, и онъ бросился къ Екатеринѣ съ оправданіемъ, думая, что та въ самомъ дѣлѣ чтонибудь знаетъ о немъ и о Чернышевой.

¹⁾ Показаніе Орлова 19-го іюля 1718 г.

²⁾ Показаніе Марьи Гамонтовой 19-го іюля 1718 г.

Можно представить себѣ, какъ изумился деньщикъ, когда, въ отвѣтъ на его оправданіе и челобитіе у ногъ Екатерины, та отвѣчала, что въ первый разъ слышитъ о придворныхъ толкахъ, о воскѣ и угряхъ.

Немедленно призвана Гамильтонъ. Въ страшномъ гнѣвѣ, Екатерина Алексѣевна стала допрашивать. Марья Даниловна заперлась, стала клясться, что она никому и ничего не говорила ни о воскѣ, ни объ угряхъ.

Запрятельство еще болѣе разсердило допрошницу, имѣвшую, по увѣренію Голикова, „сердце не тожко не злобное, но самое добродѣтельное“. На камеръ-фрейлину посыпались удары... Нѣтъ сомнѣнія, что они были довольно убѣдительны, ибо въ дѣлѣ отиѣчено: „а по битѣ, Гамонтова повинилась: затѣяла-де я, по злобѣ на Орлова, напрасно¹⁾“.

Съ неудачнаго (можетъ быть, и справедливаго) сказанія о воскѣ и угряхъ раздражается надъ Гамильтонъ грозная туча. Нѣтъ сомнѣнія, что камеръ-фрейлина тогда же была посажена въ тюрьму; но дѣятельный монархъ, занятый московскимъ и суздальскимъ розысками по дѣлу первенца-сына, не имѣлъ еще времени обратиться къ изслѣдованію преступленія своей бывшей любовницы.

Первый отдѣлъ, первая часть многочисленныхъ занятій великаго

¹⁾ Показ. Орлова 19-го іюля 1718 г. Рука у Катерини была необыкновенно сильна и она частыми упражненіями чрезвычайно укрѣпила свои мускулы. Такъ, напримѣръ, 9-го апрѣля 1722 года, на торжественной свадьбѣ графа Головкина съ княжной Ромодановской, между прочими потѣхами, царскіе деньщики, по желанію Петра, сильнѣе поднять на вытянутой рукѣ большой маршальскій жезлъ государя, но никому этого не удавалось. Государь, зная, какъ сильна рука у императрицы, подавъ ей черезъ столъ свой жезлъ. Она привстала и съ необыкновенною ловкостью нѣсколько разъ подняла его надъ столомъ прямою рукою, что всѣхъ не мало удивило. Берхгольдъ, ч. 2, стр. 180.

Мы не должны изумляться, что этотъ атлетъ женской силы самъ распорядился при допросѣ камеръ-фрейлины. Въ этомъ случаѣ хозяйка являлась только раздражательницею хозяину. Лѣтъ двадцать спустя ему же подражала и его племянница, императрица Анна Ивановна. Она изъявила однажды желаніе видѣть русскій танецъ и приказала четыремъ изъ первыхъ петербургскихъ красавицъ исполнить его въ своемъ присутствіи. Мать княгини Дашковой, замѣчательно граціозная пласунья, была въ числѣ этой партіи. Какъ однако-жъ онѣ ни желали угодить волѣ госпожи своей, но испуганныя ея строгимъ взглядомъ, смѣшались и позабыли фигуру танца. Среди общей суматохи, государыня встала съ креселъ и, приблизившись къ нимъ, съ полнымъ достоинствомъ отвѣсила каждой по громкой пощечинѣ и велѣла снова начинать, что тѣ и исполнили, чуть живыя отъ страха. См. Записки княгини Е. Р. Дашковой.

† 1719 г.

монарха по заговору сына и его сторонниковъ приходила къ концу.

Въ мартѣ 1718 года загорѣлись костры, засверкали топоры, возвысились колы, воздвигнулись позорные столбы, покатились колеса... Степанъ Глѣбовъ, епископъ Доснескій, Александръ Викинъ, Ѳеодоръ Пустынникъ, Ѳеодоръ Дубровскийъ мучительною смертью избавились отъ дальнѣйшихъ истязаній. Впродолженіи четырехъ дней на большой площади предъ дворцомъ десятки именитѣйшихъ особъ обоюго пола сѣчены кнутомъ, другія батогами, и съ вырванными ноздрями ¹⁾, либо урѣзанными носами, отправлены въ Сибирь ²⁾.

Весь дворъ, самъ государь обязажалъ мѣсто казни и зоркимъ окомъ слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ приговоровъ.

„Ежели-бъ подлинно былъ монархъ (говорить Голицевъ) напряженъ умертвить сына своего, то не долженъ ли бы онъ былъ заниматься симъ единымъ только мучительнымъ воображеніемъ? Не долженъ ли бы онъ былъ оставить или, паче, забыть все другія дѣла, кромѣ сего единаго?“ Но нѣтъ, скажемъ мы, дѣятельность государя и его вѣрныхъ слугъ была необыкновенна: въ то время, какъ заканчивался первый актъ драмы, они начинали, между многими другими кровавыми изслѣдованіями, слѣдствіе о дѣвкѣ Марѣ Гамонтовой.

12-го марта 1718 г., въ среду (на память пр. Ѳеофана, какъ гласитъ современный календарь), въ селѣ Преображенскомъ, въ при-

¹⁾ Ихъ вырывать приказано было не иначе, какъ до самой кости. Высочайшій указъ 7-го февраля 1716 г.

²⁾ Оговоренныхъ, вытанныхъ и сѣченыхъ дамъ и дѣвицъ по одному дѣлу Алексія и его матери было 26; въ это число не входятъ служанки, монашени, кривошанки и другія незначительныя лица, имена которыхъ не считали пужнымъ сохранить на безсмертіе; равно и не отиѣчали числа ударовъ, выпавшихъ на ихъ долю. См. наши замѣтки на VI томѣ „Исторіи Петра I“ въ Русскомъ Словѣ 1860 г., № 1, стр. 39—45. Питать женщинъ и дѣвицъ было дѣломъ уже обычнымъ. Въ 1698 году ихъ перенито было множество. Вмѣсто длиннаго перечня и разсказовъ, приведемъ нѣсколько строкъ изъ Записокъ Желябужскаго: „брали изъ дѣвичья монастыря боярынь и дѣвокъ, и старицъ въ Преображенской, и здѣсь онѣ разспрашивали, и по разспросамъ питаны, и на виски Жукова дочь дѣвка родила“. (Стр. 123). Жукова была при царевнѣ Марѣ тѣмъ же, чѣмъ Гамильтонъ при Екатеринѣ, то есть камеръ-фрейлиною. Жуковой на двухъ пыткахъ дано 30 ударовъ; на которой изъ пытокъ она родила—неизвѣстно. Въ 1716 году Петръ постановилъ не питать беременныхъ женщинъ (Уставъ Воинскій, ч. 2, гл. 6, арт. 10), но оставилъ, впрочемъ, исключенія для государственныхъ дѣлъ.

сутствіи государя и государыни, осматривали пожитки Марьи Гамонтовой. При осмотрѣ вынуты алмазныя и прочія вещи ея величества. Спрашивали Марью: откуда у нея тѣ вещи? И она предъ ихъ величествами винилась, что тѣ вещи себѣ крада ¹⁾.

Только что кончились казни 14, 15, 16 и 17 чиселъ, государь съ государыней 18-го марта 1718 г. оставили Москву.

„Москва опротивѣла. Дышать здѣсь стало тяжело. Все покрылось мглою, люди шатались какъ тѣни и въ воздухѣ слышался, кажется, сирадъ. Надо было перемѣнить мѣсто, отдохнуть, освѣжиться, и Петръ съ остальными жертвами—страшнымъ повѣдомъ отправился въ Петербургъ для новыхъ розысковъ“ ²⁾.

V.

24-го марта 1718 г. государь въѣхалъ въ С.-Петербургъ, вслѣдъ за нимъ прибыла и государыня.

Петръ занялся государственными дѣлами, поджидая какъ изъ Москвы, такъ и изъ заграницы подвоза лицъ, замѣшанныхъ по дѣлу сына ³⁾. Между тѣмъ крѣпость постепенно наполнялась; днемъ и ночью привозили туда новыхъ жителей казематовъ различнаго звя-

¹⁾ Подлинное дѣло. Записка 19-го марта 1718 г. Она оканчивается словами: „также надобно ее (Гамонтову) разспросить: колкое число ея величества государыни царицы червонныхъ раздача она деньщику Ивану Орлову и прочимъ“. Похищеніе драгоценныхъ камней показываетъ, что Марья Даниловна была далеко нечужда страсти къ украшеніямъ драгоценнымъ, страсти, нашедшей мѣсто даже и при дворѣ Петра, отличавшагося возможною простотою. Въ 1721 году петербургскія дамы имѣли великолѣпнѣйшіе наряды и множество брилліантовъ. „Вообще, здѣшнія дамы очень любятъ драгоценные камни, которыми стараются перещеголять другъ друга“. Берхгольцъ. Ч. I, стр. 193. Ч. II, стр. 72. Драгоценные камни тѣмъ болѣе были въ модѣ, что царскими указами запрещалось носить золото и серебро. Указъ 13-го декабря 1717 г., 19 го дек. 1718 г. и друг.

²⁾ М. П. Погодинъ, стр. 81.

³⁾ О занятіяхъ государя можно видѣть изъ указовъ того времени: доставка припасовъ въ Петербургъ, обмундированіе войскъ, мѣры о непропускѣ за границу („дабы при выѣздѣ розыску не ушли кто изъ тѣхъ, которые приличны“), взиманіе пошлинъ, снятіе заставъ, жалованія льготнымъ грамоты, постройка домовъ въ Петербургѣ—обо всемъ этомъ государь усилъ сдѣлать распоряженія со дня пріѣзда по 12-е апрѣля. П. С. З., т. V, № 3186 и послѣдующіе.

ніа, состоянія, возраста, пола, — многіе уже истомленные пыткой, двумя, тремя; многіе томящіеся въ страшномъ ожиданіи истязаній...

Покажість разсказываютъ привезенныхъ, зайдѣмъ въ Петропавловскую крѣпость того времени. Она уже двѣнадцать лѣтъ строилась и украшалась каменными постройками, быстро замѣнявшими временныя, деревянныя. Если вѣрить иностраннымъ писателямъ — многія тысячи работниковъ перемерли при созиданіи этой государственной темницы... Съ необыкновенными усиліями создались шесть громаднхъ больверковъ, шесть куртинъ, два рavelина, пять воротъ — все это составляло вѣшнюю ограду Петропавловской крѣпости.

Укрѣпленія противъ финскаго берега въ 1718 г. были уже окончены, и приступили къ передѣлкѣ тѣхъ, которыя выходили на Неву, особенно средняго бастиона и двухъ куртинъ; готовъ былъ угловой бастионъ, выходившій на Неву, къ Васильескому острову и дворцовой набережной; это былъ раскатъ Трубецкой; здѣсь сидѣли главнѣйшіе арестанты; жилищами ихъ были казематы, въ толстыхъ, массивныхъ каменныхъ стѣнахъ¹⁾. Внутренность крѣпости занимали: соборная деревянная церковь апостоловъ Петра и Павла²⁾, про-

¹⁾ „Описаніе Петербурга“ Богданова. 1751 г. Изд. 1779 г. Здѣсь есть много весьма важныхъ ошибокъ; напр., съ 1718 г., по словамъ Богданова, былъ комендантомъ крѣпости (съ 1717 по 1723 г.) полковникъ Чemezовъ, а изъ книги крѣпостной гарнизонной канцеляріи видно, что въ декабрѣ 1717 г. комендантомъ сдѣланъ гвардіи капитанъ Бахміотовъ, который и замѣстилъ Чemezова. Ошибку Богданова повторилъ, въ 1857 г., Новоселовъ (стр. 160). Свѣдѣнія о Петропавловской крѣпости, въ первый періодъ ея существованія, можно найти въ прекрасномъ изданіи публичной бібліотеки „Описаніе Санкт-Петербурга въ 1710 году“, изд. 1860 г., стр. 6 — 12. Брошюра эта перепечатана въ „Русской Старинѣ“. Подлѣ крѣпости площадь Троицкаго собора занята была висѣльницами; здѣсь почти всегда висѣли тѣла, лежали срубленные головы, стояли позорные столбы. Въ самой крѣпости, на внѣшней площадкѣ, у главной караульни, стоялъ деревянный конь со спицами острыми и дѣлами. Въ нихъ замывали и сажали на штрафъ. Любопытная статья „Опытъ историческаго изысканія о тюремномъ заключеніи въ Россіи“, Собѣщанскаго, помѣщена въ „Москов. Губерн. Вѣдом.“ 1849 г., № 31, стр. 26—30 и др. „О Петропавловской крѣпости начала XVIII вѣка“, см. въ статьѣ П. П. Пекарскаго „Петербургская старина“, „Современникъ“ 1860 г., кн. VI, стр. 329, 330, 331 и друг. Есть свѣдѣнія о крѣпости въ соч. С. Новоселова „Катедральный соборъ Петра и Павла въ Петербургѣ“, Спб. 1857. 8 д. Стр. 309.

²⁾ Она была пуста; алтарь, иконостасъ, престолъ и жертвенникъ были перенесены въ близъ лежащее зданіе, въ которомъ до того времени помѣщалась канцелярія сената, переведенная на Троицкую площадь (Рубанъ, стр. 34, „Москов. Вѣдомости“, 1842 г., № 41). Въ слѣдующемъ году стѣны

віантскіе и пороховые магазины, аптека, считавшаяся лучшею въ Россіи, домъ для оберъ-коменданта, главная караульня, монетный дворъ (близъ Трубецкаго, нынѣ Алексѣевскаго, равелина), три караульни, тайная канцелярія. Почти вся эта постройка была въ то время деревянная. Крѣпость раздѣлялась каналомъ, берега котораго усажены были деревьями; церковь стояла (какъ и теперь) на берегу канала; на ея башнѣ, подъ шницомъ, висѣло нѣсколько колоколовъ; приставленные къ нимъ люди каждый часъ, по голландскому обычаю, разыгрывали небольшую прелюдію, вслѣдъ за нею часы возвѣщались звономъ колокола; за немѣніемъ механизма, отбивали въ колоколъ часы тѣ же приставленные люди. На валахъ и крѣпостныхъ верхахъ разставлено было до 300 чугунныхъ и мѣдныхъ пушекъ.

Громъ пушечныхъ выстрѣловъ во время праздниковъ, пировъ и при другихъ торжествахъ, оклики часовыхъ по ночамъ, звонъ церковныхъ колоколовъ да заунывный бой часовъ ¹⁾ — вотъ единственные звуки, которые проникали къ заключеннымъ и едва-ли приносили пріятныя впечатлѣнія; напротивъ, есть извѣстія, что часовая прелюдія нагоняла страшную тоску на страдальцевъ...

А ихъ начинали свозить, одного за другимъ, подъ стражемъ въ кандалахъ, размѣщали по казематамъ.

6-го апрѣля 1718 г., въ вербное воскресенье, въ 9 часовъ вечера, привезли первую партію. Погода была (по увѣренію календаря) студеная. Десять человѣкъ изъ привезенныхъ колодниковъ: Иванъ Орловъ, вмѣстѣ съ двумя Богдановыми, Глѣбовымъ, Протопоповымъ, Аванасьевымъ, духовникомъ Игнатьевымъ, дьякомъ Воиновымъ, Темировымъ и Мееромъ, заключены были въ крѣпость. Остальные оставлены, за карауломъ, въ городѣ ²⁾.

Четыре дня спустя, при пушечной пальбѣ, вѣхалъ въ столицу одинъ изъ главнѣйшихъ героевъ кнута и застѣнка — князь-кесарь Иванъ Ѳеодоровичъ Ромодановскій.

Въ это же время привезли камеръ-фрейлину Гамильтонъ ³⁾ и нетер-

этой церкви были разобраны и перенесены въ солдатскія слободы; постройка же каменнаго собора, начатая въ 1714 году, продолжалась довольно медленно.

¹⁾ Объ этихъ курантахъ, между прочимъ, см. у Берхгольца, ч. I, стр. 139—141.

²⁾ Записная книга Сиб. гарнизонной канц., стр. 605.

³⁾ Есть, впрочемъ, извѣстіе, что она ѣхала изъ Москвы въ отдельной повозкѣ въ штатѣ государыни.

и́звивши государь повелѣть созволилъ, въ ожиданіи подвоза лицъ по дѣлу царевича Алексѣя, возобновить розыскъ о дѣвкѣ Гамонтовой.

По этому указу, въ среду ¹⁾, 9-го апрѣля 1718 года, Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ сталъ спрашивать „царскаго величества, по-сольскаго приказа подъячаго Саввы Терновскаго жену Катерину, Екимову дочь, а въ разспросѣ Катерина сказала, что „у Марьи Гамонтовой жила года съ полтора, въ томъ числѣ при ней была съ полгода, съ Троицына дня 1715 г. по новыи 1716 г.; а съ годъ безъ нея, тогда, когда она, Марья, была за ея величествомъ государынею царицею въ походѣ“. За этииъ объявленіемъ служанка Катерина рассказала, какъ, мѣсяцъ спустя послѣ прихода изъ Ревеля, Марья Гамонтова родила надъ судномъ, какъ задушила ребенка собственными руками, наконецъ, какъ поручила при ней конюху Семенову выбросить въ кухню тѣло дитяти. Подробности этого разсказа мы уже привели въ своемъ мѣстѣ.

— „А съ кѣмъ Марья того младенца прижила—говорила Катерина—того я не знала; а Ивана Орлова при родахъ не было, былъ невѣдомо гдѣ въ отлучкѣ; и болѣе помянутаго Орлова я не видала у Марьи, какъ онъ былъ только дважды у нея (разъ на лѣтнемъ, да разъ на зимнемъ дворѣ, см. выше). Краденныхъ вещей и Марьяныхъ собственныхъ у меня, Катерины, ничего не пишется; только дала мнѣ Марья, во всю бытность у нея, нѣсколько подарковъ ²⁾... А больше того отъ ней ничего (я) не видала; а сундуковъ Марьи было только одинъ красной, большой, обитъ кожей, да баулъ, и тѣ отдала на сбереженіе Петру Мошкову, да еще послѣ прибылъ одинъ баулъ тогда, какъ она изъ походу пріѣхала, и тотъ-де баулъ, помнится, что она взяла съ собою къ Москвѣ, а достальныя два остались у Петра Мошкова; да по буримщинѣ, небольшимъ зернамъ дала она, Марья, на серьги двумъ, Варварѣ да Аниѣ, которыя у нея жили, а иное чтѣ давала ли или нѣтъ, про то онѣ сами скажутъ; а ея ли то было, чтѣ она имъ раздавала, или государини царицы, про то я, Катерина, не вѣдаю“ ³⁾.

Того жъ числа жена Варвара Дмитріева разспрашивана, а въ разспросѣ сказала, что „служила она у Гамонтовой отъ великаго поста 1715 года, ходила за ней во время болѣзни ея; видѣла у

¹⁾ На память мученика Евсѣхія.

²⁾ Они переименованы выше, въ соответствующемъ мѣстѣ.

³⁾ Подлинное дѣло, докум. 2-й.

нея деньщиковъ и разныхъ дворовыхъ служителей; про ея беременность ничего не знала; краденыхъ вещей никакихъ у ней, Марьи, не видывала и не знаетъ, понеже у ней, Марьи, въ то время была казначейшею дѣвка Анна, а она, Варвара, только служила во время болѣзни; кромѣ немногихъ подарковъ Гамонтова ей, Варварѣ, больше ничего не давала¹⁾.

На этихъ опросахъ дѣло Гамильтонъ приостанавливается до іюня мѣсяца 1718 г. Почему не была спрошена казначейша Анна, почему тотчасъ, по оговорамъ служанокъ, не были отобраны показанія у самой Гамильтонъ — неизвѣстно.

Что касается ея любовника, то изъ книги гарнизонной канцеляріи мы узнаемъ о его переводѣ изъ крѣпости: „20-го апрѣля, въ воскресенье, приведены въ городъ подъ караулъ у господина поручика Котенева: князь В. Долгорукій, Авраамъ Лопухинъ, Ив. Аванасевъ-большой, Эварлаковъ, Вороновъ, Дубровскій, Щербатовъ, Воиновъ и Иванъ Орловъ²⁾“.

Изъ этого списка мы видимъ, что Орлова переводили (для чего?) въ компаніи именитѣйшихъ и главнѣйшихъ преступниковъ; шестеро изъ нихъ, какъ извѣстно, были казнены въ томъ же году лютою смертію.

Конецъ апрѣля, весь май и іюнь 1718 г. проведены Петромъ въ занятіяхъ по дѣлу первенца-сына³⁾.

¹⁾ Подлинное дѣло, докум. 3-й.

²⁾ Стр. 608.

³⁾ Какъ исключительно занятъ этимъ былъ государь, можно видѣть, между прочимъ, изъ того, что со 2-го апрѣля по 21-е іюня 1718 г. издано было только 21 указъ, между тѣмъ какъ въ обыкновенное время указы издавались почти каждый день. Изданные теперь указы касались постройки гробныхъ и парусныхъ судовъ, доставки мачтовыхъ деревъ, пенъки, присылки изъ канцеляріи вѣдомостей, о сочиненіи регламента коллегіямъ по шведскому уставу, о хлѣбныхъ запасахъ въ Спб., о должности коменданта, конвенція съ прусскимъ дворомъ, объ устройствѣ юстиц-коллегіи, устройствѣ судебныхъ мѣстъ по шведскому образцу (съ 9-го по 25-е мая не вышло ни одного указа). Инструкція генерал-полциіймейстеру въ Спб. (въ 9-мъ пунктѣ ея, между прочимъ, было сказано: „всѣ подозрительные дома, а именнно: шинки, зерны, картежная игра и другія пахобства — о нихъ подавать извѣсти, и все велѣть осматривать, дабы всѣ таковыя мерзости, отъ чего всякое зло и лихо происходитъ, были испровергнуты“). Мая 26-го: Объ описаніи имуществъ за вины въ казну. Іюня 2-го: Грозный указъ президентамъ коллегій о скорѣйшемъ и точнѣйшемъ вершеніи дѣлъ. 11-го: О мундирныхъ канцеляріяхъ. О сводѣ шведскаго регламента съ русскимъ. О жалованьи служителямъ коллегіи. Іюня 17-го приказано вскрывать въ почтовомъ вѣдомствѣ тѣ письма, которыя прихо-

† 1719 г.

Орловъ, Гамильтонъ и немногіе изъ причастныхъ къ ихъ дѣлу лицъ томительно ждали своей очереди...

19-го іюня 1718 г. государь, по словамъ гарнизоннаго журнала, накіи прибылъ въ крѣпость; его сопровождали, по обыкновенію, князь Меншиковъ, адмиралъ Апраксинъ, князь Яковъ Долгорукій, генералъ Бутурлинъ, Толстой, Шафировъ и прочіе; учиненъ былъ застѣнокъ. Работа продолжалась часть. Между прочими истязанными въ это время, бывшему наслѣднику Россійскаго престола, царевичу Алексѣю Петровичу дано въ сей день—двадцать пять ударовъ кнутомъ¹⁾.

Весьма вѣроятно, что при этомъ съѣздѣ государь повелѣлъ приступить къ дѣлу Гамильтонъ; по крайней мѣрѣ, изъ собственноручной пометки (руки Макарова) на черновыхъ допросныхъ листахъ (18-го марта и 9-го апрѣля) служанки Гамильтонъ видно, что бумаги эти переданы 18 и 19 іюня Андрею Ивановичу Ушакову и Петру Андреевичу Толстому²⁾.

VI

Въ субботу 21-го іюня (память мученицы Іуліаны) день былъ солнечный и жаркій. Въ природѣ все было такъ весело и чудно; роскошная Нева спокойно катила свои волны, омывая подножіе крѣпостныхъ валовъ... но невесело было за этими валами. Въ канцеляріи тайныхъ разыскныхъ дѣлъ Петръ Андреевичъ Толстой и Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ допрашивали камеръ-фрейлину Марью Гамильтонъ, въ „дѣлѣ“ о ней уже попросту именованной: дѣвкой Марьей Гамонтовой.

Марья Даниловна винилась, что, „будучи при государинѣ царикѣ Екатеринѣ Алексѣевѣ, вещи и золотые (червонцы) крада, а что чего, порознь не упомянуть, а явно то, что у ней, Марья, внято“.

дять на нѣя чужестранныхъ министровъ, такъ какъ въ этихъ конвертахъ были нѣкоторые подозрительныя письма къ подданнымъ его величества, къ зватымъ нѣкоторымъ особамъ, которыя для нѣкоторыхъ государственныхъ дѣлъ и погрѣшенія противъ его величества заарестованы, и съ ними по справедливости и по розыску поступается... 18 іюня: О чистотѣ Сиб. 19 іюня: О назначеніи фискаловъ изъ небогатыхъ купцовъ. П. С. З. т. V, № 3193—3211.

¹⁾ Н. Г. Устряловъ: „Исторія царствованія Петра Великаго“, томъ VI.

²⁾ 20 іюня вышло два указа: О забиравіи подъ караулъ праздношатающихся людей и проч. и О поимкѣ нищихъ; вторично-пойманнаго нищаго приказано было „бить нещадно кнутомъ и посылать на каторгу, сабѣ — въ шингаусъ, а ребятъ, бить батоги, посылать на суковный дворъ“. Въ этотъ же день въ крѣпости вновь чиненъ застѣнокъ.

Камеръ-фрейлина сознавалась, что изъ краденныхъ червонцевъ дала Ивану Орлову 300, да кое-что изъ своихъ собственныхъ вещей ¹⁾; кромѣ же его, „никому изъ тѣхъ вещей не давала; ребенка прижила она съ нимъ, Иваномъ, и родила; а притомъ и помянутая женка была; и того ребенка не давила, и родила надъ судномъ, который въ то судно выпалъ, и стала безпамятна. И та женка со съ того судна подняла и положила на постель; а тотъ ребенокъ остался у той бабѣ; а какъ она пришла въ память, въ то время та женка ей того ребенка подносила, который былъ чуть живъ, и былъ у ней же, женки, и потомъ сказала, что онъ уже умеръ, и она-де, Марья, сказала ей, чтобъ отнесла куды. А Катерина сказала, что уже она то сдѣлаетъ, и понесла вонъ, и гдѣ дѣвала, не знаетъ.

„А ей жонкѣ Катеринѣ, что она разспросомъ своимъ показала и Варварѣ и Аннѣ, то все давала она свое и до родинъ, и послѣ родинъ, а не изъ вышеупомянутаго, и больше того брюхата не бывала.

„И того-жъ числа дана дѣвкѣ Марьѣ съ женкою Катериною очная ставка.

„А съ очной ставки сказали:

„Женка Катерина уличаетъ, что конечно младенца задавила Марья такимъ образомъ, какъ она родила надъ судномъ: засунула тому младенцу палецъ въ ротъ и подняла его (младенца) и придавила.

„А дѣвка Марья сказала, что того младенца задавила она, и въ томъ, и во всемъ виновата“.

Это страшное признаніе, безъ всякаго сомнѣнія, было вызвано у Марьи не столько уликой служанки, сколько угрозой слѣдователей предать ее пытѣ.

Фрейлина призналась; казалось бы и достаточно; но нѣтъ, для любознательныхъ Петра Андреевича и Ивана Ивановича мало сего признанія.

— „Вѣдалъ ли объ убійствѣ дитяти любовникъ твой, Иванъ Орловъ?“

Та отвѣчаетъ: „не вѣдалъ“.

Слѣдователи не вѣрятъ; такъ или иначе, дѣло не можетъ обойтись безъ пытки, и вотъ секретарь въ застѣнкѣ пишетъ:

„Того-жъ числа, дѣвка Марья съ виски сказала: что младенца задавила она, а Ивану Орлову о томъ, что брюхата, сказыв-

¹⁾ См. выше, гдѣ приведены подробности сего показанія.

ваза и что бросила младенца мертвого, и сказала, что онъ ушибся; а о томъ, что задавила, не сказывала.

„А Иванъ Орловъ приведенъ въ застѣнокъ, и на очной ставкѣ съ Марьею сказалъ: что онъ съ нею, дѣвкою Марьею, жилъ блудно, и что она младенца родила и бросила мертвого, о томъ онъ отъ нея не слышалъ, и она ему не сказывала, а онъ-де ей говаривалъ: когда родить, чтобъ она ему о томъ сказала. А триста червонныхъ она ему дала и сказала, что я, а не государини-царицы“.

Въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ пріѣхалъ царь Петръ Алексѣевичъ ¹⁾. Въ присутствіи его царскаго величества допросъ сдѣлался оживленнѣе. „Дѣвкою Марьею стали розыскивать.

„А съ розыску сказала: что она Ивану Орлову ни о чемъ томъ (то есть объ убійствѣ) не сказывала и лекарство принимала собою, а Орлову о томъ и ни о чемъ не сказывала; а у государини-царицы вещи крада она, и о томъ сказала то же, что и въ разпросѣ своемъ.

„Дано ей, камеръ-фрейлинѣ двора ея величества, пять ударовъ“ ²⁾.

Скажи она одно противъ Орлова слово, и этотъ любовникъ былъ бы вздернутъ на дыбу: кнутъ и огонь пошли бы въ дѣло.

Впрочемъ, самое дѣло шло очень медленно; жалѣлъ ли царь Петръ красавицу, либо исподволь хотѣлъ изслѣдовать трагическое событіе, только камеръ-фрейлину Гамильтонъ оставили оправляться отъ первой пытки...

26-го іюня 1718 г. скончался царевичъ Алексѣй. Его похороны, пиры и пѣяство при спускѣ кораблей, разсылка нѣкоторыхъ ар-

¹⁾ Что онъ былъ при допросѣ и пыткѣ Гамильтонъ, о томъ свидѣлствуетъ Орловъ въ показаніи 20-го авг. 1718 г. (См. ниже). Въ журналѣ гарнизонной канцеляріи, далеко неполномъ, о 21, 22, 23 числахъ іюня 1718 г. ничего не сказано. Стр. 612—618.

²⁾ Подлинное дѣло, 4-й документъ. Великій монархъ начерталъ въ воинскомъ уставѣ цѣлую главу (ч. II, гл. 6) о разпросѣ съ пристрастіемъ и о пыткѣ. Показывая зачастую лично примѣръ производства пытки на практикѣ, государь предлагалъ, такимъ образомъ, и теорію. Руководствуясь ею, слѣдователи должны были „особъ, которыя къ пыткѣ приводятся, рассмотреть, и, усмотря, твердыхъ, безстыдныхъ и худыхъ людей пытать жестоко, тѣхъ же, кои деликатнаго тѣла и честные суть люди, легче; и буде такой пытки довольно будетъ, то не надлежитъ судѣ его приводить къ большому истязанію. Притомъ же надлежитъ судѣ у пытки быть осторожному, чтобъ, усмотря подобіе правды, онаго тѣла, котораго пытать, истязаніемъ не ослабить... (то есть, не сдѣлать нечувствительнымъ). Съ этою же цѣлю судья долженъ былъ выжидать, пока болязнь минется у пытаннаго разъ, чтобъ наки и наки—пытать.

стантовъ, допросы остальныхъ занимаютъ время. Этого времени хватаетъ и на то, чтобъ тщательно просматривать списки питан-ныхъ и отмѣчать нѣкоторыхъ на новыя истязанія.

Такимъ образомъ, 5-го іюля 1718 г., слушавъ у себя на дворѣ докладную выписку о колодникахъ, царь Петръ, между другими высочайшими резолюціями, указалъ: „деньщика Орлова прислать за карауломъ на Котлинъ островъ, а Гаментову пытать вдругорядъ. И буде въ другомъ розыску скажетъ тожъ, что и въ первомъ, а на Орлова ничего не покажетъ, и онаго Орлова сослать на каторгу на время безъ наказанія. Оригиналы (то есть бумаги) всѣ отдать въ посольскій приказъ и поставить ¹⁾ ихъ въ крѣпкую казарму“.

Вскорѣ послѣ этихъ резолюцій, въ началѣ іюля, мы видимъ Петра въ морѣ, во главѣ эскадры изъ 23 линейныхъ кораблей ²⁾. 19-го числа, въ субботу, онъ былъ въ Ревелѣ; между тѣмъ, въ С.-Петербургѣ, Иванъ Орловъ подалъ своимъ свидѣтелямъ свое-ручное письмо, въ которомъ рассказывалъ приведенныя уже нами подробности о томъ, какъ фрейлина Гамильтонъ сочинила, будто одинъ деньщикъ съ Авдотьею (Чернышевой) говорилъ про царицу, что она-де кушаетъ воскъ, и оттого на лицѣ угри; какъ слухъ этотъ разнесся при дворѣ; какъ, испуганный этимъ, онъ кинулся съ оправданіемъ къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и та съ битьемъ стала спрашивать Марью Даниловну.

По письму деньщика, въ тотъ же день Скорняковъ-Писаревъ допрашивалъ камеръ-фрейлину. Она подтвердила обвиненіе любовника, пояснивъ, что говорила и о воскѣ, и объ угряхъ, ссылаясь на Чернышеву, съ тѣмъ, чтобъ отвадить отъ нея Орлова ³⁾. Государь все еще былъ въ морѣ, либо въ портахъ, занятый ходомъ переговоровъ о мирѣ на аландскомъ конгрессѣ; въ Петропавловской же крѣпости розыски продолжались.

¹⁾ Подлинное дѣло, 5 я документовъ.

²⁾ Съ 22-го іюня по 17-е августа 1718 г. вышло только девять указовъ; они относились къ корабельному дѣлу, обмундированію войскъ, о жалованьи ихъ, о недѣланіи парчей, о подорожныхъ: №№ 3214 — 3223. П. С. З. т. V. Кстати замѣтимъ, что первое собраніе указовъ Петра, впрочемъ, только съ 1714 по 1725 гг., издано было въ 1739 году, 4 д. Сиб. Въ это изданіе не вошло и трети тѣхъ указовъ, которые напечатаны въ П. С. З. Любопытно знать, чѣмъ руководствовались составители перваго собранія при выборѣ указовъ для печати? См. также Словарь юридическій Мих. Чулкова. М. 1792. Ч. II, стр. 328—335. (1860 г.)

³⁾ Устряловъ, т. VI, стр. 545.

Во вторникъ, „августа 5-го 1718 г., какъ значится въ подлинномъ дѣлѣ, ею же, дѣвкою Марьею Гамонтовою, розныскивано:

„А съ розыску сказала: блудно-де жила съ Иваномъ Орловымъ и брюхата была трижды; двухъ ребенковъ она вытравила лекарствами, которыя брала отъ лекаря государева двора“ и т. д.

Показанія эти намъ уже извѣстны: Марья Даниловна, повинившись въ томъ, что вытравила двухъ и третьяго ребенка придавила, все-таки не взводила на любовника обвиненія, будто бы онъ вѣдалъ объ убійствѣ.

— „А у государыни царицы, заключала настоящій отвѣтъ камеръ-фрейлина, червонцы и вещи крала, а сколько чего покрала, и то все у меня вынуто, а Иванъ Орловъ о томъ не вѣдалъ же“.

Такимъ образомъ, она совершенно выгораживала его изъ отвѣта. Слѣдователямъ не могло это нравиться: по ихъ обязанности, они долгомъ считали вымучить что нибудь новое.

„Дѣвкѣ Гамонтовой (камеръ-фрейлинѣ высочайшаго двора ея царскаго величества) дано (вторично) пять ударовъ“¹⁾.

Насколько молчалива была Гамильтонъ, настолько былъ говорливъ вполне оробѣвшій ея любовникъ. Въ день второй пытки камеръ-фрейлины онъ написалъ длинное письмо, которое, за немнѣнимъ болѣе существенныхъ фактовъ, наполнилъ обстоятельнымъ рассказомъ о томъ, какъ и гдѣ въ Голландіи онъ былъ плѣнъ, бранился съ Марьею, называлъ ее б.....; какъ, по приказу Питера-инженера, писалъ, протрезвясь, грамотки, прося извиненія у обруганной; какъ величалъ онъ ее, вновь напившись, к....., и бивалъ; писалъ Орловъ и о щупаньи живота Марьи въ Ревелѣ, приводилъ свои пытливые

¹⁾ Подлинное дѣло, 6-й докум. Въ исторіи тайной канцеляріи петровскаго времени, если только мы ее дождемся, было бы необходимо обратить большое вниманіе на роды пытокъ, ихъ происхожденіе въ Россіи, указать случаи и обстоятельства, при которыхъ онѣ производились, ихъ историческій ходъ сквозь законы всѣхъ временъ до самаго уничтоженія; при этомъ черная матерія изъ подлинныхъ дѣлъ, нельзя будетъ оставить безъ вниманія немногія печатныя извѣстія о пыткахъ. Укажу на нѣкоторые источники: Судебникъ изд. 1786 г., стр. 59, 60, 61, 261. Олсарій въ главѣ IV, о прав. русскихъ; въ главѣ X о Лже-Шуйскомъ. Герберштейнъ во многихъ мѣстахъ; Анедоты въ XVIII вѣкѣ. Подъ этимъ заглавіемъ Н. В. Калачовъ напечаталъ въ своемъ журн. „Архивъ“ 1859 г., кн. 4-я, стр. 1—22, чрезвычайно любопытныя дѣла судна петровскаго времени. Между ними особенно любопытенъ рассказъ объ очистительной пыткѣ 1717 г. Котошихинъ, изд. 1880 г.,

разспросы о тугости живота и ея уклончивые отвѣты. Затѣмъ далъ подробный отчетъ о сплетняхъ деньщиковъ и бабъ при дворѣ, по возвратѣ въ Спб., о беременности Марьи, о судьбѣ ея ребенка. Въ заключеніе письма, Орловъ говорилъ о необходимости:

— „Чтобъ у Марьи спросить при другихъ про Александра подьячего, про Семена Маврина, что они съ нею жили, также какъ и онъ. И больше думалъ я про робятъ, что не было у ней отъ множества; а что сперва онъ, Орловъ, потанлъ отъ царскаго величества, то опасался другихъ причинъ, и хотѣлъ все на себѣ снести, не вѣдая у ней робятъ; а ежели въ нихъ будутъ записаться, также и они, чтобъ у нихъ взять за ихъ руками письмо“¹⁾.

Изъ этого письма видно, какъ малодушенъ былъ Иванъ Михайловичъ Орловъ. Въ виду любовницы, сносившей мужественно на однѣ угрозы, но и кнутъ, онъ, въ безпамятствѣ отъ страха, лгалъ, какъ увидимъ ниже, на нее, оговаривалъ и другихъ лицъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что донесенія объ этихъ допросахъ и отвѣтахъ отсылались къ царю Петру²⁾, да и вторичная пытка камеръ-фрейлины

стр. 85, 94, 95, 96, 98. Корба дневникъ на лат. языкѣ 1699 г., отрыв. на французскомъ, изд. 1859 г. У Карамзина о пыткѣ до Петра: т. VI, стр. 219, примѣч. 609. VII, 123. VIII, 11. IX, 264—270. X, 91, 118, 142. XII, 62, 69, 87, 108, 198. Болтина, примѣч. на Лекерка 1788 г., т. I, стр. 326—327. Уложение изд. 1779 г., стр. 251, 252, и друг. Маржерета записки, ч. III, стр. 78. Желябужскій 1845 г., стр. 26, 101, 125, 144, 277. Вивліюенка, т. II, стр. 261—262 и друг. Штелинъ 1787 г., стр. 178—181. Берхгольдъ, ч. 2, стр. 43; ч. 3, стр. 248. Чулковъ, Слов. юридич. 1792 г., т. I, стр. 241, 410, 571, 572, 573, 574—577. П. С. З. до Александра 1-го. Мальгинъ: Опытъ описанія стар. суд. мѣстъ въ Россіи 1803 г., стр. 81—83. Гуляевъ: Росс. уголовн. право 1826 г., стр. 24—27. Снегиревъ: Русск. нослов. 1831 г., ч. 3, стр. 187—200. Шихматовъ, Похв. слово Александру I, 1831 г., стр. 23 и 106. Записки Дашковой, стр. 271. Родословная Головинныхъ 1847 г., стр. 53—54. Устряловъ, т. 2, 3, 6. Погодинъ, Судъ Алексѣя (къ статьѣ приложенъ планъ Преображенскаго). Подробности о селѣ у Ратча, Воен. Сборн. 1860 г., № 1. Голиковъ, т. VI, стр. 333—470; т. XIII, стр. 278—366 и друг. Въ чтеніяхъ Общ. Исторіи 1858—1859 гг. помѣщены чрезвычайно замѣчательныя разсужденія о смертной казни и пыткахъ кн. М. М. Щербатова, Завадовскаго и друг. 1860 г., кн. I, стр. 47, 48, 63—71. Одинъ изъ послѣднихъ героевъ допросовъ съ пристрастіемъ Шинковскій ум. въ 1794 г. мая 12-го (См. Описаніе Алекс.-Невской Лавры соч. Попова 1842 г., стр. 111). Миръ праху твоему, Степанъ Ивановичъ, какъ кажется, послѣдній по долгу службы и охотѣ подвижникъ кнута и застѣвка! (1860 г.)

¹⁾ Подлинное дѣло, 7-й докум.

²⁾ О его разѣздахъ въ то время см. Поденную записку, изд. 1772 г., ч. II, стр. 62—70.

† 1719 г.

совершена была съ высочайшаго разрѣшенія. Государь, повидному, весь отдавшійся морскимъ эволюціямъ, нашелъ, однако, время обнародовать любопытный указъ 18-го августа 1718 г., въ силу котораго во всей Россіи запрещалось писать какія-либо запершия письма; этимъ указомъ монархъ давалъ обширное поле для фискальныхъ изслѣдованій и застѣночныхъ розысковъ. „Причина сего указа, догадывается Голиковъ, заключалась въ томъ, что тайные злоумышленники, соучастные дѣлу царевича, выпускали въ народъ возмутительныя письма, ко вреду высокой монаршей чести; и коль сіе должно (было) быть чувствительно трудящемуся неусынно о благѣ отечества монарху!“¹⁾.

Чувствительный царь Петръ Алексѣевичъ спасалъ свою честь снѣмъ указомъ; не менѣе чувствительный деньщикъ Иванъ Михайловичъ неусынно хлопоталъ о своей: ему очень не хотѣлось познакомиться съ виской и кнутомъ, и, ради сохраненія спины, онъ вновь подалъ, въ среду 20 августа 1718 г., своеоручное письмо; а въ немъ написалъ:

— „Въ первомъ письмѣ я написалъ про Родивона Кошелева, что онъ посмѣялся Алабердѣеву про Марью, будто она съ нимъ, Орловымъ, сдѣлала брюхо, и то неправда; онъ ему такъ не смѣвался, и отъ другихъ я, Орловъ, такихъ рѣчей не слыхалъ; только я слыхалъ про этотъ смѣхъ отъ Алексѣя Юрова, а про то не знаю, отъ кого онъ слыхалъ; сказалъ мнѣ, что Алабердѣевъ съ Кошелевымъ поборанился, и я, Орловъ, спросилъ: за что? И онъ сказалъ: посмѣялся ему Марьею, тѣмъ ребенкомъ, который явился у фонтана, а я сказалъ: вѣдь ты слыхалъ, не про нее говорятъ“.

Орловъ, какъ извѣстно, допрашивалъ, вслѣдствіе этихъ слуховъ, свою любовницу, и та его увѣрила, что никакого убійства не было.

„А на то я не могу прямо написать, заключалъ свое письмо деньщикъ, не могу и упаматовать: какъ ее (камеръ-фрейлину) спрашивалъ, или такъ, какъ въ семъ письмѣ писалъ, или можетъ быть, что и убитымъ (ребенкомъ) помянулъ, и въ томъ пусть ее спросать, можетъ быть, что она лучше помнитъ; при другихъ ее никогда не спрашивалъ, и отъ другихъ не слыхивалъ.“

„И притомъ прошу себѣ милостиваго поминovanja, что я въ первомъ письмѣ написалъ лишнее; когда мнѣ приказали написать, и я со страху, и въ безпамятствѣ своемъ написалъ все излишнее;

¹⁾ Дѣянія, т. VII, стр. 143.

клянусь живымъ Богомъ, что всего въ письмѣ не упомяну, и ежели нѣтъ въ этомъ не повѣрять, чтобы у тѣхъ спросить, того не было.

И про другихъ (Алабердѣева и Маврина) я написалъ, будто съ Марьею жили, то я мнилъ; однакоже, забывъ то, когда при царскомъ величествѣ былъ розыскъ и она меня въ ту пору оговорила; и на свидѣтельство меня приводили, и тогда ее изволили спрашивать Иванъ Ивановичъ (Бутурлинъ), и она сказала, что кромѣ меня никто (у нея любовникомъ) не былъ.

„А что-де я въ первомъ письмѣ написалъ про нихъ дерзновенно, то въ безнамятствѣ своемъ забывъ. И нынѣ на то свидѣтельства вѣрнаго не имѣю, что они жили съ Марьею блудно“¹⁾.

Слѣдствіе и изслѣдованіе настоящимъ письмомъ Орлова кончилось; по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ извѣстій о новыхъ допросахъ, да едва ли они и были; оставалась развязка любовнаго романа—казнь преступницы.

Но Петръ не сѣвшилъ ея. Сентябрь, октябрь и весь почти ноябрь 1718 г.²⁾ прошли для Марьи Даниловны въ томительномъ ожиданіи своей судьбы. Надежда на помилованіе ее не оставляла.

Пользуясь этимъ временемъ, рассмотримъ тѣ законы и постановленія, которые имѣли отношеніе къ ея преступленію, и которые могли быть приняты къ свѣдѣнію при произнесеніи окончательнаго надъ ней приговора.

¹⁾ Подлинное дѣло, 8-й документъ.

²⁾ Съ 28-го августа по 20-е ноября 1718 г. вышло девятнадцать указовъ; они относились до управленія юстиц-коллегіи, наблюденія чистоты въ Спб., о работахъ Ладожскаго канала, о пошлинахъ съ судовъ и другихъ предметовъ; именно указъ 2-го октября о призвѣдѣ президентамъ въ коллегіи два дня въ недѣлю и о точномъ вершеніи дѣлъ: „чтобы (при этомъ) лишнихъ словъ и болтанья не было, но то время ни о чемъ иномъ, только о настоящемъ говорить; также кто станетъ говорить рѣчи, другому не перебивать, но дать окончить, и потомъ другому говорить, какъ честнымъ людямъ надлежитъ, а не какъ бабамъ торговкамъ“. 9-го октября дана инструкция Пжескому о положеніи всѣхъ раскольниковъ въ окладъ. „Слышу, писалъ государь, что которые раскольники за знатыми людьми живутъ, и съ тѣми слабо поступаешь, чего берегись!“ Указъ о присылкѣ работниковъ съ юга Россіи въ Спб. и на Ладожскій каналъ, объ учрежденіи духовной коллегіи, о сборѣ рекрутъ и проч. П. С. З., т. V, №№ 324 по 3242. Мы говоримъ объ этихъ указахъ только потому, что во все это время ровнски и судъ надъ сговорниками царевича Алексѣя продолжались; 1718-й годъ былъ не всѣмъ обмѣнованнымъ въ жизни Петра, почему и любовито, въ параллель, указывать на постановленія, касавшіяся всей Россіи.

† 1719 г.

VII.

Въ Судебникѣ царя Ивана Васильевича сказано: „А которой отецъ или мать убьетъ сына или дочь до смерти, и отцу за то или матери сидѣть въ башнѣ въ городѣ годъ и шесть недѣль, и послѣ того приходити къ соборной церкви и постъ держати, и грѣхъ свой объявляти предо всѣми людьми“.

Этой статьѣ соответствуютъ въ древнихъ юридическихъ памятникахъ слѣдующія:

Въ Градскомъ законѣ, гл. 48, стр. 35: „Убивай восходящаго по роду или входящаго, или сродника, огнени преданъ будетъ“.

Въ Литовскомъ статутѣ, ред. 1558 г., разд. XI, арт. 7, оконч.: „А еслибы се трафилъ родичомъ дитя свое забити не съ пригоды, а ни за вину, але умышлене, тогда таковой отецъ и матка мають быти карани за тое годъ и шесть недель на занку нашемъ сидети у вежи; а выседевши годъ и шесть недель мають еще до году четыре крѣтъ при церкви, при костеле якого на боженства христьянскаго будетъ покутовати и визнавати явный грѣхъ свой передъ всими людьми собранья христьянскаго“... ¹⁾

Въ Уложеніи 1649 года, глав. 22, ст. 3: „А будетъ отецъ или мати сына или дочь убьетъ до смерти, и ихъ за то посадить въ тюрьму на годъ; а отсидѣвъ въ тюрьмѣ годъ, приходити имъ къ церкви божіи и у церкви божіи объявляти тотъ свой грѣхъ всѣмъ людямъ въ слухъ: а смертію отца и матери за сына и за дочь не казнити“ ²⁾.

Такого рода снисхожденіе къ убійцамъ въ то время, какъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ убійцы наказывались лютою смертію, достаточно объясняется общимъ положеніемъ родителей въ древней Руси и правами ихъ относительно дѣтей... Обстоятельства эти до такой степени извиняли дѣтоубійство, что его считали скорѣе грѣхомъ, нежели нарушеніемъ чьихъ-либо правъ, тѣмъ менѣе дѣтскихъ.

¹⁾ Дополн. статьи къ „Судебнику“ царя Ивана Васильевича, изд. А. О. Бычковымъ, въ Арх. ист.-юридич. свѣдѣн. Н. В. Калачова, кн. II, отд. III, стр. 83, 84, 116, 117.

²⁾ Уложеніе изд. 1737 г., стр. 236, 239. Свѣдѣнія объ оригиналѣ его помѣщены въ „Архивѣ“ Калачова кн. I, изд. 2-е, стр. 1—20. Въ томъ же журналѣ 1859 г., кн. 3-я, стр. 60—104, помѣщена ученая статья г. Колосовскаго: „Вліяніе смертоубійства, по уложенію царя Алексѣя“.

Но снисхожденіе относительно родителей-убійцъ дѣтей законныхъ вовсе не распространялось на убійцъ незаконныхъ дѣтей. Въ Уложеніи сказано (гл. 22, статья 26): „А будетъ которая жена учнетъ жити блудно и скверно, и въ блудѣ приживетъ съ кѣмъ дѣтей, и тѣхъ дѣтей, сама или нной кто, по еѣ велѣнію, погубить; а сыщется про то допряма, и такихъ беззаконныхъ женъ, и кто, по еѣ велѣнію, дѣтей ее погубить, казнить смертію безо всякія пощады; чтобъ на то смотря, нныя такова беззаконнаго и сквернаго дѣла не дѣлали, и отъ блуда унялися“.

Объясненіемъ столь строгаго наказанія за убійство незаконныхъ дѣтей съ одной стороны можетъ служить меньшая степень родительской власти матери, а съ другой особая цѣль, которую и преслѣдовало тогдашнее законодательство: „чтобъ на то смотря, нныя такого беззаконнаго и сквернаго дѣла не дѣлали, и отъ блуда унялися“.

Вотъ, что пишетъ современникъ о казни надъ таковыми женщинами-преступницами: „Женскому полу бывають пытки такія жъ, что и мужскому полу, окромѣ того, что на огнѣ жгутъ и ребра ломають. А смертныя казни женскому полу бывають за богохульство и за церковную татьбу, за содомское дѣло жгутъ живыхъ; за чаровство и за убійство отсѣкають головы; за погубленіе дѣтей (незаконныхъ) и за нныя такія жъ злыя дѣла живыхъ закапываютъ въ землю, по тѣлѣ, съ руками вмѣстѣ, и отоптываютъ ногами, и оттого умирають того жъ дня или на другой.... А которые люди воруютъ (то есть имѣють связь) съ чужими женами и съ дѣвками, и какъ ихъ изнимають, и того жъ дни, или на нной день обѣихъ, мужика и жонку, кто бъ таковъ ни былъ, вѣдя по торгамъ и по улицамъ вмѣстѣ нагихъ, бьютъ кнутомъ“¹⁾.

Разсказъ Котошихина вполне показываетъ, какъ скоро выполнялись на практикѣ статьи „Уложенія“.

Въ „Артикулѣ Воинскомъ“, составленномъ Петромъ въ 1716 году, вся 20-я глава, въ двѣнадцати статьяхъ, отведена для законовъ „о содомскомъ грѣхѣ, о насиліи и блудѣ“.

Какъ ни строги положенія въ нихъ наказанія, но уже можно

¹⁾ Россія въ царствов. Алексѣя Михайловича, изд. 1859 г., стр. 96. Жестокія преслѣдованія прелюбодѣянія вполне объясняютъ, почему въ допетровской Руси, какъ это видно изъ соч. Олсarıя и друг., не было ни одного публичнаго, развратнаго дома, хотя тѣ же путешественники много разсказываютъ о склонности нашихъ предковъ къ сладострастію.

видѣть вліяніе духа времени и собственнаго темперамента великаго Петра. Въ толкованіяхъ къ статьямъ представлялись разныя оговорки и смягченія, такъ напримѣръ:

„Ежели невинный супругъ за прелюбодѣющую супругу проситъ будетъ, и съ нею помирится, или прелюбодѣющая сторона можетъ доказать, что въ супружествѣ способомъ не можетъ получить тѣлесную охоту утолить, то можно наказанье умалить“ (Толк. къ арт. 170).

„Ежели холостой человѣкъ пребудеть съ дѣвкою, и она отъ него родитъ, то оный для содержанія матери и младенца, по состоянію его и платы, нѣчто имѣетъ дать, и сверхъ того тюрьмою и церковнымъ покаяніемъ имѣетъ быть наказанъ, развѣ что онъ потомъ на ней женится, и возметъ ее за сущую жену, и въ такомъ случаѣ ихъ не штрафовать“ (арт. 176)¹⁾.

Наконецъ, указъ 1715 г. ноября 4-го, прямо обрекавшій убійцъ незаконныхъ дѣтей на смертную казнь, относительно времени царя Алексѣя Михайловича, является постановленіемъ несравненно снисходительнѣйшимъ²⁾.

Такимъ образомъ, и по „Уложенію“ царя Алексѣя, и по петровскимъ законамъ, Гамильтонъ должна была быть казнена смертію. Приговоръ состоялся въ четвергъ, 27-го ноября 1718 года³⁾.

¹⁾ При артикулѣ военномъ перечислено множество наказаній. Въ этомъ уставѣ, до сихъ поръ еще не совсѣмъ потерявшемъ своего значенія, перечислено до 90 случаевъ, въ которыхъ повелѣвалось казнить смертію. А извѣстно, что военный артикулъ, особливо въ то время, принимавшій былъ и въ гражданскихъ дѣлахъ. Словарь Юридическій, ч. I, стр. 644, 645, 646.

²⁾ Артикулъ былъ составленъ, какъ извѣстно, въ 1716 году; но первое изданіе его (имѣющееся у насъ), во время суда надъ Гамильтонъ, не было еще напечатано; оно вышло въ свѣтъ почти годъ спустя съ слѣдующимъ заглавіемъ: Книга Уставъ воинскихъ, о должностяхъ генераловъ, фельдмаршаловъ, и всего генералитета, и прочіихъ чиновъ, которые при воискѣ надлежитъ быть, и о иныхъ воинскихъ дѣлахъ, и поведеніяхъ, что каждому чинѣ должно. Купно при семъ Артикулъ воинскихъ и съ процесомъ надлежащимъ къ судящимъ и эксерціею, о церемоніяхъ и должностяхъ воинскимъ людямъ надлежащихъ.—Напечатано повелѣніемъ Царскаго величества въ Санктъ-Петербургской Типографіи, лѣта Господня 1719, Октября въ 29 день.—Въ листѣ, стр. 102, 80 и 36.

³⁾ Наканунѣ государь обнародовалъ нѣсколько важныхъ указовъ о работахъ на Ладожскомъ каналѣ, объ управленіи губерніями согласно съ шведскими установленіями, о введеніи ревизіи. Въ этотъ же день вышло замѣтательное постановленіе: „О порядкѣ собраній въ частныхъ домахъ, и о лицахъ, которыя въ оныхъ участвовать могутъ“. Это былъ приказъ объ ассамблеяхъ. Ц. С. З., т. V, №№ 3243—3246.

VIII.

Въ день 27-го ноября 1718 г., по словамъ современнаго документа: „великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всея великія и малыя, и бѣлыя Россіи самодержецъ, будучи въ канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ дѣлъ, слушавъ вышеписаннаго дѣла и выписки, указалъ, по нѣянному своему великаго государя указу: дѣвкѣ Марью Гамонтову, что она съ Иваномъ Орловымъ жила блудно и была отъ того брюхата трижды и двухъ ребенковъ лекарствами изъ себя вытравила, а третьяго удавила и отбросила; за такое ее душегубство, также она же у царицы государини Екатерины Алексѣевны крада алмазныя вещи и золотыя (червонцы), въ чемъ она съ двухъ розысковъ повинилась, казнить смертію.

„А бабѣ Катеринѣ, которая о послѣднемъ ея ребенкѣ, какъ она, Марья, родила и удавила, видѣла и, по ее прошенію, того ребенка съ мужемъ своимъ мертвого отбросила, а о томъ не доносила, въ чемъ учинилась съ нею сообщница, вмѣсто смертной казни учинить жестокое наказаніе: бить кнутомъ и сослать на прадильный дворъ на годъ.

„А Ивана Орлова свободить, понеже онъ о томъ, что дѣвка Марья Гамонтова была отъ него брюхата и вышеписанное душегубство дѣтемъ своимъ чинила, и какъ она алмазныя вещи и золотыя крада, не вѣдалъ—о чемъ она, дѣвка, съ розыску показала нѣянно.

„Подписали: Петръ Толстой. Отъ лейбъ-гвардіи майоръ Ушаковъ. Григорій Скорняковъ-Писаревъ.

„И по вышеписанному его великаго государя именному указу, Иванъ Орловъ изъ-за аресту свободенъ того же числа“ ¹⁾.

Съ подписаніемъ приговора камеръ-фрейлину Марью Гамильтонъ заковали въ желѣзо ²⁾.

8-го декабря 1718 г., на Троицкой площади, у крѣпости, казнено девятеро изъ важнѣйшихъ лицъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ царевича Алексѣя; головы ихъ выставлены на позорномъ столбѣ, тѣла на колесахъ.

Царь совершенно успокоился отъ тягостнаго суда, и, въ знакъ

¹⁾ Подлинное дѣло, 9-й докум.

²⁾ Такъ предписывалось гл. 50 Воинскаго устава: „По подписаніи приговора къ смерти осужденнаго, каковаго бы онъ ранга и проч. не былъ, сковать“.

полнѣйшаго торжества, повелѣлъ выбить медаль: на одной сторонѣ былъ портретъ императора Петра Перваго, на оборотѣ же изображена корона, лежащая на высокой горѣ, которая выходитъ изъ облаковъ; ее освѣщаетъ солнце, съ надписью: величество твое вездѣ ясно. 1718 г. 20-го декабря.

Увѣковѣчивъ такимъ образомъ память о судѣ и осужденіи сына, царь сѣвшиль отдохнуть и оправиться. 19-го января 1719 года, вмѣстѣ съ Екатериной, царицей Прасковьей Федоровной, барономъ Остерманомъ и знатными особами государь отправился къ маріальнымъ олонекскимъ водамъ ¹⁾).

Здѣсь государь пробылъ до марта 1719 г., проводя время въ обычныхъ занятіяхъ дѣлами, на досудѣ веселился, по-своему, съ приближенными.

3-го марта Петръ и его дворъ возвратились въ столицу.

Долгое заточеніе Марьи Даниловны и ея тяжкія страданія возбуждали, наконецъ, жалость у ея госпожи. Екатерина, умоленная собственниками и родными злосчастной своей камеръ-фрейлины, рѣшилась ходатайствовать о ея прощеніи. Она тѣмъ больше надѣялась на успѣхъ, что видѣла родъ нерѣшимости со стороны мужа казнить ея служанку: четыре мѣсяца протекли со времени подписанія приговора.

О ходатайствѣ Екатерины сохранилось нѣсколько рассказовъ; они-то и составляютъ сущность печатныхъ, столь скудныхъ, извѣстій о Маріи Гамилътенъ.

Если вѣрить имъ, то государыня употребила для ея спасенія всѣ усилія; къ своей просьбѣ она присоединила просьбы разныхъ

¹⁾ „Петръ Великій на маріальныхъ водахъ, открытыхъ 1716 года въ Олонекской губерніи“. Спб. 1852. Н. Самойлова, стр. 9—18. О распоряженіяхъ его за это время см. у Туманскаго 1787 г., ч. V, стр. 105. П. С. З. т. V. №№ 3247—3320. За все это время выходили почти каждый день по два, по три указа въ одно время. Пророчества о дѣлахъ мірскихъ на 1719 г., календарь хотя и признавалъ: „...что невозможно войну и мирныя времена отъ звѣздъ прямо познавать: для того, что онны отъ самохотной воли человеческой зависать, однакожъ иногда съ дѣйствомъ звѣздъ зѣло сходно бываетъ. Причина тому есть, что звѣзды своею инелюэндією хотя не въ душу, однакожъ въ тѣло человеческое, яко стіхійной корпусъ вливаютъ. И по той своей инелюэндіи, какова она есть зла или добра, къ тому его и склоняетъ, и поже, какъ Апостолъ Павелъ глаголетъ, что плоть противъ духа возстаеъ, а духъ противъ плоти, которые между собой взаимно вражду имѣють, а у множайшихъ человѣковъ (какъ является) плоть боже перемогаетъ, того ради и случается, когда хотѣнія тѣлесныя исполняются, тогда война и мирныя времена съ небесными признаки зѣло близко бываетъ“. Календарь на 1719 г. Спб.

довѣренныхъ лицъ государя; но все это ни къ чему не повело. Тогда Екатерина убѣдила помочь ей любимую невестку Петра, царицу Прасковью Ѳедоровну, которая пользовалась большимъ уваженіемъ государя ¹⁾). Прасковья не отказалась отъ попытки умиловить Петра, тѣмъ болѣе, что въ этомъ случаѣ выполняла обычай старины, когда, по словамъ Котошихина: „царица, или царевны—царю били челомъ“, причемъ царь, по ихъ прошенію, все доброе чинилъ, отъ бѣдъ и смертей освобождалъ ²⁾).

Съ этою цѣлью царица Прасковья пригласила къ себѣ наканунѣ казни Марьи Даниловны (то есть 13-го марта 1719 г.), государя, государыню, графа Апраксина, Брюса и Толстого. Всѣ трое были уже приготовлены къ просьбѣ и съ своей стороны обѣщали ее поддержать.

Начался общій разговоръ. Прасковья Ѳедоровна искусно навела его на Гамильтонъ, извиняла ея преступленія человѣческою слабостью, страстью и стыдомъ; превозносила добродѣтель въ государѣ, сравнивала земнаго владыку съ Богомъ небеснымъ, который долготерпѣливъ и многимиловитъ и проч. Апраксинъ, Брюсъ и Толстой, согласно съ царицей, стали просить за злополучную фрейлину, говоря въ смыслѣ словъ псалма: „аще беззаконія назриши Господи, кто постойтъ?“

Петръ былъ въ духѣ, выслушалъ челобитье терпѣливо, не перебивалъ просителей; когда они кончили, онъ спросилъ невестку:

— Чей законъ есть на таковыя злодѣянія?

— Въ началѣ Божій, а потомъ государевъ, отвѣчала Прасковья.

— Что-жъ именно законы сіи повелѣваютъ? не то ли, „что проливаяй кровь человѣческую, да проліется и его?“

Царица должна была согласиться съ тѣмъ, что за смерть—смерть.

— А когда такъ, сказалъ Петръ:—поразсуди, невестушка; ежели тяжело мнѣ и законъ отца или дѣда моего нарушить, то коль тягчае

¹⁾ Эта личность замѣчательна во многихъ отношеніяхъ; къ сожалѣнію, никто изъ писавшихъ о петровскомъ времени не обратилъ на нее ни малѣйшаго вниманія. Мы имѣемъ довольно много весьма важныхъ матеріаловъ для знакомства съ царицей Прасковьей, и въ послѣдствіи надѣемся подѣлиться ими въ особой монографіи. (1860 г.)

Это намѣреніе мы осуществили въ слѣдующемъ 1861 г. Нашъ историческій очеркъ: „Царица Прасковья“ былъ напечатанъ въ журналѣ братьевъ М. М. и Ѳ. М. Достоевскихъ: „Время“, изд. 1861 г., и тогда же вышелъ отдѣльнымъ первымъ изданіемъ въ особой книгѣ. Второе изданіе, исправленное и дополненное, напечатано нами въ 1883 г., Сиб., 260 стр., съ портретомъ царицы Прасковьи, отпечатаннымъ красками.

²⁾ Стр. 28.

законъ Божій уничтожить? Я не хочу быть ни Сауломъ, ни Ахавомъ, продолжалъ царь, обращаясь къ министрамъ—которые, неразсудною милостію законъ Божій преступа, погибли и тѣломъ, и душою; и если вы имѣете смѣлость, то возьмите на души свои сіе дѣло и рѣшите, какъ хотите,—я спорить не буду.

Всѣ умолкли; никто не рѣшался ни брать на себя отвѣта, ни дѣлать того, на что не было охоты у повелителя. Прасковья Федоровна, видя, что ходатайство ни къ чему не повело, поспѣшила „шуточнымъ прикладомъ рѣчь свою замѣть“¹⁾.

Что было причиной строгости царя относительно женщины, которая пыткой и годовымъ самымъ ужаснымъ заключеніемъ, причесть четыре мѣсяца въ кандалахъ была, повидимому, достаточно уже наказана? Панегиристы Петра—Татищевъ, Штелинъ, Голиковъ, Н. Полевой и другіе находятъ, что строгость Петра прямо вытекала изъ желанія неуклонно выполнить законъ; но въ такомъ случаѣ рождается вопросъ: всегда ли выполнялъ онъ законъ хотя бы и въ уголовныхъ только преступленіяхъ? Напротивъ, во многихъ случаяхъ Петръ не только уступалъ просьбамъ царицы и приближенныхъ вельможъ, но нерѣдко милостиво принималъ его величество ходатайство смѣлаго шута; даже любимой собаки, на ошейникъ которой догадывались привязать челобитье о помилованіи или, по крайней мѣрѣ, о смягченіи суроваго его закона...²⁾.

И такъ, не было ли другого обстоятельства, которое вызывало со стороны царя Петра строжайшее наказаніе камеръ-фрейлины Гамильтонъ?..

Гельбигъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ любопытнымъ извѣстіемъ, за достовѣрность котораго онъ ручается (sic): „почти всѣмъ извѣстно, говоритъ авторъ *Russische Günstlinge*, изъ № 88 анекдотовъ Штелина о Петрѣ Великомъ, что дѣвица Гамильтонъ извела своего собственного младенца и за что ей огрублена была голова, но, можетъ быть, немногіе знаютъ, что отцомъ этого младенца былъ—Петръ I“³⁾.

¹⁾ Разсказъ В. Н. Татищева въ примѣч. къ 71 статьѣ „Судебника“ царя Ивана III. М. 1786 г., стр. 86—88. Штелинъ, изд. 1787 г., стр. 276. Голиковъ, т. XV, стр. 184—186.

²⁾ Желябужскій, стр. 100. Штелинъ изд. 1787 г., стр. 311—313. Вязлевъ, описаніе кабинета Петра, 1793 г., стр. 123—131 (описаніе собаки Лизетты). Берхгольцъ 1722 г., ч. II, стр. 245 и друг.

³⁾ *Russische Günstlinge*, стр. 109, примѣчаніе къ біографіи Виллима Монса.

Мы не беремся рѣшать, кто былъ отцомъ задушеннаго дитяти: Петръ Алексѣевичъ или Иванъ Михайловичъ? Но едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что ревность, досада на невѣрность Гамильтонъ не мало усугубила строгость къ ней великаго монарха.

IX.

Въ субботу, 14-го марта 1719 г., погода была вѣтряная, утро туманное.

Лишь только стало разсвѣтать ¹⁾, на Тронцѣй площади, близъ крѣпости, собралась толпа народа, издавна уже привыкшаго къ казнямъ. Солдаты цѣпью окружали мѣсто казни, наблюдая за порядкомъ ²⁾. Зѣваки окружали эшафотъ, поджидая жертвы и поглядывая на полусгнившія головы заговорщиковъ, казненныхъ 8-го декабря прошлаго года. Государь не замедлилъ пріѣздомъ ³⁾.

Привели изъ крѣпости осужденныхъ. Марья Даниловна до послѣдняго мгновенія ждала прощенія. Догадываясь, что государь будетъ при казни, она одѣлась въ бѣлое шелковое платье съ черными лентами, безъ сомнѣнія, въ надеждѣ, что красота ея, хотя уже поблекшая отъ пытокъ и заточенія, произведетъ однако впечатлѣніе на монарха... Она ошиблась. Впрочемъ, государь былъ ласковъ, — по крайней мѣрѣ, не осмыалъ ее упреками, насмѣшками, бранью, чѣмъ сплошь да рядомъ сопровождались прочія казни, какія бывали въ высочайшемъ его присутствіи.

— „Дѣвка Марья Гамантова, да баба Катерина!“ воскликнулъ одинъ изъ секретарей, начиная чтеніе приговора: „Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя, и бѣлыя Россіи самодержецъ, указалъ за твоя, Марья, вини, что ты жила блудно и была отъ того брюхата трижды; и двухъ ребенковъ лекарствомъ изъ себя вытравила; а третьяго родила и удавила, и отбросила, въ чемъ ты во всемъ съ розысковъ винилась: за такое твое душегубство — казнить смертью.

— „А тебѣ, бабѣ Катеринѣ, что ты о послѣднемъ ея ребенкѣ, какъ она, Марья, родила и удавила, видѣла; и, по ея прошенію,

¹⁾ Въ 5 ч. 48 м., календарь 1719 г.

²⁾ Уставъ воинскій, гл. 67, объ экзекуціи, стр. 105.

³⁾ Въ этотъ день не вышло указа. См. указы съ 10-го марта по 16-е число, № 3321—3329. П. С. З., т. V.

она го ребенка съ мужемъ своихъ жертваго отбросила, а о томъ и доносила, въ чемъ учинилась ты съ нею сообщница же, — вѣсто смертной казни, учинить наказаніе: битъ кнутомъ и сослать на придельный дворъ, на десять лѣтъ“ ¹⁾).

Трепетала отъ ужаса камеръ-фрейлина, молила о пощадѣ. Петръ, такъ рассказывалъ Штелину Фоеціусъ, придворный столяръ, очевидецъ событія, простился съ нею, поцѣловалъ и сказалъ:

— „Безъ нарушенія божественныхъ и государственныхъ законовъ, не могу я спасти тебя отъ смерти. Итакъ, прими казнь, и вѣрь, что Богъ проститъ тебя въ грѣхахъ твоихъ, помолись только Ему съ раскаяньемъ и вѣрою“.

Она упала на колѣни съ жаркою мольбою. Государь что-то шепнулъ на ухо палачу; присутствовавшіе думали, что онъ изрекъ всемилостивѣйшее прощеніе, но ошиблись; царь отвернулся, сверкнулъ топоръ — и голова скатилась на понось. Онъ исполнилъ данное прежде обѣщаніе: тѣло красавицы не было осквернено прикосновеніемъ катскихъ рукъ.

Великій Петръ, повѣствуютъ иноземные писатели, поднялъ голову и почтилъ ее поцѣлуемъ. Такъ какъ онъ считалъ себя свѣдущимъ въ анатоміи, то при этомъ случаѣ долгомъ почелъ показывать и объяснить присутствующимъ различныя части въ головѣ; поцѣловалъ ее въ другой разъ, затѣмъ бросилъ на землю, перекрестился и уѣхалъ съ мѣста казни ²⁾).

Вечеромъ того же дня малограмотный писарь гарнизонной канцеляріи отиѣтилъ, между прочимъ, въ журналѣ:

„14-го марта: по указу его царскаго величества, казнена смертію дому его величества дѣвица Марья Данилова: отсѣчена голова; дѣвица содержалась въ гваризонѣ подъ карауломъ“ ³⁾).

Катерина служанка была высѣчена кнутомъ и сослана по приговору ⁴⁾).

¹⁾ Подлинное дѣло, докум. 10-й.

²⁾ Штелинъ, въ нѣм. издан., анекдотъ № 88; въ русскихъ изданіяхъ этотъ рассказъ не такъ положъ, за исключеніемъ впрочемъ московскаго изданія 1768 г. стр. 247—249. — „Anecd. intérés. de la cour de Russie“, 1792. Т. II, стр. 272—275. Бюшинга Магазинъ, ч. III, стр. 224, прим. къ статѣ о царевнѣ Алексѣ. Бюшингъ называетъ Гамильтонъ: „schwedische Fräulein“.

³⁾ Устраловъ, т. VI, стр. 618.

⁴⁾ Подробный указъ о есмкѣ на придельные дворы наказанныхъ бабъ и дѣвокъ, о содержаніи ихъ, работахъ и проч. изданъ 26-го февраля 1719 г.

Что касается до Ивана Орлова, то онъ былъ освобожденъ еще 27-го ноября 1718 года.

По этому поводу И. И. Неплюевъ рассказывалъ слѣдующее: „Не смотря на всѣ увѣренія Орлова въ томъ, что онъ не вѣдалъ о дѣтоубійствахъ, Петръ все еще сомнѣвался и цѣлый годъ держалъ его въ тюрьмѣ. Наконецъ, бывши на одной ассамблеѣ, приказалъ привести заключеннаго деньщика. Снова убѣждалъ его, что если онъ вѣдалъ объ убійствѣ, то показался бы чистосердечно, „потому (говорилъ государь) согрѣшить есть дѣло человеческое, а не признаваться въ грѣхѣхъ есть дѣло дьявольское. Покаяйся и я тебя прощу!“

Орловъ продолжалъ говорить, что онъ невиненъ, и клятвами подтверждалъ увѣренія.

— „Ну, ежели ты и виновенъ, возразилъ Петръ, то какъ нѣтъ точныхъ тому доказательствъ, да судить тебя Богъ, а я долженъ наконецъ положиться на твои клятвы“.

Орлова, по волѣ монарха, одѣли въ новый гвардейскій мундиръ и выбрили ему отросшую въ тюрьмѣ бороду.

— „Жалую его поручикомъ гвардіи“, сказалъ Петръ: „страхъ подпасть подъ неправосудіе въ томъ сомнительномъ дѣлѣ принудилъ меня заключить тебя на годъ, яко виновника несчастію любовницы твоей, и ты самъ долженъ признать наказаніе сіе справедливымъ; оно послужитъ и тебѣ, и другимъ наставленіемъ храниться отъ подобныхъ попятновеній“¹⁾.

Насколько вѣренъ рассказъ Голикова, записанный со словъ Неплюева—рѣшить, конечно, трудно.

Въ какомъ полку былъ Иванъ Орловъ въ 1719 г.—неизвѣстно; впрочемъ, въ спискахъ преображенскаго полка офицеровъ, представленныхъ въ 1722 году на разсмотрѣніе Петра, для назначенія изъ нихъ судьей по дѣлу Шафирова, значится именно—Иванъ Орловъ.

Ловкій ударъ топора, отдѣлившій голову красавицы, безъ сомнѣнія, принадлежалъ опытному и искусному оберъ-кнутмейстеру, старшему палачу. Онъ лично распоряжался при допросахъ и пыткахъ; онъ же исправлялъ должность придворнаго шута. Любопытна

№ 3313. Одинъ изъ прядильныхъ дворовъ въ Москвѣ помѣщался въ домѣ казеннаго Авраама Лопухина.

¹⁾ „Дѣянія великаго монарха“, т. XV, стр. 186.

его кончина: въ 1722 году, въ бытность въ Олонцѣ съ государемъ, онъ упалъ (цѣльный?) съ лѣстницы, переломилъ три ребра и, чрезъ десять дней, въ страданіяхъ умеръ ¹⁾).

Но возвратился къ казенной имъ камеръ-фрейлинѣ. Съ отсѣченіемъ головы не все еще кончилось; оставались ея пожитки, которые надо было, какъ конфискованное на царя добро, принять на сохраненіе. Объ этомъ приѣмѣ дошелъ до насъ слѣдующій документъ ²⁾);

„1719 г. марта 16-го дня отдано въ домъ царскаго величества стряпчему Петру Ивановичу Мошкову послѣ дѣвицы Мары Гамантовой:

„Складены алмазной, въ немъ 23 алмаза, да малыхъ 48; перлю буринскихъ (зеренъ 39), при немъ запонка 15 алмазовъ, перлю жемчужное, 49 жемчуговъ, 8 цвѣточковъ по одному алмазу; серги, въ нихъ 8 алмазовъ, другая такая же съ яхонтомъ, серги съ красными камнемъ, при нихъ двѣ искры, два запонка золотые, три подвѣски простыхъ изломанныхъ, на ручкѣ алмазцы; съ алмазомъ кафтанчикъ тафтяной полосатой съ юпкою, да другой кафтанчикъ штофовой. Вышеписанныя вещи въ домѣ царскаго величества Петръ Мошковъ принялъ. А сію роспись писалъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полку солдатъ Иванъ Кондыревъ, капитанумъ Ѳеодоръ Зеловъ“ ³⁾).

¹⁾ Берхгольцъ, ч. II, стр. 138.

²⁾ № 11 документъ.

³⁾ Изъ всѣхъ лицъ, косвенно замѣшанныхъ въ дѣло Гампльтонъ, какъ-то: Кобыляковъ, Алабердѣевъ, Мавринъ, Кошелевъ, Пальчиковъ, Анна Крамеръ, Семеновъ, Дмитріева, никто не пострадалъ: всѣ продолжали пользоваться и милостями, и довѣріемъ государя. Судьба Анны Крамеръ въ особенности интересна; Гельбигъ отвелъ и ей въ „R. Güntlinge“ нѣсколько страницъ; этотъ кропотливый собиратель 1780-хъ гг. интересныхъ разсказовъ и легендъ о русскомъ дворѣ и русскихъ любимцахъ счастья, на основаніи нѣкоторыхъ извѣстій, изъясляетъ сомнѣніе въ вѣрности слуховъ, будто бы, послѣ казни Гампльтонъ, Петръ сдѣлалъ своею любимцею Крамеръ. Онъ только любилъ съ ней бесѣдовать (замѣчаетъ Гельбигъ), и чтобъ облегчить случаи бесѣды, пожаловалъ ее камеръ-юнгферой Екатерины. Анна Ивановна Крамеръ скоро приобрѣла такую довѣренность, что, въ числѣ немногихъ лицъ, знала объ умерщвленіи царевича Алексѣя Петровича; она же приставила (!!) отрубленную (!!) голову Алексѣя, вообще приготовила его тѣло къ погребенію. Тщательное исполненіе такого рода порученій, за которыя бы конечно не многія жевщины взыскъ, — заслуживало награды. Нечего и дивиться, что бывшая служанка, „казначейша камеръ-фрейлинъ“, превратилась въ придворную даму. Она сдѣлана гофрейлиною императрицы, а вскорѣ гофмейстерною царевны Натальи Петровны, пережившей отца шестью недѣлями. Похоронивъ свою питолицу, Крамеръ оставила дворъ, уѣхала въ Нарву и

X.

Забравъ на сохраненіе драгоценныя вещи изъ небольшого скарба камеръ-фрейлины, великій Петръ, если вѣрить Гельбигу, приказалъ конфисковать и сохранить самое драгоценное, что имѣла Марья Даниловна: ее красивую голову.

Голова эта положена была въ спиртъ и отдана въ академію наукъ, гдѣ ее хранили въ особой комнатѣ, съ 1724 года, вмѣстѣ съ головою камергера Монса. Воля монарха была исполнена съ величайшею точностью. За головами былъ большой уходъ до восшествія на престолъ Екатерины I; когда же увидѣли, что императрица забыла о бывшемъ любимцѣ своемъ, отрубленную голову которого послѣ казни, въ теченіе нѣсколькихъ дней, видѣла предъ собой, то и смотрителя забыли ихъ.

Спустя шестьдесятъ лѣтъ о нихъ вспомнили. Это было въ 1780-хъ годахъ. Княгиня Е. Р. Дашкова, въ качествѣ президента академіи, пересматривала счета и нашла, что чрезвычайно много выходитъ спирту. Между прочимъ, она замѣтила, что онъ отпускается на двѣ головы, хранимыя въ подвалѣ, въ особомъ сундукѣ, ключъ отъ котораго ввѣренъ былъ особому сторожу; но онъ не зналъ чьи головы находились подъ его охраной.

Долго рылись въ архивѣ академіи наукъ; наконецъ, нашли имена владѣльцевъ головъ—то были: двора императрицы Екатерины I фрейлина Марья Даниловна Гамильтонъ и камергеръ Вилимъ Ивановичъ Монсъ. Княгиня Дашкова донесла о находкѣ императрицѣ Екатерины II. Головы принесли во дворецъ, рассматривали и всѣ удивлялись сохранившимся слѣдамъ ихъ прежней красоты. Когда любопытство было удовлетворено, головы, по приказу императрицы, закопали въ погребу ¹⁾.

Въ разсказѣ Гельбига многое весьма вѣроятно. Петръ, дѣйствительно здѣсь съ брѣвнями, возвратившимися изъ заточенія. Анна Ивановна жила несию и доходами съ небольшой вотчины въ рижскомъ округѣ, которую получила отъ Екатерины I; замужемъ не была и скончалась въ 1770 г., на 76 г. отъ рожденія. Анна Крамеръ была красавица, умна, умѣла снискать довѣренность и держаться при дворѣ, наконецъ была женщина безчувственная. Гельбигъ, стр. 103—106. Ей принадлежатъ нѣсколько разсказовъ въ анекдотахъ Штелина, 1787 г., стр. 45, 46, 181, 312, 313 и друг. Голицовъ, т. VI, стр. 304; т. VII, стр. 120.

¹⁾ „Russische Günstlinge“. Тюбингенъ. 1809 г., стр. 108—109.

тельно, любилъ всевозможные монстры и курьезы, старался обогащать ими основанную имъ кунсткамеру, осматривалъ съ большимъ вниманіемъ многіе лучшіе заграничныя кабинеты рѣдкостей, скупалъ ихъ у ученыхъ собирателей большими коллекціями, требовалъ доставки рѣдкостей со всѣхъ концовъ Россіи, вообще занимался этою частью, столь полезною для науки и образованія. Въ кунсткамеру поступилъ желудокъ петровскаго гайдука-француза; гайдука привезенъ былъ имъ ради необыкновенной толстоты, и умеръ отъ сильѣйшей венерической болѣзни. До 105 уродовъ собрано было Петромъ; сотня зародышей и недоносковъ человѣческихъ хранилась въ кунсткамерѣ.

Здѣсь встаетъ вспомнить, что любовница царевича Алексѣя Петровича, Евфросинья Ѳеодоровна, разрѣшилась отъ бремени (какъ можно предполагать) въ Петропавловской крѣпости... Куда дѣлся ребенокъ?— Н. Г. Устряловъ не отыскалъ. Не отправили ли его въ число недоносковъ, разумеется, мертвымъ, на храненіе въ кунсткамеру? Это могло быть тѣмъ скорѣе сдѣлано, что мертворожденные младенцы болѣе ценны тѣхъ лицъ, нежели крѣпостная дѣвица Евфросинья Ѳеодоровна, поступали въ банки на храненіе; такъ, напримѣръ, сохраненъ былъ выкидышъ маршалши Олсуфьевой¹⁾. Кромѣ мертвыхъ экземпляровъ, Петръ повелѣвалъ сохранять и живые экземпляры всевозможныхъ монстровъ. Такъ, напримѣръ, въ его время можно было видѣть въ кунсткамерѣ живого человѣка, безъ половыхъ органовъ, вмѣсто которыхъ у него былъ родъ грибообразнаго нароста, похожаго на коровье вымя и имѣвшаго посрединѣ мясистый кусокъ, величиною съ рубль, откуда постоянно выходила густая моча, стекавшая въ привязанный для этого пузырь. Все это было страшно отвратительно, тѣмъ болѣе, что экземпляръ распространялъ отъ себя невыносимый запахъ; для него былъ не шкафъ, но особая комната. Экземпляръ предоставлялся развлеченію: онъ рубилъ дрова; по готовѣ былъ дать 100 руб., такъ говоритъ очевидецъ, чтобъ только вернуться на родину, въ Сибирь, откуда его прислали по царскому указу.

¹⁾ См. Голицковъ. Т. I, стр. 580, 591.—Т. VI, стр. 101, 198, 199, 200, 201, 226, 255, 261, 597.—Т. VIII, стр. 67, 69.—Т. X, стр. 25, 41, 43, 402. Указъ 1718 г. февр. 3 и 1721 г.—Штелихъ 1787 г., стр. 89—95.—Верхгольдъ. Ч. I, стр. 52, 153—157.—Вогдановъ. „Описаніе Сиб.“ 1751 г., стр. 101—104.—„Кабинетъ Петра Великаго“, описаніе О. Вѣлаева. Сиб. 1793 г. Ч. I, стр. 42—45, 64, 72, 141.—Ч. II, стр. 135—138, 147—148. Иад. 1800 г. Ч. II, стр. 4, 10, 19, 31, 32. Основанная въ 1714 году кунсткамера находилась въ Кикинныхъ палатахъ, бывшихъ близъ нынѣшняго Зимняго дворца.

Въ кунсткамерѣ же жили нѣсколько живыхъ мальчиковъ-уродовъ (einige lebendige Jungen)... ¹⁾.

Всего сказаннаго достаточно, чтобъ видѣть какъ тщательно и многосторонне обогащалъ свою коллекцію курьезовъ великій Петръ; слѣдовательно, нѣтъ ничего невѣроятнаго, что онъ послалъ туда на храненіе и снятыя имъ головы первой, по времени назначенія въ Россію, камеръ-фрейлины и любимѣйшаго его супруги Екатерины камергера.

Но вотъ что странно: Дашкова, какъ извѣстно, внимательно занимавшаяся дѣлами академій наукъ вообще и нѣкоторыми отдѣлами (минералогическимъ кабинетомъ) кунсткамеры въ особенности; Дашкова, оставившая въ своихъ запискахъ подробный и весьма обстоятельный разсказъ объ этомъ періодѣ ея жизни—ничего не говоритъ ни о своей находкѣ, ни о докладѣ о немъ императрицѣ, ни о приказѣ ея закопать головы Гамильтонъ и Монса въ землю.

Находка ея не такъ была обыкновенна, чтобъ не сказать ни слова, либо забыть о ней.

Да еслибъ княгиня Дашкова и забыла голову фрейлины, то о ней напомнила бы фамилія ея душевнаго друга—леди Гамильтонъ, дочери туанскаго архіепископа ²⁾.

Леди Гамильтонъ много путешествовала съ княгиней Дашковой во Францію, пріѣхала, въ 1784 г., для свиданія съ нею въ Петербургъ въ то время, когда Екатерина Романовна стояла уже во главѣ академій наукъ.

Президентъ показывалъ своему другу всѣ рѣдкости столицы. Показывалъ, разумеется, и кунсткамеру. Одну изъ новыхъ деревень своихъ Дашкова назвала, въ честь дорогой гостьи, Гамильтонъ. Наконецъ, по просьбѣ двоюродной сестры леди Гамильтонъ, миссъ Уильмотъ, посѣтившей Дашкову въ Россію въ 1803 г., Екатерина Романовна написала свои въ высшей степени драгоценныя для исторіи XVIII-го вѣка записки.

Всѣ эти обстоятельства должны были часто наводить ее на мысль о головѣ однофамилицы ея друга... Тѣмъ болѣе непонятно со стороны Дашковой молчаніе о головѣ фрейлины (если только голова эта была найдена и проч.), что она вносила въ записки множество мелочей,

¹⁾ Множество экземпляровъ петровскаго времени погибло въ пожарѣ 5-го декабря 1747 года. Въ этотъ день сгорѣли всѣ почти вещи, хранившіяся во 2-мъ и 3-мъ этажахъ кунсткамеры.

²⁾ О ней см. въ Зап. Дашковой, стр. 107, 117, 165, 221, 222, 225, 230, 353.

въ особенности все то, что вызывало у нея какія-нибудь сношенія съ императрицей; а не сочувствуя Петру, она разумѣется, не упустила бы записать новый эпизодъ, подкрѣплявшій ея мнѣніе о его жестокости ¹⁾).

Итакъ, вопросъ о томъ, вѣрно или невѣрно сказаніе Гельбига объ отысканіи и погребеніи головы Гамильтонъ, остается нерѣшеннымъ; но что голова хранилась въ академіи—о томъ свидѣлствуютъ, кромѣ печатныхъ извѣстій, и устные преданія, повторявшіяся еще въ 1860 г.

„Лѣтомъ 1830 г. я былъ въ кунсткамерѣ“, пишетъ г. Эндогуровъ ²⁾. „Нѣсколько посѣтителей, должно быть изъ купцовъ, осматривали монстровъ, въ сопровожденіи чичероне-сторожа, который объяснялъ имъ все, по своему разумію. Услышавъ аханье и ѳханье купцовъ, я подошелъ къ нимъ и со мною вмѣстѣ очень почтенный человѣкъ съ орденомъ на шеѣ. Сторожъ, указывая на банку съ головой, объяснялъ: „при государѣ Петрѣ I была необыкновенная красавица, которую какъ увидѣлъ государь, такъ и приказалъ отрубить ей голову и поставить въ спиртъ въ кунсткамерѣ, на вѣчныя времена, чтобъ всѣ и во всѣ времена могли видѣть, какія красавицы рождаются на Руси“. Почтенный человѣкъ, съ орденомъ на шеѣ, выслушавъ разсказъ, возвысилъ голосъ и сталъ выговаривать сторожу, что онъ разсказываетъ нелѣпости, и, обратясь ко всѣмъ окружающимъ его, сказалъ: „какъ можно, чтобъ такой великій и правосудный государь, каковъ былъ Петръ I, поступилъ такъ съ невинною красавицею! напротивъ, это голова придворной особы, которая дѣвницею разрѣшилась отъ бремени, и изъ желанія скрыть свой стыдъ, убила ребенка, что и было открыто; судъ же приговорилъ ее къ смертной казни. А такъ какъ она была красавица, то государь повелѣлъ хранить голову ея въ спирту вмѣстѣ съ прочими монстрами“. „Не помню“, продолжаетъ г. Эндогуровъ, „про кого изъ преемниковъ Петра I онъ говорилъ, что, увидѣвъ голову красавицы, онъ приказалъ выставить ее къ кунсткамерѣ на видное мѣсто, чтобъ простой народъ, имѣвшій доступъ въ музей во время святой недѣли, могъ видѣть голову женщины, рѣшившейся на такое злодѣяніе, разсказывать исторію ея, а съ тѣмъ вмѣстѣ, что будто бы участь этой

¹⁾ Не умолчала ли Дашкова о Гамильтонъ изъ приличія? Не наша ли она, какъ женщина, неудобнымъ передавать скандальный эпизодъ и помѣщать его въ запискахъ, писанныхъ для дѣвцы? Но эти предположенія остаются неудовлетворительными, если вспомнить, что княгиня Е. Р. Дашкова, не вдаваясь въ подробности, могла ограничиться небольшою замѣткой о Гамильтонъ.

²⁾ „Сѣверная Пчела“ 1860 г., № 91. „Письмо къ издателю“.

красавицы вложила монарху мысль основать воспитательный домъ и пріемъ въ оный, секретно, незаконнорожденныхъ дѣтей“.

„Въ 1833 году я опять былъ въ кунсткамерѣ“, продолжаетъ г. Эндогуровъ, „и тотъ же сторожъ поспѣшилъ разсказать намъ свою прежнюю исторію. Я напомнилъ ему о томъ господинѣ, который остановилъ его въ 1830 году, но ветеранъ, махнувъ рукою, сказалъ: „гдѣ имъ знать! мы не мало лѣтъ живемъ здѣсь, такъ ужъ лучше знаемъ“.

Какъ почтенный господинъ съ орденомъ, такъ и словоохотливый чичероне—оба дѣлали довольно важную ошибку: за голову убитой красавицы они принимали голову мальчика.

„Эта голова“, по описанію О. Бѣляева (1800 г., ч. 2, стр. 31), „дѣйствительно принадлежитъ къ числу любопытѣйшихъ предметовъ собранія; съ нея снятъ черепъ, но мозгъ, съ объемлющею его сорочкою и множествомъ простирающихся на немъ тончайшихъ нервъ, сохраненъ прекрасно. Искусство, съ какимъ сохранено лицо головки и всего сплетенія мозговыхъ жилокъ, есть такая тайна, которую природа открыла одному только Рюйшу, изъ собранія котораго и поступила эта голова въ кунсткамеру въ 1717 году“.

Бѣляевъ прямо говоритъ, что „сія головка извѣстна нынѣ публикѣ подъ названіемъ головы одной дѣвицы-красавицы 15 лѣтъ, о которой плетутся разныя басни и нелѣпости. Какимъ образомъ сіе случилось“, заключаетъ Бѣляевъ, „понистинѣ, недоумѣваю!“

Посѣтивъ въ 1860 году анатомическій кабинетъ академіи наукъ, мы уже не нашли одного изъ усердныхъ разскащиковъ этихъ басней: унтеръ-офицеръ Яковъ Андреевъ лѣтъ восемь предъ тѣмъ опочилъ на Смоленскомъ; онъ унесъ съ собою и басню, которую не могъ передать намъ ни одинъ изъ оставшихся сторожей¹⁾; что же касается головы мальчика, такъ долго состоявшаго въ подозрѣніи, что она принадлежала дѣвицѣ, мы ее видѣли, благодаря обязательной услужливости К. И. Иванова.

Голова, дѣйствительно, сохранилась прекрасно; мальчикъ лѣтъ 12—15 былъ замѣчательный красавецъ: свѣжія, полныя щечки, маленькій ротъ, прекрасный подбородокъ, прямой носикъ, немного приплюснутый отъ банки, русые волосы, такіе же брови, пра-

¹⁾ Вмѣсто нея мы имѣемъ басню, напечатанную въ видѣ исторической повѣсти Соловьиными: „Царь—рука Божья, былъ временъ Петра Великаго“. Разсказы Штелина и Голыкова авторъ былъ дополнилъ вымыслами собственной фантазіи. См. „Москвитинъ“ 1841 г., ч. IV, № 7, стр. 23—105.

вильно очерченныя, надъ закрытыми глазами, длинныя рѣсницы — все это и красиво, и сохранилось такъ, что, глядя на головку, въ голову не придетъ, что она лежитъ въ банкѣ полтора ста лѣтъ! Кровеносные сосуды налиты чрезвычайно искусно, и во всей головѣ только на лѣвой сторонѣ отсталъ лоскутокъ кожи ¹⁾).

Велико было преступленіе Марьи Даниловны Гамильтонъ, жестоки и безчеловѣчны были истязанія ея, страшна была и казнь, ее постигшая. Тѣмъ-то болѣе должны мы радоваться, что наше современное законодательство заявило себя, по обыкновенію, прогрессивнымъ въ вопросѣ о наказаніи матерей, ради стыда посягающихъ на жизнь незаконнорожденныхъ своихъ дѣтей.

За убійство предумышленное — читаемъ мы въ проектѣ новаго уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ ²⁾ — винов-

¹⁾ Голова хранится въ банкѣ „С. № 10“. Въ каталогѣ противъ этого нумера записано: *Caput pueri, cujus cranium cum dura matre ablatum est; cerebrum vero, arteriis Piae matris materia caeracer injectis superbians, et situm et magnitudinem ordinariam servat: facies, obcolorem naturalem, non sine jaunditate spectatur.* Подъ № 27-мъ въ банкѣ хранится другая голова, немного менѣе. Всѣ остальныя четыре или пять еще меньше. Въ сосѣдней залѣ мы видѣли маски съ двухъ разбойниковъ, наказанныхъ въ 1840 году. Чайкина и Быкова; онѣ изображены съ полумбритыми головами. Скелеты ихъ хранятся въ музеѣ казанскаго университета. Осматривая нашу кунсткамеру, невольно сравниваешь ее съ иностранными; какъ незначительна она въ сравненіи, напримѣръ, съ парижскимъ музеемъ! Можно ли подумать, что это кабинетъ рѣдкостей необязатной Россіи? Да и этотъ кабинетикъ многіе не знаютъ! Любопытный долженъ дожидаться известнаго времени года, известнаго дня, выхлопотать билетъ, но и съ билетомъ случается, что предъ нимъ заперты двери: нынче-де передѣлываютъ, пускать не велѣно. Подобныхъ отказовъ я самъ былъ свидѣтелемъ въ 1860-мъ году, когда и написаны эти строки. Съ тѣхъ поръ, однако, прошло двадцать-три года, порядки и въ кунсткамерѣ помѣнились къ лучшему, а музеи академіи обогащены весьма многими новыми приобрѣтеніями и цѣлыми научно собранными коллекціями.

²⁾ Изд. 1844 г., Спб., стр. 14 и 1202—1203, статья 21, 22 и 1856. Уложеніе о наказ. уголов. и исправ. изд. 1845 г., статья 1922. Замѣчательное мнѣніе Щербатова о дѣтоубійствѣ см. Чт. Об. Ист. 1860 г., кн. I, стр. 72. Изъ литературы сочиненій о дѣтоубійствѣ на русскомъ языкѣ укажемъ на изслѣдованіе доктора Г. I. Блосфельда: О правахъ утробныхъ и новорожденныхъ недоношенныхъ младенцевъ вообще, и объ умерщвленіи и умышленномъ изгнаніи плода въ особенности. Казань, 1856 г., стр. 78. Въ юридической части сочиненія ученый авторъ разсматриваетъ: узаконенія различныхъ народовъ относительно правъ новорожденныхъ; преступленіе убійства и умышленнаго изгнанія плода, по нѣмѣцкому взгляду уголовного права; наконецъ дѣлаетъ критическій разборъ преступленій дѣтоубійства, убійства и плода и зародыша. Во II части изслѣдованія, въ недѣ-

ный подвергается лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока; а буде онъ по закону не изъять отъ наказаній тѣлесныхъ — и наказанію плетью чрезъ палачей: сто ударовъ, съ наложеніемъ клеймъ.

„Наказаніе смягчается тремя степенями: въ случаѣ, когда убійство незаконнорожденныхъ, сына или дочери, совершено матерью отъ стыда или страха, при самомъ рожденіи младенца: виновная подвергается работѣ въ крѣпостяхъ на время отъ 10 до 12 лѣтъ и наказанію плетью отъ 60 до 70 ударовъ“¹⁾.

1860 г. августа 9-го дня.

Сиб.

По дѣйствующему (въ 1883-мъ году) „Уложенію о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“ —

по статьѣ 1451: Лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока подвергается виновный въ убійствѣ предумышленномъ... сына своего или дочери.

„Наказаніе смягчается тремя степенями въ случаѣ, когда убійство незаконнорожденныхъ сына или дочери совершено матерью отъ стыда или страха при самомъ рожденіи младенца, если однако-жъ при семъ не будетъ доказано, что она была уже прежде виновна въ томъ-же преступленіи. Когда же дѣтоубійство сего рода было непредумышленное, виновная въ ономъ женщина, особенно, если она незамужняя и разрѣшилась отъ бремени въ первый разъ, подвергается токо:

„лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылки на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ или менѣе отдаленныхъ мѣстахъ Сибири“.

цинской, г. Блосфельдъ говоритъ о правахъ плодовъ вообще, объ опредѣленіи и доказательствахъ беременности, о предшествовавшихъ родахъ; о возрастѣ, жизнеспособности и причинахъ смерти плодовъ; въ заключеніе говорить объ участіи судебного врача при раскрытіи и опредѣленіи субъективнаго состава дѣла. Кстати укажемъ также на весьма интересную исторію воспитательныхъ домовъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ съ открытія оныхъ по 1851 г., напечат. въ II т. Чтен. Общ. Исторіи, 1860 г., стр. 94—160.

¹⁾ „Мы признали необходимымъ въ этомъ случаѣ смягчить наказаніе — сказано въ проектѣ — потому, что положеніе виновной въ томъ женщины есть необыкновенное, и часто она, терзаемая стыдомъ, страхомъ, угрозами со стороны и изнуренная тѣлесными страданіями, почти лишается разсудка, слѣдственно, покушается на ужасное преступленіе безъ яснаго объ ономъ предъ самой собою сознанія. Смягченія сего рода допускаются во всѣхъ лучшихъ иностранныхъ законодательствахъ“.

СНЫ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

1714—1719.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ ЕГО СНАХЪ

въ 1714—1719 гг.

Въ кабинетныхъ дѣлахъ Петра I-го, въ Государственномъ Архивѣ, находится нѣсколько имъ собственноручно записанныхъ „снovidѣній“; нѣкоторыя изъ этихъ записокъ тщательно перебѣлены его деньщиками и секретарями. Видно, что нѣкоторые сны, какъ нѣчто курьезное, интересовали государя, рассказывались имъ своими приближенными, вызывали разныя замѣчанія и проч. Эти обстоятельства достаточно показываютъ, почему не безъинтересно остановиться и на такомъ странномъ, повидимому, предметѣ, каковы: „сны Петра Великаго“.

Преобразователь Россіи, какъ извѣстно, былъ врагъ суевѣрій и предрасудковъ; нѣтъ свидѣтельствъ и о томъ, чтобы онъ придавалъ какое-либо серьезное значеніе снамъ, и находилъ бы въ нихъ какой-либо таинственный, знаменательный смыслъ; если же онъ ихъ записывалъ иногда, то только ради курьеза, какъ любитель всего особеннаго... Извѣстно, что по большей части и во снѣ имъ виднѣлось то, чѣмъ особенно заняты, либо о чемъ думаемъ на-яву; отсюда еще интереснѣе знать каковы же должны были быть сны суроваго монарха?

1714 г. ноября съ 9-го на 10-е: „сонъ видѣлъ: (корабль?) въ зеленыхъ флагахъ, въ Петербургѣ“.

1715 г. января съ 23-го на 24-е: „видѣлъ сонъ: звѣрей — льва да бобра“.

1715 г. января съ 28-го на 29-е число: „будучи на Москвѣ, въ ночи видѣлъ сонъ: господинъ полковникъ ходилъ на берегу, при

рѣкѣ Большой, и съ нимъ три рыбака, и волновалася рѣка, и большія прибывали волны. И идетъ волна, и назалъ отступала, и такъ били волны, что покрывало ихъ (т. е. полковника съ тремя рыбаками). И назадъ (рѣка) отступила, а онѣ (они?) не отступили. И такъ меньше, меньше и уступила вода въ старое состояніе свое“.

..... „Въ Яворовѣ: пришелъ къ башнѣ высокой, и съ той башни спущена была веревка, по которой онъ туда взлѣзъ. И взомедъ на башню и хотѣлъ взойти на шпигъ, но было мягко—и ноги вязли и взойти нельзя и онъ, сдѣлавъ лыжи, и на тотъ шпигъ на тѣхъ лыжахъ взомелъ, на которомъ шпигъ было яблоко поставлено; а на яблокѣ, въ сторонѣ, царской гербъ двоголавной орелъ;—а въ срединѣ яблока стержень; потомъ факсу (не флагъ-ли?) съ лѣвой руки постановилъ на тотъ стержень“.

1715 г. февраля съ 19-го на 20-е число: „въ ночи видѣлъ сонъ: въ подобіи и въ лицѣ Клакачова, и казался (онъ) съ большими морщинами и онаго (я) покололъ шпагою“.

1715 г. февраля на 25-е число: „видѣлъ: волны и солнце“.

..... „Апрѣля на 26-е число: видѣлъ сонъ: яко бы орелъ сидѣлъ на деревѣ, а подъ него подлѣзъ или подползъ какой звѣрь не малый, на подобіе крокодила или дракона, на котораго орелъ тотчасъ бросился, (и) изъ затылка у онаго голову отбѣлъ, а именно перебѣлъ половину шеи и умертвилъ. И потомъ, какъ много сошлось людей смотрѣть, то подползъ такой же другой звѣрь, у котораго тотъ же орелъ отбѣлъ и совсѣмъ голову, что яко бы было уже явно всѣмъ“.

1715 г. октября съ 20-го на 21-е число: „сновидѣніе. Море покрыто какъ лѣсомъ цвѣтеть, на которомъ буеръ ходилъ в которомъ вакарбартъ і другава народа. Г. (государь?) в синемъ кафтанѣ потомъ другой буеръ припогъ в которомъ левенъ-еръ оба хотѣли авантажъ нѣкоторой (чего не поминуть) здѣлать, но не могли к чему звали і насъ, і какъ мы пришли то учинилось, а именно зеленъ густую отбѣхали отъ правава берега і к землѣ пристали“ ¹⁾.

¹⁾ Писано рукой Петра, также сохранилась и современная копія. Помѣта: „отдано въ 21 день октября 1721 г.“, т. е. отдано въ кабинетъ для храненія.

1716 г. апрѣля на 24-й день, въ Гданскѣ: „видѣлъ государь сонъ, что у турокъ на барабанахъ были жемчуги“.

1716 г. октября на 9-е число въ Коненгагенѣ: „видѣлъ его царское величество сонъ: яко бы онъ послалъ фельдъ-маршала Шереметева и велѣлъ оному съ войскомъ пройти мимо каланчей тихо, не нарушая съ турками мира. Но потомъ, когда самъ его царское величество къ каланчамъ приблизился, когда увидѣлъ ихъ, сдѣланныхъ хорошою архитектурою и украшенныхъ знаменами, и турки мечутъ съ нихъ знамена. И когда на одну изъ нихъ вшелъ, то показалось въ нихъ такожъ тораздо убрано картинами и прочимъ, и увидѣлъ турковъ въ платьѣ разныхъ націй и говорятъ разными языки, между которыми и съ его величествомъ говорилъ одинъ по голландски; и убранны (турки) зѣло богато, въ сабляхъ и поясахъ съ камнями разными, и было изъ нихъ нѣсколько побитыхъ. И началъ (государь) говорить фельдъ-маршалу, яко бы съ гнѣвомъ: для чего тѣ каланчи онъ взялъ и тѣмъ миръ съ турками разорвалъ? На что онъ (Шереметьевъ) сказалъ: для того, что турки добровольно ихъ не пропустили. На что онъ (государь) сказалъ: (такъ какъ), что они (турки) его безъ боя не пустили, и для того онъ принужденъ съ ними биться. Однако-же хотя бой и былъ, но немногихъ побилъ“.

1716 г. ноября на 9-е число въ Шверинѣ: „видѣлъ его царское величество сонъ о туркахъ, яко бы онныхъ много видѣлъ въ Петербургѣ на луку въ богатыхъ одеждахъ, въ томъ числѣ былъ и визирь, который, пришедъ къ его величеству, нѣчто говорилъ и рукою тогда держалъ.....¹⁾ за крыжъ²⁾; также и прочіе (турки) за визиремъ слѣдовали въ сабляхъ же. И поясы, на которыхъ сабли, у многихъ богатыя камнями вложены, и послѣ визиря, также и другихъ (другіе), снявъ съ себя сабли съ тѣми богатыми поясами, отдали царскому величеству“.

..... „Сонъ видѣлъ, тогда какъ въ Померанію вошли: что былъ (я) на галіотѣ, на которомъ мачты съ парусы были не по пропорціи; на которомъ (галіотѣ) поѣхали и обратъ (т. е. бортомъ), его оборотило на бокъ и воды захлебнулось, съ котораго (га-

¹⁾ Не разобрано, — кажется, „за саблю“....

²⁾ Латинскій крестъ.

ліота) попадали и поплыли къ другому борту и обратно къ дому и поле (полегоныку?) поѣхали и у себя приказалъ воду выливать....“.

Понадись выписанные нами сны Петра I-го велерѣчивому Крекшину, трудолюбивому Голикову или краснотлаговому Н. А. Полевому—и мы бы по поводу этихъ сновъ имѣли удовольствіе прочесть не одну дюжину громкихъ фразъ съ восклицательными знаками: „воззрите, о благосклонный читатель, на яроя нашего? Великій духъ отца отечества бодрствуетъ и во снѣ!... И во снѣ, въ тѣ немногіе часы, когда преславный монархъ предавался отдохновенію отъ неизрѣченныхъ, громадныхъ трудовъ, геній его сражался съ турками, бралъ крѣпости, виталъ надъ морями, казнилъ крамольниковъ¹⁾. Великій преобразователь,—но что я говорю—бессмертный возродитель, создатель нынѣ преславной монархіи россійской,—о монархъ приснопамятный,—и со внѣ входитъ на недосыгаемыя вершины! Державный работникъ—онъ самъ дѣлаетъ лыжи, наставляя и подвигая тѣмъ своихъ вѣропопданныхъ, боготворящихъ его россіянъ, на трудъ непрестанный? Россіяне воз....“ и т. п.

Но если въ нынѣшнее время не совсѣмъ ловко разразиться столь велегѣйными рѣчами, то что же вмѣсто нихъ можно сказать о курьезныхъ снахъ Петра I-го?—То, что и въ сонныхъ, безсвязныхъ видѣніяхъ,—видѣніяхъ, находившихъ можетъ быть послѣ хмѣльно законченнаго дня какой-нибудь попойкой-вечериной, и въ этихъ видѣніяхъ мы узнаемъ характеръ дѣятельности и постоянныхъ думъ Петра: катанья по водѣ... корабли... прилаживанье на нихъ парусовъ по пропорціи... строгость наказанія какого-то... война... осада крѣпости... (эти калачи напоминаютъ его Азовскіе походы)... плѣненіе визиря, столь досадившаго ему на берегахъ Прута, и проч... Всѣ эти обстоятельства, помимо ихъ фантастической обстановки, какъ бы выхвачены спящимъ Петромъ изъ думъ и стремленій Петра бодрствующаго...

Совсѣмъ другіе, но опять-таки не безынтересныя видѣнія являются во снѣ его супругѣ, Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

„1719 г. января съ 13-го на 14-е число, такъ писалъ комнат-

¹⁾ На этотъ разъ крамольники разумѣлись бы въ Клокатовѣ, дерзнувшемъ предстать съ морщинами предъ царекіа очі, за что и провѣзень шнагою.

ный секретарь Екатерины, — ее величество государыня царица, передъ свѣтомъ на 14-е число, изволила видѣть сонъ, что яко бы въ огородѣ-какомъ ¹⁾ у палатъ былъ прикованъ одинъ звѣрь, былъ шерстью, на подобіе льва и зѣло сердитъ; на всѣхъ бросался и переѣлъ зубами у цуковой ее величества соловой лошади ногу. — Между тѣмъ же были въ огородѣ министры и множество людей. — И у женщинъ юбки или самары вѣтромъ поднимало на головы; и были бѣлыя знамена, о которыхъ говорили, что (то) мирные знаки. — И кричалъ тотъ сердитый звѣрь часто: салдореетъ! салдореетъ! А другой такой же (звѣрь) ходилъ на волѣ на какомъ (то) будто дворѣ; только сей послѣдній (звѣрь) зѣло былъ ласковъ; у него же была корона на головѣ и въ коронѣ зажжены три свѣчи; и оной ходилъ за его величествомъ и ласковъ къ нему былъ”.

„1719 же года, января съ 14-го на 15-е число передъ утромъ, какъ значится изъ другой записки ее секретаря, — государыня царица (вновь) во снѣ слышала, что кричали вышеописанное слово: салдореетъ!... Весьма вѣроятно, что странное видѣніе звѣрей, „былыхъ шерстью, бродящихъ въ какомъ-то огородѣ“ — приснилось Екатеринѣ при воспоминаніи о бѣлыхъ медвѣдяхъ, стражей московскаго двора князя-кесаря Ѳ. Ю. Ромодановскаго. Екатеринѣ не разъ случалось видѣть, какъ медвѣди Ромодановскаго подносили гостямъ на золотомъ блюдѣ большой кубокъ воды; если кто отказывался отъ нея, медвѣдь вѣсплялся въ парикъ или въ волосы гостя, раздиравъ платье и вообще трепалъ нещадно, „своимъ обычаемъ“. Этихъ медвѣдей, послѣ смерти Ѳ. Ю. Ромодановскаго, ихъ царскія величества вытребовали къ себѣ въ Петербургъ.

„Алексѣй Васильевичъ — государь!“ писалъ по этому случаю къ кабинетъ-секретарю Макарову оберъ-фискаль Нестеровъ... „по письму вашему къ ближнему стольнику, князю И. Ѳ. Ромодановскому, о присылкѣ медвѣдей съ учителями ихъ... два медвѣдя со учителями ихъ двумя человѣками, которые обрѣтались въ Москвѣ, при дворѣ его сіятельства, отправлены съ Мельгуновымъ 8-го февраля, и на ихъ кормъ, и на подводы, прогонны даны изъ преображенскаго приказа; а другихъ такихъ ученыхъ медвѣдей и учителей медвѣжьихъ по ихъ сказкамъ учителей, которые посланы изъ ясныхъ рядовъ ста-

¹⁾ Подъ словомъ огородъ разумѣлся садъ для гуляній.

рость и тѣхъ рядовъ купеческихъ людей въ Москвѣ нѣтъ. А его сіятельство кн. Иванъ Федоровичъ отъ Москвы отлучился на Олонецъ къ водамъ 1720 г.^а ¹⁾.

Говоря о снахъ ихъ царскихъ величествъ, вообще любопытно бы было прослѣдить, какія обстоятельства предшествовали имъ въ ближайшіе дни, такъ какъ зачастую содержаніе сновъ составляется подъ вліяніемъ недавнихъ происшествій, разговоровъ, понятій и размышленій; но мы оставляемъ другимъ толковать объ этомъ интересномъ предметѣ.

¹⁾ Государств. Архивъ, Каб. дѣла, нолон. II-я, кн. XLVII, стр. 396.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ КАКЪ ЮМОРИСТЪ

1682—1725.

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Примѣчаніе. Тщательно вновь просмотрено съ подлинными рукописами.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ КАКЪ ЮМОРИСТЪ.

...Отрѣшась вась отъ шунства и отъ кабаковъ,
дабы не ходить!...

(Шут. воспомн. князь-папы изъ царю Петру).

Въ 1861 году, въ малораспространенномъ, хотя и весьма почетномъ и интересномъ научно-литературномъ журналѣ „Свѣточъ“ (кн. IX) помѣщено было нами собраніе подлинныхъ документовъ, ярко освѣщающихъ одну изъ любопытнѣйшихъ сторонъ въ характерѣ Петра Великаго: его юморъ. Документы эти, сочиненные и собственноручно написанные Петромъ, суть шутильные обряды избранія и поставленія князь-папы, шутильныя возглашенія, грамоты, отписки, росписи церемоніаловъ, и т. п. Нимиъ дополнявъ это любопытное собраніе матеріаловъ вновь найденными, мы считаемъ не лишнимъ воспроизвести всю статью изъ журнала, составляющаго едва-ли не библіографическую рѣдкость.

Позволяемъ себѣ надѣяться, что въ настоящее время, когда взглядъ на дѣятельность и характеръ Петра Великаго вполнѣ выяснился, когда вновь открытые и обнародованные матеріалы устранили всякую односторонность въ сужденіяхъ о личности и царствованіи Петра, никто не заподозритъ насъ въ желаніи унижить этого величайшаго изъ монарховъ всей Европы XVII и XVIII вв. Никто, надѣемся, не осудитъ насъ за изданіе матеріаловъ, въ которыхъ все принадлежитъ самому Петру I, а потому, такъ или иначе, но есть достоинствѣ исторіи и подлежить ей критикѣ. Если же сарказмъ шуточныхъ произведеній Петра Великаго бросаетъ темный свѣтъ на его забавы и развлеченія, то не нужно забывать, что Петръ, при всемъ своемъ гениі, былъ прежде всего человѣкомъ своего времени.

Широкій, грубый разгулъ, которому предавался Петръ среди своихъ „птенцовъ“—сподвижниковъ въ часъ отдыха послѣ всеобъемлющей дѣятельности,—этотъ разгулъ не долженъ насъ поражать. „Богатырскимъ силамъ,—скажемъ словами историка С. М. Соловьева,—соотвѣтствовали страсти, неуиѣренные правильнымъ искуснымъ воспитаніемъ. Мы знаемъ, какъ могъ разнуздываться сильный человѣкъ въ древнемъ русскомъ обществѣ, не выработавшемъ должныхъ границъ каждой силѣ; могло-ли такое общество сдерживать страсти человѣка, стоявшаго на самомъ верху? Но одна наблюдательная женщина-современница отозвалась совершенно справедливо о Петрѣ, что это былъ „очень хорошій и вѣсть очень дурной человѣкъ“... („Исторія Россіи въ эпоху преобразованія“. Соч. Соловьева, т. VI, Москва, 1868 г., стр. 259) ¹⁾.

25-го мая 1872 г.

I.

Всецѣлѣйшій соборъ.

Въ характерѣ великаго преобразователя Россіи, между прочими его особенностями, есть черта въ высшей степени интересная, рѣзкая, не ослабѣвавшая въ теченіи всей его жизни, и очень часто проявлявшаяся то въ письмѣ, то въ пришествіи, то въ какомъ нибудь маскарадѣ, то наконецъ въ цѣломъ учрежденіи.

Мы говоримъ про юморъ Петра Великаго.

На эту особенность никогда и никто не обращалъ надлежащаго вниманія; а между тѣмъ, кто не согласится, что для полнаго и яснаго представленія характера Петра нельзя обойти ту его сторону, которая служила для него источникомъ удовольствія и отрады.

Прослѣдить всѣ случаи, въ которыхъ проявился юморъ Петра, нѣтъ возможности; намъ пришлось бы пересмотрѣть массу его писемъ, записокъ государственныхъ и домашнихъ распоряженій. Въ громадной корреспонденціи Петра надо бы обратить особенное вниманіе на письма къ Ромодановскому. Сколько юмору во многихъ изъ нихъ, сколько насмѣшки злой и остроумной въ санѣ князь-кесаря,

¹⁾ Нѣкоторые интересныя соображенія по поводу статьи нашей: „Петръ Великій какъ юмористъ“ см. въ „Русской Старинѣ“, изд. 1874 г. томъ XI, въ статьѣ покойнаго Ивана Носовича, стр. 734—739.

которыхъ облечены были, одинъ за другимъ, оба Ромодановскіе! Въ лицѣ ихъ Петръ сѣялся надъ вѣщностью, надъ обстановкою, надъ атрибутами этого импровизированнаго имъ сана; князь-кесарю отводили первыя мѣста во всѣхъ церемоніяхъ, князь-кесарю отдавались особенныя почести, къ нему приближались иначе, съ нимъ не говорили, въ присутствіи его не сѣдѣли такъ, какъ говорятъ и сѣдятъ въ обществѣ простыхъ смертныхъ, однимъ словомъ, все, что Петръ находилъ въ своемъ царскомъ положеніи скучнаго, натянутого — все предоставлялъ Ромодановскому; именуя себя „холономъ и послѣднимъ рабомъ“ его, получая отъ него чины и повышенія, Петръ всю сущность власти удержалъ за собой. Ромодановскій, по одеждѣ, обычаямъ и роду своей жизни, былъ пародіей власти; это была подставная кукла, кукла весьма комичная. Но этого комизма не замѣчалъ онъ, не замѣчали и его окружающіе, мало замѣчали и потомки въ лицѣ писателей, останавливавшихъ свое вниманіе на личности князь-кесаря. Мы не говоримъ, чтобы Ромодановскій не имѣлъ власти, не имѣлъ другой дѣятельности, кромѣ постоянного разныриванія невеселой роли государя, нѣтъ — ему предоставлена была значительная доля въ административномъ управленіи, еще большая доля въ совершеніи жестокостей, которыя, съ точки зрѣнія того вѣка, не должны поражать нынѣшняго изслѣдователя... А что за дѣтель былъ на отведенномъ ему полѣ князь Федоръ Юрьевичъ! Въ поэтическомъ увлеченіи, въ какой-то восторженности отъ кнута и застѣжки онъ доходилъ до такого пафоса, что поражалъ усердіемъ даже самого Петра... Однажды государь рѣшился, наконецъ, наекнуть кесарю на то, что тотъ слишкомъ заработался.

— „Звѣрь! Долго-ль тебѣ людей жечь?... Перестань знаться съ Ивашкою (т. е. пьянствовать). Быть отъ него рождѣ драгой!“

Впрочемъ, угроза какъ бы противъ воли сорвалась у Петра; спустя четыре дня (31 декабря), онъ вновь уже именуется себя и своихъ приближенныхъ: „холонами государскими“, и пишетъ къ князю-кесарю Ѳ. Ю. Ромодановскому почтительное письмо.

Внимательно разсматривая подобныя письма и винкая въ отношенія переписывавшихся, нельзя въ то же время не послушать устныхъ бесѣдъ, разсужденій и замѣчаній Петра на торжественныхъ обѣдахъ; прослѣдить за нимъ въ его разъѣздахъ по Россіи и Европѣ; отправиться на всевозможныя свадьбы, крестины, маленькіе и большіе балы-ассамблеи и тому подобныя увеселенія, не обхо-

дившіеся безъ его присутствія; нельзя не полюбоваться на него въ походахъ, на бивуакахъ, въ сраженіяхъ; мало того, заглянуть два—три раза въ застѣнокъ, либо осторожно выйти, вслѣдъ за нимъ, на мѣсто казни... Будьте увѣрены, что во всѣхъ, самыхъ разнообразныхъ, обстоятельствахъ жизни Петра, при небольшой внимательности, вы найдете черты его юмора, его сарказма, не всегда удачныя, но всегда замѣчательно бойкія и своеобразныя.

Но не вдаваясь въ столь обширныя розысканія, мы прямо остановимся на „князь-папѣ“ и его „сумасброднѣйшемъ, всешутнѣйшемъ и всепьяннѣйшемъ соборѣ“. Это учрежденіе есть созданіе петровскаго юмора. Съ молодыхъ лѣтъ до конца своей жизни Петръ постоянно пачтѣнъ его уставъ новыми добавленіями и всевозможными варіаціями; къ нему онъ обращался, когда хотѣлъ отпраздновать торжество побѣды, празднество мира, спускъ корабля, чье-нибудь тезоименитство, либо святки; къ нему же обращался въ черныя минуты, чтобъ разсѣяться, освѣжиться, страхнуть съ себя тяжкія думы и государственныя заботы.

Шутливыя записки, инструкціи, уставъ для „всепьяннѣйшаго собора“, „чинъ“, т. е. обряды избранія и поставленія новаго главы, либо новаго члена — все это Петръ сочинялъ, составлялъ и собственноручно писалъ — все до послѣдней замѣтки. Собраніе этихъ документовъ есть цѣлая литература юмористическаго содержанія, — матеріалъ, драгоцѣнный для знакомства съ духомъ времени, матеріалъ, необходимый для знакомства съ характеромъ Петра.

Но прежде, нежели станемъ перечитывать произведенія бойкаго (и вѣдати замѣтныя — до крайности неразборчиваго) пера Петра Великаго, скажемъ нѣсколько словъ о времени основанія „сумасброднѣйшаго собора“ и о его первомъ предсѣдателѣ.

Государь очень рано возложилъ этотъ шутовской санъ на дядьку и перваго воспитателя своего — Никиту Моисеевича Зотова.

Зотовъ былъ человѣкъ въполнѣ ему преданный. Служебное его положеніе состояло въ томъ, что онъ былъ начальникомъ ближней, походной канцеляріи государя и именовался: „Ближней совѣтникъ и ближней канцеляріи генераль-президентъ“. Старый опытный излагатель царской воли — Зотовъ далеко не пользовался такимъ значеніемъ, какъ молодой кабинетъ-секретарь Макаровъ, и былъ сановникъ уна недалшняго. Досуги отъ возложенныхъ на него должностей Зотовъ „со всеусердіемъ“ посвящалъ „служенію Бахусу и честному

обхожденію съ крѣпкими напѣтками"; этою особенностью своего характера „тайный совѣтникъ“ Зотовъ приобрѣлъ званіе князь-наин, т. е. главы самыхъ отборныхъ пьяницъ и обжоръ.

Уже въ 1690-хъ годахъ государь въ письмахъ своихъ зачастую посылаетъ поклоны „всешутѣйшему“, и всешутѣйшій рано начинаетъ „благословлять“ одну изъ овецъ своей паствы. „Геру протодіакону П. А. (т. е. Петру Алексѣевичу), пишетъ Зотовъ 23-го февраля 1697 года,—со всею компанією посылаю миръ и благословеніе!“

Титулъ протодіакона, а еще болѣе слѣдующее письмо Зотова показываетъ, что уже въ эти годы „соборъ всешутѣйшаго“ сформировался и получилъ тотъ видъ и назначеніе, которые не измѣнились до конца дней одного за другимъ опочившихъ отъ многопїтїя членовъ „шумнаго собора“.

„23-го февраля 1697 года. Нашего смиренїя сослужителю, геру протодіакону П. А. со всею компанією о Господѣ здравствовать! Благодарствую вашей любви за возвышеніе путешествїя вашего (за границей) при добромъ здравїи (о чемъ увѣдомленъ отъ азовскаго владыки), и впредь о семъ намъ вѣдомо чините. Зѣло удивляемся вашей дерзости, что изгнанную нашу рабыню, т. е. масляницу, за товарища приняли, не взявъ у насъ о томъ свободн; только вѣдайте: есть при ней иные товарищи Ивашка (т. е. пьянство) и Еремка (распутство), и вы отъ нихъ опаситесь, чтобъ они васъ отъ дѣла не отволокли; а мы ихъ дружбу знаемъ больше вашего. Сего числа поѣхали къ вамъ иподдіаконы Готовцевъ и Бехтѣевъ, съ которыми набазано отъ насъ подати вамъ словесно миръ и благословеніе; а масляницу и товарищевъ ея отлучати: понеже при трудѣхъ такіе товарищи непотребны; а къ симъ посланнымъ нашимъ иподдіаконамъ будьте благопрїятны. При семъ миръ Божїи да будетъ съ вами, а нашего смиренїя благословеніе съ вами есть и будетъ. Smirenni Anikit власною рукою“.

Съ этого времени переписка смиреннаго Никиты съ Петромъ, не всегда смиреннѣе, велась болѣею частію въ одномъ и томъ-же родѣ, въ одномъ и томъ-же тонѣ; самыя остроты всешутѣйшаго зачастую цѣлкомъ повторялись въ письмахъ различныхъ годовъ. Изъ нихъ видно, что годъ отъ году іерархїя всепьянѣйшаго увеличивалась новыми чинами; онъ имѣлъ достойныхъ сотоварищевъ; достойнѣйшіе изъ нихъ носили званіе „владыкъ“ различныхъ городовъ; ихъ окружали протодіаконы, діаконы и прочіе мелкіе чины...

Занятый въ обыкновенные дни различными дѣлами, всешутѣйшій соборъ только въ праздники и въ особенно торжественные дни являлся въ полномъ своемъ блескѣ.

Такъ, напримѣръ, въ извѣстной свадьбѣ царскаго шута, Шанскаго, въ 1702 году, соборъ былъ въ полномъ сборѣ. Свадьба совершена была съ выполненіемъ мельчайшихъ обычаевъ старины; опаивали между прочимъ горячимъ виномъ, пивомъ и медомъ съ неотступными просьбами и поклонами. „Ваши предки, шутилъ Петръ, обращаясь къ поборникамъ старины, употребляли эти напитки, а старинные обычаи всегда лучше новыхъ“ и т. п. ¹⁾).

Главные роли въ сатирическомъ спектаклѣ Петръ предоставилъ князю Ромодановскому и Никитѣ Зотову. Первый былъ въ одѣяніи

¹⁾ Исторія Петра I, изд. въ Венеціи, переводъ въ Спб., ч. I, л. 263. Въ моей библіотекѣ есть современная интересная гравюра, изображающая эту свадьбу. На ней изображенъ пиръ въ большой двухъ свѣтлой залѣ, съ восемью зеркалами, большою люстрой посреди, изразцовою печкою въ лѣвомъ углу и большимъ образомъ распатія въ правомъ. Десять столовъ уставлены въ четыре линіи покоемъ; за отдѣльными столами на возвышеніи, въ глубинѣ зала, сидятъ именитѣйшія лица. Каждый столъ пронумерованъ и внизу, подѣ соотвѣтствующимъ номеромъ, мы находимъ слѣдующія объясненія: „Описаніе свадьбы остроумнѣйшаго Теофилакта Шанскаго, который державнѣйшаго великаго монарха многоушнѣйшій шутъ, смѣхотворецъ; бывшей (т. е. свадьбы) 1702 г., февраля въ 1-й день, въ палатѣ бывшаго господина генерала Франца Лефорта: 1) Столъ, при которомъ сидятъ въ облаченіи, подобно монархескаго, князь Федоръ Юрьевичъ Ромодановскій, Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ. При нихъ же (съ лѣвой стороны), въ видѣ патріарха, Никита Моисѣевичъ Зотовъ. 2) При семъ столѣ: новобрачный Теофилактъ Шанскій. Царевичи Сибирскій, Касимовскій, да Тихоха. 3) При семъ столѣ ближніе бояра, гетманъ, офицеры морскіе и земные, между которыми и самодержавнѣйшій монархъ. 4) Гдѣ сидятъ иностранцы торговые. 5) Гдѣ сидятъ окольнічіе, думные дворяне и дѣяки. 6) Гдѣ сидятъ дѣяки, гости и нѣмцы торговыхъ чиновъ люди. 7) Гдѣ сидятъ разныхъ чиновъ люди. 8) Гдѣ сидятъ дворовые люди. 9) Среди палаты пѣвчіе державнѣйшаго государя поютъ. 10) Поставъ съ серебрянной и золотой посудой“.

Ширующихъ насчитывается болѣе 300 фигуръ съ прислугой, которая суетливо подаетъ кушанье. Фигуры сдѣланы очень грубо, — за портретнымъ сходствомъ художникъ не гнался; но строгій исторической истины событія, представилъ почти всѣхъ въ монашескихъ платьяхъ, съ капишонами, откинутыми назадъ, но безъ клобуковъ. Столы покрыты астами, высокими кубками съ виномъ и громадными канделябрами съ зажженными свѣчами; на первомъ планѣ можно отличить какую-то, должно-быть, важную особу, которая нещадно деретъ за волосы брата-послушника — слугу, вѣроятно за нерасторопность. Женихъ-карикѣ чинно сидитъ за столомъ на правой сторонѣ, какъ объяснено подѣ вторымъ номеромъ.

Петръ I, устраивая это забавное торжество всенародно, въ то же время

русского царя XVII вѣка, послѣдній—въ облаченіи патріарха ¹⁾. Это сопоставленіе двухъ именитыхъ лицъ въ двухъ различныхъ релияхъ вполне подтверждаетъ намъ, что титулъ князь-кесаря былъ приданъ Ромодановскому не столько изъ уваженія, какъ это утверждаютъ позднѣйшіе писатели, сколько изъ шутовства, ради насмѣшки; но съ княземъ шутить было опасно, сѣяться надъ его званіемъ и разсуждать о его значеніи мало кто рѣшался, и вотъ почему въ письмахъ, реляціяхъ и всевозможныхъ форменныхъ бумагахъ, либо о немъ, либо къ нему писанныхъ, мы нигдѣ не видимъ какой-либо остроты надъ его званіемъ, и только два-три слова, да общій тонъ нѣкоторыхъ къ нему писемъ Петра разоблачаютъ предъ нами настоящее значеніе сего званія.

Что касается до Зотова, то къ нему относились смѣлѣе; царскіе любимцы позволяли себѣ иногда шутить надъ нимъ, хотя не безъ риска, ибо, если въ вѣдѣніи Зотова не было застѣнка, въ рукахъ кнута, а на дворѣ медвѣдей, готовыхъ, по мановенію господина, помять дерзкаго (какъ это было при Ромодановскомъ) ²⁾, то за нимъ была власть опонть или не опонть лицу, его прогнѣвившему.

Вотъ что разсказываетъ по этому поводу Неплюевъ, хорошо знавшій Зотова. Полковникъ Блекный имѣлъ съ князь-папой тяжбу, рѣшалась она въ сенатѣ. Блекный былъ правъ; Яковъ Долгоруковъ общалъ ему свое содѣйствіе, но, вопреки данному имъ слову, Блекный былъ обвиненъ, и между прочими сенаторами, подписавшими неправый приговоръ, былъ Яковъ Долгоруковъ. Это обстоятельство поразило Блеклаго. Онъ съ негодованіемъ жаловался всѣмъ и каждому на такой странный поступокъ. „Что ты правъ, то я вновь повторяю, говорилъ Долгоруковъ, и совѣтую подать аппеляцію на сенатское рѣшеніе, а на меня челобитную къ государю“.

Блекный такъ и сдѣлалъ. Государь разсмотрѣлъ тяжбу и нашелъ, что челобитчикъ правъ. Призываютъ кн. Долгорукова. Петръ спрашиваетъ: какъ онъ могъ подписать такое рѣшеніе? „Блекный правъ, а Зотовъ виноватъ, — вновь повторилъ правдивый сенаторъ, —

печатаніемъ гравюры давалъ возможность всѣмъ отдаленнѣйшимъ жителямъ Россіи познакомиться съ юмористической затѣей. Въ соответствии этой гравюры есть другая: шутовской обѣдъ въ другой залъ того же дома женщинъ.

¹⁾ Послѣдній патріархъ Адріанъ скончался незадолго до этого: 16 ноября 1701 года.

²⁾ О пересмѣхъ его ученихъ медвѣдей въ Сиб. въ моихъ бумагахъ есть документъ 1720 г.

но сильная рука Зотова превозмогла; нинѣ наступили святки, а онъ брата моего, по злобѣ на него, уже опомлѣ¹⁾, то если бы я обвинилъ Зотова, мнѣ предстояла бы та же участь. А какъ ты, государь, заключилъ водкобоязливый сановникъ, передѣлаешь и насъ обвинишь, такъ не на кого будетъ и сердиться Зотову“...

Этотъ владѣеа мощнѣй, между прочими титулами, носилъ званіе всесвятѣйшаго. „Мы здѣсь, пишетъ государь въ 1705 г. изъ Митавы къ Головину, великое несчастіе имѣемъ, понеже господинъ Ленингонтъ, яко Нарцисъ отъ Эхо, отъ насъ удаляется. Пожалуй, поклонъ отдай всесвятѣйшему и прочимъ, за котораго благословеніе всѣ до лица земли челомъ колотимъ, или бьемъ“.

Отъ военныхъ бурь, походовъ и непріятностей бивучающей жизни, государь, при первомъ досугѣ, спѣшилъ отдохнуть въ лонѣ любимаго собора; такъ, напримѣръ, въ письмѣ къ Головину изъ Минска, отъ 12-го марта 1706 г., дѣлая распоряженія о присылкѣ въ порубежный городъ Великія Луки желѣзныхъ пушекъ, дробовиковъ, ядеръ и дробей, государь тутъ же отмѣчаетъ: „пожалуй, доложи, паче же побей челомъ, чтобы всесвятѣйшій (Зотовъ) изволилъ конечно къ празднику быть въ Нарву и съ собою взять (владыкъ) Казанскаго и Мусина (Пушкина); тако-жъ изволь имъ придать Гаврилу Меншикова, чтобы скорѣе ѣхали, и конечно къ празднику стали въ Нарву“.

Скучалъ государь безъ собора, скучалъ и соборъ, въ лицѣ своихъ шуточныхъ представителей; безъ шумнѣйшаго протодіакона.

„Прелюбезнѣйшему сыну нашему и сослужителю нашей мѣрности, протодіакону Петру, миръ и благословеніе, и молитвы наши да будутъ съ вами!—такъ писалъ Петръ Бутурлинъ государю.

„Понеже мы веселимся въ Санетъ питербургъ, однако-же мы имѣемъ печаль великую, что вашу святость не имѣемъ при себѣ въ милости, а коли-бъ милость ваша и святость нашей епархіи была персона при насъ, велие-бы веселіе.

„Пожалуй, отдай благословеніе отъ меня всешутѣйшему Кирь... Никитѣ пресбургскому²⁾, за лускому отъ великихъ Мытищъ и до... патріарху и всему сумасбродному собору.

¹⁾ Дѣянія Петра I-го, изд. 1843 г., т. XV, стр. 124—125.

²⁾ Пресбургъ, бывшій въ 1691 году столицей градомъ Ромодановскаго, былъ не что иное, какъ земляное укрѣпленіе, сооруженное Петромъ близъ Преображенскаго села, подъ Москвою, для его юношескихъ военныхъ потребъ.

„Смиренный, царствующее и великого града Санктъ-петербурга, нжерской и кроншлотской Ингерманланди, митрополитъ Петро... благословеніе носилаю“.

(На оборотѣ: господину протодіакону Петру Михайлову).

Петербургскимъ владникомъ съ 1706 до 1717 года былъ Петръ Ивановичъ Бутурлинъ († 23 авг. 1723 г.). Этотъ сановитый и престарѣлый бояринъ принадлежалъ къ одной изъ древнѣйшихъ и именитѣйшихъ фамилій въ Россіи. Его близкій родственникъ, Петръ Васильевичъ Бутурлинъ, женатый на Анисѣ Михайловнѣ Самаринѣ, былъ окольничьимъ († 1716 г.), братъ палъ въ 1708 г. въ сраженіи подъ Лѣснымъ, въ чинѣ капитана гвардіи; его родные племянники были любимцы Великаго Петра: изъ нихъ Иванъ Ивановичъ, генералъ-аншефъ и гвардіи подполковникъ, заявилъ себя какъ искусный военачальникъ и суровый членъ разскихъ дѣлъ тайной канцеляріи; другой, Александръ Борисовичъ — красивый, расторопный денщикъ Петра, приближенное лицо къ цесаревнѣ Елисаветѣ, былъ впоследствии графъ, фельдмаршалъ и противникъ Фридриха Великаго. Двадцать девять Бутурлиныхъ въ 1699 году были богатыми помѣщиками.

Итакъ, на сторонѣ Петра Ивановича Бутурлина были: знатность рода, богатство, большія связи — и все это не спасло его, какъ жаркаго поклонника Бахуса, отъ ближайшаго участія въ „всепьянѣйшемъ соборѣ“; да и не видать, чтобы онъ тяготился своимъ избраніемъ; напротивъ, изъ его писемъ видно полное довольство. Рано начавъ службу въ свитѣ всешутѣйшаго, онъ довольно быстро подвигался по іерархической лѣстницѣ шутовскихъ чиновъ. Мы встрѣчаемъ его въ 1702 году на потѣшной свадьбѣ князя Шанскаго; встрѣчаемъ здѣсь и супругу его въ костюмѣ русской царицы стараго времени ¹⁾; затѣмъ ни одно торжество, т. е. ни одно пьенство не обходится безъ его участія. Съ основаніемъ Петербурга государь далъ ему большее назначеніе, сдѣлавъ его, впрочемъ отъ лица собора и предсѣдателя, „владыкой“ новаго города. Въ Петербургѣ Петръ Ивановичъ Бутурлинъ окружилъ себя новыми членами: то были, по большей части, лица знатныя — по происхожденію, бо-

¹⁾ Эта шутиха-царица со всѣмъ синклитомъ женскимъ изображена, по повелѣнію цара Петра, на особой большой гравюрѣ, 1702 г. См. прилѣт. кнѣже.

татны—по состоянію, вѣчно пьяные — по душевной склонности и царскому назначенію.

Чадолюбивый пастырь довольно часто извѣщалъ государя о себѣ и о своемъ соборѣ.

„Сыну нашему и сослужителю, любезнѣйшему протодьякону Петру, миръ и благословеніе, и молитвы наши да будутъ съ вами!

„Понеже мы просимъ васъ, дабы приказали отписать о своей святости до насъ, чего желаемъ повсѣчасно слышать, повторяе просимъ отдать отъ насъ поклонъ брату моему, всешутѣйшему князь-папѣ и духовнику Козиѣ, архидьякону Гедеему и всему шумному собору. При семъ азъ, смиренный, царствующаго и великаго града Санктъ-Петербурха, митрополитъ Петро... благословеніе посылаю. Изъ Санктъ-Петербурха, дня 19-го іюля“ (годъ не означенъ).

Государь милостиво отвѣчалъ Бутурлину, и тотъ спѣшилъ благодарить за вниманіе, при чемъ давалъ отчетъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ, не совсѣмъ для насъ понятныхъ, такъ какъ мы не отыскали еще всей коллекціи его писемъ:

„Сыну и сослужителю нашей мѣрности, протодьякону Петру, миръ и благословеніе и молитвы мои да будутъ вамъ!

„Благодарство за твое писаніе, изъ котораго выразумѣли, что скорое къ намъ пришествіе твое не будетъ; о семъ много имѣю печаль. Разумѣю же, что нѣсть вашего желанія къ намъ; причину показуешь намъ непріятнаго сосѣда (Карла XII), могъ бы, ваша милость, чрезъ другихъ удовольствовать сосѣду возданіе за его дѣло. Мы же долготерпѣливы суще, еще никакого на кельи, и сады, и фонтанахъ (нападенія) не учинимъ. Аще ли же не имѣете нужды, коя бы возбранила прибытію къ нимъ, то сотворимъ, еже писахъ въ первомъ писмѣ; алеутовыхъ внучатахъ, по прошенію ризничаго, учинимъ (†).

„Прошу вашего велебность, господине протодьяконъ, буди помощникъ и заступникъ, и обо мнѣ челобитчикъ всешутѣйшему патриарху, которой крестьянинъ мой сбѣжалъ и получилъ монашескій чинъ, а нынѣ уже митрополитъ Казанской¹⁾, прошу дабы по правилу отданъ былъ во крестьянство по прежнему. Смиренный Пе-

¹⁾ Эта просьба была не болѣе какъ шутка, а владыка Казанскій—ни кто иной, какъ одинъ изъ подчиненныхъ Бутурлину, членъ сиб. пѣнаго собора.

тро... Ижерской и Санкѣнтербургской. Съ Москвы января въ 5 д. 1709 года^а.

Годъ, означенный на посланиі, краснорѣчиво указываетъ на то, что даже во время войны съ Карломъ XII, въ борьбѣ тяжелой и упорной, когда всей Россіи грозила большая опасность, Петръ не мѣнялъ своему характеру.

Почти стоя предъ врагомъ, онъ обращаетъ взоръ къ пьянымъ отцамъ, отвѣчаетъ на ихъ письма и весело пробѣгаетъ ихъ курьерскими посланіями. Отвѣчать однако на нихъ часто не позволяло время, не позволяли тяжкіе труды; тогда Петръ Ивановичъ Бутурлинъ, пародируя напскія отлученія отъ церкви, посылалъ Петру за его молчаніе грозную грамоту:

„Отъ прешутѣйшаго и отъ пьянѣйшаго, отъ Петру... митрополита великаго царствующаго града Санктпетербурха и Эрмоландін, и всѣхъ принадлежащихъ городовъ, любезнѣйшему нашему сыну и сослужителю нашей мѣрности, протодьякону Петру, миръ и благословеніе наше есть и будетъ съ вами! Послана отъ насъ къ вамъ грамота и по той грамотѣ мы отъ васъ письма не получили, и за то отрѣшаемъ васъ отъ шумства и отъ кабаковъ, дабы не ходить. А объ насъ изволишь вѣдать, и ны въ частныхъ трудахъ во всеишней пребываемъ; а паче печалимся, что васъ при себѣ не имѣемъ. Пожалуй, отдай поклонъ брату моему меньшому всешутѣйшему Кпръ... князь-папѣ Анникѣ и духовнику Козмѣ, и архидіакону Гедееону, и дьякономъ Александру, и Кіевскому Гаврилу, и Санкт-Петербургскому дьякону Василью. При семъ смиренный царствующаго и великаго града митрополитъ Петро... и со служителями, миръ и благословеніе посплаю. Сентября въ 20-й день“.

Грамота отлучительная скрѣплена красною вензелевою печатью и для полноты шутки писана на большомъ листѣ.

Случалось (да и не рѣдко) петербургскому владыкѣ провиниться; тогда онъ просилъ у „отлученнаго“ прощенія и заступничества, причеиъ облакалъ свою просьбу въ грубую форму тогдашней юмористики.

„1708-го февраля въ 15 день. Преосвященный Петро..., карчага провинился въ томъ, что противъ своего обѣщанія, уже въ другой рядъ занялъ дворъ, противъ указу, и нынѣ въ томъ проситъ прощенія, съ такимъ закладомъ: ежели пакы также провинится, то отдастъ онъ въ послуженіе, на нѣсколько времени, во

всякую волю жену свою Акинью Михайловну¹⁾), которую предъ тѣмъ въ крайнемъ угожденіи имѣлъ околничей Иванъ Ивановичъ Чаадаевъ, не смотря на то, что она ему невѣска была. Петръ Бутурлинъ“.

„Нашия высокопочтенныя мѣрности: сыну и сослужителю, священно-протодіакону, всероссійскому императору, непобѣдимому Августу, великому государю, царю Петру Алексѣевичу и всему его христіанскому воинству, обонихъ путей, какъ преславному флоту морскому, такъ и сухопутной арміи, отъ всемогущаго Бога, міра, здравія многолѣтнаго, со приумноженіемъ всякихъ благъ, всеусердно желаемъ, и наше благословеніе преподаемъ.

„Сего настоящаго сентября 21-го дня, отъ вашего величества, за подписаніемъ собственныя вашей руки, получили мы писаніе, и отъѣнное намъ неизреченныя радости о благополучной побѣдѣ на враговъ и о взятіи преславнаго града Абова, со всею финскою провинціею; о чемъ радостными душами Господа Бога молимъ, дабы и впредь оружіе ваше благословилъ, и на враги ваша побѣду даровалъ; и сею викторіею васъ поздравляемъ.

„А отъ великія радости, за преумножительныя ваши воинственныя труды, кую вамъ хвалу принесемъ? понеже ваше дѣло превосходитъ всякаго разума; но токмо едино совокупно со святою церковію, еже поютъ въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, и нынѣ торжествуемъ днесь спасеніе міру, яко всероссійскому народу, воскреси Христосъ, и нынѣ даруетъ всякихъ благъ исполненіе свободное и отъ враговъ нашихъ безстрашное житіе.

¹⁾ П. И. Бутурлинъ женатъ былъ въслѣдствіи на графинѣ Аннѣ Ермѣевнѣ Зотовой, рожденной Пашковой (Род. кн., ч. 2, стр. 158); но кто была упомянутая здѣсь Акинья Михайловна, была-ли она первая жена Бутурлина, или онъ въ шутку ее называетъ женой — неизвѣстно. Нашъ вопросъ (1861 и 1872 гг.) получилъ отвѣтъ въ томъ же 1872 г. отъ Петра Федоровича Самарина; Акинья Михайловна Самарина была замужемъ за околничьимъ Петромъ Васильевичемъ Бутурлинымъ († 1716 г.). Близъ-пана въ шутку называлъ Акинью Михайловну своею женою. „Аристократка“—Акинья Михайловна грамоты однако не знала; въ первомъ бракѣ она была замужемъ за Ив. Ив. Чаадаевымъ. См. „Русскую Старину“ изд. 1872 г., т. VI, стр. 559—560.

„При семъ просимъ и благонадежно ваше величество, и все воинство поимъ, для сей великой радости сотворите, яко же и мы сотворихомъ, чашу спасенія душевнаго и тѣлеснаго прїимите и имя Господне призовите; потомъ, утѣшенія ради, употребите по немалой красовулѣ отъ прилучившагося питія, и нашего смиренія не забывайте. За сіе и пакы, благодаря Господа Бога, миръ и благословеніе всѣмъ вамъ преподаемъ. Smirenni Anikit, властною рукою“.

„Изъ Москвы, сентября 22-го дня, 1713 г.“.

На оборотѣ: „Всемилоств. государю, его царскому величеству“.

Читатель приведенныхъ документовъ, можетъ быть, замѣтитъ, что въ нихъ не видать собственно петровскаго юмора; всѣ эти письма не его руки, не его сочиненія; такъ, но они писаны въ духѣ и тонѣ Петровомъ, и, какъ ниже увидимъ, нѣтъ ни нагѣйшаго сомнѣнія, что первоначальная форма посланій Бутурлина и графа (съ 1710 г.) Зотова съ товарищи указана самимъ Петромъ; такъ по крайней мѣрѣ мы имѣемъ право думать, имѣя предъ собой цѣлый рядъ шуточныхъ объявленій и посланій, которыя составлялись отъ лица князь-папы, но всегда съ черновыхъ, собственноручныхъ писемъ великаго государя.

Кромѣ того, одинъ взглядъ на письма Бутурлина достаточно показываетъ, что ихъ изложеніе, манера писавшихъ, вступленіе и заключеніе есть ни что иное, какъ пародія на русско-старинныя грамоты, разсылавшіяся отъ различныхъ лицъ; подобную форму писемъ Бутурлинъ съ товарищи не иначе могли взять, какъ по указанію, либо изъ угожденія государю.

А юморъ Петра проявлялся не въ одной только перепискѣ. Онъ заявлялъ себя въ поступкахъ громадныхъ и всенародныхъ. Къ числу подобныхъ проявленій Петрова юмора мы относимъ свадьбу князь-папы.

Къ этой свадьбѣ подавъ поводъ старикъ графъ Зотовъ тѣмъ, что вздумалъ отпроситься въ Москву съ цѣлію поступить въ монастырь. Петръ, вмѣсто этого, указалъ ему въ Москвѣ выбрать жену, — 70-ти лѣтній старикъ былъ вдовъ. „Генералу-президенту Ближней канцеляріи“ и верховному жрецу Бахуса любо показалось это предложеніе, и онъ поспѣшилъ обратиться къ государю съ слѣдующимъ письмомъ:

„Премногомилостивый государь, царь Петръ Алексѣевичъ! Доношу вашему величеству, яко самому Богу: получилъ я отъ вашихъ государскихъ устъ изволеніе ваше со утвержденіемъ истиннымъ, что въ монастырь меня отпускать и монахомъ быть не изволите; а указалъ мнѣ, для домоваго осмотра, мнѣ въ супружествѣ жену, избравъ добрую, средовѣчную, дабы старость мою поконла; и нынѣ, по вашему царскому милостивому призрѣнію, для покоя старости моеи, указано мнѣ пожить на Москвѣ до зимняго пути, а если, государь, въ сихъ числахъ обратится жена, къ супружеству моему годная, позволъ, милостивый нашъ государь, мнѣ здѣсь въ Москвѣ супружество принять не разглашательное, и отъ разбивки злыхъ челоуѣкъ петербургскимъ жителямъ сокровенное; а въредъ, государь, мнѣ къ тому такого удобнаго времени не получить; а въ прїѣздѣ, государь, нашемъ въ Петербургъ, какую изволишь для увеселенія вашего государскаго пубliku учинить, то радостною охотою васъ, государя, тѣшить готовъ, только-бъ бабу супружествомъ изъ Москвы уволочъ, а безъ того никакая вдова съ женихомъ безъ супружества ѣхать не похочетъ, по замерзѣлому своему стыду.

„Сіе все да будетъ въ волѣ вашей государской, о семъ прошу вашего царскаго милостиваго извѣстія. При семъ благонадежно пребываю, и миръ и благословеніе вамъ преподаю. Smirenniy Anikit, властною рукою“.

„Изъ Москвы, октября 2-го дня 1718 г.“

„Пожалуй, государь, прикажи сына моего Конона отпустить къ Москвѣ для свиданія съ братомъ его, Иваномъ, на одрѣ смертномъ лежаща, также и платишникомъ обносился, дабы вновь что сдѣлать, и чтобъ меня засталъ на Москвѣ“.

На оборотѣ: „Великому государю, его царскому величеству“.

Свадьба была совершена въ 1715 году; мы не станемъ передавать ея подробностей, такъ какъ у Голикова напечатано довольно обстоятельное ея описаніе ¹⁾; но нельзя не упомянуть объ этой интересной церемоніи.

¹⁾ Дѣянія Петра, изд. 1848 г., т. VI, стр. 277—290. Мы сочли не безъ интереснымъ перепечатать въ прилож. (№ 1) разсказъ Голикова, основанный на подлинныхъ документахъ.

Приготовленія къ ней начались еще въ сентябрѣ 1714 года.... Но здѣсь необходимо остановиться на слѣдующемъ характерномъ эпизодѣ. У Зотова отъ перваго брака были дѣти; изъ нихъ старшій сынъ, Кононъ Никитичъ, съ отличіемъ служилъ капитанъ-лейтенантомъ и исполнялъ многія важныя порученія государя. Свѣдавъ про предстоявшую шутовскую свадьбу отца, Кононъ Зотовъ глубоко огорчился. Устрашила-ли его мысль, что отъ новаго брака могутъ быть дѣти, которыя оттѣснятъ его и брата Ивана отъ отцовскаго наслѣдства; быть можетъ обидѣло его и поруганіе, на которое, впрочемъ, мы какъ видѣли, самъ старикъ Зотовъ напрашивался. Какъ бы то ни было, но Кононъ Никитичъ ударилъ государю слѣдующимъ челобитнымъ:

Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій! Смѣлости иже приѣмлю въ приношеніи сего, не есть иная причина, только единое упованіе въ премилостивое призрѣніе вашего величества, яко суще образъ Божій, виднѣи его неизмѣнно свѣтащася божескими добродѣтелями.

„Умилосердись, государь! предвари искушенію діавольскому, и хотящей намъ быти наглою напасти: подлѣжитъ убо сіе вашей премудрости и милости. Такниъ-ли вѣнцомъ пристонѣтъ короновать конецъ своей жизни, яко нынѣ приведенъ отецъ мой чрезъ искушеніе! Смѣло называю искушеніемъ, понеже премудрость Соломонова таковыми гнушается, написавши, яко трехъ вещей возсмердѣ его совѣсти, изъ нихъ же гнуснѣйшее бысть предъ нимъ старыхъ прелюбодѣйство, суще умаленныхъ смыслу. По сей нункѣ отдаю послѣдній мой синозской долгъ, душевнымъ плачемъ моли ваше величество, дабы изволеніе ваше причинствовало его совѣсти умному о себѣ расположенію.

„А что я вѣнчаю себѣ въ напасть, и то есть, что онъ такъ долго не можетъ жить, какъ бы еще могъ безъ сей женитьбы продлить свою жизнь. Я въ его здоровьѣ оной (начихъ) весьма не вѣрю, но чаю, что, польстѣ себя наслѣдствомъ по смерти его всего, получить свободу, какъ можно будетъ радѣть; есть бо противъ натуры желающему съ недовольствуемымъ жить: крайняя же моя погибель, что я отъ него ничего не имѣю, во опредѣленіе къ моей грядущей въ службѣ вашей жизни; конечно еще я вѣрю, что она для того идетъ въ замужество, чтобъ ей насъ, дѣтей его, лишить отъ Бога и отъ васъ, государя, достойнаго намъ наслѣдства, которыми вы удостоили отца нашего, чая по немъ отъ насъ заслуги;

для покоя старости его довольно будетъ, если укажетъ ваше величество брату моему, Ивану, быть при немъ, который такъ долгое время за его же волю коснѣлъ, и милости вашей былъ удаленъ; однако нынѣ, изволить говорить намъ отецъ нашъ: „я бы и радъ отречься моею женитьбы; но не смѣю царское величество прогнѣвать, столько-де стариковъ собрано для меня, и платья надѣлано“. Все сіе разсудя, помилуй и его старость, и насъ сиротъ, которыхъ такъ долгое время изволилъ имѣть подъ своимъ кровомъ, хотя нынѣ одинъ изъ насъ и обнесетъ предъ вашимъ величествомъ, что надлежитъ до его настоящаго дѣла; понеже въ прочемъ предъ Богомъ и предъ вами, кто постоятъ или оправданъ можетъ быть, аще вся беззаконія наша назрите. А когда уже сему положено быть непремѣнно, то можешь показать Богоподобное милосердіе, приказать отцу нашему закрѣпить старую духовную, и пункты къ нашему равнораздѣленному и безвраждебному житію. Онъ изволить говорить, что „я-де васъ не оставлю“, однако тому не вѣримъ, ибо онъ же говорилъ: „когда-де вы чрезъ волю мою по своему желанію производитесь, то вамъ такова чорта на шею навязу, что вы своему животу не будете рады“.

„Я надѣюсь, что ваше величество не въ той образъ нашу фамилію милостиво призрѣлъ, дабы мы отъ пришедшія внезапно утѣшенны и разорены были. А сію прискорбность держалъ на сердцѣ моемъ такъ долго, какъ могъ, не хотя быть въ лицѣ навѣтчиковъ отцу моему, а нынѣ крайняя нужда и видная напасть принуждаетъ тако дерзать предъ вашимъ величествомъ прямою совѣстію, яко предъ самимъ Богомъ, усмотрѣвая весьма, что онъ женится нарочно для особливаго, намъ невѣдомаго его (аще и неповинны), немилосердія. Не прогнѣвайся, государь, что такъ дерзнулъ трудить ваше величество; помниси, государь, яко кѣждо имать ожидать милосердіе отъ трехъ, отъ Бога, отъ царя, и отъ отца. Нынѣ отецъ меня, близко того, что оставляетъ; вы, государь, призрите, хотя и не заслужилъ вашего милосердія, но помилуй яко Богоподражательный царь. Его-жъ величества есмь вѣчный рабъ Кононъ Зотовъ“.

„Спб., 14 января 1715 года“.

Слезное моленіе Конона Зотова осталось неслышаннымъ. Приготовленія къ свадьбѣ продолжались безостановочно.

Еще въ декабрѣ государь сдѣлалъ смотръ всѣмъ лицамъ, назначеннымъ въ свадебный наскарадъ, т. е. осматривалъ ихъ курьезныя

платья, экипажи и проч. Все до послѣдней мелочи было назначено самимъ Петромъ; по его повелѣнію, именитѣйшія лица, начиная съ его супруги до послѣдняго денщика, всѣ должны были принять участіе въ потѣхѣ. Въ рукахъ у каждаго былъ какой-нибудь инструментъ: гудокъ, балабайка, мѣдныя тарелки, колокольчики, скрипицы, собачьи свистки, охотничьи дудочки, органы, трещотки, нузыри съ горохомъ и т. п. Въ числѣ „даскихъ персонъ“ былъ „архіерейша“ Бутурлина въ нагольной шубѣ и лѣтникѣ; князь-игуменья Ржевская—въ шубѣ и тѣлогрѣѣ. Приглашеніе гостей предоставлено было отборѣйшимъ замкамъ и совершалось по особому объявленію, составленному самимъ Петромъ. Въ этомъ документѣ¹⁾ много юмору; но большая часть саркастическихъ выходовъ теперь непонятна, такъ какъ неизвѣстны лица, противъ которыхъ онѣ направлены.

Молодые только по роли, а не по возрасту, были обѣнчаны въ Архангельскомъ соборѣ девятистолѣтнимъ священникомъ. Въ храмъ и изъ храма процессія шла съ нузкою; къ дикимъ звукамъ свистковъ, гудковъ, тарелокъ и т. п. инструментовъ присоединялся колокольный звонъ всѣхъ церквей. Почти весь январь 1715 года проведенъ былъ въ пиршествахъ, въ церемоніальныхъ прогулкахъ по улицамъ столицы, въ выполненіи всевозможныхъ свѣшныхъ церемоній, на изобрѣтеніе которыхъ Петръ I былъ неистощимъ. Безчисленныя толпы народа тѣснились по улицамъ и площадямъ московскимъ; чернь, щедро угощаемая виномъ да пивомъ, по словамъ Голицева: „только уважавшая достоинство патріарха, въ сіи дни съ великимъ смѣхомъ забавлялась насчетъ онаго“ (Изд. 1843 г., т. VI, стр. 289).

Если-бъ можно было перенестись въ эту толпу, побродить между зрителями, мы бы слышали, безъ сомнѣнія, не одинъ смѣхъ, не одно глумленіе. Нѣтъ! русскій простолюдинъ не могъ такъ скоро оторваться отъ заветныхъ преданій, не могъ такъ быстро отказаться отъ привычнаго уваженія патріарха, чтобы сочувствовать странной и не совсѣмъ понятной насмѣшкѣ надъ нимъ; были, вѣроятно, и въ толпѣ такія лица, которыя съ затаеннымъ недовольствомъ и ропотомъ смотрѣли на таковыя шутки. Но высказывать недовольство

¹⁾ См. въ приложеніи № 1. Голицевъ ошибочно говоритъ, что князь-наша, приглашенный на свадьбу, былъ Бутурлинъ. Бутурлинъ, какъ увидимъ ниже, возведенъ въ это званіе въ концѣ 1717 года, а до этого года, какъ самъ же Голицевъ на стр. 373 правильно указываетъ, Бутурлинъ именовался с.-истербургскимъ архіереемъ.

было дѣломъ щекотливымъ: каждый берегъ и спину, и голову, хулили и роптали одинъ на одинъ, за замкомъ, робко озираясь, нѣтъ ли извѣтчика; здѣсь же на улицахъ все покрывалось общимъ крикомъ пьянѣвшихъ изъ пьяныхъ: „Патріархъ женился! Патріархъ женился!“ Новыя ковши вина и пива придавали еще болѣе восторженности, и лишь только одинъ возгласъ замиралъ, какъ раздавался новый крикъ: „Патріархъ женился! да здравствуетъ патріархъ съ патріаршей“ ¹⁾). И возгласъ народа, подобно волнамъ морскимъ, переливаясь отъ толпы до толпы, долго не замолкалъ въ столицѣ россійскаго государства!.... ²⁾).

II.

Чинъ избиранія.

Въ концѣ 1717 года было зрѣлище не столь публичное, но не менѣе интересное: то были избраніе и поставленіе новаго князь-папы, на мѣсто умершаго Зотова ³⁾).

Прежде всего для насъ въ высшей степени важно время, въ кото-

¹⁾ Дѣянія Петра Великаго, т. VI, стр. 289.

²⁾ Приведа въ приложеніи подробный і азскаъ Голікова о свадьбѣ князь-папы и сужденія того-же писателя, основанныя на разсказахъ современниковъ, о причинахъ и цѣли этой потѣхи, считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе читателей на отзывъ о той же забавѣ историка Соловьева: „Свадьба Зотова заслужила особенное вниманіе: одни вооружаются противъ неприличія этого торжества, другіе стараются оправдать его, и вообще хотятъ видѣть здѣсь насмѣшку надъ патріаршествомъ, желаніе унижить санъ, который хотѣлось уничтожить. Но мы знаемъ, что это была просто игра въ короли, папы и патріархи,—игра, понятная при тогдашнемъ состояніи юнаго общества. Зотовъ назывался Кокуйскимъ патріархомъ еще тогда, когда настоящій патріархъ былъ въ Москвѣ, когда, по всѣмъ вѣроятностямъ, не западала еще мысль объ уничтоженіи патріаршества; теперь этотъ Кокуйскій шутовской патріархъ задумалъ жениться, и свадьбу его отпраздновали приличнымъ его званію образомъ. Если предположить, что Петръ хотѣлъ посмѣяться надъ патріаршествомъ, то надобно предположить, что онъ хотѣлъ посмѣяться и надъ своею собственною царскою властью, потому что у него былъ и шутовской пресбургскій король, впоследствии кесарь; со смертію старика Зотова шутовское патріаршество упразднилось, но остался князь-папа въ соотвѣтствіе князю-кесарю „Исторія Россіи въ эпоху преобразованія“, С. Соловьева, М., 1866 г., т. IV, стр. 284).

³⁾ Зотовъ женился въ потѣшной свадьбѣ Аннѣ Еремеевнѣ, рожденной Пашковой, въ первомъ замужствѣ за капитаномъ-поручикомъ Стремоуховымъ. Предчувствія Комова Никитича—о томъ, что у него съ братьями явится разладъ съ мачихой—оправдались. По смерти его отца, сенатъ присудилъ вдовѣ—

рое совершилось это торжество: то былъ декабрь мѣсяцъ 1717 года¹⁾. Государь въ лихорадочномъ нетерпѣніи ждалъ первенца-сына; царевича уже захватили сыщики, его везли въ отчину, для него готовилась роковая встрѣча. Страшась упустить жертву, Петръ посылалъ письмо за письмомъ, то къ царевичу, то къ Толстому и Румянцеву; первому посылалъ прощенья, позволялъ жениться на крѣпостной дѣвицѣ Ефросинѣ Ѳеодоровнѣ; послѣднихъ же вслѣски торопилъ привозомъ сына. И въ эту-то эпоху, въ виду безконечныхъ пытокъ и казней московскихъ, суздальскихъ, преображенскихъ, петербургскихъ, Петръ находитъ досугъ и списываетъ цѣлые листы бойко-юмористическими предписаніями о порядкѣ предстоящаго избранія и поставленія новаго князь-папы. Черновые списки перебиваются; онъ просматриваетъ и выправляетъ переписанное, затѣмъ на новомъ спискѣ дѣлаетъ новыя поправки; такимъ образомъ по три, да по четыре раза переправлена и переѣлана имъ почти каждая записка, относящаяся до всепьянѣйшаго собора.

Избраніе новаго главы началось просьбой собора къ князь-кесарю:

„Великій Г. К. Ц. ния. Извѣстно в. в., пишетъ Петръ отъ лица собора, что отецъ вашъ и богомолецъ²⁾, в. князь-папа, всешутѣйшій Аникит отъ житія сего отъѣде, и насъ, суназброднѣйшій соборъ, остави безглавентъ; того ради, просимъ в. в. призрѣти на вдовствующій престолъ избраніемъ Бахусоподражательнаго отца“³⁾.

Князь-кесарь соизволилъ разрѣшить избраніе, послѣ чего при-готовленія быстро начались:

„1) Сбору, приказывалъ Петръ, быть на старомъ дворѣ и оттуда итти въ церемонію въ палаты.

2) Сдѣлать лаговницы (вѣроятно, — мѣста для членовъ собора) по образцу, и обить аксамитами самой лучшей лухской работы.

четвертую часть мѣтнія; Кононъ Зотовъ обратился, въ 1719 г., съ просьбой къ Петру и просилъ защитить его „отъ обиды наглои, безбогобоязливой и безстыдной“..... Любопытно, что А. Е. Зотова, овдовѣвъ, вышла замужъ за новаго князь-папу, П. Я. Бутурлина.

¹⁾ Время избранія и поставленія новаго князь-папы обозначено въ писмѣ П. Бутурлина къ игуменѣ Ржевской: декабрь 1717 г. Церемонія совершалась при новомъ князь-кесарѣ, Иванѣ Ѳеодоровнѣ Ромодановскомъ, возведенномъ въ это званіе по смерти отца, 17-го сентября 1717 года.

²⁾ Это слово въ подлинникѣ зачеркнуто.

³⁾ На подлинникѣ замѣчено: „и когда соизволить. Потомъ доложить, когда злекціи быть“; т. е. Петръ отиѣчалъ, что нужно вписать въ блговую просьбу, которой при дѣлахъ нѣтъ.

3) Півчю государен.

4) Подстѣнная братія.

5) Діаконы.

6) Попы

7) Монахи знатные

8) Архимандриты и Суероганы.

1) Мы объясняем разницу в словах, которые означают, либо как-
неизменно Петровъ на послѣдствіи, блуждая снѣтъ. Это слово употреблено, но
оно неизменно употреблено.

II. Прислѣ въ юмъ каменный, вышннъ зрѣннъ въ са-
кличннъ въ оной конклавъ, юмъ князь-панинъ (т. е. его слу-
жители) въ юмъ, прочннъ чнннъ въ третій апартаментъ, а
засѣ, аже о оуцъ Бахуцъ, юмъ аже въ збранныа подраскатель
себѣ, пастра же нмъ, и изобрать третъ персонъ канцеляторъ.
Нмъ вѣно изъ отъцъ записки, это збрание ухажаетъ по
особой простѣ неспра: "Провоу отъцъ неспра въ оуцъ збрание
нѣсто и поконнѣ, просъ (проситъ) нмъ о приложннхъ юмъ въ Ба-

- 1) Князь-панежскіе служители
- 9) Князь-панежскіе служители
- 10) Бахуцъ, несомнн конклавъ великой обители
- Ровннъ, несомнн отъ пѣшннхъ
- 11) Бахуцъ, несомнн конклавъ
- Архнрепъ по оуному

ПЕТЪ ВЕЛИКІЙ КАЗЪ ЮМОРНОСТЬ

„VIII. По семь свидѣтельствъ, архиереи и прочіе сидящіе въ соборѣ идутъ по чину и берутъ балы, по единому, отъ руки князь-игуменъ по два: бѣлое и черное, цѣлуя оную въ перси. Потомъ возгласитъ ключарь имя перваго кандидата.

„IX. Потомъ первая діакониса принимаетъ ящикъ и ходитъ ко взявшимъ балы. Они же по ряду кладутъ въ оной ящикъ: хотящій — въ бѣлой, а нехотящій въ черной. И когда всѣ положить, тогда оне принесетъ предъ князь-цесаря, гдѣ записываетъ (кто-нибудь) изъ его бояръ, кому повелитъ. И сіе творитъ на каждое имя по единожды, восклицая оное, предъ положеніемъ баловъ“.

Порядокъ баллотировки совершался однако съ большими церемоніями, нежели какъ изложено въ IX пунктѣ „чина избранія“. Въ дополнительной запискѣ государь постановилъ слѣдующее:

„Князь-цесарь повелѣваетъ принести яйца... для выбиранія (они замѣняли шары), и служители раздаютъ по два каждому; на каждое имя едино натуральное и другое обшито, отцѣмъ же сидящимъ въ епанчахъ и... тайно держащимъ. Потомъ князь-цесарь осматриваетъ чашу. (или ящикъ) покрытую и заключаетъ оную своею печатью и повелѣваетъ гласити перваго имя и носити на его имя, поднося чашу къ каждому. Отцѣмъ же подобаетъ класти яйца¹⁾, аще кого сонзвояетъ, то натуральное (вѣроятно — куриное), аще же кого не сонзвояетъ, то обшито да класть.

чтенныхъ отцевъ церкви, властію которыхъ и возведена она на тронъ первосвященника. Минимъ мущина правилъ наслѣдіемъ ап. Петра и Павла 2 года, 5 мѣсцевъ и 4 дня. Прощарствовалъ бы и дольше, еслибъ только не забеременнѣлъ отъ одного кардинала, которому, разумѣется, хорошо было извѣстно, какого пола былъ св. отецъ. Разрѣшеніе отъ бремени совершилось посреди Рима, во время крестнаго хода, при стеченіи безчисленнаго народа. Рассказываютъ, что мать-папа тутъ же умерла, по другимъ-же, вскорѣ послѣ родовъ. Увѣряютъ, что обичай, оснѣянный Петромъ еще въ началѣ XVIII в., сохранился и по настоящее время; говорятъ, что онъ былъ даже исполненъ при избраніи папы Піа IX, но что вѣрно—это то, что обрядъ удостовѣренія „въ годности папы“ исполнялся еще въ XVII вѣкѣ, доказательство этого см. во II-мъ приложеніи къ настоящей главѣ.

О папессѣ Іоаннѣ писано было много и въ стихахъ, и въ прозѣ; англійчанинъ Егбертъ Гримъ посвятилъ разсказу о ней цѣлую книгу, въ которой приводитъ свидѣтельства 135 различныхъ авторовъ; но многіе писатели, даже нѣкоторые изъ протестантовъ, отвергаютъ существованіе мать-папы. Въ русской литературѣ позднѣйшихъ годовъ есть особое любопытное изслѣдованіе г. Вильбасова о папессѣ Іоаннѣ, изд. въ Кіевѣ, въ 1870 г.

¹⁾ Поправлено: и...

„Когда же всѣхъ яйца уже положившихъ, тогда приносятъ чашу предъ цесаря, онъ же отверзаетъ предъ всѣми и сыплетъ на столъ предъ собою и раздѣляетъ, сколько натуральныхъ, и сколько обшитыхъ, и повелитъ записать. Потомъ пакн пустую чашу заключаетъ и равнымъ же образомъ на другога ния и третьяго балотируютъ. Потомъ же, когда уже на всѣ имена балотировано, тогда архиѿакопъ велегласно читаетъ предъ князь-цесаремъ, сколько на кого вышло, и на комъ болѣе натуральныхъ будетъ, тотъ да наречется“.

Затѣмъ по

Х-му п. „чина“: „Когда изъ трехъ, на кого болѣе баловъ падеть, тогда по онаго пошлется ключарь и архиѿакопъ. И приведши поставя(тъ) прямо (предъ) лицомъ князь-цесаревниъ, среди собора. Первый изъ жрецовъ говоритъ рѣчь новозбранному.

XI. „По окончаніи же рѣчи, одѣнуть его палиною мантиєю, и (надѣнуть на него) шапку. А плѣшвыне подъемятъ на главы свои, и несутъ на его престолъ, и поютъ князь-цесарю и новозбранному многолѣтіе.

XII. „Потомъ цѣлуютъ его всѣ въ руку, держащую орля¹⁾ такожь и въ яя..., подъ лономъ и піютъ изъ десницы въ знакъ присяги въ вѣрности закона.

XIII. „Потомъ приносятся столы князь-цесарю и новозбранному, такожь архиѿрецамъ и прочимъ знатнымъ; гдѣ никакая ядь (т. е. кушанья) не становится, токмо оные балы съ ихъ долгими и ихъ гнѣздами. И тако совершившуся, посаждаютъ новозбраннаго въ ковшъ (громадныхъ разиѣровъ) и провождаютъ всѣмъ соборомъ къ дому его и опускаютъ (князь-папу) въ чанъ [какъ и прежде бывало], наполненный пивомъ и виномъ²⁾ и пивъ изъ онаго расходится³⁾“.

¹⁾ Известно, что этимъ именемъ названъ былъ чудовищной величины кубокъ, который должны были осушать сановники, а иногда и сановники, въ видѣ шуточного наказанія за несоблюденіе нѣкоторыхъ обычаевъ, наприимѣръ за невниманіе къ князь-цесарю, къ князь-папѣ и т. п.

²⁾ Отдѣльная записка Петра, приведенная выше, заключается слѣдующимъ варьянтомъ: „Два первые отъ сидящихъ отцовъ идутъ. И приводятъ нареченнаго предъ цесаря, который поздравляетъ ему, такожь и вси. И поютъ многолѣтіе князь-цесарю и новозбранному. Потомъ повелитъ (цесарь) на особомъ стулѣ близъ себя сѣсти оному (т. е. новозбранному). И потомъ бываетъ орлючаніе за радость избраннаго (т. е. пійтъ). Когда же все совершится, тогда князь-цесарь повелѣваетъ новозбранному и прочимъ идти къ столу, гдѣ во оціо поставляются яйца, бывшія на избраніи, прочее же ничто (?)“.

³⁾ „Чинъ избиранія“ имѣется въ нѣсколькихъ спискахъ, и каждый изъ нихъ представляетъ больше или меньше варьянтовъ.

За чиннокъ избирания слѣдоваль чинъ поставленія; это уже было какъ-бы посвященіе новаго главы на поприще многотрудное, въ санѣ высокомъ и знаменательномъ. Обрядъ поставленія былъ важнѣе, значителнѣе обряда избранія, почему производился еще торжественнѣе; здѣсь было больше церемоній, одна другой своеобразнѣе; больше пѣли, больше говорили, наконецъ пили, пили и пили. Нѣкоторыя мѣста сего чина, отъ перваго до послѣдняго слова составленнаго „протодіакономъ шумнаго собора — Петромъ“, блещутъ неподдѣльною веселостію... Не смотря на чрезвычайную грубость формы, съ которою волею-неволею мирнись, вспоминая время сочиненія, многія слова, обороты, цѣлыя рѣчи и предписанія до того остроумны, что даже и въ настоящее время срываютъ улыбку. Справедливость нашихъ словъ вполне подтверждается текстомъ любопытныхъ документовъ.

III.

Чинъ поставленія.

1) „Когда всѣ уже собраны и сядутъ на своихъ мѣстахъ, тогда приходитъ поставляемый, предъ нимъ-же несутъ двѣ фляги, одна вызолочена, другая высеребрена, и два блюда, одно съ огурцами, другое съ капустой¹⁾“.

2) „Когда придетъ предъ поставляющаго, тогда поклонится, и оные дары едино по другому вручаетъ поставляющему, говоря краткій комплементъ о своемъ поставленіи; потомъ сядетъ противъ поставляющаго.“

3) „Тогда поставляющій вопрошаетъ его разныя вопросы и отвѣты. На что избранный и отвѣщаетъ. Потомъ поставляющій наки говоритъ²⁾. Вопрошаетъ поставляющій: „что убо брате пришелъ еси и чесого просиши отъ нашея немѣрности?“

¹⁾ Чинъ поставленія мало измѣнялся при приѣзѣ въ соборъ жрецовъ и другихъ меньшихъ членовъ; перемѣнялись только нѣкоторыя слова. При поставленіи цесарю о поставляемыхъ жрецахъ или владыкахъ говорилося: „приводятся бахусолюбивѣйшіе избранные (иминаты нма рекъ) поставлятися бахусовозлюбленными — городанъ“. Цесарь отвѣчалъ: „Сила Бахусова да будетъ на васъ!“

²⁾ На одномъ изъ списковъ противъ этого пункта рукою Петра отмѣчено: „вписать вмѣсто сего подлинныя вопросы и отвѣты“. Тѣ и другіе, нѣже составленные и пронумерованные, написаны на особомъ листѣ, съ котораго мы и переносимъ ихъ въ соотвѣствующее мѣсто.

4) „Отвѣщаетъ поставляемый: „еже быти сыномъ и сослужителемъ вашей немѣрности“¹⁾“. А ежели папа поставляется, то глаголетъ: „еже быти крайнимъ жрецомъ и первымъ сыномъ отца нашего Бахуса“.

5) Поставляющій глаголетъ: „Пьянство Бахусово да будетъ съ тобою“²⁾“.

Еще вопрошаетъ: „Како содержиши законъ Бахусовъ, и во ономъ подвижаешься?“³⁾“.

6) Поставляемый отвѣщаетъ:

„Ей орла подражательный и всепьянѣйшій отче! Возставъ по утру, еще тѣмъ сущей и свѣту едва являющуся, а иногда и о полнощѣ, сливъ двѣ или три чарки испиваю, и продолжающуся времени не туне оное, но симъ же образомъ препровождаю. Егда же придетъ время обѣда, пью по чашкѣ не малой; такожде переменяющимися брашнами всякій рядъ не пусть препровождаю, но каждой рядъ разными питьями, паче же виномъ, яко лучшимъ и любезнѣйшимъ Бахусовымъ (питіемъ) чрево свое, яко бочку, добръ наполняю; такъ что гногда и ядѣмъ (кушанья), мимо рта моего носимымъ отъ дрожанія моего десницы, и предстоящей во очесахъ моихъ мглѣ, и тако всегда творю, и учить мнѣ врученныхъ общаюсь. Инако же мудрствующія отвергаю, и яко чужды творю, и... матствую всѣхъ пьяноборцевъ. Но яко же, выше рѣхъ, творити общаюсь до скончанія моего жизни, съ помощію отца нашего Бахуса, въ немъ же живемъ, а иногда и съ нѣста не движемся, и есть-ли мы или нѣтъ не вѣдаемъ; еже желаю тебѣ, отцу моему, и всему нашему собору получить. Аминь“⁴⁾“.

¹⁾ Варьянтъ: „Еже сумажитися въ бахусовозлюбленныхъ кабакахъ, имо-рекъ городамъ“.

²⁾ Въ другихъ спискахъ нѣсто пьянство сказано обжорство. На приведенномъ нами спискѣ выставленъ 1721 годъ. Не только точно, но и приблизительно опредѣлить время составленія каждаго документа невозможно, такъ какъ на нихъ время не обозначено, въ печати же до сихъ поръ ничего или почти ничего не было о предметѣ настоящаго разсказа. Такъ, напримеръ, трудолюбивый Голіковъ всего раза два или три упоминаетъ о Петрѣ Бутурлинѣ, и то сбивается и путаетъ факты. Безъ сомнѣнія, списки разбираемыхъ нами чиновъ составлялись въ разное время, вслѣдствіе новаго избранія въ жрецы или пѣны, подновлялись, являлись вставки и проч.

³⁾ Варьянтъ: „Како пьете? Явите своя сиршанъ?“ и т. д.

⁴⁾ Эта рѣчь нѣсколько разъ и весьма старательно передѣлывалась Петромъ Великимъ. Укажемъ на важнѣйшіе варьянты противъ приведеннаго

7) „Поставляющій глаголетъ: „Пьянство Бахусово да будетъ съ тобою, затемнѣвающее, и дрожащее, и валяющее и безумствующее ты во вся дни жизни твоея“.

8) „Потомъ поставляемый клекнувъ (т.-е. упавъ на колѣни), ляжетъ персями, руками и главою на лежащую дѣлву; а жрецы поютъ пѣснь Бахусову“.

Какъ кажется, пѣснь эта ни что иное какъ слѣдующее воззваніе, сохранившееся въ двухъ отдѣльных замѣткахъ: „О честнѣйшій отче Бахусе, отъ сожженныхъ Семиллы рожденный, и въ Юпитеровомъ индрикѣ возвращенный, изжатель винограднаго веселія, и проведенному оное сквозь огонь и воду, ради вѣщны утѣхи намъ, возслѣдователямъ вашимъ! Просимъ убо тебе со всѣмъ симъ всепѣннѣйшимъ соборомъ: умножи сугубо и настави сего вселенскаго князь-цесаря Іоанна (Ромодановскаго) стопы во еже тебѣ вслѣдъ тебѣ! И не точю тебѣ сему, но и во власти сущихъ вести таможе, да вси послѣдуютъ стопамъ твоимъ! И ты, всеславнѣйшая Венусъ, множа умножи отъ своего..... къ сего заднему! Аминь!“

9) „Потомъ поставляемый, вставъ, приходитъ къ поставляющему, гдѣ облачаютъ его архиереи во всѣ одежды, кромя шапки“.

Облаченіе сопровождалось слѣдующими возгласами архиереевъ:

При возложеніи одежды: „облачается въ ризу невѣденія своего!“

Возлагаа наплечники: „возлагаю, яко жерновъ сельскій о винѣ твоей!“

Флягу возлагаа: „сердце исполнь вина да будетъ въ тебѣ!“

Нарукавники возлагаа: „да будутъ дрожащи руцѣ твои!“

текста двухъ другихъ списковъ: „Ея орлоподражательный всепѣннѣйшій владыко! Вопросенное тобою, по силѣ моей, исправляю. Аще егда утреннее, еже выше рѣхъ, еще не минуется, а обѣду уже настоящу времени, нѣмъ по чашкѣ не малой“ и т. д. Послѣ словъ: „въ очесахъ моихъ мглѣ“—чит.: „наче же тишуся, чтобъ отъ оныхъ питей мозгъ мой и умъ непрестанно въ густыхъ туманахъ, и въ пьяной мглѣ пребывахъ“ и т. д.

Въ другомъ спискѣ варьянтъ значительнѣе; „Еще не точю утро единое, яко же изрекохомъ препровождаемъ, но въ полдни яже испиваемъ; на вечеръ же великую смошницу употребляемъ. Также въ среднощіе и въ первое, второе и третье кураташеніе творимъ. Яко мѣху или дѣлвѣ (т. е. бочкѣ) надутися утробамъ нашимъ, опухлѣти очесамъ, оснѣгнѣти лицу, трастися рукамъ и прочее. Сіе же общаемся не точю самимъ творити, но и врученныи намъ стадамъ также являти; противужемудрствующихъ отвергаемъ и... матствуемъ“.

Отдаѣ жезлъ: „дубина Дидана вручается ти: да разгоняеши людѣ твоя!“

10) „Первый жрецъ помазуетъ крѣпкимъ виномъ главу его и около очей образъ круга, глаголя: „такъ да будетъ кружиться умъ твой, и такіе круги разными видами, да предстануть очесамъ твоимъ отъ сего во вся дни живота твоего“. Тако-жъ (помазуетъ) и обѣ длани, и четыре перста, ни же чарка пріемлется образомъ лученки, глаголя: „такъ да будутъ дрожать руцѣ твои во вся дни жизни твоей“¹⁾.

11) „Потомъ налагаютъ руки архіереи; первый (изъ нихъ) читаетъ: „рукополагаю азъ пьяный сего нетрезваго: во ния всѣхъ кабаковъ, во ния всѣхъ табаконъ, во ния всѣхъ водокъ, во ния всѣхъ винъ, во ния всѣхъ казаниновъ, во ния всѣхъ брагъ, во ния всѣхъ бочекъ, во ния всѣхъ ендовъ, во ния всѣхъ ковшей, во ния всѣхъ плешекъ, во ния всѣхъ чарокъ, во ния всѣхъ стакановъ; тако-жъ во ния вкупѣ собранныхъ канарейки, синицы, жа-воронка, синицы, соловья, чайки, сойки, грача, лебедя, ворона, сокола, кречета, орла великаго, корабля и кита, носящаго ихъ“²⁾.

12) „Потомъ налагаютъ шапку, съ возгласомъ: „вѣнецъ иглы Бахусовой возлагаю на главу твою. Да не познаеши десницы твоей, ниже шуйцы твоей, во пьянствѣ твоємъ!“ Послѣ чего поютъ аксію:“

13) „Потомъ садеть на свой престолъ и вкушаетъ орла, и прочимъ подастъ. И тако оканчивается“³⁾.

По желанію Петра, созволенію князь-цесаря и большинству голосовъ членовъ собора, въ князь-папы избранъ былъ извѣстный уже намъ Петръ Ивановичъ Бутурлинъ, столь долго и безупречно правившій петербургскою епархією пьяницъ, обжоръ и шутовъ.

Церемонія эта однако не могла быть совершена въ Петербургѣ;

¹⁾ Варьянтъ: Поливая виномъ на главу, архіерей восклицаетъ: „помазается помазаніемъ пьянства. Да будетъ вино затемняющее, и дрожащее, и безумствующее во вся дни жизни твоея“.

²⁾ Эти названія носили разнокалиберные сосуды, назначенные для питья; вѣроятно, они имѣли форму тѣхъ птицъ и животныхъ, имена которыхъ носили. При составленіи этого рукоположенія Петръ Великій безпрерывно вставлялъ новыя имена, перемѣняя порядкомъ прежнихъ и т. д.; это видно изъ черновыхъ собственноручныхъ его записокъ.

³⁾ Приведенный нами списокъ поставленія имѣетъ много вставокъ и варьянтовъ; на важнѣйшія изъ нихъ мы указали.

Петръ спѣшилъ въ Москву, въ сердце Россіи, чтобъ кончить свое дѣло съ сномъ: тамъ отрѣшнить его отъ престола, тамъ зачать его судъ, тамъ, наконецъ, казнить главнѣйшихъ изъ его совѣтниковъ и друзей.

15-го декабря 1717 г. государь поскакалъ съ своею свитою въ Москву, за нимъ на другой день выѣхала государыня и дворъ ея. 23-го числа оба они были уже въ Бѣлокаменной.

А 28-го декабря, со всею церемоніею и точнымъ выполненіемъ мельчайшихъ предписаній, данныхъ Петромъ, совершено было избраніе Бутурлина ¹⁾.

Вскорѣ послѣ избранія, а именно 10-го января 1718 года, совершень былъ обрядъ поставленія. Гдѣ былъ совершень обрядъ—изъ документовъ не видно, но если судить по подписи Бутурлина на письмѣ 29-го декабря: „Прешбургъ“, то надо думать, что оно было совершено близъ Москвы, въ Преображенскомъ. Тамъ развлекался государь въ ожиданіи подвоза сына и его сторонниковъ.

О благополучномъ совершеніи важнаго обряда возвѣщено было длинною реляціею; въ ней подробно изложенъ весь порядокъ церемоніи. Сочиненіе это не было напечатано, но за то видѣнный нами списокъ переписанъ съ замѣчательнымъ искусствомъ уставцемъ, по линейкамъ, церковно-славянскими буквами, между тѣмъ какъ всѣ остальные документы переписаны обыкновенною скорописью. Всѣ заглавныя литеры на этомъ спискѣ тщательно разукрашены киповарью. Безъ всякаго сомнѣнія, такая тщательная переписка сдѣлана была по волѣ Петра: въ этомъ видна его острота и насмѣшка надъ не-любимой имъ старинной орфографіею.

Вотъ эта интересная реляція ²⁾:

„О чинѣ князь-папы постановленія въ епископы въ 1 недѣлю по крещеніи, января 10.

1) Повелѣно того дни жрецамъ, и всѣмъ прочимъ неосвященнаго собора чинамъ съѣхатца на князь-папинской каменной дворъ пополудни въ 3-й часу.

¹⁾ Надо думать, что въ началѣ подобныхъ церемоній дѣйствующія лица были немноги; въ противномъ случаѣ рождается вопросъ: какъ могли говорить затверженныя рѣчи, какъ не путались поставляющіе и поставленные, въ то время, когда языкъ не воротался и ноги плохо держали?

²⁾ Она имѣетъ довольно много вариантовъ противъ приведеннаго нами „чина поставленія“. Притомъ здѣсь сведено все въ надлежащій порядокъ, между тѣмъ какъ тотъ списокъ составленъ нами по отдѣльнымъ вставкамъ, дополненіямъ, замѣткамъ и проч.

2) Когда всё собрались въ князь-нашинъ домъ, тогда въ князь-напавской палатѣ жрецы и другіе достойные сѣли на своихъ мѣстахъ.

Тогда посланные по новозбраннаго отъ всего собора: ключарь старой, да кардиналъ протодіаконъ, и изъ уединенной его палаты, ввели его почтенно въ собранную палату.

Предъ нимъ несли двѣ фляги, наполненныя виномъ пьянственнѣйшимъ; одна фляга позлащенная, другая высеребрена, и два блюда—едино съ огурцами, другое съ капустою.

Поставили предъ его кесарскимъ величествомъ, на изрядномъ, посланномъ, аксамитномъ луховскомъ коврѣ.

3) Архжрецы на высокомъ тронѣ сѣдѣли по степенямъ, справую и слѣвую стороны.

4) Тогда новозбранный поклонялся его цесарскому величеству и жрецамъ сѣдящимъ трижды.

И вышепомянутые дары, едино по другомъ, подносили поставляющему, говоря краткій комплиментъ о своемъ поставленіи.

И потомъ сѣлъ на стулѣ прямо поставляющаго.

5) Тогда поставляющій вопрошалъ его: „что убо брате пришелъ еси и чего отъ нашея цѣлѣбности просиши?“

6) Тогда отвѣчалъ поставляемый: „еже быти крайнимъ жрецемъ и первымъ сыномъ отца нашего Бахуса“.

7) Поставляющій глаголаъ: „пьянство Бахусово да будетъ съ тобою!“

8) Онъ-же поставляющій еще вопрошалъ: „како содержиши законъ Бахусовъ и во ономъ подвижаешься?“

9) Поставляемый отвѣщавалъ:

— „Емъ орла подражательный и всепьянѣйшій отче! Возставъ по утру, еще тмѣ сущей и свѣту едва являющуся, а многа и о полунощи, сливъ двѣ или три чарки испиваю, и продолжающуся времени не туне оною, но спмъ же образомъ препровождаю; егда же прійдетъ время обѣда, пью по чашкѣ не малой, также перемѣняющимся брашномъ, всякой радъ не пусть препровождаю, но каждой радъ, разными питьями, паче же виномъ, яко лучшимъ и любезнѣйшимъ Бахусовымъ, чрево свое, яко бочку добръ наполняю, такъ что иногда и ядѣмъ мимо рта моего носимымъ, отъ дрожанія моего десницы, и предстоящей во очесахъ моихъ иглѣ; и тако всегда творю, и учити мнѣ врученныхъ общаюсь, инакоже мудрствующія отвергаю, и яко чужды и... матствую всѣхъ пьяноборцевъ; но якоже

выше рѣхъ, творити общаюсь до скончанія моего жизни, съ помощію отца нашего Бахуса, въ немъ же живемъ, а иногда и съ мѣста не движемся, и есть-ли мы или нѣтъ не вѣдаемъ; еже желаю отцу моему, и всему нашему собору получить. Аминь“.

10) Поставляющій глаголилъ:

„Пьянство Бахусово да будетъ съ тобою затемнѣвающее, и дрожащее, и валяющее, и безумствующее ты во вся дни жизни твоея“.

11) Потомъ поставляемый кленнувъ на колѣна и легъ, и преклонилъ персями, и руками, и главою, на подлежащую делву, и тогда жрецы пѣли пѣснь Бахусову.

12) Потомъ поставляемый вставъ, пришелъ на высокій амвонъ къ поставляющему, гдѣ облачали его архиереи во вся одежды его, кромѣ шапки.

13) Тогда же первый жрецъ помазывалъ его крѣпкимъ виномъ, на главѣ его, и около очей, образъ круга, глаголя: „такъ да будетъ кружитися умъ твой, и такіе круги, разными видами, да предстанутъ очесамъ твоимъ отъ сего во вся дни живота твоего“; тако-жъ и обѣ длани, и четыре перста, ими же чарка приеъмлется образомъ лученки, глаголя: „такъ да будутъ дрожать руцѣ твои, во вся дни жизни твоей“.

14) Потомъ налагали руки архиереи, и первый читалъ рѣчь такову:

„Рукополагаю азъ старшій пьяный сего нетрезваго:

Во имя всѣхъ пьяницъ,
 Во имя всѣхъ скляницъ,
 Во имя всѣхъ зерщиковъ,
 Во имя всѣхъ дураковъ,
 Во имя всѣхъ шутовъ,
 Во имя всѣхъ сумасбродовъ,
 Во имя всѣхъ лотровъ,
 Во имя всѣхъ воровъ,
 Во имя всѣхъ вилъ,
 Во имя всѣхъ пилъ,
 Во имя всѣхъ медовъ,
 Во имя всѣхъ паразитовъ,
 Во имя всѣхъ сулосовъ,
 Во имя всѣхъ брагъ,
 Во имя всѣхъ бочекъ,
 Во имя всѣхъ ведеръ,
 Во имя всѣхъ кружекъ,
 Во имя всѣхъ стакановъ,

Во имя всѣхъ чароѣвъ,
 Во имя всѣхъ картъ,
 Во имя всѣхъ костей,
 Во имя всѣхъ бирюлекъ,
 Во имя всѣхъ табакоѣвъ,
 Во имя всѣхъ кабакоѣвъ,
 Яко жилище отца нашего Бахуса.
 Аминь!

15) Потомъ наложили на главу его шапку и пѣли: аксіось!

16) Потомъ оный новопосвященный сѣлъ на свой престолъ, на великую покрытую бочку, и вкушалъ вина изъ великаго орла и прочимъ всѣмъ подавалъ, пѣвцы же въ то время пѣли многолѣтіе кесарю и новопоставленному.

И оное окончавъ, вси распущены въ дома свои, князь-папа же, разоблачась отъ своея одежды, пошелъ въ свои покои палаты, и остался въ томъ домѣ¹⁾.

По совершеніи чиновъ избранія и поставленія, новый князь-папа посѣдѣвши возвѣстити подвластныхъ ему пленныхъ вѣроподданныхъ о своемъ восшествіи:

„Понеже, по изволенію великаго государя князь-цесаря Іоанна Ѳ. (И. Ѳ. Ромодановскаго), и съизволеніемъ всего сумазброднаго собора избранъ есмь азъ недостойный митрополитъ на превнсочайшій сей князь-папы престолъ, того ради нынѣ наки подтверждаю свое обѣщаніе, еже изрекъ при хиротоніи моеѣ¹⁾, предъ блаженными и вѣчно достойными памяти тогда отцемъ моимъ, нынѣ же братьямъ, великимъ господиномъ киръ-Никитомъ Прешбургскимъ, Яузскимъ и Калужскимъ отъ самыхъ м...дищихъ и предъ всѣмъ сумазброднымъ соборомъ. Нынѣ же къ прежнему обѣщаю еще, обѣщаюсь вѣще и вѣще законъ Бахусовъ не точію исполнять, но и врученное мнѣ стадо денно и нощно тому поучать, еже да поможетъ мнѣ чюднѣйшій отецъ нашъ Бахусъ, предстательствомъ антицесаревъ моихъ Милак (Ѳ) и Анникты, дабы ихъ даръ духа былъ сугубъ во мнѣ. Аминь“²⁾.

Такимъ образомъ „всешутѣйшій и всеняяѣйшій“ въ одно и то же время объявлялъ о своемъ восшествіи на князь-папѣнъ престолъ и подтверждалъ данный собору завѣтъ: оправдать ихъ лестный выборъ и пить, пить, да смотрѣть, чтобъ другіе или до положенія ризъ. Но новопоставленный хотѣлъ, чтобъ всѣ ликовали по случаю

¹⁾ Т. е. когда поставлялся въ архиепископъ.

²⁾ Писано рукой Петра.

его великаго торжества поставленія и потому спѣшилъ властною рукою разсыпать милости и возвысить въ высшія званія лицъ, ему подчиненныхъ.

Одну изъ первыхъ и самыхъ лестныхъ милостей удостоилась получить князь-игуменья:

„Всешумѣйшая и всешутѣйшая мати, писалъ къ ней князь-папа, возлюбленная о Бахусѣ тщи!

„Объявляемъ вамъ, что сего мѣсяца, въ 28 день, изволеніемъ вселенскаго князь-цесаря и всего сумазброднаго собора, избранъ есмь я недостойный, а въ 29 день возведенъ на превисочайшій князь-папинъ престолъ; и понеже наша неумѣренность всегда паству свою добръ смотрѣти и во оной пешися общахся, того ради и о васъ, яко древней, монах... не и великой наставницѣ не препомнихъ, но его величеству князь-цесарю и всему собору предъявляхъ ваши подвиги, чего ради его величество и соборъ соизволи. Азъ же, аще и тѣломъ отстоимъ, обаче духомъ присутствуя, данною мнѣ отъ Бахуса властію произвожду тя отъ степени князь игуменьиной во архи-игуменіи, и яко присутствуя возглашаю: „аксіось, аксіось, аксіось!“ По учиненіи же сего вамъ возвышенія, на мѣсто ваше возведена монахиня, изъ дальнихъ пустынь пришедшая, Анастасія. Данъ въ Прешбургѣ. Мѣсяца декабря въ 28 день. 1717 года. Вселенскій князь-папа.

Петр ...“ ¹⁾.

Необходимо замѣтить, что князь-игуменей издавна уже была Ржевская, разбитная, смѣлая и угодливая старуха ²⁾. Съ этимъ титуломъ она нѣсколько разъ встрѣчается въ разсказѣ Голицева при описаніяхъ различныхъ церемоній. Въ приложеніяхъ къ настоящей статьѣ (Ж III) мы приводимъ нѣсколько ея писемъ къ государю; кромѣ того одно изъ писемъ Ржевской, отъ 8-го іюля 1714 г. къ

¹⁾ Черновой списокъ руки Петра, бізовой—Бутурлина.

²⁾ Князь-игуменей, а потомъ архи-игуменей была Дарья Гавриловна Ржевская, дочь Гаврилы Петровича Соколовина, родного дяди замученнаго Петромъ окольничаго, Алексѣя Прокофьевича Соколовина, нѣзкаго сторонника царевны Софьи. Анастасія, пожалованная званіемъ игуменей — есть княгиня Анастасія Петровна Голицына, дочь и наследница знаменитаго боярина Петра Ивановича Прозоровскаго. Она родилась въ 1655 г., скончалась въ 1729 г., на 74 году отъ рожденія; была статсъ-дамою, послала портретъ Петра I-го и исправляла должность придворной шутихи (См. „Русскую Старину“, изд. 1870 г., т. I, стр. 507; т. II, стр. 479 и 483).

Петру о Шарлотѣ-Софіи напечатано Устряловымъ (т. VI, стр. 322). На немъ также, какъ и на всѣхъ письмахъ Ржевской, подипись: „Князь-игуменья Санктпѣтербургская, Бога молю и челомъ бью“. Фактъ любопытный: шутиху бабу пьяную и грубую приставили къ женѣ наслѣдника престола для надзора и тайныхъ доносовъ о ея поведеніи. Несчастная Шарлота нѣсколько разъ заявляла свое не-удовольствіе, но надзирательницу не смѣняли.

Впрочемъ, нельзя думать, чтобъ новый архі-владыка былъ чело-вѣкъ вполнѣ милосердный и правитель слабый, нѣтъ: по инструкціямъ самого государя, онъ долженъ былъ тщательно наблюдать, чтобъ весь его достойный штатъ былъ въ сборѣ и славилъ Бахуса питіемъ непомѣрнымъ. Нарушители сего строго наказывались; тѣ же изъ его подчиненныхъ, которые уклонялись отъ высокихъ обязанностей, тѣхъ, по особымъ предписаніямъ, вновь высылали ко двору князь-пани.

Такъ, напримѣръ, въ 1723 году всешутѣйшій представилъ слѣдующій

„Реестръ архіереямъ, которые училились ослушны святѣйшему князь-папѣ и нынѣ обитаютъ въ Москвѣ своеволіемъ, также и прочіе, а именно:

Архіерей:

Федоръ Шереметевъ .
 Князь Юрій Щербатовъ .
 Матвѣй Колычовъ .
 Михаилъ Собакинъ .
 Князь Яковъ Лабановъ .
 Матвѣй Головинъ +
 Василій Ржевской
 Антонъ Савеловъ
 Архидіаконъ Строевъ .

Ключари:

Иванъ Денисовъ, сынъ Субота, онъ же Даниловъ.
 Федоръ Протасьевъ.

Попы:

Князь Михаила Оболенской .
 Иванъ Стрешичевъ .

Василій, онъ же Самойла Глѣбовъ.

Діаконъ Левъ Воейковъ

Крестова попа Ивана Чирикова. Галагтена Бунакова.

Подписалъ: Святѣйшій князь-папа и патріархъ Петро...⁴.

Нечего и говорить, что представленный списокъ былъ составленъ и написанъ не кѣмъ другимъ, какъ самимъ государемъ; имъ дѣланы отиѣтки противъ именъ ослушниковъ, по его же распоряженію писано, 23-го апрѣля 1723 года, къ московскому вице-губернатору Воейкову о немедленной высылкѣ членовъ собора въ Петербургъ ¹⁾.

Такииъ образомъ и тутъ, въ дѣлахъ шутовскаго собора, желѣзная рука Петра крѣпко тяготѣла надъ всѣми; князь-папа распоряжался собой и своими подчиненными не иначе, какъ по собственноручнымъ предписаніямъ и уставамъ своеобычнаго протодіакона. За то аристократическая гордость князь-папы совершенно была удовлетворена. Вокругъ него блистали представители древнѣйшихъ, знатныхъ и славнѣйшихъ фамилій, нѣкогда честь и гордость Россіи.

Вотъ составъ всепьянѣйшей коллегіи по списку, далеко, впрочемъ, не полному:

„Архи-князь-папа.

При немъ служители:

Протокопай ... Мухановъ.

Духовникъ Иринар ...

Архидіаконъ нди на ... Строевъ.

Протодіаконъ Пахомъ пихай ... Михайловъ ²⁾.

Діаконъ Іонъ понирай ... Вутуринъ.

Ключари:

Почини ... Апраксинъ.

Ери ... Хилковъ.

Иосіи... Суббота.

Ризничій изымай ... Мусинъ-Пушкинъ.

Уставщикъ неэманъ ... Рѣпинъ.

Попъ Теофанъ ... Шутеринъ.

¹⁾ Въ приложеніяхъ (№ IV) приводимъ обращеніе того, какъ люди стараго до-петровскаго закала старались уклоняться отъ участія въ шутовскихъ потѣхахъ.

²⁾ Т. е. государь даръ Петръ Алексѣевичъ.

Діаконы:

Иосадинъ ... Головинъ.

Лови ... Воейковъ.

Ронъ ... Роновъ.

Дунъ на ... Шемякинъ.

Иподіаконы:

Филаретъ явится на ... Прозоровскій.

Посошники: недвѣдъ ... вытаци.

Благочинной: Акаки ... Юшковъ.

Грозные: Соими ... Тургеневъ.

Вречетникъ изымай ... Колтовскій.

Ломнатчики: Азлу ... Палибинъ.

Звани ... Губинъ.

Рознани ... Васильевъ.

Возьми ... Тиманевъ.

Конисарсуи ... Ключаревъ.

Имай ... Лихаревъ.

Новгородскій подъячій паша ... Козыревъ.

Сибирской комендантъ Григорій Калеминъ.

Разломи ... Траханіотовъ.

Дьяки: Иванъ Лосевъ.

Осипъ Метлинъ“.

Конклавъ, кромѣ непремѣннаго засѣданія на всѣхъ полуторжественныхъ и торжественныхъ пирахъ, кромѣ участія во всѣхъ процессіяхъ и маскарадахъ, имѣлъ особныя занятія. Онъ посвящалъ свои досуги на наѣзды къ разнымъ лицамъ. Предъ всешутѣйшими все и вся отворялось; хозяева и хозяйки, едва-ли довольные, спѣшили однако оказать нежданному гостямъ всевозможное гостепріимство...

Неизвѣстность времени пріѣзда членовъ конклавіи естественно вводила въ издержки хозяевъ, такъ какъ они всегда должны были быть готовыми къ ихъ встрѣчѣ. Вотъ почему всеилостивѣйшій князь-папа, со словъ государя, обнародовалъ слѣдующій указъ:

„Указъ всешутѣйшева и всепьянѣйшева князь-папы.

„Объявляетъ наша немѣрность, что мы иногда такъ утруждены бываемъ, что съ мѣста двинутися не можемъ; отчего случается, что не всѣ дома посѣтить можемъ, которые того дня обѣщали; а хозяева оттого въ убытокъ входятъ, ради другаго пріуготовливанія. Того

ради, симъ объявляемъ и накрѣпко заповѣдуемъ, подѣ наказаніемъ великаго орла: дабы ядей никакихъ никто не готовилъ; но точію слѣдующее по семъ. А буде у кого соизволимъ трапезу снѣсть, и тому заранѣе будетъ указъ нашъ объявленъ.

„И для вящаго увѣренія, сей указъ нашею рукою подписали и великою Гавріиловскою печатью запечатать повелѣли“.

При указѣ приложено объявленіе¹⁾: „что имѣтъ въ домѣ, въ они же входятъ“:

„Хлѣбъ, соль, калачи, икра, сельди, окорока, сухія куры или зайцы, ежели случится; сыръ, масло, колбасы, языки, огурцы, капуста, айцы и табакъ.“

„Надѣ всѣми же сими превозлюбленныя наши вины, пива и меду, сего что выше, то намъ угоднѣйшее будетъ, ибо въ томъ живемъ, и не движемся, и есть мы или нѣтъ, не вѣдаемъ“.

Въ минуты, когда превозлюбленные напитки болѣе и болѣе оживляли перваго жреца Бахусова, когда языкъ его лепеталъ бойче, рѣчь нересыпалась выраженіями болѣе фигурными, болѣе пряными, нежели слова „шумнаго протодіакона“, когда руки князь-папы двигались свободнѣе, въ подобныя минуты, казалось бы, что всешутѣйшій и всепьянѣйшій могъ бы возжелать власти неограниченной: начать крушеніе зубовъ вѣрнопопданныхъ ошуму и одесную, украшать очеса фонарями неподобными, тузить спины неповинныя и трепать за власы манеромъ, нещадно своеобразнымъ; однимъ словомъ, князь-папа могъ предаться полному разгулу властителя неограниченнаго, просвѣтителя самовластнаго, алчущаго не единого назиданія словомъ, но и дѣломъ рукъ своихъ. Но нѣтъ! Все это провидѣлъ остроумный учредитель всешутѣйшаго собора и ограничилъ папскую власть даже и на время восторженнаго состоянія достойнаго главы собора.

Это ограниченіе состояло въ томъ, что заблаговременно отбиралась отъ новопоставленнаго слѣдующая подписка: „Всешутѣйшій князь-папа даетъ сіе письмо протодіакону, что во время шумства его, оному протодіакону унимать словесно и ручно. И для того подписалъ сіе письмо своею рукою и чинить по сему письму“²⁾.

¹⁾ Указъ и объявленіе написаны вчернѣ самимъ государемъ.

²⁾ Приведенная записка Петра подписана „Сниженный Анikitъ“ и проч.; безъ сомнѣнія, такіе-жъ подписки отбирались и отъ его славныхъ преемниковъ; впрочемъ, это было не болѣе какъ форма. Петръ, не выжидая никакихъ подписокъ, усмиралъ какъ словесно, такъ и ручно.

Всѣ уставы шутовской конклавіи пребывали въ полной силѣ до самой смерти Петра Великаго ¹⁾).

Такъ, напримѣръ, въ августѣ 1723 г., въ маскарадной компаніи соборъ занималъ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ длинной шутовской процессіи.

Въ интересномъ описаніи этого маскарада, напечатаннаго княземъ М. А. Оболенскимъ (прилож. къ 3-й части Дневн. Берхгольца, изд. 1860 г.), подъ № 46-мъ мы читаемъ: „Неуспяемая обитель“: архимандритъ въ странномъ уборѣ, отъ гвардіи фендрихъ (прапорщикъ) Аванасій Татищевъ. Князь ярославскій отъ гвардіи фендрихъ Василій Нелюбохитинъ съ своею княгинею и со всею своею фамиліею и синклитомъ.

„При оной обители служащихъ всякаго знанія въ разныхъ духовныхъ, арлинскихъ, въ нищенскихъ и въ протчихъ странныхъ уборахъ, какъ мужеска, такъ и женска полу.

№ 50. Въ одеждѣ царской: князь-цесарь—князь Иванъ Федоровичъ Ромодановскій.

№ 51. Бахусъ: пѣвчій Кононъ Карповъ.

№ 52. Архіерей: Ианикандръ..., митрополитъ санктпетербургской Морай..., митрополитъ кроншлотской и котлинской, Тарай..., митрополитъ великаго Нова... и великихъ...; Ияковъ Приткой..., митрополитъ дербенской и индской; Гниль..., митрополитъ сибирской и тобольской; Бибабръ, митрополитъ рѣки охтинской и седимельницкой; М...—....., митрополитъ псковской и изборской, Теофанъ Красной..., митрополитъ смоленской и дорогобужской; архидіаконъ Иди на... Строевъ; ключарь Оормасовъ... Протасьевъ. Итого 10 человекъ“.

Въ числѣ знатнѣйшихъ дамъ были: ея величество государыня князь-цесарева Ромодановская; архи-игуменья—Стрешнева, заступившая мѣсто покойной Ржевской; князь-игуменья—княгиня Голицына; госпожа адмиральша краснаго флага—Михайлова, т. е. императрица.

Въ этомъ печатномъ спискѣ мы не находимъ князь-папп. Рев-

¹⁾ Въ дневникѣ Берхгольца 1721, 1722, 1723 и 1724-хъ годовъ разсѣяно множество пренеприятныхъ подробностей о князь-папѣ, его соборѣ и участіи ихъ въ пирахъ, всякаго рода празднествахъ и публичныхъ маскарадахъ. Мы не цитируемъ Берхгольца, такъ какъ дневникъ его напечатанъ на русскомъ языкѣ (Москва, 4 т., 1857—1860 гг.) и извѣстенъ всѣмъ любителямъ отечественной исторіи.

ностное служеніе Бахусу сломило, наконецъ, его здоровье; опившійся и ободрившійся сановникъ всемущѣйшій слегъ въ постель и умеръ въ первой половинѣ 1723 года ¹⁾).

На вдовствующій престолъ былъ избранъ новый князь-папа; но еще за мѣсяцъ до своей смерти Петръ Великій вновь былъ озабоченъ „чиномъ новаго избранія“. Объ этомъ свидѣлствуетъ слѣдующая помѣтка на одномъ изъ списковъ чина:

„Писано 19-го декабря 1724 года, а съ сего копія дана графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину въ 20-й день декабря 1724 года“ ²⁾

¹⁾ Въ родословной книгѣ, изд. кн. П. В. Долгорукихъ (1856 г., ч. II, стр. 158, № 128), годъ смерти П. И. Бутурлина показанъ 1724 г.; но это не-вѣрно, ибо въ сентябрѣ еще мѣсяцъ 1723 г. государь принялъ на себя заботы о передачѣ деревень племяннику покойнаго, деньщику Александру Бутурлину. Петръ приказалъ сдѣлать справки въ помѣстьяхъ Петра Бутурлина: какимъ образомъ и по сколько собираютъ съ его крестьянъ подати и проч. Голлицы, т. IX, стр. 449, 526; т. XI, стр. 488 и проч.

²⁾ Вотъ опись документовъ того сборника подлинныхъ собственноручныхъ бумагъ Петра Великаго въ Государ. Архивѣ м-ства иностран. дѣлъ, въ Спб., на основаніи которыхъ почти исключительно составлена настоящая статья:

„Резстръ нѣкоторыхъ увеселительныхъ писемъ о князь-папѣ и собора оного, писанныхъ рукою государя императора Петра Великаго и другихъ:

„Объявленіе, какому быти прошенію къ князь-цесарю отъ собора отцевъ, о избраніи нмъ въ отца князь-папу, л. 1. Чинъ избранія и съ оныхъ списки съ пополненіемъ, л. съ 3 по 18. Общаніе отъ князь-папы о законѣ и о содержаніи оного, л. 18. Чинъ поставленія въ князь-папы чрезъ баллотированіе съ нѣкакимъ осазаніемъ; съ росписаніями рукоположенія и одежды, съ вопросами ко избранному, и отвѣтами его и къ тому съ принадлежностями, л. съ 20 по 47. Два письма князь-папы къ протодіакону Петру, писанныя въ іюлѣ и въ сентябрѣ мѣсяцахъ безъ годовъ, на которыя требовалъ себѣ отвѣту и увѣдомленія въ С.-Петербургъ, будучи и пишущій въ оныхъ митрополитомъ, л. 50—52. Подписка Петра Бутурлина извинительная съ написаннымъ въ ономъ (ежели впредь провинится) не какимъ закладомъ, л. 53. Письмо отъ митрополита къ протодіакону Петру Михайлову, писанное съ Москвы, генваря въ 5 день 1709 года, л. 54. Письмо отъ него-жъ вышепомянутому-жъ протодіакону, л. 55. Двѣ записки или загадки, л. 59—60. Нѣкоторая подписка Дмитрія Сибиряка, Автомона Дубасова, князя Дмитрія Щербатова, л. 61. Подписка князь-папы своему протодіакону, чтобъ во время шумства его, оному протодіакону унимать словесно и ручно (писано до окончанія рукою государя Петра Великаго), л. 62. Два указа князь-папы, всемущѣйшей мати, возлюбленной о Бахусѣ тщи, что произведена она отъ стени князь-игуменьи, въ архи-игуменьи (изъ коней первой руки е. в.), писанныя 1717 года, декабря въ 28 день, л. 64, 65. Два указа отъ всемущѣйшаго и всепачѣйшаго князь-папы: къ объявленію хозяевамъ, о нищѣ и питьяхъ, какія въ славенны

постное служение Баухеу сажень, а потомъ, его здоровье: онъ былъ и обожравшійся сажовникъ, и похрустывающій сажь въ постель, и ууеръ въ первой половинѣ 1728 года 5).

На вдовствующей императрице была избранъ новый князь-наслѣдникъ еще за жительство ея своей сестры цесарь Великій вновь былъ озабоченъ личнымъ деломъ императрицы. Въ этомъ свидѣлствуетъ слѣдующая пометка въ дневникѣ императоровъ чина:

Писано 19-го января 1724 года, а сего копии дана графу Ивану Александровичу - Нурсану въ 20-й день декабря 1724 года.

*) Вь разе 1722 г. кнѣзь Александръ Ивановичъ (1755 г. ч. II, стр. 136, X) о смерти П. П. Вустурнина показанъ 1721 г.; но это не-вѣрно, ибо въ 1721 году еще не было 1722 г. государь-принялъ на себя званіе и передать вѣдомствъ и вѣдѣнію покойнаго дешифру Александру Вустурнину. Петръ приказалъ сдѣлать справку въ повѣстаніяхъ Петра Вустурнина, каковыя образцы и по какому образцу въ его крестіанствѣ подати и проч. (тамъ же, т. IX, стр. 41, 52-я г. XI стр. 188 и проч.).

*) Вот сие документ, в котором описана деятельность соборно-церковных бумаг Петра Великого. В оном описано, в каком порядке и в какой последовательности отложены материалы, из которых составлена настоящая таблица.

...Получив от него два обстоятельных письма о состоянии в софийском университете, в том числе и о состоянии императора Петра Павловича и о делах

[illegible]

НАКАЗАНИЕ БАТОГАМИ ВЪ РОССИИ
ВЪ XVIII ВѢКѢ.

М. Н. СЕМЕВСКИЙ: «Слово и Дело», изд. ТРЕТЬЕ.

ИЗДАНО ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, 4 ФЕВРАЛЯ 1865 Г.

РИСУНОКЪ ЗАГОТОВЛЕНЪ ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ УЧЕБНЫМЪ ЗАВЕДЕНІЕМЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Рассказъ Голикова о свадьбѣ князь-папы.

(Данія Петра Великаго, М., изд. 1792, т. X, стр. 232; изд. второе, М., 1838, т. VI, стр. 277).

Въ концѣ 1714 года начались приуготовленія къ свадьбѣ тайнаго совѣтника Никиты Монсеевича Зотова, называвшагося князь-папою.

Читатели, конечно, не поскучаютъ, ежели я ону, яко достойную любопытства, опишу съ подробностями, какія только могъ я собрать, но прежде за нужное почитаю сказать, или паче повторить уже сказанное мною въ разныхъ мѣстахъ исторіи монаршей, что всѣ его величества забавы и шутки имѣли цѣлю своюю какую нибудь пользу и напѣреніе. Сія же забава, о которой ны говорятъ напѣренны, имѣла цѣлю своюю весьма важный предметъ.

Мудрый государь, дабы мечтаемую папою власть надъ христіанствомъ и самую его особу въ большее привести у подданныхъ своихъ презрѣніе, наименовалъ бывшаго учителя своего, реченнаго г. Зотова, папою; наряжалъ его смѣшнымъ образомъ въ его папскіе уборы, представлялъ многіе обряды папскіе въ такомъ же смѣшномъ видѣ, и проч.

Равнымъ сему образомъ приводилъ онъ мало-по-малу въ неуваженіе патріарха руссійскаго. Мы уже видѣли въ своемъ мѣстѣ, что великій государь, рѣшившись отъ самой смерти послѣдняго патріарха Адріана упразднить патріаршее достоинство въ Россіи, но

имѣть имъ въ домахъ своихъ (первый писанъ, а другой правленъ рукою его величества), лл. 68—70. Реестръ архіереямъ и прочимъ, обитающимъ въ Москвѣ, которые учинились послушны свѣтлѣйшему князь-папѣ, 1723 года, апрѣля 33-го дня, л. 72. Роспись имянная того собора сослужителямъ и ключаремъ, діаконамъ, подьдіаконамъ, грознымъ, лапдачникамъ и другимъ между оными, л. 73^а.

Изъ всего сборника мы оставили безъ вниманія двѣ непонятныя загадки, да слышкомъ сальную росписку пѣльныхъ членовъ всепѣванѣйшаго собора, князя Дмитрія Сибиряка, Автамона Дубасова и кн. Дмитрія Щербатова; документы эти не важны и не имѣютъ прямого отношенія къ нашему разсказу.

29-го ноября 1860 г. С.-Петербургъ.

что вѣдая привязанность народную къ сей верховной главѣ духовенства, предоставилъ оное времени, пока то есть нѣсколько предразсудки народныя придуть, такъ сказать, въ ослабленіе, наименовавъ между тѣмъ рязанскаго митрополита Стефана блюстителемъ патриаршаго престола.

Но наконецъ видя, что народъ, дворянство и самыя даже знатныя особы все еще съ нѣкоторою нетерпѣливостію ожидали посвященія новаго патриарха: тогда-то уже монархъ, а именно, въ концѣ минувшаго года, рѣшился открыться, что ожиданіе ихъ есть тщетно; онъ собралъ первѣйшихъ духовныхъ и имперіи своей и другихъ знатныхъ особъ, объявилъ имъ, что онъ хочетъ быть одинъ начальникомъ россійской церкви, и предоставляетъ учредить духовное собраніе, состоящее изъ просвѣщеннѣйшихъ въ государствѣ особъ духовныхъ, дабы принимать ихъ совѣтъ въ дѣлахъ, до церкви касающихся, и съ которыми вѣстѣ будетъ онъ стараться объ уничтоженіи вкравшихся въ церковь, къ великому соблазну народа, разныхъ злоупотребленій, присовокупя къ тому, что сіе собраніе состоять будетъ подъ именемъ святѣйшаго синода, и которое откроется такъ скоро, какъ окончится настоящая война, и проч. А дабы къ сему приготовить умы, то восхотѣлъ государь напередъ извѣдать мысли своихъ подданныхъ и о тѣхъ перемѣнахъ, которыя положилъ онъ учинить въ правленіи церковномъ; на сей-то конецъ того-жъ князь-папу преобразилъ въ патриарха; онъ одѣвалъ его иногда въ подобное патриаршему платье; сей послѣдній, когда представляющій патриарха садился на лошадь, держалъ стремя коня его, по примѣру нѣкоторыхъ царей россійскихъ, при возсѣданіи патриарха на коня въ назначенные дни¹⁾. Сему же концу соотвѣтствовала и выдумка монаршая толь смѣшной церемоніи свадебной сего мнимаго патриарха; и такъ, опишемъ мы оную.

Еще въ минувшемъ году, а именно 21-го сентября, данъ былъ слѣдующій приказъ: „По указу великаго государя объявить нижеписаннымъ, чтобъ быть имъ на свадьбѣ тайнаго совѣтника Никиты Моисеевича Зотова, всесвѣтнаго манера въ платьѣ каждого манера по три человека, и въ томъ согласясь, и о платьѣ, кто какое возмнитъ сдѣлать, объявить государственному канцлеру и кавалеру

¹⁾ Такъ описываетъ безымянный сочинитель исторіи Петра Великаго, въ Голландіи напечатанной, подобное же и служащее сему подтвержденіемъ слышалъ я и отъ стариковъ тогдашнихъ временъ.

графу Гаврилу Ивановичу Головкину, сего сентября 22-го, дабы одинъ образцомъ больше трехъ платьевъ и другихъ не было, и конечно-бъ оное платье въ готовности было сентября къ 29 числу.

Сіе объявленіе касалось до обоего пола и разослано ко всѣмъ знатымъ особамъ, гвардіи офицерамъ и другимъ чиновникамъ, имена которыхъ увидишь имъ ниже.

Всѣ тѣ, которыхъ сіе сообщено, должны были подписаться, какое они себѣ избрали платье.

Октября 6-го монархъ, прочтя подписку сію, многое переимѣнилъ и назначилъ имененно кому въ какомъ быть нарядѣ.

Декабря 10-го того-жъ 1714 года его величество повелѣлъ всѣмъ симъ въ назначенномъ имъ уборѣ быть на снотрѣ въ домъ секретаря Волкова, на Васильевскомъ острову. Но чтобъ народъ онаго не видалъ, то покрыться имъ спанчами и проч., а головные уборы, не надѣвая на себя, такъ бы привезли. Князь Меншиковъ, сообщая сіе монаршее повелѣніе къ графу Головкину, заключаетъ такъ: „Также при семъ прилагаю роспись его царскаго величества собственной руки¹⁾, по которой извольте тѣмъ персонамъ объявить, чтобъ каждый изготовилъ къ тому браку сани, а имененно лinnen такіа, какова у царскаго величества, на которой бы можно десяти персонамъ сѣсть, а на полозья кріуди брать изъ адмиралтейства“.

Въ силу сего повелѣнія и по разосланнымъ ко всѣмъ повѣсткамъ, въ показанный домъ явились къ монарху пополудни во 2 часу, декабря 12-го.

По осмотрѣ должны были всѣ подписаться, въ какомъ кто платьѣ неотмѣнно явится въ назначенный день свадьбы.

Потомъ монархъ далъ всѣмъ слѣдующую роспись:

Реестръ, кому господамъ на свадьбѣ тайнаго совѣтника Никити Монсеевича Зотова быть въ какомъ платьѣ и съ какими играми.

Женныхъ въ кардинальскомъ.

Кесарь въ царь-давидовскомъ.

¹⁾ Роспись сія такова: „Реестръ лinnenъ: жениховъ, царскаго величества, господина губернатора князя Меншикова, господина адмирала графа Апраксина, господина графа Головкина, господина графа Мусина-Пушкина, князя Якова Федоровича Долгорукова, князя Григорія Федоровича Долгорукова, митрополита новгородскаго, господина генерала Брюса, господина генерала Вейде“.

Плате гамбургскихъ бурмистровъ. Свѣтлѣйшій князь (Меншиковъ). Адмиралъ графъ Апраксинъ. Генералъ Брюсъ, генералъ Вейде. Графъ Фигтунъ. (Игра рылъ).

Разной манеры. Господинъ вице-адмиралъ. Господинъ генералъ-лейтенантъ Бутурлинъ. Господинъ Трубецкой. Господинъ Складовъ. (Барабаны).

Въ китайскомъ. Графъ Головинъ. Князь Яковъ, князь Григорій Долгорукіе. Князь Петръ, князь Дмитрій Голицыны. (Дудочки).

Въ венецкомъ. Графъ Мусинъ-Пушкинъ. Генералъ князь Рѣпинъ. Князь Василій, князь Михайло Долгорукіе. Сава Рагузинскій. (Черныя удочки)¹⁾.

Скороходское. Баронъ Шафировъ. Баронъ Левольдъ. Комендантъ Чемесовъ. Князь Григорій Прохоровичъ Долгорукій. (Палки скороходскія).

Арцибискупское. Алексѣй Петровичъ Салтыковъ. Тихонъ Никитичъ. Бояринъ Бутурлинъ. Окольный Бутурлинъ. Андрей Корсаковъ. (Рогъ большіе).

Турское. Господинъ Толстой. Господинъ Бестужевъ. (Тарелки иѣдныя).

Рудоконное. Баронъ Лось. Фальъ. Егужинскій. Макаровъ. (Цытра. Скрипицы).

Нѣмецкое пастушье. Цесарской резидентъ Блезъ. Господинъ Веберъ²⁾. Господинъ Ахенбахъ. Голландскій резидентъ. (Флейты).

Ассесорское. Генералъ Чернышевъ. Князь Алексѣй Черкасской. Василій Зотовъ. Иванъ Зотовъ. Кононъ Зотовъ. (Съ соловьями).

Въ золотъ. Князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій, яко маршалъ съ штатомъ.

Въ терликахъ. Алексѣй Тимофеевичъ Лихаревъ. Михайло Ивановичъ Глѣбовъ. Князь Петръ Лукичъ Львовъ. Петръ да Никита Хитровы. Борисъ Ивановичъ Лихаревъ. Андрей Крефтъ.

Сін безъ игръ для того, что отъ старости своей не могутъ ничего въ рукахъ держать.

Въ веницейскомъ. Господинъ Щукинъ. Иванъ Чередѣевъ. Иванъ Губинъ. (Съ урны).

¹⁾ По списку архивскому показано по парѣ свирѣлей.

²⁾ Ганноверскій министръ.

Американское. Князь Осипъ Щербатовъ. Алексій Волковъ. Авраамъ Веселовской. Левольдъ молодой. Лефортъ. (Вили деревянныя).

Лифляндское старорыцарское. Господинъ Шлиппенбахъ. Господинъ Ниротъ. (Верхи отъ флейтъ).

Офицеры.

Одноряжки. Лутковский. Киселевъ. Ѳеодоръ Снявинъ. (Гудки).

Докторы

Докторское. Красныя епанчи какъ въ процессіяхъ живемъ. Арескинъ, Блюментрость, Поликола. (Книжки).

Матросское. Матвій Олсуфьевъ, Василій Олсуфьевъ. Янъ Кохъ. Данило Чевкинъ. Родіонъ Кошелевъ. Дмитрій Шенелевъ. (Трещотки).

Охабни. Царевичъ Сибирской. Князь Ѳеодоръ Голицынъ. Памкратій Сумароковъ. Алексій Юшковъ. (Тулумбасы).

Въ охабняхъ. Михайло Самаринъ. Князь Юръя Хилковъ. Степанъ Нелединскій. (Набаты).

Венгерское. Касиловской царевичъ. Иванъ Родіоновичъ Стрѣневъ. Василій Глѣбовъ. Иванъ Пушкинъ. Князь Ѳеодоръ Волконскій. (Сковороды).

Польское. Ѳеодоръ Бутурлинъ. Иванъ Потемкинъ. Ѳедосей Мануковъ. Петръ Тарбѣевъ. (Скрипицы).

Норвежскіе мужикове. Маршалъ Виберштейнъ. Ціазеръ. Будберхъ. Михайло Бестужевъ.

Калмыцкое. Иванъ Строевъ. Иванъ И. Стрѣшневъ. Князь Оболенскій. Михайло Голенищевъ. (Балалайки).

Въ шубахъ. Князь Засѣкинъ. Семень Чебышевъ. (Тазы).

Секретари.

Цасторское Лютерское. Василій Степановъ. Петръ Курбатовъ. Андрей Остерманъ. Капитанъ Роде. Капитанъ Кнутовъ. (Съ перепелочными дудками).

Китоловное. Баронъ Гизенъ. Секретарь Григорій Волковъ. (Пикульки).

Шипорское. Генералъ-маіоръ Головинъ.

Корабельные мастера: Козенцъ. Броунъ. Най. Гаврило Меншиковъ. (Собачьи свисты).

Поповское. Князь Юръя Щербатой. Иванъ Ржевской. Князь Михайло Шаховской. (Пастушьи рога).

ДЬЯКИ.

Въ армянскомъ. Иванъ Молчановъ. Иванъ Позняковъ. (Флейты).

Въ японскомъ. Александръ Докодовскій. Василій Казариновъ. Иванъ Ларионовъ. (Флейты).

Почтамтское прусское. Семенъ Васильевъ. Лука Тарсуковъ. (Почтовые рожки).

Егерское. Государь царевичъ. Ѳеодоръ Глѣбовъ. Михайло Матюшкинъ. Князь Григорій Юсуповъ. Герасимъ Кошелевъ. (Егерскіе рога).

Въ Нихонскомъ. Семенъ Салтыковъ. Князь Григорій Долгорукой. Князь Михайло Щербатовъ. (Габон).

Въ Нѣмецкихъ кирейкахъ. Капитанъ Соловой. Капитанъ Мавринъ. Капитанъ Тишинъ. (Съ трубами).

Въ Тумусскомъ. Григорій Писаревъ. Богданъ Писаревъ. Петръ Татарниковъ. (Колокольчики).

Турецкихъ дровосѣковъ. Илья Орловъ. Василій Парсуковъ. Семенъ Пискарей. (Варганы).

Офицеры морскіе.

Треземарскихъ мужиковъ. Шхелтинъ. Сиверсъ. Знаевичъ. (Артиллерійскіе рога).

Гондуларскіе. Василій Салтыковъ. Егоръ Пашковъ. Александръ Лукинъ. Алексѣй Леонтьевъ. (Новгородскія трещотки).

Баурское. Капитанъ Лихаревъ. Князь Г. Урусовъ. Капитанъ Сухотинъ. (Ложки съ колокольчиками).

Македонское. Капитанъ Ѳеодоровъ. Капитанъ Измайловъ¹⁾. Капитанъ Бредихинъ. (Свирѣли черныя).

Въ степяхъ кирейкахъ. Капитанъ Бахтіоновъ. Василій Головинъ. Алексѣй Бибиновъ. (Пузыри съ горохомъ).

¹⁾ По другому списку — Румянцовъ.

Въ бернардинскомъ. Авранъ Бухольцъ. Ѳеодоръ Митрофановъ. Капитанъ Карповъ. (Дудочки глиняныя).

Ломарское. Подполковникъ Савенковъ. Маіоръ Аничковъ. Капитанъ-поручикъ Сивявинъ. (Горшки хивинскіе).

Шубы короткія на выоротъ. Ермолай Севорцовъ. Капитанъ-поручикъ Гослеръ. (Сиповки старинныя).

Въ матросскомъ. Иванъ Кочетъ. Филиппъ Пальчиковъ. Василій Шипиловъ. (Волики).

Въ рудокопномъ. Анисимъ Моляровъ. Шпаковской. Францъ Кичигъ. (Органныя трубы).

Рыболовское. Маіоръ Заборовской. Капитанъ Дмитрій Лихаревъ. Капитанъ Никита Бегичевъ. (Одни литавры. Двое накри)¹⁾.

ДАМСКІЯ ОСОБЫ.

Ея величество, въ фрисландскомъ, при ней восемь персонъ. Царица Марѳа Матвѣевна, въ польскомъ. Царица Прасковія Ѳеодоровна, въ польскомъ. Принцесса дѣти ея, въ шпанскомъ. Пять дѣвицъ (фрейлины), въ шубахъ, въ лѣтникахъ и въ шубахъ нагольныххъ. Государыня царевна, въ польскомъ, при ней три дамы. Государыня кронъ-принцесса. Принцесса Фрисландская. Гофъ-дама фонъ-Брисеніенъ. Всѣ въ старонѣмецкомъ платьѣ. При нихъ три дамы въ страбурбургскомъ. Княгиня Меншикова, генеральна Брюша, въ испанскомъ. Графиня Мусина-Пушкина, госпожа Головкина и госпожа Неронова, въ китайскомъ.

Супруги царевича Сибирскаго, Головина, Чернышева и Пушкина, въ польскомъ.

Госпожа архіерейша (Бутурлина), княгиня Оболенская и Хилкова, Суморокова и Чебышева, въ шубахъ и лѣтникахъ.

Госпожа князь-игуменья (Ржевская) и госпожи Бутурлина и Глѣбова, въ шубахъ и тѣлогрѣяхъ.

Госпожи Стрѣшнева, Бутурлина, Волконская и Потемкина, въ венгерскомъ.

Голенищева и Юшкова, въ новгородскомъ.

¹⁾ Я имѣю у себя списокъ оригинальный; разрядкой означенныя слова писаны, кажется, собственною его величества рукою. Я говорю „кажется“, ибо не смѣю заподлинно утвердить, но весьма однако же на его руку похожее; оный сообщенъ мнѣ отъ господина Курбатова. Г. (1790 г.).

Въ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ находится позывная къ сей свадьбѣ бумага; я оную здѣсь также помѣщаю, яко показывающую, что монархъ иногда любилъ шутить, и что въ самыхъ шуткахъ усматривается намѣреніе; вотъ она:

„Позвать вѣжливо, особливимъ штилемъ, не торопясь, тово, кто фамилією своею гораздо старѣе чорта“ (то-есть оберъ-корсикцаго Мараззина).

„Лучшаго изъ пустыхъ хвастуновъ Бѣлохвостова, который, кромѣ души, весь въ заплахахъ“.

„Тово, кто съ похвѣльи гораздо притокъ...и бѣлая дорогая“.

„Тово, кто всѣхъ обидитъ смѣхами и хохотаньемъ“.

„Сумозбродныхъ и спорливыхъ по именамъ, и немного ихъ и всѣ въ лицахъ“.

„Древняго стариннаго архимастера; тово, кто немного учился и ничего не вѣдаетъ; тово, кто не любитъ сидѣть, а все похаживаетъ“.

„Сосѣдовъ тѣхъ, которые по глазамъ и по платью не затѣйнаго содружества и сосѣдства, надъ всѣми бочками коменданта, и пьяницу, и ѣдуна, старова оберъ-боярина, старова князь-дворянина“.

„Тово-бы не забыть, кто пятнадцать дней чижика пріискивалъ, да не сыскалъ; не знаю о томъ, можетъ-ли онъ и тѣ сыскать, куда онъ устремляется и куда гости призываются, и торжество готовится; тово человека, кто въ Алесѣ родился; тово, кто кушать пріуготовить умѣетъ; тово, кто не по силѣ борца сыскалъ“.

„Къ тому брачному торжеству гости: полковникъ Преображенской, полковница Преображенская, дѣти ихъ величествъ, великаго и великія, и со внуцаты немалыми“.

Къ тому-жъ звать:

„Государя князь-кесаря“.

„Всепренеосвященнѣйшаго князь-папу ¹⁾ архіоверъ скосыря.

„Тово, кто именуетъ гостей, благороднаго Толстаго, благородныхъ Кантемировъ“.

¹⁾ Не должно сего князь-папу принимать за г. Зотова; сей другой былъ, и также именовался, но увѣренію нѣкихъ писателей, г. Вутурлинь. Сіе послѣднее подтверждается и хранящеюся въ собственномъ его величества кабинетѣ запискою. Въ резстрѣ дѣлъ онаго записка сія внесена такъ: Нѣкому сержанту гвардіи въ подтвержденіе, какимъ образомъ позитен князь-папа Петра Ивановича Вутурлиня описать и отдать.

„Тово, кто неуспынаега сумозбродства президентъ; тѣхъ, которыи со двора отлучиться нельзя (то-есть деньщиковъ)“.

„Тово, ково князь чортъ Смоленской изъ яйца выналь хуже прежняго, а и до того была Шпанская мушка, ни яманъ, ни якинъ средней руки“.

Чаятельно такову насмѣшку всѣ тѣ разумѣли, до кого она касалась. Къ позыву опредѣлены четыре человека, которые были великіе заики.

15 января повѣщено всѣмъ, чтобъ по утру 16-го числа по выстрѣленіи изъ трехъ пушекъ съѣхались мушкетеры въ домъ графа Головкина, а женщины въ домъ князь-игуменни, въ платьѣ, изготовленномъ на бракъ для смотра.

А линей и сани большія, въ чемъ дамаи ѣхали, были-бы въ то же время къ тѣмъ домамъ, и стали на Невѣ противъ оныхъ, и чтобъ каждый былъ съ назначеннымъ всякому инструментомъ, а женскому полу ниты дудочки красныя.

Въ день свадьбы весь сей кортежъ, въ предшествіи жениха, шествовалъ въ домъ канцелярскій съ своею музыкою. Знатныя ѣхали въ большихъ линейхъ, каждая о шести лошадахъ; такихъ-же было 16 линей для поѣзжанъ. Изъ онаго съ невѣстою шествовали въ церковь. Четыре престарѣлые человека (придаютъ къ сему иностранные писатели) вели обрученную чету, и которые заступали мѣсто церемоніймейстеровъ; предъ ними шли въ скороходскомъ платьѣ четыре-же претолстые мужика, и которые были столь тучны и тяжелы, что имѣли нужду, чтобъ ихъ самихъ вели, нежели чтобъ ѣзжать имъ предъ мнимымъ патріархомъ и его невѣстою. Самъ монархъ между поѣзжанами находился въ матросскомъ платьѣ. Собора Архангельскаго священникъ, вѣнчавшій обрученныхъ, имѣлъ болѣе 90 лѣтъ. Изъ церкви тѣмъ-же порядкомъ весь кортежъ сей слѣдовалъ, съ тою-же музыкою и тѣмъ-же порядкомъ¹⁾, въ домъ повобѣнчавшагося мнимаго патріарха, гдѣ имѣли и обѣденный столъ; молодые²⁾ впродолженіе онаго непрестанно подчивали гостей своихъ разными напитками. На другой день по утру тѣмъ-же порядкомъ,

¹⁾ Иностранные писатели, въ числѣ коихъ и самъ бывшій въ семъ предшествіи г. Блессеръ, къ сему придаютъ, что, во время шествія кортежа, къ чрезвычайному шуму гола сѣтанныхъ орудій присоединялся и колокольный въ церквахъ звонъ.

²⁾ Изъ коихъ первому полагають около 70-ти лѣтъ.

въ тѣхъ-же уборахъ и съ такою-жъ смѣшною музыкою весь кортежъ сей шествовалъ въ домъ сего князь-папы или, какъ на то время называли его, князь-патріарха; и съ пресмѣшными обрядами поднимъ ихъ, слѣдовали въ домъ адмирала Апраксина, а по другому списку вице-адмирала, въ которомъ отобѣдавъ, возили молодыхъ, въ предшествіи всего-же кортежа, по всему городу.

Въ первый день брака угощенъ былъ и весь народъ, стеченіе котораго было безчисленно; для него выставлены были многія бадьи съ виномъ и пивомъ и разныя яства. Сей народъ, толико уважавшій достоинство патріаршее, въ сіи дни съ великимъ смѣхомъ забавлялся на счетъ онаго ¹⁾.

Забавы сіи продолжались по самый февраль мѣсяць.

Читатели не оставятъ, надѣюсь, сдѣлать заключеніе о всей забавѣ сей монарха, толико впрочемъ исполненнаго твердости и благоговѣнія къ закону; а я съ своей стороны въ забавѣ сей ощущаю еще и послѣдній, такъ сказать, ударъ остаточному предразсудку, какой еще имѣли къ старинному мѣстничеству.

Ив. Голиковъ.

1879 г.

II.

Удостовереніе въ годности папы

въ IX—XII вв.

При разборѣ библіотеки виленскаго Музея, между сваленнымъ въ уголъ разнымъ печатнымъ хламомъ, найдена въ 1867 году латинская книга, весьма любопытная по своему содержанію, подъ заглавіемъ „Roma Triumphans“, объ избраніи и посвященіи римскихъ папъ и въ особенности Климента X. Книга печатана въ 1645 году, и иллюстрирована многими рисунками. Въ числѣ другихъ обрядовъ и церемоній выбора и посвященія главы римской церкви, описывается здѣсь и та сцена, гдѣ римскій конклавъ удостоверяется въ годности избраннаго на папство. На приложенной

¹⁾ Народъ говорилъ тогда съ великимъ смѣхомъ: Патріархъ женился! Патріархъ женился! Другіе съ кошикомъ вина или пива кричали: „да здравствуетъ патріархъ съ патріаршемъ!“ и проч. Г.

къ тексту картинкѣ ¹⁾ представленъ нововзбранный папа, уже въ тройственной тиарѣ, стоящій въ „прорѣзномъ мраморномъ сѣдалищѣ“, около его по обѣ стороны кардиналы; одинъ изъ нихъ, стоя на колѣняхъ около сѣдалища, всунулъ руку въ сдѣланное съ боку отверстіе; отъ рта его идутъ слова: „Pontificalia habet“ (первосвященническое нѣтъ). Приводимъ цѣлкомъ латинскій текстъ книги объ этомъ обрядѣ съ русскимъ переводомъ.

„Послѣ сего (врученія папѣ ключей и цѣлованія ногъ) его понесли къ мраморному сѣдалищу съ отверстіемъ, находившемуся не въ дальнемъ разстояніи, чтобы, поставивши его въ немъ, осмотрѣть его половые органы, какъ объ этомъ я упоминалъ уже на стр. 91. Никто да не сомнѣвается въ этомъ: извѣстно достоверно, что мраморное сѣдалище съ отверстіемъ находилось въ латеранской базиликѣ, и мы сами многократно видѣли оное; также достоверно извѣстно, что нововзбранные папы, прежде чѣмъ допускались до свѣтской власти, были поставляемы въ этомъ сѣдалищѣ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, и сами католики: *Platin & Sab. in. vit. Joh. VIII. Stella sacerdot. Venetini ejusdem vit. Marian. Schot qui vixit circa annum 1000. Raph. volater. Anthropol. lib. 22 pag. mihi 794. Balaeus in vita Pontific. Petr. Greg. Tholos. syntagm. jur. univers. lib. 15, cap. 3, num. 23.*

„Дѣвница изъ Майнца, по имени Ангелика, скрывшая свой полъ, за свою необыкновенную ученость и способности ума, по смерти Леона IV, была избрана папою римскимъ, и названа Іоанномъ VIII. Потомъ, отправившись однажды въ латеранскую базилику, между театромъ, называемымъ Коллизеумъ, отъ колоссальной статуи Нерона, и церковью св. Климента, родила и на томъ же мѣстѣ умерла отъ родовъ, на второмъ году своего папства, 1-го мѣсяца 4-го дня, около 857 года по Р. X. *Platin in ejus vita Raph. Volat. anthrop. lib. 22 pag. m. 794. Balaeus in vita Pontific. Joann. Stell. in Joann. VIII Tholos. syntagm. jur. univers. lib. 15, cap. 3, num. 23. Sabell. in ejus vita.* Потому на этомъ мѣстѣ даже до нашего времени находилась ея статуя съ младенцемъ на рукахъ, и по этой дорогѣ къ базиликѣ навѣрно никогда не ходятъ папы, хотя она

¹⁾ Фотографическій снимокъ съ этой любопытной картинки, снятій въ величину подлинника, подаренъ въ нашу бібліотеку въ 1867 г. бывшимъ преподавателемъ виленскаго учебнаго округа, тайн. сов. Иваномъ Петровичемъ Корниловымъ.

короче другихъ и столь же удобна. И послѣ ея смерти опредѣлено было, какъ свидѣтельствуя объ этомъ многіе, не возводить папу на первосвященническую кафедру, пока въ сѣдалищѣ съ отверстіемъ, нарочно для сего приготовленномъ, не ошупаютъ его половыхъ органовъ. Platin & Sabel. dict. loc. & post eos Tholoss. syntag. jur. univers. lib. 15, cap. 3, num. 23^a.

III.

Письма архи-игуменъ Ржевской.

1708—1717.

†

1) „Всеимлостивѣйшій государь полковникъ, поздравляетъ васъ съ полученною вашею викторією, о которой увѣдомляе отъ васъ здѣсь, воздавъ хвалу Вышнему, съ удовольствіемъ веселились, а чѣмъ

Стран. 387. „Postea, ab usdem ad sedem Marmoream perforatam, quae non procul inde collocata fuit, portatus ut super eadem positus, ejus virilia attractarentur, veluti supra pag. 91 notavi. Nec dubitandum quin res ita habeat; etenim cerlissimum est, sellam illam mormoream & perforatam in eadem Basilica Lateranensi servari, quam multoties nos ipsi vidimus. Certissimum quoque est, noviter creatos Pontifices ante, quam ad seculare reginem Lateranense admittantur, super eadem sellâ reponi & collocari. veluti salis probant inter alios, ipsi quoque Catholici. Platin & Sabel. in vit. Joh. VIII. Stella sacerdos venetus, in ejusdem vita. Marianus Schotus, qui vixit circa annum 1000. Raphael. Volaterranus Antrop. lib. 22, pag. mihi 794. Balaeus in vita Pontif. Petrus Gregorius Tholoss. Syntagm. jur. univers. lib. 15, cap. 3, num. 23^a.

Стран. 90—91. „Moguntina puella, Angelica nomine, sexum ementita, ob doctrinam singularem & alias ingenii dotes, mortuo Leone IV summus Pontifex Romanus est facta, & Joannes VIII nominata. Post modum vero compressa, dum ad Lateranensem Basilicam proficiscitur, inter Theatrum quod colosseum nominant a Neronis colosso, & S. Clementem peperit, eoquae loco mortua est, pontificatus sui anno 2, mense 1, die 4, irca annum Christi 857. Platin in ejus vita. Raph. Volater. Anthrop. lib. 22 pag. m. 794. Balaeus in vit. Pontific. Joann. Stell. in Joann. VIII. Tholoss. syntag. jur. univers. lib. 15, cap. 3, num. 23. Sabell. in ejus vita. Hinc eo loco, ad nostra usque tempora fuit ejus statua cum puero, & viam hanc, ad eam Basilicam tendentes consulto praeterunt & declinant tifices, licet ea brevior sit, nec minus commoda, quam alia. Post ejus vero mortem, cautum est, veluti plerique scribunt, ne post illud tempus, summus Pontifex, in Pontificalem proveherunt cathedram, neve confirmaretur, quin prius in sella, ad id parata & perforata, existens, positusve, ejus virilia perspicerentur & attractarentur. Platin & Sabell. dict. loc. & post eos Tholoss. syntag. jur. univers. lib. 15, cap. 3, num. 23^a. Sabell.

наипаче желаю добраго окончанія слышать, а по добромъ окончаніи ея желаю душевно очи ваши видать въ своей святой обители въ санктпетербургской.

Также прошу объ отдаваніи моего низжайшаго поклона его сіятельству принцу Меншикову и съ княгинею; а я къ вамъ другое письмо пишу, а отъ васъ къ себѣ ни одного не получу.

Многогрѣшная санктпетербургская игуменья съ сестрами Бога молю и челомъ бью“.

„Отъ Санктпетербурга, октября 2-го дня 1708 года“.

На оборотѣ: „Всемилостивѣйшему государю“.

†

2) „Дорогой нашъ батюшка господинъ, господинъ полковникъ. Поздравляю васъ съ прензрядною викторією, какую ни праотцы наши не слыхали, а нынѣ за помощію великаго Бога и вашею прензрядною службою имъ сподобились слышать.

И за такую мечалинную радость хвалу Богу воздали, и за ваше здоровье ей-ей изрядно веселились съ великимъ громомъ пушечнымъ.

Дай, дай Боже, намъ очи ваши видѣть въ твердомъ камени въ Санктпетербургѣ и также при васъ веселиться.

Ей государь, велики печальна, что я не порадована отъ васъ на письма, только за нынѣшніе труды служивые Богъ простить.

Также поздравляю свѣтлѣйшаго князя господина, господина Меншикова, съ тою же вышеписанною викторією, которую получили іюня 27-го.

Грѣшная игуменья санктпетербургская съ сестрами Бога молю и челомъ бью“.

„Отъ Санктпетербурга, іюля 17-го дня 1709 года“.

†

3) „Всемилостивѣйшій государь! У насъ въ царствующемъ Санктпетербургѣ, слава Богу, все благополучно. Истинно, всемилостивый государь, великую печаль имѣю, что отлученъ отъ вашего величества и непрестанно прошу: Боже! дай ваше вели-

чество намъ видѣть въ добромъ здоровьи и во всякомъ счастли-
вомъ случаѣ.

Доношу вашему величеству о домѣ своемъ старомъ разорила, а
новый не зачинала за малолѣдствомъ рабочихъ людей, и если, го-
сударь, вы меня въ своей милости въ томъ моемъ строеніи оста-
вите, и я совсѣмъ приду въ скудость.

Денегъ на палаты собрано семь сотъ восемьдесятъ рублей. Пле-
мянниковъ подписалъ девяносто рублей, не далъ ни копѣйки и
неколи ему было считать: по отъѣздѣ вашему скоро побѣжалъ къ
Москвѣ, и я чаю, что онъ въ такомъ мнѣніи, что ему вишь не
быть въ Санктпетербургѣ.

Не мало печалюсь, что при нынѣшнемъ случаѣ не имѣю у себя
мужа своего Ивана Ивановича; онъ бы управилъ лучше меня.

Грѣшная монахиня санктпетербургская, князь-игуменья, Бога
молю и челомъ бью.

Пожалуй, всеимлостивѣйшій государь, заступи свѣтлѣйшему
князю, чтобы пожаловалъ на строеніе палатъ, что воля его над-
лежитъ“.

„Отъ Санктпетербурга, іюня 20-го дня 1712 года“.

†

4) „Всеимлостивѣйшій государь! Иного къ доношенію не имѣю
то, что у насъ въ царствующемъ Санктпетербургѣ все благопо-
лучно состоитъ.

Ваши государскія дѣти и внучата, а наши государя, слава Богу,
въ добромъ здоровьи.

Отъ сердца желаю и прошу, дабы я не оставлена была милос-
тивнымъ вашимъ письмомъ властной вашей руки, въ чемъ бы имѣла
въ болѣзни своей великую радость.

Доношу о себѣ, для великой болѣзни мужа моего, съ благо-
словенія отца нашего князь-папы дерзнула изъ обители своей отъ-
ѣхать къ мужу своему и съ проѣздомъ въ пути была два мѣсяца
и въ томъ прошу прощенья.

А мужу моему учинился параличъ и въ памяти помѣшаніе есть.

1690—1725 гг.

Прошу милости, поблагодари свѣтлѣйшаго князя въ письмѣ, что ко мнѣ добръ.

Грѣшная санктпетербургская князь-игуменья Бога молю и челомъ бою“.

„Санктпетербургъ, февраля 18-го дня 1717 года“.

†

5) „Всемиловитѣйшій государь! У васъ въ царствующемъ Санктпетербургѣ, слава Богу, все благополучно. Всемиловитѣйшая наша государыня царица Екатерина Алексѣевна въ добротѣ здоровья, изволила пойтить въ Сарскую нгуу.

Поздравляю васъ съ новополученнымъ чиномъ, котораго во истину съ немалымъ трудомъ воспріимъ; дай Боже и выше воспріять. Пожалуй, отдай услужливый мой поклонъ вашему флагману, изволь ему попенять, что къ намъ не пишеть, во истину не диво въ дальнемъ разстояніи можно уничтожить.

Санктпетербургская князь-игуменья Бога молю и челомъ бою“.

„Августа 20-го дня“.

„И, если изволишь видѣть сіятельнѣйшаго адмирала, извою, по своей ко мнѣ милости, ему попенять, что къ намъ не пишеть и въ томъ намъ печаль приносить!“

IV.

Просьба дьяка Протопопова о небытіи въ машкарадѣ

1722 г.

Императорскаго величества въ кабинетъ. Доношеніе дьяка Алексѣя Протопопова.

Написанъ я въ машкарадѣ, а по указу изъ государственной юстицъ-коллегіи, президентъ спрашиваетъ многихъ дѣлъ и репортовъ, да къ тому-жъ многихъ приблудущихъ господъ и царедворцевъ противъ прошлыхъ лѣтъ, въ Москву непрестанныя сдѣлки и

прочія крѣпости, по которымъ много пишущихъ крѣпостей, а у того дѣла я одинъ, а великія крѣпости безъ подписки моеи быть не могутъ, отъ чего я опасенъ, чтобы отъ того пошлннамъ утраты и въ дѣлахъ бы остановки и требующимъ писать волокиты не было. О семъ требую его императорскаго величества указу. Дьякъ Алексѣи Протопоповъ.

V.

Петръ Великій о ханженствѣ и лицемеріи.

Неоспоримо, что подъ формою насмѣшки надъ князь-папою и его конклавомъ императоръ Петръ бичевалъ и темныя стороны быта современнаго ему духовенства, какъ бѣлаго, такъ въ особенности чернаго. Положеніе того и другого было завѣщено древнею Русью съ самомъ неудовлетворительномъ состояніи, рѣзко засвидѣствованномъ церковнымъ и гражданскимъ правительствами. „Мѣры, принятія преобразователей“, пишетъ историкъ Сергѣй Мих. Соловьевъ (т. XVIII, стр. 200 — 201), „для исправленія зла — не имѣли успѣха“. Возгорѣлась вражда противъ него духовнаго чина, царь отвѣчалъ тѣмъ же чувствомъ.

— „Отъ 1722 г. осталось написанное рукою Петра толкованіе заповѣдей; на одной сторонѣ написаны заповѣди, на другой — какіе грѣхи противны тому. Противъ 1-й заповѣди написано: „идолопоклонники и атеисты“. Противъ 2-й: „Кто страха Божія не имѣетъ и все почитаетъ легко, другіе отъ незнанія ученія“. Противъ 3-й: тѣ-жъ, о которыхъ во второмъ пунктѣ писано, и презорцы и лѣнивые. Противъ 4-й то-жъ, что во 2-й и 3-й. 5 — Разбойники и имъ подобныя. 6 — Есть отъ тѣхъ же страха Божія немощныхъ, есть отъ нужды, есть отъ великаго вождельнія. 7 — Тати. 8 — Бездушники. 9 — Ябедники. 10 — Они-жъ. Описавъ всѣ грѣхи противъ заповѣдей, единъ токмо нахожу грѣхъ лицемерія или ханженства необрѣтающійся — чего для? Того ради, понеже заповѣди суть разны и преступленія разны противъ каждой, сей же грѣхъ всѣ вышеписанные въ себѣ содержитъ. Противъ первой: грѣхъ есть атеизмъ (атеизмъ), который въ ханжахъ есть фундаментомъ, ибо первое ихъ

дѣло сказывать видѣнія, повелѣнія отъ Бога и чудеса все вымышленныя; и когда сами они вымыслили, то вѣдаютъ уже, что не Богъ то дѣлалъ, но они; какая же вѣра въ оныхъ, а когда оной нѣтъ, то суть истинные атеисты. Противъ второй: страха Божія неминующіе, понеже когда лгутъ на Бога, какой уже страхъ Божій въ нихъ обрѣстися можетъ? Противъ третьей: сія равна второй, къ тому же прилагается: святѣ его, сирѣчь молися; молитва же отъ ханжой пріятна ли Богу, которая во живыхъ чудесахъ и фарисейскихъ мѣстахъ и атенетовскою совѣстью исполнена. Противъ четвертой: можетъ быть, что натуральныхъ отцовъ нѣкоторые и почитаютъ, но сіе на удачу, но пастырей, иже суть вторые по натуральныхъ отцы отъ Бога опредѣлены, какъ почитаютъ? когда первое ихъ мастерство въ томъ, чтобы по послѣдней мѣрѣ ихъ обмануть, а вѣще тщатся бѣдство имъ приключить подчиненныхъ пастырей оболганіемъ у вышнихъ, и вышнихъ всѣяніемъ въ народъ хульныхъ про оныхъ словъ, подвизая ихъ къ бунту, какъ многихъ головы на колыяхъ свидѣтельствуя. Противъ пятой: который на свѣтѣ разбойникъ только можетъ людей погубить какъ заводчикъ бунта, и все то чинять образомъ святыхъ, подъ видомъ агнца, прикрытые его кожей. На шестую: какъ бы могъ мужъ незнакомаго человѣка къ женѣ допустить, и особливо добраго и хорошаго, а ханжу еще и подъ руку принявъ, отведетъ для благословенія и пророчества, и провожая назадъ, руки выцѣлуетъ и наклоняется, считая за великую себѣ добродѣтель, что такого адскаго сына въ свои руки себѣ принялъ. На седьмую: не токмо одною рукой, но духомъ и обонянъ все крадутъ. На восьмую: въ семь ихъ и мастерство состоитъ, какъ выше писано. На девятую и десятую: сіе все безъ разбору, понеже чѣмъ бы имъ питаться какъ слѣдуетъ? Скажутъ, что явилась икона гдѣ въ лѣсу или на иномъ мѣстѣ и явленіе было, чтобъ на томъ мѣстѣ монастырь сдѣлать или пустыню, а монастырю безъ деревень быть нельзя, какъ недавно такое дѣло было въ Преображенскомъ, что два крестьянина пришли и сказали такое явленіе, чтобъ построить монастырь и господина ихъ деревню тутъ отдать. И тако сей грѣхъ все въ себѣ содержитъ, а изъ грѣховъ прочихъ не каждый можетъ, напримѣръ коли-бъ разбойникъ сталъ ханжить, кто-бъ его въ артель принялъ? Когда-бъ изъ шуницъ (пьяницъ) кто пришелъ на кабакъ святымъ образомъ и не сталъ бы пить и шалить съ ними, всѣ-бъ отъ него побѣжали; когда-бъ охотникъ молодой до Венуса пришелъ

бы въ компанію дѣвицъ въ ханжескомъ образѣ, то ни у одной бы дружбы не смыкалъ. Когда-бъ татъ такъ себя учинилъ, товарищей бы не нашелъ, понеже чаяли бѣ, что ихъ искушаетъ. Наконецъ Христосъ Спаситель ничего апостоламъ Своимъ бояться не велѣлъ, а сего весьма велѣлъ: блюдитесь, рече, отъ кваса фарисейскаго, ежесть лицемеріе¹⁾).

Петръ.

¹⁾ Государ. архивъ мин. ин. дѣлъ, кабинетъ перв. половина, кн. № 31.

ПОКУШЕНІЕ НА ЖИЗНЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

1720.

ПОКУШЕНІЕ НА ЖИЗНЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

1720 г.

На той самой сторонѣ Лѣтняго сада, на которой сдѣлано было преступное покушеніе 4-го апрѣля 1866 года — почти полтора столѣтія тому назадъ совершенно было покушеніе на жизнь императора Петра Великаго.... Такъ какъ эпизодъ этотъ едва-ли многимъ извѣстенъ, то мы считаемъ не безынтереснымъ привести о немъ нѣкоторыя, къ сожалѣнію, впрочемъ, довольно неполныя свѣдѣнія.

Въ углу Лѣтняго сада, при отдѣленіи фонтанки изъ Невы, стоитъ и до сихъ поръ небольшой дворецъ. Онъ выстроенъ Петромъ Великимъ въ 1711 году и извѣстенъ былъ всегда подъ названіемъ „Лѣтняго“. Великій Петръ любилъ этотъ домикъ, для своего времени и красивый, и удобный, и здѣсь проводилъ весну и лѣто, когда только былъ въ своемъ неоцѣненномъ „парадись“, какъ онъ обыкновенно называлъ Петербургъ. Въ этомъ же лѣтнемъ дворцѣ императоръ Петръ Великій работалъ съ своими министрами, здѣсь составлялъ онъ регламенты, отсюда разсѣлались его указы.

Доступъ къ государю, какъ извѣстно, всегда былъ чрезвычайно легокъ, хотя, впрочемъ, Петръ I въ послѣднюю половину своего царствованія неоднократно издавалъ строжайшіе указы о томъ, чтобы никто не дерзалъ подавать ему челобитныя, а представлялъ бы ихъ въ подлежащія и имъ учрежденныя коллегіи и другія мѣста. Какъ бы то ни было, но независимо отъ подачи челобитныхъ, доступъ къ государю былъ легокъ. Этими и воспользовался злодѣй.

Въ 1720 году, однажды вечеромъ, — такъ разсказывалъ профессору Штелину, уже послѣ смерти Петра I, бывшій его деньщикъ, но нѣмѣшнему — флигель-адъютантъ, графъ Александръ Борисовичъ Бутур-

линь:—у государя въ Лѣтнемъ дворцѣ собрались на совѣтъ министры. Въ это время, пользуясь темнотою и невниманіемъ слугъ и деньщиковъ—въ переднюю прокрался какой-то незнакомецъ; подъ пазухой у него видѣлась киста, сшитая изъ разныхъ лоскутковъ. Киста та была въ родѣ тѣхъ, въ какихъ секретари и писцы того времени приносили къ разсмотрѣнію или подписи своимъ начальникамъ различные дѣла. Никто изъ деньщиковъ и слугъ, бывшихъ въ то время во дворцѣ, не обратилъ вниманія на незнакомца; вѣроятно они приняли его за подъячего или писца изъ какой-нибудь коллегіи, явившагося къ государю съ дѣлами; незнакомецъ тѣмъ скорѣе не обращалъ на себя вниманіе служителей, что стоялъ совершенно равнодушно и покойно, и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ съ кистой подъмышкой терпѣливо ждалъ выхода государя. Наконецъ совѣтъ кончился. Царь Петръ I, по обыкновенію, пошелъ проводить своихъ министровъ въ прихожую. Въ это мгновеніе незнакомецъ обернулся къ стѣнѣ и незамѣтно вынулъ что-то изъ кисты и вынутую вещь завернулъ въ кису..... Государь, между тѣмъ, обернулся и пошелъ было уже назадъ къ себѣ въ комнаты; незнакомецъ такъ смѣло и рѣшительно послѣдовалъ за нимъ, что окружающіе могли подумать, будто бы самъ государь приказалъ ему идти за собой; но такъ какъ подобнаго приказанія никто не слышалъ, то одинъ изъ служителей побѣжалъ за незнакомцемъ и въ дверяхъ передней загородилъ ему дорогу. Когда же послѣдній сталъ проталкиваться, служитель толкнулъ его и спросилъ: „кто ты такой, и что тебѣ надобно?“ Тотъ, не отвѣчая, продолжалъ проталкиваться вслѣдъ за государемъ. Петръ услышалъ шумъ и, обратясь, спросилъ: „что тамъ?“

Должно быть могучій голосъ и грозный видъ Петра испугали злодѣя: у него вывалилась изъ-подъ пазухи киста, а изъ-подъ нея выскочилъ „превеликой ножъ“. Преступникъ палъ на колѣни и признался въ своемъ умыслѣ.

Государь самъ схватилъ его и спросилъ:

— „Что ты хотѣлъ съ ножомъ сдѣлать?“

— Тебя зарѣзать, отвѣчалъ преступникъ.

— „За что? продолжалъ спрашивать Петръ съ совершенно спокойнымъ духомъ:—развѣ я тебя чѣмъ обидѣлъ?“

— Нѣтъ, отвѣчалъ злодѣй, оказавшійся раскольникъ:—ты мнѣ никакого зла не сдѣлалъ, но сдѣлалъ нашей братинѣ и нашей вѣрѣ....

— „Хорошо, отвѣчалъ Петръ:—разсмотри это“.

Государь велѣлъ взять преступника подъ караулъ и ничего съ нимъ не дѣлать, пока онъ его завтра самъ обстоятельно не разспроситъ.....

Къ сожалѣнію, ни профессоръ Штелинь, поселившійся въ С.-Петербургѣ въ 1735 году и, слѣдовательно, знавшій, и притомъ весьма многихъ, „птенцовъ Петра Великаго“, отъ которыхъ, большею частію, и слышалъ всѣ рассказы, внесенные имъ въ его книгу: „Любопытныя и достопамятныя сказанія объ императорѣ Петрѣ Великомъ“, ни Голиковъ, повторившій, со словъ Штелиня, это же сказаніе, ни одинъ изъ нихъ не говоритъ о дальнѣйшей судьбѣ дерзкаго преступника, не называетъ его даже и по имени. Между тѣмъ, это тѣмъ болѣе было бы интересно, что въ дѣйствительности событія едва ли можно усумниться, такъ какъ Штелинь прямо ссылается на то, что событіе передано было ему „фельдмаршаломъ графомъ Бутурлинымъ, который при Петрѣ Великомъ былъ денщикомъ“; дѣлать же ложную ссылку на лицо, сынъ и ближайшіе родственники котораго были еще живы въ то время, когда книга Штелиня была напечатана, авторъ „Сказаній“ едва ли бы рѣшился.

4-го апрѣля 1886 года

БАТОГИ И ВИСКА НА ДЫБЪ.

пытки въ Россіи въ XVIII в.

Два рисунка, приложенные къ настоящей книгѣ, составляютъ исполнѣнное точное воспроизведеніе гравюръ изъ извѣстнаго сочиненія „Yoyage en Siberie“, совершеннаго въ этотъ край чрезъ Европейскую Россію въ 1761 г. par M. l'Abbé Chappe d'Auterroche, de l'Academie royale des Sciences. Paris, 1768, tome premier, стр. 224, грав. № 12 и стр. 227, гравюра № 14. Рисунки исполнены тогда же съ натуры въ Россіи, художникомъ М. le Prince.

Первый изъ воспроизведенныхъ нами, въ гравюрахъ художника И. И. Матюшина, рисунокъ представляетъ весьма обычную сцену на Руси въ XVIII вѣкѣ: это *supplice des batognes*—наказаніе батогами или палками—самое обыкновенное, самое обыденное, въ то суровое время, несправедливое, хотя зачастую и полное самой свирѣпой жестокости наказаніе.

Незабвенный Царь-Освободитель Александръ II, державною волею своею разбивъ цѣпи крѣпостнаго ига, снялъ позоръ и налочнаго избіенія русскаго человѣка.

Другой рисунокъ, который читатель находитъ въ этой же книгѣ, это *supplice du grand knout*,—такъ называетъ этотъ видъ истязанія ученый путешественникъ. Но въ дѣйствительности это не казнь, а лишь подготовка къ казни; это тотъ допросъ съ пристрастіемъ въ Россіи XVIII-го вѣка, эта та виска или дыба, на которой, кромѣ массы лицъ, былъ истязанъ до смерти царевичъ Алексѣй Петровичъ, которую старался уничтожить Петръ III, противъ которой была Екатерина II, но окончательно уничтожилъ лишь Александръ I въ 1801 году. Съ того времени если въ нашемъ отечествѣ и истязывали кой-кого при допросахъ, то уже это было увлеченіе не только незаконное, но и преступное, преслѣдуемое, по обнаруженіи его, закономъ,—увлеченіе мелкихъ властей при разныхъ дознаніяхъ и допросахъ.

Это также вычеркнуто и смыто съ страницъ исторіи Россіи тѣмъ Государственнымъ Вождемъ русскаго народа, кто даровалъ ему „Судебные уставы“ 1862—1864 гг.

Михаилъ Семевскій.

1860—1866 гг.

5-го сентября 1863 и 1864 гг.

С. Меркуль.

HC1

Slav 883.2

Semevskii, Mikhail Ivanovich, 1837-1892.

... Слово и дѣло! 1700-1725 ... Изд. 3., вновь пересмотрѣнное. С.-Петербургъ, Тип. В. С. Балашева, 1885.

viii, 344 p. illus., plates. 25 $\frac{1}{2}$ " (М. И. Семевскій. Очерки и рассказы изъ русской исторіи XVIII в. II)

"Изданіе редакціи журнала 'Русская старина'."

CONTENTS.—Тайная канцелярія при Петрѣ Великомъ.—Самуилъ Выморковъ, проповѣдникъ явленія антихриста.—Камеръ-фрейлина Гамильтонъ.—Петръ I-й, какъ юмориста.

1. Russia—Hist.—Peter I, 1689-1725. 2. Peter I, the Great, emperor of Russia, 1672-1725.

2 Dec. 1895. - Prof.

Library of Congress

F. J. Child.
DK144.S 1885

ca 13-925 Unrev'd

211 555

1/2

100 Cambridge St.

Acme
Bookbinding Co., Inc.
100 Cambridge St.
Charlestown, MA 02129

THE BORROWER WILL BE CHARGED
AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT
RETURNED TO THE LIBRARY ON OR
BEFORE THE LAST DATE STAMPED
BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE
NOTICES DOES NOT EXEMPT THE
BORROWER FROM OVERDUE FEES.

STALL-STUDY
CANCELLED

WIDENER
DUE
CANCELLED
FEB 1988
JAN 25/1988

WIDENER
WIDENER
JAN 15 1995
DEC 17 1994
CANCELED

JAN 15 1995

WIDENER LIBRARY

HX VB3M V